

ЖИОЛБ БЕРИ

17

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Москва
«ТЕРРА»
1998

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том семнадцатый

ЗАВЕЩАНИЕ ЧУДАКА

ДРАМА
В ЛИФЛЯНДИИ

Романы

Москва
«ТЕРРА»
1998

УДК 82/89
ББК 84 (4 Фр)
В35

Художники
Л. ЧЕРНЫШЕВ, А. КАПНИНСКИЙ

Составитель
В. НИКИТИН

- Верн Жюль**
В35 Собрание сочинений: В 20 т. Т. 17: Завещание
чудака: Роман / Пер. с фр. В. Барбашовой.
Драма в Лифляндии: Роман / Пер. с фр. А. Тетер-
евниковой и Д. Лившиц. — М.: ТЕРРА, 1998. —
384 с.

ISBN 5-300-01786-8 (т. 17)
ISBN 5-300-01303-X

Жюль Верн (1828–1905) — всемирно известный француз-
ский писатель, один из создателей жанра научной фантастики.
Наука, ее история, ее современное состояние и будущее, науч-
ные дерзания, вера в беспредельные возможности разума,
способного проникнуть в неведомые тайны природы, — все
это определяет творчество Ж. Верна.

В семнадцатый том Собрания сочинений включены ро-
маны «Завещание чудака» — об оригинальной выходке члена
«Клуба чудаков» и «Драма в Лифляндии» — об уголовном
деле, взволновавшем все население Прибалтийского края.

УДК 82/89
ББК 84 (4 Фр)

ISBN 5-300-01786-8 (т. 17)
ISBN 5-300-01303-X

© Издательство «ТЕРРА», 1998

ЗАВЕЩАНИЕ ЧУДАКА

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Весь город в радости

Иностранец, приехавший утром третьего апреля 1897 года в главный город штата Иллинойс¹, мог бы с полным основанием назвать себя избранником Бога путешественников. А если бы задержался там на несколько недель, несомненно, пережил бы немало волнений, окунувшись в состояние лихорадочного возбуждения, охватившего город.

С восьми часов утра громадная и все возрастающая толпа двигалась к двадцать второму кварталу — одному из самых богатых в Чикаго.

Как известно, улицы в Соединенных Штатах расположены по параллелям и меридианам, что придает городам поразительное сходство с шахматной доской. На одной из таких «клеток», а именно на углу Бетховен-стрит и Норт-Уэллс-стрит, нес свою службу рослый полицейский, ирландец по происхождению. Этот в общем-то хороший малый имел всего лишь одну слабость (общую для уроженцев Изумрудного острова²): он тратил большую часть своего жалованья на утоление нестерпимой жажды, от которой никак не мог избавиться.

— Да что же это такое, — обратился постовой к своему напарнику, — уж не собираются ли наши граждане запрудить сегодня весь квартал?

— Доходный денек для карманных воров, — заметил его товарищ, тоже типичный ирландец, тоже рослый и страдавший той же неутолимой жаждой.

— Пусть каждый сам смотрит за своими карманами, — ответил первый полицейский, — если не хочет найти их пустыми.

¹ Здесь и дальше главным городом, или метрополией, называется крупнейший город штата, его культурный и экономический центр. Административный центр штата именуется столицей.

² Изумрудный остров — поэтическое название Ирландии.

ми, вернувшись домой. Нас на всех не хватит... Довольно и того, что придется переводить под руку дам на перекрестках!

— Держу пари, что будет сотня раздавленных!

К счастью, американцы придерживаются прекрасного правила — защищаться от воров и грабителей самостоятельно, не дожидаясь от властей помощи, которую те и не способны им оказать.

Чтобы читатель мог представить, какая уйма народу грозила заполнить двадцать второй квартал, заметим, что население Чикаго в то время насчитывало не менее одного миллиона семисот тысяч жителей. Из них только пятую часть составляли уроженцы Соединенных Штатов. Среди иммигрантов первое место по численности держали немцы и ирландцы, за ними шли представители скандинавских стран, за скандинавами — чехи, поляки, евреи, затем англичане и шотландцы и, наконец, французы, занимавшие самую малую долю в общем числе переселенцев. Впрочем, город пока мог расти и дальше, ибо, по словам Элизе Реклю, Чикаго еще не занимал тогда всю площадь, отведенную ему на берегу Мичигана и составлявшую четыреста семьдесят один квадратный километр, что почти равняется департаменту Сены. Вся эта территория разделяется на три части тремя рукавами реки Чикаго, протянувшимися в северо-западном и юго-западном направлениях. Первую из них путешественники называли Сен-Жерменским предместьем, вторую — предместьем Сент-Оноре. Третий, менее элегантный, район города расположился между двумя руслами, в западном углу; его невзрачные улицы и домишки кишмя кишели чехами, поляками, немцами, итальянцами и, конечно, китайцами, бежавшими из пределов Небесной империи¹.

В этот знаменательный день любопытные всех трех частей города спешили шумной, беспорядочной толпой к respectable кварталу, восемьдесят улиц которого не могли и вместить такую тьму народа. В людском водовороте были смешаны почти все классы населения: должностные лица Федерал-Билдинга и Пост-Офиса, судьи Корт-Хауса, высшие представители управления графств, городские советники Сити-Холла и весь персонал колоссальной, в несколько тысяч комнат, гостиницы Аудиториума. В многолюдный и многоликий поток вливались приказчики модных магазинов и базаров господ Маршалла Филда, Лемана и В. В. Кембэла, рабочие

¹ Небесная империя (*кит.* Тянь-ся, букв: Поднебесная) — это название официально закрепилось в Китае начиная со времен Маньчжурской династии и связано с представлением китайцев о своей стране как о центре мира.

заводов, изготовлявших топленое свиное сало и маргарин, а также масло по десять центов¹ или десять су² за фунт; слесари, механики и наладчики из вагонных мастерских знаменитого конструктора Пульмана, служащие универсального торгового дома «Монтгомери Уорд и К°»; три тысячи рабочих М. Мак-Кормика, изобретателя знаменитой жатки-вязалки.

В оживленной толпе можно было разглядеть свободных от рабочей смены металлургов (доменные печи и прокатные станы Чикаго давали отличную бессемеровскую сталь, а мастерские М. Ж. Мак-Грегора обрабатывали никель, олово, цинк, медь и лучшие сорта золота и серебра), от них не отставали обувщики (между прочим, для изготовления одного чикагского ботинка достаточно полутора минут), вышли на улицу штамповщики и сборщики из торгового дома «Елджин», выпускающего ежедневно две тысячи будильников, стенных, карманных и наручных часов. К длинному перечню прибавьте еще персонал чикагских элеваторов, служащих железных дорог, а также водителей паровых и электрических автомобилей, фуникулерных и других вагонов и экипажей, ежедневно перевозивших два миллиона пассажиров. И наконец, моряков и матросов громадного порта.

В этом людском муравейнике только слепой не заметил бы директоров, редакторов, хроникеров, наборщиков и репортеров пятисот сорока ежедневных и еженедельных газет и журналов чикагской прессы. Только глухой не услышал бы криков биржевиков и спекулянтов, которые вели себя как в департаменте торговли или на Уит-Пит, хлебной бирже. Конечно же, никакая массовая демонстрация не обходится без учащейся молодежи. Она была представлена студентами Северо-западного университета, Колледжа права, Чикагской школы ручного труда и других учебных заведений. А артисты двадцати трех театров и казино, Большой оперы, театров Джекобс-Клерк-стрит, Аудиториума и Лецеума? Да, и служители муз внесли свою лепту в общую суматоху. И наконец, как не упомянуть мясников главного Сток-Ярда Чикаго, которые по счетам фирм Армура, Свита, Нельсона, Морриса и многих других закалывают миллионы быков и свиней по два доллара за голову.

И можно ли удивляться, что Царица Запада занимает второе место после Нью-Йорка среди индустриальных и торговых городов Соединенных Штатов, когда известно, что ее

¹ Цент — мелкая разменная монета в США, равная 0,01 доллара.

² Су — французская разменная монета до 1947 года.

торговые обороты выражаются цифрой в тридцать миллиардов в год!

В Чикаго, как и во всех больших американских городах, децентрализация достигла своего полного выражения, и если можно играть этим словом, то хочется спросить: какая притягательная сила заставила чикагцев «сцентрализоваться» вокруг Ла-Салль-стрит? Не к городской ли ратуше устремлялись шумные массы граждан? Не исключительная ли по своей сенсационности спекуляция (или бум), всегда возбуждающе действующая на воображение американца, оторвала его от повседневных забот? А может быть, дело касалось одной из предвыборных кампаний? Какого-нибудь митинга, где республиканцы, консерваторы и либералы-демократы сойдутся в ожесточенном бою? Или ожидалось открытие новой Всемирной колумбийской выставки, на которой повторятся пышные торжества 1893 года?

Известно, что Ла-Салль-стрит не пользуется у богатых американцев такой же популярностью, как авеню Прерий, Калюмет или Мичиган, где высятся богатейшие в Чикаго дома, но тем не менее она одна из наиболее посещаемых улиц в городе. Ее называли по имени француза Роберта Кавалье де ла Салль, одного из первых путешественников, который в 1679 году явился исследовать эту страну озер и чье имя в Соединенных Штатах справедливо пользуется уважением.

Зритель, сумевший пройти через двойную цепь полицейских, чтобы попасть на Ла-Салль-стрит, сразу обратил бы внимание на праздничный вид одного из богатейших особняков города. Свет его бесчисленных канделябров спорил с яркими лучами апрельского солнца. Настежь открытые окна выставляли напоказ дорогие матерчатые разноцветные обои. Лакеи в праздничных ливреях стояли на мраморных ступеньках парадной лестницы, гостиные и залы были готовы для торжественного приема гостей. В многочисленных столовых накрытые столы сверкали серебром массивных ваз, всюду виднелись изумительные фарфоровые сервизы, любимые чикагскими миллионерами, а хрустальные бокалы и кубки были полны вина и шампанского лучших марок. Но это еще не все. Прямо перед парадным подъездом стояла громадная колесница, запряженная шестеркой лошадей, вся затянутая ярко-пунцовой материей с золотыми и серебряными полосами, на которой сверкали осыпанные бриллиантами инициалы: «У. Дж. Г.». Повсюду виднелись цветы — не букеты, а целые охапки цветов. Их изобилие в Столице Садов, как еще называют Чикаго, никого не удивляло. Именно сюда, к двухэтажному особняку на Ла-Салль-стрит, кстати, совершенно очи-

щенной от случайных прохожих, и стремились волны любопытных со всех концов огромного города. Похоже, здесь намечалось какое-то грандиозное зрелище или шествие, ибо во всю длину улицы уже выстроилась колонна его участников, возглавляемая тремя отрядами милиции, струнным оркестром из сотни музыкантов и певческой капеллой.

Сразу за великолепным экипажем выстроилась группа лиц, человек около двадцати, представлявшая «Клуб чудак» на Мохаук-стрит, в котором Джордж Б. Хиггинботам был председателем. (Где-то неподалеку собрались члены и других чикагских клубов.) Как известно, штаб-квартира миссурийской дивизии располагается в Чикаго, поэтому генерал Джемс Моррис и весь его штаб в полном составе следовали за упомянутой группой. А за ними шли: губернатор штата Джон Гамильтон, мэр города со своими товарищами по должности, члены городского совета, комиссары-администраторы графства, прибывшие специально из Спрингфилда, официальной столицы штата, а также судьи Федерального суда (назначением последних занимается сам президент, в отличие от других выборных должностей). К властям пристроились коммерсанты, промышленники, инженеры, профессора, адвокаты, доктора, дантисты, следователи, местные начальники полиции.

И наконец, пора сказать о главных участниках праздника, торжественно заставших по обе стороны изукрашенного экипажа. Их было шестеро, все они поддерживали тяжелые гирлянды цветов, спускавшиеся с крыши колесницы.

У каждого из присутствующих красовалось в петличке по цветку гардений, каждый получил ее от мажордома¹, важного старика в черном фраке, распорядившегося у парадных дверей. Все ждали только сигнала, возвестившего бы о начале шествия. В напряженном внимании замерли плечистые всадники с саблями наголо и развевающимися на ветру знаменами (с целью защитить процессию от наплыва зевак генерал Джемс Моррис сосредоточил здесь сильные отряды кавалерии).

Наконец на башне городской ратуши часы пробили девять. С отдаленного конца Ла-Салль-стрит прогремели фанфары, и в воздухе раздалось троекратное «ура». По знаку начальника полиции развернулись знамена, и парад начался.

Послышались мажорные звуки «Колумбус-марша», написанного кембриджским профессором Джоном К. Пэном. Печатая шаг, отряды милиции, оркестр и капелла двинулись вверх по Ла-Салль-стрит, и тотчас же вслед за ними тронулся

¹ Мажордом — старший слуга, дворецкий.

пышный экипаж. Лошади, убранные роскошными попонами, плюмажем и эгретками¹, торжественно выступали по мостовой. За праздничной колесницей в безукоризненном порядке пошли члены клубов, представители администрации, отряды кавалерии, а за ними широкие массы публики.

Все двери, окна, балконы, подъезды, даже крыши домов на Ла-Салль-стрит были полны зрителей всех возрастов, причем большинство заняло свои места еще накануне.

Когда первые ряды процессии достигли конца авеню, они повернули налево и направились вдоль Линкольн-парка. Какой невероятный муравейник людей образовался на двухстах пятидесяти акрах очаровательного местечка, окаймленного на западе сверкающими водами Мичигана! Тенистые аллеи, рощи, лужайки, покрытые пышной растительностью, маленькое озеро Винстон, памятники Гранту и Линкольну... Здесь же была площадь для парадов и зоологический сад, из которого, кстати, доносился вой хищных зверей и обезьян, желавших, по-видимому, порезвиться и принять участие в общем торжестве. Многочисленные зеваки, заполнившие все пространство парка, не упуская ни одной подробности, обменивались замечаниями.

— Да,— говорил один,— парад не хуже, чем при открытии нашей выставки.

— Верно,— отозвался другой,— стоит того, что мы видели двадцать четвертого октября в Мидуэй-Плезанс.

— А эти шестеро, марширующие около самой колесницы! — воскликнул один из чикагских матросов.

— Вернутся с полными карманами,— прибавил кто-то в группе рабочих с завода Кормика.

— Можно сказать, счастливый билет они вытянули,— вмешался владелец ближайшей пивной, человек громадного роста; пиво, казалось, сочилось из всех его пор.

— Эх, чего бы только не отдал, чтобы оказаться на их месте!..

— И не прогадали бы! — ответил широкоплечий мясник со Сток-Ярда.

— Нынешний денек принесет счастливым груды кредитных билетов! — слышался чей-то голос.

— Да... богатство им обеспечено!

— Десять миллионов долларов каждому!

— Вы хотите сказать — двадцать миллионов?

— Ближе, кажется, к пятидесяти, чем к двадцати!

¹ Плюмаж, эгретка — украшение из перьев на головном уборе и на конской сбруе.

Перебивая друг друга, эти люди очень быстро договорились до миллиарда — число, между прочим, чаще всего употребляемое в разговорах граждан США.

С шумными проявлениями радости, под звуки громкой музыки и хора, среди оглушительных «гип! гип!» и «ура!» длинная колонна дошла до входа в Линкольн-парк, у которого начинается Фуллертон-авеню. Оттуда она опять повернула налево и прошла еще около двух миль в западном направлении до северного рукава Чикаго (власти города, между прочим, позаботились, чтобы мостовые оставались свободны, предоставив гражданам тротуары). Пройдя по мосту, участники парада вышли на Бранд-стрит, а затем достигли бульвара Гумбольдта. Сделав около одиннадцати миль в западном направлении, они повернули на юг к Логан-скверу и шествовали дальше по коридору, образованному зрителями.

Наконец колесница доехала до Пальмер-сквера и остановилась перед входом в парк, названный в честь знаменитого прусского ученого. Пробыло полдень, демонстранты нуждались в отдыхе. Гумбольдт-парк распахнул перед ними двери. Оживленная публика заполнила все двести акров чудесного оазиса, расположившись на зеленых лужайках, по которым текли, освежая их, быстрые, прозрачные ручьи. Как только экипаж въехал в ворота, оркестр и хоры заиграли и запели «Star Spangled Banner»¹, вызвавший такую бурю аплодисментов, словно дело происходило в каком-нибудь мюзик-холле.

В два часа дня процессия достигла самой западной окраины Чикаго — Гарфилд-парка. Как видите, в столице штата Иллинойс в парках нет недостатка! Из них не меньше пятнадцати главных, причем Джексон-парк занимает пятьсот девяносто акров, а в общей сложности лужайками, рощами и кустарником покрыты две тысячи акров земли.

Завернув за угол, образуемый бульваром Дуглас, процессия направилась к Дуглас-парку и оттуда двинулась по Саут-Вест-стрит; потом перешла через южный рукав Чикаго, а затем через реку Мичиган и канал, который тянется к востоку от нее. Оставалось спуститься к югу, пройти вдоль Вест-авеню, а там еще три мили до Гайд-парка.

В три часа дня пора было сделать новую остановку, прежде чем возвращаться в восточную часть города. И тут оркестр пришел в полное неистовство, исполняя с необыкновенным воодушевлением самые зазорные декатр и аллегро², из репер-

¹ «Усеянный звездами флаг».

² Декатр, аллегро — музыкальные пьесы в быстром, подвижном темпе.

туара Лекока, Вернея, Одрана и Оффенбаха. Кажется совершенно невероятным, что присутствующие не пустились в танцы, увлекаемые веселым ритмом публичных балов. Во Франции наверняка никто не устоял бы.

В штате Иллинойс в первые дни апреля зима еще не кончается. Навигация по озеру Мичиган и реке Чикаго в это время только начинается (а прекращается в конце ноября). В тот день, третьего апреля 1897 года, температура оставалась еще низкой, но воздух был так прозрачен! А солнце, совершая путь по безоблачному небу, лило на землю яркий свет — очевидно, «принимая участие в общем празднике» (как выражаются репортеры официальной прессы). Интерес публики к шумному зрелищу все еще не угас. Правда, среди толпившихся на тротуаре отсутствовали жители северных кварталов, зато им на смену явились любопытные южной части города, оглашавшие воздух такими же громкими и восторженными криками «ура», как и их предшественники.

Выехав из Гайд-парка, экипаж, сверкая серебром, золотом и бриллиантами, направился на восток вдоль бульвара Гарфилда. За ним во всем своем великолепии открывается парк Вашингтона, площадью в триста семьдесят один акр. Он наполнился праздничными горожанами так же, как это было несколько лет назад во время последней выставки. Здесь процессия опять остановилась на полчаса, в продолжение которых певческая капелла блестяще исполнила «In Praise of God»¹ Бетховена, заслужив бурные аплодисменты огромной аудитории.

Отдохнув, участники шествия проследовали вдоль тенистых аллей до громадной площади Джексон-парка, у самого озера Мичиган. Здесь, вопреки ожиданиям зрителей, процессия не остановилась — первые ряды милиции промаршировали дальше по Грэв-авеню, не задерживаясь, пока не подошли к большому саду, окруженному целой сетью стальных рельсов, что объясняется исключительной населенностью квартала. Колонна встала, и, прежде чем войти под сень великолепнейших дубов, музыканты сыграли один из самых зажигательных вальсов Штрауса. Не располагалось ли здесь казино и не готовился ли его просторный холл принять на ночной фестиваль привилегированную публику?

Ворота широко растворились, и полицейским агентам с большим трудом удалось сдержать толпу, еще более многочисленную и шумную, чем раньше. Но проникнуть за ограду рядовые горожане все же не смогли. На их пути выросли от-

¹ «Во славу Бога» (англ.).

ряды полиции. Колесница вкатил в парк — массовое гулянье по городу (в пятнадцать с лишком миль) закончилось. Парк оказался Оксвудским кладбищем. А экипаж с шестеркой лошадей вез к последнему пристанищу дорогие останки Уильяма Дж. Гиппербона, члена «Клуба чудаков».

ГЛАВА II

Уильям Дж. Гиппербон

Тот факт, что Джемс Т. Дэвидсон, Гордон С. Аллен, Гарри Б. Андриус, Джон Ай. Дикинсон, Джордж Б. Хиггинботам и Томас Р. Карлейль находились среди почетных лиц, следовавших за катафалком, еще не означал, что они слыли большими оригиналами. Собственно, принадлежность к «Клубу чудаков» и была их единственной отличительной чертой. Возможно, эти почтенные янки¹, разбогатевшие на многочисленных операциях с земельными участками, на добыче нефти, эксплуатации железных дорог, рудников и лесных участков или благодаря убою домашнего скота, и имели намерение поразить соотечественников, а также весь Новый и Старый Свет своими ультраамериканскими экстравагантностями. Но надо сознаться, их общественная и частная жизнь не представляла собой ничего такого, что могло бы привлечь к ним внимание всего мира. Клуб насчитывал человек пятьдесят. Они платили налоги, просматривали большое число журналов и обзоров, вели более или менее крупную игру, как водится в подобных заведениях, и время от времени делали заявления в прессе о том, что они сделали в прошлом и что делают в настоящем.

Но один из членов этого клуба, как было замечено, имел больше склонности к оригинальным поступкам. Хотя удачливый делец еще не совершил ничего такого, что могло бы вызвать общее удивление, все же в нем подозревали некоторые способности. В его окружении не без основания надеялись, что он когда-нибудь сумеет оправдать название, немного преждевременно присвоенное себе клубом. К сожалению, Уильям Гиппербон скорострительно умер, похоронив последние надежды своих соклубников. Однако чего почтенный коммерсант не успел при жизни, он сумел сделать после смерти: на основании его определенно выраженной воли похороны проходили среди всеобщего веселья.

¹ Янки — ироническое прозвище американцев, уроженцев США; предположительно, произошло от слова English, искаженного индейцами, которые слышали его от английских колонизаторов.

Уильяму Гиппербону, когда он так неожиданно окончил свое земное существование, не исполнилось еще пятидесяти лет. Это был красивый мужчина, рослый, широкоплечий, довольно полный, державшийся прямо, что придавало некоторую деревянность его фигуре, не лишенной в то же время известной элегантности и благородства. Волосы он постригал коротко, а в шелковистой бороде формы веера виднелись среди золотых и несколько серебряных нитей. Под густыми бровями у него были темно-синие, очень живые и горящие глаза, а слегка сжатые и чуть приподнятые в углах губы говорили о характере, склонном к насмешливости и даже к иронии. Счастливцев представлял собой яркий тип северного американца и обладал железным здоровьем. Никогда ни один доктор не щупал ему пульса, не смотрел его горла, не выстукивал грудь, не выслушивал сердца. А между тем в Чикаго нет недостатка в докторях,— так же как и в дантистах,— обладающих большим искусством врачевания. Но ни одному из них не представилось случая применить свой талант к Уильяму Дж. Гиппербону.

Казалось, никакая сила,— пусть даже равная силам ста докторов,— не в состоянии взять его из этого мира и перенести в другой. И тем не менее он умер! Умер без помощи медицинского факультета, и именно его уход нарушил обычное течение жизни огромного города.

Чтобы дополнить физический портрет покойного моральным, нужно прибавить, что Уильям Дж. Гиппербон обладал холодным темпераментом и при всех обстоятельствах сохранял полное спокойствие. Одним словом, был философом, а быть философом вообще нетрудно, когда огромное состояние и отсутствие забот о здоровье и семье позволяют соединять благожелательность с щедростью.

Невольно хочется спросить, логично ли ждать эксцентричного поступка от человека, столь практичного и уравновешенного? И не замечали ли за ним чего-нибудь такого раньше, что давало бы основание предполагать подобное? Да, замечали. Когда Уильяму Гиппербону исполнилось сорок лет, ему пришла фантазия сочетаться законным браком с одной гражданкой Нового Света, родившейся в 1781 году и в тот самый день, когда капитуляция лорда Корнуоллиса заставила Англию признать независимость Соединенных Штатов. Он не успел сделать ей предложение, потому как достойная мисс Антония Бэргойн неожиданно покинула юдоль сию в приступе острого детского коклюша. Тем не менее, верный памяти почтенной девицы, он остался холостяком, и это, конечно, может быть сочтено за несомненное чудачество.

С тех пор ничто уже не тревожило его существования, ибо мистер Гиппербон не принадлежал к школе того великого поэта, который в своем бессмертном творении говорит:

О Смерть, богиня мрака, в который возвращается все и растворяется все,
Прими детей в свою звездную глубину!
Освободи их от оков времени, чисел и пространства
И верни им покой, нарушенный жизнью.

И действительно, для чего Уильям Гиппербон стал бы призывать мрачную богиню? Разве время, числа и пространство ему чем-нибудь мешали? И не все удавалось ему в нашем мире? В двадцать пять лет обладая уже порядочным состоянием, Уильям Гиппербон сумел его удвоить, удесятерить, увеличить в сто и тысячу раз, благодаря счастливым операциям и не подвергая себя никакому риску. Этому уроженцу Чикаго достаточно было только не отставать от изумительного роста своего города. Судите сами: сорок семь тысяч гектаров земли в 1823 году оценивались в две тысячи пятьсот долларов, через семьдесят лет их стоимость возросла до восьми миллиардов. Покупая участки земли по низкой цене, а продавая по высокой и помещая часть полученной прибыли в различные акции (железнодорожные, нефтяные и золотых приисков), Уильям Гиппербон разбогател настолько, что мог оставить после себя колоссальное состояние. И теперь, когда Гиппербона не стало, кому же достанутся миллионы ловкого коммерсанта?

Вначале гадали: не будет ли назначен его наследником клуб? Нужно знать, что Уильям Гиппербон большую часть своей жизни проводил не в особняке на Ла-Салль-стрит, но в клубе на Мохаук-стрит. Он там завтракал, обедал, ужинал, отдыхал и развлекался, причем самым большим его удовольствием — это нужно отметить — была игра. Но не шахматы, не триктрак, не карты, не баккара или тридцать и сорок, не ландскнехт, покер, ни даже пикет, экарте или вист, а та игра, которую именно он ввел в своем клубе и которую особенно любил.

Речь идет об игре в «гусек», заимствованной у греков. Невозможно описать, до чего Уильям Дж. Гиппербон ею увлекался! В какой приходил азарт, перескакивая, по капризу игральных костей, из одной клетки в другую в погоне за гусями. Он волновался, попадая на «мост», задерживаясь в «гостинице», теряясь в «лабиринте», падая в «колодец», застревая в «тюрьме», наталкиваясь на «мертвую голову», а также посещая клетки: «матрос», «рыбак», «порт», «олень», «мельница», «змея», «солнце», «шлем», «лев», «заяц», «цветочный горшок» и т. д. Если мы припомним, что у членов «Клуба чудачков»

штрафы, которые полагалось платить по условиям игры, вы-
ражались в нескольких тысячах долларов, то станет ясно, что
играющий, как бы богат он ни был, все же испытывал ма-
ленькое удовольствие, пряча выигрыш в карман.

Итак, в течение десяти лет Уильям Гиппербон почти все
дни проводил в клубе, только изредка совершая небольшие
прогулки на пароходe по озеру Мичиган. (Не разделяя любви
американцев к заграничным путешествиям, он все свои по-
ездки ограничивал только Соединенными Штатами.) Так от-
чего же членам «Клуба чудаков» не сделаться наследниками
своего собрата, первым покинувшего сей мир? Разве не с ни-
ми единственно был он связан узами искренней дружбы? Не
они ли разделяли его безудержную страсть к благородной иг-
ре в «гусек» и сражались с ним на арене, где случай сам вы-
бирает победителя?

Пора сообщить, что покойный не имел ни семьи, ни пря-
мого наследника — вообще никого из родных, кто имел бы
право рассчитывать на его наследство. Поэтому умри он, не
сделав никаких распоряжений, денежки и недвижимость пе-
решли бы к федеральной республике, а она (все равно как и
монархическое государство) не заставила бы себя долго про-
сить. Впрочем, чтобы узнать последнюю волю покойного, до-
статочно отправиться на Шелдон-стрит, № 17, к нотариусу
Торнброку.

— Господа,— сказал нотариус Торнброк делегатам от
«Клуба чудаков» Джорджу Б. Хиггинботаму и Томасу Р.
Карлейлю,— я ждал вашего визита, который считаю большой
для себя честью...

— Это такая же честь и для нас,— ответили, раскланива-
ясь, оба члена клуба.

— Но,— прибавил нотариус,— прежде чем говорить о за-
вещании, нужно заняться похоронами покойного.

— Мне кажется,— сказал председатель клуба Джордж
Б. Хиггинботам,— что их нужно организовать с блеском, до-
стойным нашего покойного коллеги.

— Необходимо строго следовать инструкциям моего кли-
ента, содержащимся в этом конверте,— ответил нотариус,
ломаю печать конверта.

— Значит, похороны будут...— начал было второй деле-
гат, Томас Карлейль.

— ...торжественными и веселыми, господа, под аккомпа-
немент оркестра и певческой капеллы, при участии публики,
которая не откажется, конечно, прокричать «ура» в честь
Уильяма Гиппербона!

— Ничего другого я не ждал от члена нашего клуба,—

проговорил председатель, наклоня одобрительно голову.— Он не мог, конечно, допустить, чтобы его хоронили, как простого смертного.

— Поэтому,— продолжал господин Торнброк,— наш дорогой друг выразил желание, чтобы население Чикаго представляли на его похоронах шесть делегатов, избранных по жребии. Он давно задумал такой план и несколько месяцев назад собрал в одну большую урну фамилии всех жителей Чикаго обоих полов в возрасте от двадцати до шестидесяти лет. Вчера, согласно инструкции моего клиента, я в присутствии мэра города и его помощников произвел жеребьевку. Первым шести гражданам, чьи фамилии я вынул из урны, уже дали знать о воле покойного и пригласили занять места во главе похоронной процессии. Надеюсь, граждане не откажутся от возложенного на них долга...

— О, они, конечно, его исполнят,— воскликнул Томас Карлейль,— так как есть все основания думать, что будут хорошо вознаграждены.

— Возможно,— сказал нотариус,— со своей стороны я бы этому вовсе не удивился.

— А каким условиям должны отвечать лица, на которых выпал жребий? — пожелал узнать Джордж Хиггинботам.

— Только одному,— отвечал нотариус,— чтобы они были уроженцами и жителями Чикаго.

— А теперь, мистер Торнброк,— обратился к нему Карлейль,— когда же следует распечатать завещание?

— Спустя две недели после кончины.

— Только спустя две недели?

— Да, так указано в записке, приложенной к завещанию, следовательно, пятнадцатого апреля.

— Но почему такая отсрочка?

— Мой клиент желал, чтобы, прежде чем ознакомить публику с его последней волей, факт смерти был твердо установлен.

— Наш друг Гиппербон очень практичный человек,— заявил Джордж Б. Хиггинботам.

— Нельзя быть слишком практичным в таких серьезных обстоятельствах,— прибавил Карлейль.

Как только распространилась весть о смерти Уильяма Гиппербона, тотчас же стали известны и подробности: тридцатого марта после полудня почтенный член «Клуба чудаков» сидел с двумя коллегами за карточным столом и играл в благородную игру «гусек». Он успел сделать первый ход, получил девять очков, составленных из трех и шести (одно из самых удачных начал, так как это отсылало его сразу в пятые-

сят шестую клетку). Внезапно лицо его багровеет, руки и ноги деревенеют. Хочет встать, но подняться не может, едва оторвавшись от стула, протягивает руки вперед, шатается и чуть не падает. Джон Ай. Дикинсон и Гарри Б. Андриус на руках несут его до дивана. Немедленно вызывают врача. Явились двое, которые и констатировали у Уильяма Гиппербона смерть от кровоизлияния в мозг. По их словам, все было кончено, а уж им-то можно верить: одному Богу известно, сколько смертей перевидали доктор Беригам с Кливленд-авеню и доктор Бюханен с Франклин-стрит!

Час спустя покойника перевезли в его особняк, куда ментально прибежал мистер Торнброк.

Легко можно представить, какая толпа журналистов и репортеров набросилась на нотариуса, когда стала известна воля покойного относительно похорон. Тут были репортеры газет «Чикаго трибюн», «Чикаго интер-ошен», «Чикаго инвинг джерналь», «Чикаго глоб», «Чикаго геральд», «Чикаго таймс», «Чикаго мейл», «Чикаго ивнинг пост», газет республиканских, консервативных, демократических, либеральных и газет независимой партии. Особняк на Ла-Салл-стрит полдня кишмя кишел народом. Собиратели новостей и поставщики отчетов о происшествиях старались вырвать «хлеб» друг у друга. Они вовсе не касались подробностей смерти Уильяма Дж. Гиппербона, неожиданно постигшей его в минуту, когда составилось роковое число девять. Нет! Всех интересовали те счастливицы, чьи карточки накануне были извлечены из урны.

Торнброк, слегка растерявшись вначале, быстро овладел положением и, будучи человеком исключительно практичным (как и большинство его соотечественников), предложил устроить аукцион. Газета, заплатившая за имена делегатов больше других, получает право первой их опубликовать, а вырученную сумму нотариус поделит между двумя городскими больницами. Наивысшую цену дала «Трибюн»: после горячего сражения с «Чикаго интер-ошен» она дошла до десяти тысяч долларов! В тот вечер радостно потирали руки администраторы больницы на Адамс-стрит, 237, и чикагского госпиталя «Для женщин и детей» на углу Адамс-стрит и Паулин-стрит. Зато какой успех выпал на долю солидной газеты и какой доход она получила от своего дополнительного тиража! Номер разослали во все пятьдесят штатов.

— Имена, — кричали продавцы газет, — имена счастливых смертных, выбранных жребием из всего населения Чикаго!

Нужно сказать, что газета «Трибюн» частенько прибегала к подобным смелым и шумным приемам. Да чего только не

могла бы позволить себе эта хорошо информированная газета Диборна с Мадисон-стрит, бюджет которой составляет миллион долларов, а акции ее, стоившие вначале тысячу долларов, теперь стоят уже двадцать пять тысяч? Кроме сенсационного первоапрельского номера, во все концы республики Соединенных Штатов полетели листки специального выпуска «Трибюн» с фамилиями «шансеров», как окрестил народ шестерых избранных случаев, вот они: Макс Реаль, Том Крабб, Герман Титбюри, Гарри Т. Кембэл, Лисси Вэг, Годж Уррикан.

Мы видим, что из этих шести лиц пять принадлежали сильному полу и одно — слабому, если только можно применить такой эпитет к американским женщинам. И все-таки общественная любознательность была не вполне удовлетворена, ибо газета не могла дать сведений о социальной принадлежности, занятиях, вкусах и привычках названных лиц. И вообще, карточки с именами всех чикагских граждан положили в урну еще несколько месяцев назад. Если никто из счастливых за это время не умер, то могло же случиться, что кто-то из них покинул Америку. Разумеется, любой житель Чикаго (хотя его никто об этом пока и не просил) готов занять место вышедшего возле самого катафалка! Да, они явятся туда — законные наследники покойного земляка и станут на пути у алчных вожделений государства!

Но три дня спустя все шестеро появились на крыльце особняка, и нотариус, удостоверившись в несомненной подлинности каждого, вложил им в руки концы гирлянд, украшавших колесницу. И какое их окружало любопытство! Какая зависть! Согласно воле Уильяма Дж. Гиппербона, всякий намек на траур был запрещен. Шестеро, узнав об этом из газет, оделись в праздничные платья. Их качество и фасон доказывали, что все они принадлежали к самым различным классам общества. В первом ряду встали Лисси Вэг (справа) и Макс Реаль (слева), во втором ряду Герман Титбюри (справа) и Годж Уррикан (слева), в третьем — Гарри Т. Кембэл (справа) и Том Крабб (слева).

Толпа приветствовала их многотысячным «ура», на которое одни ответили любезным поклоном, а другие не ответили вовсе.

Мы видели, в какой обстановке происходили похороны, как совершалось торжественное шествие с Ла-Салль-стрит через весь город к Оксвудскому кладбищу. Мы слышали, как громкое пение и музыка, не носившие мрачного характера, сопровождали процессию на всем ее пути. Теперь ничего не остается другого, как только проникнуть за ограду кладбища, где должна была состояться гражданская панихида.

Название Оксвудс¹ указывает на то, что здесь когда-то стояла дубрава. Дубы вообще часто встречаются на громадных пространствах штата Иллинойс. Некогда его называли штатом Прерий из-за исключительного богатства растительности.

Как известно, американские кладбища, подобно английским, представляют собой настоящие парки. В них есть все, что может очаровывать взгляд: зеленеющие лужайки, тенистые уголки, быстро текущие воды. В таком месте душа не может быть печальна. Птицы щебечут там веселее, чем где-либо, может быть, потому, что в этих рощах им обеспечена полная безопасность. Мавзолей, воздвигнутый по плану почтенного Гиппербона, находился на берегу маленького озера с тихими и прозрачными водами. Построенный во вкусе англосаксонской архитектуры, он отвечал всем фантазиям готического стиля². Своим фасадом с остроконечной колокольней, шпиль которой поднимался над землей на сотню футов, склеп походил на часовню, а формой крыши и окон с разноцветными стеклами — на виллу или английский коттедж. На его колокольне, украшенной орнаментом в виде листьев и цветов и поддерживаемой контрфорсами³ фасада, висел звучный, далеко слышный колокол. Он выбивал удары часов, их светящийся циферблат помещался у его основания. Металлические звуки, прорывавшиеся сквозь ажурные, позолоченные архитектурные украшения звонницы, улетали далеко за пределы кладбища и были слышны даже на берегах Мичигана. Длина мавзолея равнялась ста двадцати футам, ширина — шестидесяти футам. Окружавшая его решетчатая алюминиевая ограда редкой красоты опиралась на колонки, стоявшие на некотором расстоянии одна от другой, как подставки для особого вида канделябров, в которых вместо свечей горели электрические лампочки. За решеткой стояли великолепные вечнозеленые деревья, служившие рамкой роскошному мавзолею.

Раскрытая настежь калитка открывала вид на длинную, окаймленную цветущими кустарниками аллею, которая вела к ступенькам крыльца из белого мрамора. В глубине широ-

¹ Оксвудс — дубовые леса.

² Готический стиль — стиль в архитектуре, характеризующийся стрельчатыми арками, сводами, обилием башенок и острых шпилей, цветными витражами и орнаментикой.

³ Контрфорс — выступ с наклонной или уступчатой внешней гранью для устойчивости стен.

кой площадки виднелась дверь, украшенная бронзовыми барельефами с изображением цветов и фруктов. Дверь вела в переднюю, где стояло несколько диванов и фарфоровая китайская жардиньерка¹ с живыми цветами. С высокого свода спускалась хрустальная электрическая люстра с семью рожками. Из медных отдушин по углам в комнату проникал теплый ровный воздух из калорифера, за которым в холодное время года наблюдал оксвудский сторож.

Из этого помещения стеклянные двери вели в главную комнату мавзолея. Она представляла собой большой холл овальной формы, убранный с тем экстравагантным великолепием, какое может себе позволить только архимиллионер, желающий и после смерти пользоваться привычной роскошью. Через матовый потолок щедро лился солнечный свет. По стенам извивались различные арабески², орнаменты, изображавшие ветки с листьями, орнаменты в виде цветов, не менее тонко нарисованных и изящных, чем те, что украшают стены Альгамбры³. Основания стен были скрыты диванами, обитыми материями самой яркой расцветки. Там и сям стояли бронзовые и мраморные статуи, изображавшие фавнов⁴ и нимф⁵. Между колоннами из белоснежного блестящего алебастра⁶ виднелись картины современных мастеров, большей частью пейзажи, в золотых, усыпанных светящимися точками рамах. Пышные, мягкие ковры покрывали пол, украшенный пестрой мозаикой.

За холлом, в глубине мавзолея, находилась полукруглая с нишей комната, освещенная очень широким окном, по форме похожим на те, что бывают в церквях. Его сверкающие стекла вспыхивали ярким пламенем всякий раз, когда солнце на закате озаряло их косыми лучами. В комнате находились разнообразные предметы современной роскошной мебелировки: кресла, стулья, кресла-качалки и кушетки, расставленные в художественном беспорядке. На одном из столов лежали кни-

¹ Жардиньерка — корзинка для цветов.

² Арабески — сложный, насыщенный орнамент, получивший особенное развитие в арабском искусстве.

³ Альгамбра — знаменитый дворцовый комплекс в Испании. близ Гранады, с богато декорированными залами; замечательный образец мавританского (арабского) искусства XIII—XIV веков.

⁴ Фавн — в римской мифологии бог полей, лесов, покровитель пастбищ, животных. Изображался в виде человека с рогами, козлиными ногами и козлиной бородкой.

⁵ Нимфы — в греческой мифологии божества природы; различают нимфы рек, морей, источников (океаниды, неренды, наяды), гор (орестиады), деревьев (дриады) и др.

⁶ Алебастр — одно из названий строительного гипса.

ги, альбомы, журналы-обозрения — американские и иностранные. Немного дальше стоял открытый буфет, полный посуды, на котором красовались свежие закуски, тонкие консервы, разных сортов сочные сэндвичи, всевозможные пирожные и графины с дорогими ликерами и винами лучших марок. В центре холла возвышалась гробница из белого мрамора, украшенная изящной скульптурой, с изваянными фигурами геральдических животных¹ на углах. Гробница была открыта и окружена рядом электрических лампочек.

Склеп скорее вызывал в душе радость, чем печаль. В наполнявшем его чистом, прозрачном воздухе не слышалось шелеста крыльев смерти, трепещущих над могилами простых смертных. И разве не гармонировал этот мавзолей с веселой программой похорон оригинального американца?

Уильям Гиппербон два раза в неделю — по вторникам и пятницам — приезжал в свой мавзолей и проводил там несколько часов. В это приятное место для чтения и бесед его нередко сопровождали коллеги. Расположившись на мягких диванах или вокруг стола, почтенные джентльмены читали, вели беседы на политические темы, интересовались курсом доллара, ростом джингонизма², обсуждали все выгоды и невыгоды билля Мак-Кинли, а лакеи разносили на подносах легкий завтрак. Уильям Дж. Гиппербон, ничем не отличавшийся от остальных смертных в общественной деятельности, без сомнения, в частной жизни, проходившей в клубе или в мавзолее, проявлял некоторую эксцентричность, что невольно могло вызвать сомнение в действительности его кончины. Но на этот счет общественность могла быть совершенно спокойна: то была смерть несомненная, неоспоримая, к тому же подтвержденная ультраиксовыми³ лучами профессора Фридриха Эльбинга. Обладая исключительной силой проникновения, они без труда проходят сквозь человеческое тело и дают различное фотографическое изображение в зависимости от того, живое или мертвое тело они прошли. Подобный опыт произвели и над Уильямом Гиппербоном. Полученные снимки не оставили больше сомнений в умах докторов и не давали им никакого повода укорять себя в чересчур поспешном заключении.

Колесница остановилась перед оградой мавзолея, украшенной канделябрами с электрическими лампочками, изли-

¹ Геральдические фигуры — изображения, помещавшиеся на гербах, очень часто фигуры животных: льва, леопарда, медведя, оленя и др.

² Джингонизм — термин, обозначающий крайне шовинистические воззрения в Великобритании конца XIX века.

³ Здесь: рентгеновские лучи.

вавшими яркий свет в наступающие вечерние сумерки. Ряды публики сомкнулись, оставив небольшое свободное пространство для шестерых избранных, чтобы они могли проводить гроб до самой могилы. Сначала публика волновалась и глухо шумела, стремясь все увидеть и услышать, но постепенно шум стал затихать, и вскоре вокруг ограды воцарилась абсолютная тишина. Тогда раздались слова литургии, произносимые преподобным отцом Бингамом, который провожал покойного к его последнему пристанищу. Присутствующие слушали его внимательно и сосредоточенно. В эту минуту, единственно только в эту минуту, похороны Уильяма Дж. Гиппербона носили религиозный характер.

После молитвы Бингама, прочитанной задушевым голосом, оркестр исполнил знаменитый похоронный марш Шопена. Он, как всегда, произвел сильное впечатление. Правда, музыканты взяли темп, чуть быстрее указанного композитором, что, возможно, объяснялось настроением публики и желанием покойного. (Участники процессии были далеки от переживаний, охвативших Париж во время похорон одного из основателей республики, когда «Марсельезу», преисполненную сверкающих красок, сыграли в минорных тонах.) После марша Шопена председатель клуба Джордж Т. Хиггинботам отделился от собравшихся и, подойдя к колеснице, произнес блестящую речь, изложив в хвалебных тонах *cunctis lum vitae*¹ своего друга:

— В двадцать пять лет, будучи уже обладателем порядочного состояния, Уильям Гиппербон сумел значительно его увеличить, удачно приобретая городские участки. В настоящее время они так поднялись в цене, что, без преувеличения, стоимость каждого ярда² земли равна стоимости ярда золотых монет, если их уложить в одну линию. Вскоре он попал в число чикагских миллионеров, другими словами, в число наиболее известных граждан Соединенных Штатов Америки... Он был обладателем акций наиболее влиятельных железнодорожных компаний федерации... Осторожный делец, он принимал участие только в тех предприятиях, какие приносили верный доход, но всегда был готов подписаться на заем своей страны. Уважаемый член «Клуба чудаков», на которого возлагали надежды... Если бы он прожил еще несколько лет, без сомнения, удивил бы весь мир... Но ведь бывают гении, которых мир узнает только после их смерти... Нет сомнения в том, что его завещание содержит параграфы, способные вызвать

¹ Путь жизни (лат.).

² Ярд — ок. 0,9 м.

восторг обеих Америк — стран, которые одни стоят всех остальных частей света...

Речь произвела сильное впечатление на присутствующих. Все были взволнованы. Казалось, Уильям Дж. Гиппербон не замедлит появиться перед толпой, держа в одной руке завешание, которое обессмертит его имя, а другой осыпая шестерых избранников миллионами своего состояния. На надгробное слово, произнесенное самым близким другом покойного, публика ответила одобрительным перешептыванием. Граждане, стоявшие близко к оратору, передавали свое впечатление тем, кто не мог расслышать, но все же был очень растроган. Вслед за тем оркестр и хор исполнили известную «Аллилуйю» из «Мессии» Генделя.

Церемония близилась к концу, а между тем публика ждала чего-то еще, чего-то из ряда вон выходящего, сверхъестественного. Да! Таково было воодушевление собравшихся, что никто не удивился бы, если бы законы природы внезапно изменились и какая-нибудь аллегорическая фигура¹ возникла вдруг на небе — как когда-то Константину Великому вырисовался крест и слова: «Сим победиши»². Или неожиданно оставилось бы солнце, как во времена Иисуса Навина³, и освещало бы в течение целого часа всю несметную толпу. Словом, если бы произошел один из тех чудесных случаев, в реальность которого не могли бы не поверить только самые отчаянные вольнодумцы. Но на этот раз неизменяемость законов природы осталась непоколебимой и мир не был смущен никаким чудом.

Настал момент опустить прах в могилу. Восемь слуг покойного, одетых в парадные ливреи, подошли к гробу, освободили его от драпировок, подняли на плечи и направились к калитке ограды. Шестеро шли в том же порядке, в каком начали торжественное шествие, причем, согласно указанию церемониймейстера, находившиеся справа держали левой рукой, а находившиеся слева — правой тяжелые серебряные ручки гроба. Непосредственно за ними следовали члены «Клуба чудаков», гражданские и военные власти.

¹ Аллегорическая фигура — иносказание, т. е. отвлеченное понятие, выраженное в образе.

² Константин Великий (ок. 285—337) — римский император. Согласно легенде, накануне одного сражения ему в небе явился крест с греческой надписью «Сим знамением победиши». Константин одержал победу и под влиянием чудесного видения прекратил преследования христиан, объявив христианство государственной религией.

³ Имеется в виду библейский рассказ об Иисусе Навине, слуге пророка и вождя народа еврейского Моисея, велевшем солнцу остановиться, чтобы до наступления ночной тьмы закончить сражение.

Когда калитка затворилась, оказалось, что большой вестибюль, холл и центральная круглая комната мавзолея едва могут вместить ближайших участников процессии, остальным же остается тесниться у входа. Любопытные все прибывали — теперь с разных участков Оксвудского кладбища, и даже на ветвях деревьев виднелись человеческие фигуры. В этот момент трубы военного оркестра прозвучали с такой силой, что, казалось, должны были лопнуть легкие тех, кто в них дул. Одновременно в воздухе появились несметные стаи выпущенных на волю и украшенных разноцветными ленточками птиц. Радостными криками приветствуя свободу, носились они над озерцом и прибрежными кустами.

Гроб пронесли на руках через первые двери, потом через вторые и после короткой остановки опустили в гробницу. Снова раздался голос досточтимого Бингама, обращавшегося к Богу с просьбой широко раскрыть небесные врата покойному Уильяму Дж. Гиппербону и обеспечить ему там вечный приют.

— Слава почтенному, всеми уважаемому Гиппербону! — произнес вслед за этим церемониймейстер своим высоким звучным голосом.

— Слава! Слава! Слава! — трижды повторили присутствующие, и вся толпа, стоявшая за стенами мавзолея, многократно повторила последнее прощальное приветствие, и оно далеко разнеслось в воздухе.

Потом шестеро избранников обошли склеп и направились к выходу из холла. Оставалось только закрыть гробницу тяжелой мраморной плитой с выгравированными на ней именем и титулом покойного. В это время нотариус Торнброк выступил вперед и, вынув из кармана завешание, прочел его последние строки:

— «Могила моя должна оставаться открытой в течение двенадцати дней, и по истечении этого срока, утром двенадцатого дня, шесть человек, на которых пал жребий, явятся в мавзолей и положат свои визитные карточки на мой гроб. После того надгробная плита должна быть поставлена на место, и нотариус Торнброк ровно в двенадцать часов в большом зале Аудиториума прочтет мое завешание, которое хранится у него.

Уильям Дж. ГИППЕРБОН».

Без сомнения, покойник был большим оригиналом, и кто знает, будет ли это его посмертное чудачество последним?

Присутствующие удалились, и кладбищенский сторож запер мавзолей, а потом и калитку ограды. Погода оставалась такой же прекрасной, казалось, даже безоблачное небо стало еще яснее, еще прозрачнее среди первых теней насту-

пившего вечера. Бесчисленные звезды загорались на небосклоне, прибавляя свой мягкий свет к свету канделябров, сверкавших вокруг мавзолея. Толпа медленно расходилась, направляясь к выходу по многочисленным дорожкам кладбища, мечтая об отдыхе после утомительного дня. В течение часа шум шагов и гул голосов еще беспокоили жителей ближайших улиц, но постепенно они стихли, и вскоре во всем квартале водворилась полная тишина.

ГЛАВА IV

Шестеро

На следующий день жители Чикаго взялись за свои обычные занятия, но вовсе не потеряли интереса к Гиппербону, его завещанию, наследству и наследникам. Какие обязательства накладывал он на шестерых избранников и как будут введены они в наследство? Никто не допускал мысли, чтобы мисс Лисси Вэг и господи Годж Уррикан, Кембэл, Титбюри, Крабб и Реаль не нашли в этой истории ничего, кроме популярности, что поставило бы их в очень смешное положение. Существовал, конечно, способ удовлетворить любопытство публики и вывести заинтересованных лиц из состояния неуверенности, которое грозило лишить последних сна и аппетита: достаточно было бы вскрыть завещание и узнать его содержание. Но нотариус Торнброк никогда бы не согласился нарушить условий, поставленных завещателем. Пятнадцатого апреля в большом зале театра Аудиториум, в присутствии многочисленной публики, какая только сможет там вместиться, он приступит к чтению завещания Уильяма Дж. Гиппербона.

Оставалось покориться. Но время шло, и нервозность жителей возрастала. К тому же две тысячи двести ежедневных газет и пятнадцать тысяч разных других периодических изданий своими статьями поддерживали общее нетерпение. Правда, газеты могли только гадать об условиях покойного, но они брали реванш, подвергая каждого из шестерых избранников всем пыткам своих интервьюеров. В то же время и фотографии не пожелали смириться с тем, что весь кусок достанется газетчикам. А потому портреты избранников — большие и маленькие, до пояса и во весь рост — в сотнях тысяч экземпляров расходились по штатам. Одним словом, всякому ясно, что эти шестеро заняли место среди наиболее видных лиц Соединенных Штатов Америки.

Репортеры газеты «Чикаго мейл», явившиеся к Годжу Уррикану на Рандольф-стрит, 73, были приняты нелюбезно.

— Что вы от меня хотите? — закричал хозяин, едва гости переступили порог. — Я ничего не знаю! Мне совершенно нечего вам сказать! Позвали идти за катафалком, я и пошел! Да возьмет Бог его душу! Но если этот Гиппербон посмеялся надо мной, если он заставит Годжа Уррикана опустить флаг перед этими пятью выскочками, то пусть бережется!.. Как бы ни был он мертв, как бы глубоко его ни зарыли, я все равно сумею...

— Но, — возразил один из репортеров, — ничто не дает основания думать, что вы подверглись какой-то мистификации. И если на вашу долю придется только одна шестая наследства...

— Одна шестая!.. — вскричал громовым голосом раскодившийся господин. — А могу ли я быть уверен, что получу ее, эту шестую, всю целиком?!

— Успокойтесь, прошу вас!

— Никогда не успокоюсь!.. Не в моей натуре! К бурям я привык, я сам всегда бушевал...

— Ни о какой буре не может быть речи, — возразил репортер, — горизонт чист...

— Это мы еще увидим! А если вы собираетесь занимать публику моей особой, советую хорошенько обдумать свою статью. Иначе придется иметь дело с коммодором¹ Урриканом!

Да, это был самый настоящий коммодор, офицер флота Соединенных Штатов, шесть месяцев назад вышедший в отставку, о чем он все еще сокрушался. Бравый моряк, всегда строго исполнявший свой долг под неприятельским огнем, и перед огнем небесным он, несмотря на свои пятьдесят два года, еще не потерял врожденной вспыльчивости. Представьте себе человека крепкого телосложения, рослого и широкоплечего; большие глаза гневно вращаются под всклокоченными бровями, у него немного низкий лоб, наголо обритая голова, четырехугольный подбородок и небольшая борода, которую он то и дело теревит нервными пальцами. Руки крепко прилажены к туловищу, а ноги слегка согнуты дугообразно в коленях, отчего все тело наклоняется немного вперед и при ходьбе раскачивается, как бывает у моряков. Всегда готовый с кем-нибудь сцепиться и затеять ссору, он так и не приобрел друзей. Удивительно, если бы такой тип оказался женатым, но женат он, конечно, не был. «И какое это счастье для его жены!» — любили повторять злые языки. Он принадлежал к той категории несдержанных людей, у которых туловище обычно

¹ Коммодор — звание в американском военном флоте, промежуточное между капитаном первого ранга и контр-адмиралом.

устремлено вперед, точно они постоянно готовятся к атаке. Их горящие зрачки то и дело судорожно сокращаются, в голосе звучит металл, даже когда они спокойны, и злобное рычание, когда недолгое спокойствие их оставляет.

Сотрудники «Чикаго глоб» долго стояли у дверей художественной мастерской, помещавшейся на Саут-Холстед-стрит, в доме — 3977 (что указывает на весьма порядочную длину этой улицы), пока наконец к ним не вышел молодой негр лет семнадцати.

— Где твой хозяин? — спросили его.

— Не знаю.

— Когда он ушел?

— Не знаю.

— А когда вернется?

— Не знаю.

Томми действительно ничего не знал, потому что Макс Реаль ушел из дому рано утром, ничего не сказав своему слуге, любившему, как все дети, долго спать. Но газета «Чикаго глоб» не могла остаться совсем без информации, касающейся Макса Реаля. Нет! Будучи одним из «шестерки», он уже стал предметом многочисленных публикаций.

Макс Реаль, молодой талантливый художник, больше всего любил пейзажи. Его полотна уже начинали покупать. Будущее готовило ему блестящее положение в мире искусства. Он родился в Чикаго, но носил французскую фамилию, потому что был родом из семьи коренных жителей города Квебек¹. Его мать несколько лет назад овдовела и вернулась на родину, в Канаду. Но в ближайшем будущем миссис Реаль, страстно любившая сына, намеревалась переселиться к нему в Америку. Макс Реаль обожал ее. Редкая мать и редкий сын! Вот почему он тотчас же поспешил известить миссис Реаль о том, что выбран в число занимавших особо почетное место на похоронах Уильяма Дж. Гиппербона.

Максу Реалю исполнилось двадцать пять лет. Он отличался изящной, благородной внешностью типичного француза. Ростом он был выше среднего, с темно-каштановыми волосами, с такой же бородой и с темно-синими глазами. Держался независимо, но без тени надменности или чопорности. Улыбка очень приятная, походка бодрая и смелая, что указывает обычно на душевное равновесие, являющееся источником неизменной радостной доверчивости. Макс обладал большой долей жизненной силы и, разумеется, был храбр и вели-

¹ В провинции Квебек канадцы французского происхождения составляют большинство населения. Французы поселились в Канаде в начале XVII века.

кодушен. Остается добавить, что его отец, офицер, умирая, оставил очень небольшое состояние.

Встречи с третьим «шансером», Гарри Кембэлом, газетчикам не пришлось долго добиваться. Он всегда к их услугам. Гарри Т. Кембэл был журналистом и главным репортером популярной газеты «Трибюн». Тридцати семи лет, среднего роста, крепкий, с симпатичным лицом, с маленькими пронзительными глазками, с исключительно тонким слухом и нетерпеливым выражением рта. Живой как ртуть, ловкий, словоохотливый, энергичный, не знающий усталости, он был известен и как искусный сочинитель всевозможных «блефов», которые можно назвать «американскими гасконадами»¹. Всегда активный, одаренный неколебимой силой воли, способный на смелые, решительные поступки, он предпочел остаться холостяком, как и подобает человеку, ежедневно проникающему в частную жизнь других людей. В общем, добрый товарищ, вполне надежный, уважаемый коллегами. Да, совершенно излишне было расспрашивать Гарри, он сам первым громко заявил:

— Да, ребята, это я, Гарри Т. Кембэл, меня видели вы вчера марширующим около колесницы. Обратили внимание, как я держался? Никогда в жизни не присутствовал на таких утомительных похоронах.

— А как вы думаете, — спросили его, — что произойдет пятнадцатого апреля?

— Произойдет то, что нотариус Торнброк ровно в полдень вскроет завещание.

— И шестеро будут объявлены единственными наследниками покойного?

— Разумеется!

— Кто знает!

— Не хватало, чтобы нас побеспокоили, ничем за это не вознаградив! Представьте: одиннадцать часов на ногах по всему городу.

— А вы не предполагаете, что в завещании содержатся распоряжения более или менее странные?

— Это возможно. От оригинала всегда жди чего-нибудь оригинального. Во всяком случае, если его желание исполнимо, то нет проблем, а если неисполнимо, то, как говорят во Франции, «сделается само собой». Могу только заверить присутствующих — на Гарри Т. Кембэла можно положиться, в любых обстоятельствах он не отступит.

¹ Гасконада — хвастовство, бахвальство; произошло от названия старинной французской провинции, южанам-гасконцам приписывают особую склонность к похвальбе.

Да! Ради чести журналиста он не отступит, в этом могут быть уверены все, кто его знает, и даже те, кто не знает (если только найдется такой человек среди населения Чикаго). Даже если пойдет речь о путешествии на Луну, решительный репортер отправится и туда.

Какой контраст между этим живым и смелым американцем и его сонаследником, известным под именем Германа Титбюри, жившим в торговом квартале города! Сотрудники газеты «Штадтцейтунг» позвонили у дверей дома № 77, но не смогли проникнуть в квартиру.

— Мистер Герман Титбюри дома? — спросили они в приотворившуюся дверь.

— Да, — ответила какая-то великанша, неряшливо одетая, непричесанная и похожая на драгуна в юбке.

— Может ли он нас принять?

— Отвечу, когда спрошу об этом миссис Титбюри.

Оказалось, что существовала также миссис Кэт Титбюри, пятидесятилетняя особа, на два года старше своего мужа. Ответ, переданный в точности ее прислугой, был следующий:

— Мистеру Титбюри не для чего вас принимать, и он удивляется, что вы позволяете себе его беспокоить.

Между тем вопрос шел лишь о том, чтобы получить доступ в его квартиру, а отнюдь не в его столовую, и получить несколько ответов на вопросы, а не несколько крошек с обеденного стола. Но двери дома № 77 так и остались закрытыми. Негодующие репортеры несолоно хлебавши вернулись в редакцию.

Герман Титбюри и Кэт Титбюри представляли собой чету, самую скупую из всех, когда-либо совершавших свой путь по этой «долине слез» (правда, от себя они не прибавили ни единой капли). Два сухих, бесчувственных сердца, бившихся в унисон. К счастью, небо отказалось благословить их союз, и род Титбюри заканчивался с ними. Они нажили себе состояние не торговлей и не промышленностью. Супруги посвятили себя деятельности мелких банкиров, скупщиков векселей по дешевой цене, ростовщиков самой низкой категории. Эти жадные хищники разоряют людей, оставаясь под покровительством закона, который, по словам великого французского романиста, был бы очень удобен для негодяев... если бы не существовало Бога!

Титбюри — человек невысокого роста, толстый, с рыжей бородой совсем такого же цвета, как волосы его жены. Железное здоровье позволяло им обоим не тратить и полдоллара на лекарства и на визиты врачей. Обладатели желудков, способных все переварить (желудков, какие должны бы иметь толь-

ко честные люди), они жили на гроши. Чета Титбюри жила в доме с окнами, узкими, как их мысли, снабженными, как их сердца, железными решетками, в доме, похожем на сундук с секретным замком. Его двери не открывались ни для посторонних, ни для членов семьи,— кстати, родни у них не было,— ни для друзей, которых они никогда не имели.

Сильное впечатление произвело на Германа Титбюри его имя, напечатанное в знаменитом первоапрельском номере газеты «Трибюн». Но не было ли еще каких-нибудь жителей Чикаго с такой же фамилией? Нет! Ни одного, во всяком случае, ни одного на улице Робей-стрит, в доме № 77. Допустить же, что он рисковал сделаться игрушкой глупого розыгрыша... о нет! Герман Титбюри уже видел себя обладателем шестой части громадного состояния и лишь досадовал на судьбу, не позволившую ему стать единственным наследником. К остальным претендентам он чувствовал презрение и злобу, вполне солидаризируясь с коммодором Урриканом. Читатель легко себе представит, что господин Титбюри и его жена думали о пяти «самозванцах». Разумеется, тут судьба допустила одну из тех грубых ошибок, какие ей очень свойственны, предлагая этому, мягко выражаясь, несимпатичному человеку часть наследства Уильяма Гиппербона.

На другой день после похорон в пять часов утра мистер и миссис Титбюри вышли из дому и отправились на Оксвудское кладбище. Там они разбудили сторожа и голосами, в которых чувствовалось живое беспокойство, спросили:

— Ничего нового... за эту ночь?

— Ничего,— сказал сторож.

— Значит... он действительно умер?

— Так мертв, как только может быть мертв умерший, будьте спокойны,— ответил добрый человек, тщетно ожидавший какой-нибудь награды за свой приятный ответ.

Могут быть спокойны, да, разумеется! Покойник не пробудился от вечного сна, и ничто не потревожило отдыха обитателей Оксвудского кладбища. Мистер и миссис Титбюри успокоенные вернулись домой, но еще дважды в тот день — после полудня и вечером (и рано утром на другой день) — снова проделали длинный путь, желая убедиться, что Уильям Дж. Гиппербон так и не вернулся в наш подлунный мир.

Когда двое корреспондентов газеты «Фрейе прессе» дошли до Калюмет-стрит, пролежавшей неподалеку от одноименного озера в южной части города, они спросили полицейского, где находится дом, в котором живет Том Крабб. Им указали на дом № 7, но он принадлежал, по правде говоря, не самому Тому Краббу, а его импресарио. Джон Мильнер со-

проводил знаменитого спортсмена на все те незабываемые побоища, откуда участвующие в них джентльмены уходили с подбитым глазом, поврежденной челюстью, переломанными ребрами и выбитыми зубами. Том Крабб был профессионалом и чемпионом Нового Света с тех пор, как свалил прославленного Фитсимонса, в свою очередь побившего не менее известного Корбэта.

Репортеры без всякого затруднения вошли в дом Джона Мильнера, их встретил сам хозяин, человек среднего роста, невероятной худобы: кости, обтянутые кожей, мышцы и нервы. Пронизывающий взгляд, бритая физиономия и острые зубы.

— Том Крабб? — спросили его репортеры.

— Он заканчивает первый завтрак, — ответил Мильнер недовольным тоном.

— Можно его видеть?

— По какому поводу?

— По поводу интервью с одним из наследников Уильяма Гиппербона.

— Когда речь идет о прессе, — ответил Джон Мильнер, — Тома Крабба всегда можно видеть.

Газетчики вошли в столовую и увидели предмет своего репортажа. Он прожевал шестой кусок копченой ветчины и шестой кусок хлеба с маслом, запивая их шестой кружкой пива в ожидании чая и шести маленьких рюмок виски, которыми заканчивался обычно его первый завтрак. За первой в разные часы дня следовали пять других кормежек. Мы видим, какую важную роль играла цифра шесть в жизни знаменитого боксера, и, может быть, ее таинственному влиянию он обязан тем, что попал в число наследников Уильяма Гиппербона.

Том Крабб был колоссом. Его рост превосходил шесть английских футов¹ на целых десять дюймов², а ширина плеч равнялась трем футам. Он имел громадную голову, жесткие черные волосы, совсем коротко остриженные, под густыми бровями большие круглые глаза, низкий лоб, оттопыренные уши, выдвинутые вперед челюсти, усы и рот, полный зубов (самые здоровые удары по физиономии до сих пор не вышибли ни одного из них). Туловище боксера походило на пивную бочку, руки — на дышла, ноги — на столбы, необходимые для того, чтобы поддерживать все это монументальное сооружение в образе человека. Его органы работали наподобие составных частей мощного механизма, которым заведовал

¹ Фут — ок. 0,3 м.

² Дюйм — ок. 2,5 см.

Джон Мильнер. Том Крабб пользовался славой в обеих Америках, но абсолютно не отдавал себе в этом отчета. Он ел, пил, упражнялся в боксе, спал, и этим ограничивались все акты его существования. Сознал ли он смысл и возможные последствия происходящего, когда маршировал своими тяжелыми ногами рядом с погребальной колесницей, под шум громких рукоплесканий толпы? Если сознал, то смутно, зато его импресарио прекрасно сообразил что к чему. На все вопросы репортеров (касавшиеся Тома Крабба) отвечал он, Джон Мильнер: вес — 533 фунта¹ до еды и 540 после; сила, измеренная динамометром, — 75 килограммометров; максимальная мощь сокращения челюстных мышц — 234 фунта-силы²; возраст — тридцать лет шесть месяцев и семнадцать дней; его родители: отец — скотобоец на бойне фирмы «Армур», мать — ярмарочная атлетка в цирке «Суонси». Что нужно еще для заметки о Томе Краббе?

— Он ничего не говорит! — замстил один из журналистов.

— Да, по возможности очень мало, — ответил Джон Мильнер. — Для чего давать лишнюю работу языку?

— Может быть, он и думает так же мало?

— А для чего ему думать?

— Совершенно не для чего, мистер Мильнер.

— Том Крабб представляет собой сжатый кулак, — прибавил тренер, — всегда готовый к атаке и к обороне.

Пройдя бульвар Гумбольдта по направлению к северо-западной части города, вы попадете в двадцать седьмой квартал. Приезжему может показаться, что он попал в тихую провинцию (хотя это выражение в Соединенных Штатах не имеет никакого значения). За Вабан-авеню начинается Шеридан-стрит, а на ней стоит семнадцатизэтажное здание скромного вида. В девятом этаже занимает небольшую квартирку из двух комнат Лисси Вэг, помощница кассира в магазине мод «Маршалл Филд».

Лисси Вэг принадлежала к честной, но плохо обеспеченной семье. Впрочем, и мать, и отец ее к тому времени уже скончались, оставив ей небольшие средства.

Мистер Вэг потерял все состояние в неудачной операции с акциями морского страхового общества, спешная ликвидация бумаг не дала никаких результатов.

После смерти родителей Лисси Вэг, с ее твердым характером, проницательным умом и уравновешенностью, нашла в

¹ Фунт — ок. 450 г.

² Фунт-сила — единица силы в системе английских мер; фунт-сила равна около 4,4 ньютона.

себе достаточно сил, чтобы не растеряться и сохранить присущую ей энергию. Благодаря вмешательству друзей ее покойных родителей, хорошей рекомендации она получила приличное место в торговом доме «Маршалл Филд». Лисси Вэг исполнился двадцать один год. Среднего роста, белокурая, с глубокими синими глазами и нежным румянцем, она производила впечатление немного замкнутой девушки. Но порой серьезное выражение ее лица сменялось светлой улыбкой, придававшей ей неизъяснимую прелесть.

Мисс Вэг никогда не предавалась мечтам, которые часто кружат головы ее сверстницам. Из всех шестерых избранников она меньше всех взволновалась, узнав, что ей предстоит участвовать в погребальной церемонии, и даже хотела отказаться. Лисси пугала публичная выставка своей особы. Ее упорные протесты сумела победить только самая близкая из всех подруг.

Джовита Фолей была старше Лисси на четыре года, ее лицо, которое нельзя назвать красивым, искрилось оживлением и умом. Она горячо любила Лисси Вэг. Молодые особы жили в одной квартире и, проводя весь день в магазине «Маршалл Филд», где мисс Фолей служила главной продавщицей, всегда вместе возвращались домой. Редко видели одну без другой.

Лисси Вэг, уступив в конце концов увещеваниям подруги, все же не согласилась принять корреспондентов «Чикаго геральд». Тщетно Джовита уговаривала подругу не быть суровой — та ни за что не соглашалась стать жертвой газетных интервьюеров. После репортеров, без сомнения, явились бы фотографы, после фотографов — разные другие любопытные. Нет! Гораздо лучше не открывать своих дверей этим навязчивым людям.

— О, если бы я была на твоем месте! — сказала Джовита Фолей. — Во всяком случае, предупреждаю, что сумею заставить тебя выполнить все условия завещания! Подумай только, душа моя, — получить часть такого невероятного состояния!

— Я не очень-то верю в это наследство, Джовита, — ответила ей Лисси Вэг, — и если окажется, что вся затея — только каприз мистификатора, не буду огорчена.

— Узнаю мою Лисси! — воскликнула Джовита, обнимая подругу. — Она не будет огорчена... И это — когда речь идет о таком богатстве!

— Но разве мы с тобой теперь несчастливы?

— Счастливы, согласна. Но... Если бы только я была на твоем месте! — повторила тщеславная молодая особа.

— И что же? Если бы ты была на моем месте?

— Прежде всего я, конечно, разделила бы наследство с тобой...

— То же самое сделала бы и я, можешь быть уверена,— ответила мисс Вэг, весело смеясь над обещаниями своей восторженной подруги.

— Боже, как хочется, чтобы поскорее настало пятнадцатое апреля,— продолжала Джовита Фолей,— как долго потянутся две недели! Буду считать часы, минуты...

— Избавь меня хоть от подсчета секунд,— прервала ее Лисси.

— И ты способна шутить в таком серьезном деле! Миллионы долларов, которые ты можешь получить...

— Вернее, миллионы всяких неприятностей и раздражений, подобных тем, какие выпали сегодня на мою долю,— объявила Лисси Вэг.

— Тебе очень трудно угодить, Лисси!

Таковы были шесть сонаследников (что они разделят между собой громадное состояние миллионера, никто не сомневался), которых Уильям Дж. Гиппербон пригласил на свои похороны. Теперь оставалось вооружиться терпением и ждать назначенного срока.

ГЛАВА V

Завещание

Наступило пятнадцатое апреля. Утром, по условию завещания, в присутствии Джорджа Б. Хиггинботамы и нотариуса Торнброка Лисси Вэг, Макс Реаль, Том Крабб, Герман Титбюри, Гарри Т. Кембэл и Годж Уррикан положили визитные карточки на гробницу Уильяма Дж. Гиппербона. Затем могильная плита опустилась на надлежащее место, закрыв собою гроб, и покойному оригиналу больше уж нечего было ждать к себе гостей!

Как только встало солнце, девятнадцатый квартал был запружен громадной толпой. Публика к сроку оглашения завещания дошла уже до полной одержимости. Тысяча триста ежедневных поездов, обслуживающих Чикаго, накануне доставили в город несколько тысяч приезжих. Погода обещала быть превосходной. Свежий утренний ветер очистил небеса от ночных испарений, и солнце плавно подымалось на далеком горизонте над озером Мичиган. Его воды, ударяясь о берег, слегка волновались. Шумные массы горожан двигались по Мичиган-авеню и Конгресс-стрит, направляясь к колоссаль-

ному зданию с четырехугольной башней высотой в триста десять футов.

Список гостиниц в Чикаго очень длинен. Приезжий может всегда выбрать по вкусу какую-нибудь. Но, с точки зрения удобств и быстроты обслуживания (каждому путешественнику здесь предоставляется жить на американский или европейский лад), ни один из городских отелей не может сравниться с Аудиториумом — громадным десятиэтажным «караван-сараем»¹ на углу Конгресс-стрит и Мичиган-авеню (против самого Лейк-парка). Его здание может приютить несколько тысяч путешественников да еще восемь тысяч зрителей в театре этой гостиницы. В то утро публики набралось больше, чем когда-либо. Сбор никогда еще не доходил до такой цифры (нотариус Торнброк, устроивший удачный аукцион из фамилий шести избранных, на этот раз предложил организовать платные места всем желающим). Собранные десять тысяч долларов впоследствии распределили между больницей «Алексиан Брозерс» и детской больницей «Морис Портер Мемориал».

На эстраде находились мэр и весь муниципалитет, позади них — члены «Клуба чудаков» с председателем Хиггинботом. Перед самой рампой разместились шесть избранных.

Лисси Вэг, сконфуженная необходимостью показываться многотысячной публике, сидела низко опустив голову. Гарри Т. Кембэл с довольным, сияющим лицом раскланивался с сотрудниками многочисленных издательств самых разнообразных «окрасок». Коммодор Уррикан свирепо вращал глазами, видимо, готовый завести спор с каждым, кто осмелится взглянуть ему в лицо. Макс Реаль беспечно наблюдал за жужжащей толпой, снedaемой любопытством, которого он почти не разделял, и (нужно ли говорить?) часто взглядывал на сидевшую — так близко от него — прелестную молодую девушку. Герман Титбюри мысленно подводил итог собранным суммам за входные билеты, и цифра эта представлялась ему каплей воды среди миллионов будущего наследства. Том Крабб сидел не в кресле, не вместившем его необъятное туловище, а на широком диване (ножки все равно гнулись под тяжестью) и, видимо, не понимал, зачем он здесь.

В первом ряду зрителей находились мистер Джон Мильнер, миссис Кэт Титбюри и подвижная, нервная Джовита Фолей, без которой Лисси Вэг никогда не согласилась бы появиться перед устрашавшей ее аудиторией. Дальше, в глуби

¹ Караван-сарай — постоянный двор в азиатских странах (собственное место для стоянки караванов).

не громадного зала — в амфитеатре, на самых отдаленных ступеньках, во всех углах, где могла просунуться человеческая голова, виднелись мужчины, женщины и дети, принадлежавшие к различным классам общества. А за стенами здания, вдоль Мичиган-авеню и Конгресс-стрит, в окна домов, на балконах гостиниц, на тротуарах, на мостовых (движение экипажей приостановили) стояла толпа, не менее шумная, чем Миссисипи во время разлива. Ее волны выплескивались далеко за границы квартала.

В тот день Чикаго принял пятьдесят тысяч приезжих, явившихся из различных мест штата Иллинойс и из соседних с ним штатов, а также из Нью-Йорка, Пенсильвании, Огайо и Мэна. Гул голосов все усиливался, он висел над Конгресс-стрит, заполнял собой Лейк-парк и терялся в залитых солнцем водах Мичигана.

Часы начали отбивать двенадцать. Громким вздохом ответили присутствующие в зале, и, подобно сильному порыву ветра, он вырвался через окна здания на улицу, запруженную народом. Нотариус Торнброк встал со своего места. Тотчас наступила тишина — глубокая, взволнованная тишина, подобная той, какая бывает в промежутке между блеском молний и раскатом грома, когда вдруг становится тяжело дышать. Господин Торнброк, стоя у стола, занимавшего центр эстрады, скрестив руки на груди, с сосредоточенным лицом ждал, когда замрет последний звук последнего, двенадцатого удара часов. На столе перед ним лежал конверт, запечатанный тремя красными печатами с инициалами покойного.

Наконец наступил тот самый миг — и нотариус Торнброк сломал печать, вынул бумагу, на которой виднелась подпись, сделанная хорошо знакомым почерком завещателя, затем вчетверо сложенную карту и маленькую коробочку дюймом в длину, столько же в ширину и с полдюйма в высоту. Затем, вооружившись очками, пробежал глазами первые строчки документа и громким голосом, хорошо слышным даже в самых отдаленных углах зала, прочел следующее:

— «Мое завещание, написанное моей рукой, в Чикаго, третьего июля 1895 года. Будучи в здравом уме и твердой памяти, я составил акт, который включает в себе мою последнюю волю. Эту волю мистер Торнброк и мой коллега и друг Джордж Б. Хиггинботам, председатель «Клуба чудаков», обязуются исполнить полностью, так же как и распоряжения, касающиеся похорон».

Наконец-то настало время получить ответ на вопросы, мучившие жителей Чикаго, и разрешить все предположения и гипотезы, накопившиеся за дни лихорадочного ожидания!

Нотариус Торчброк, не обращая внимания на волнение слушателей, читал дальше:

— «...До сих пор ни один из членов «Клуба чудаков» не проявил никаких чудачеств. Равным образом и пишущий эти строки не выходил ни разу за пределы своего банального существования. Но то, что человеку не удалось совершить при жизни, может совершиться в том случае, если его последняя воля будет исполнена после смерти».

Одобрительный шепот пронесся по рядам присутствующих, и господин Торнброк сделал полуминутную паузу.

— «Мои дорогие коллеги,— опять начал нотариус,— вероятно, не забыли, что если я чувствовал к чему-нибудь сильную страсть, то только к благородной игре в «гусек», распространенной в Европе и особенно во Франции. Там считают, что она заимствована из Эллады, хотя греки никогда не видали, чтобы в игре принимали участие Платон, Фемистокл, Леонид, Аристид и Сократ,— никто вообще из героев ее истории. Я ввел эту игру в нашем клубе. Меня всегда горячо волновало разнообразие деталей и капризы всевозможных комбинаций, когда одна чистая случайность руководит теми, кто стремится одержать победу на оригинальном поле битвы».

Но для чего, с какой стати игра в «гусек», пусть благородная, неожиданно появилась в завещании Уильяма Дж. Гиппербона?.. Подобный вопрос пришел в голову каждому из слушавших нотариуса, а он продолжал:

— «Игра эта, как все знают, состоит из целой серии клеток, расположенных в известном порядке — с первой и по шестьдесят третью. В четырнадцати из них изображен гусь, домашняя птица, так несправедливо обвиняемая в глупости. Ей надлежало бы быть реабилитированной в тот самый день, когда она спасла Капитолий от нападения Бренна и его галлов».

Некоторые скептики из присутствующих начали думать, что покойный Уильям Дж. Гиппербон желал просто посмеяться над публикой, расточая похвалы представителям гусиного рода.

— «В означенной игре за вычетом четырнадцати вышеуказанных клеток остается еще сорок девять, из которых шесть заставляют играющих платить следующие штрафы: простой штраф — в номере шестом, «на мосту», двойной — игрок платит в девятнадцатой клетке, где вынужден оставаться в «гостинице», пропуская два хода; тройной штраф — в тридцать первом квадрате с «колодцем», в котором партнер сидит до тех пор, пока другой не явится занять его место; а также: двойной штраф — в сорок второй клетке с «лабирин-

том»; тройной штраф — в пятьдесят второй, где он попадает в «тюрьму», еще раз тройной — в пятьдесят восьмой клетке с «мертвой головой», откуда игрок обязан начать всю партию сызнова».

Нотариус Торнброк остановился, чтобы перевести дух после длинной тирады, а в зале раздались голоса нескольких недовольных. Они тут же были остановлены большинством зрителей, видимо, сочувственно относившихся к покойному. Но, в конце концов, не пришли же сюда все эти господа только для того, чтобы выслушать лекцию о благородной игре в «гусек»?!

— «...В конверте вы найдете сложенную карту и коробочку. На карте изображена игра в «гусек» с новым расположением клеток, которое я придумал и хочу теперь сообщить публике. В коробке две игральные кости, точная копия тех, какими я имел обыкновение пользоваться в своем клубе. Как самая карта, так и игральные кости предназначены для партии, которая будет сыграна на нижеследующих условиях».

Как?.. Речь идет о партии игры в «гусек»? Без сомнения, это мистификация, «утка», «хембэг»¹, как говорят в Америке. Внушительные возгласы: «Тише! Тише!» — прекратили поднявшийся было шум, и нотариус Торнброк смог вернуться к чтению:

— «...Вот что я решил предпринять в честь моей страны, любимой мной горячей любовью патриота. Ее штаты я подробно изучал, по мере того как их число увеличивалось, украшая новыми звездами флаг Американской республики».

Раздалось тройное «ура», многократно повторенное эхом Аудиториума, после чего водворилась тишина, так как любопытство публики достигло теперь высшего напряжения.

— «...Наше государство, не считая Аляски, которая присоединится к нам, как только к нам вернется Канада, состоит из пятидесяти штатов, занимающих площадь в восемь миллионов квадратных километров².

Если мы разместим их по клеткам в определенном порядке и повторим один из них четырнадцать раз, то получим карту, состоящую из шестидесяти трех клеток, такую же, как в благородной игре «гусек», превратив ее в игру Соединенных Штатов Америки».

Те, кто знаком с «гусеком», без труда уяснили идею Уильяма Дж. Гиппербона. Действительно, он очень удачно разместил в шестидесяти трех клетках все Соединенные Штаты.

¹ Х е м б э г — надувательство, обман.

² В настоящее время площадь США составляет 9,4 миллиона кв. км.

Аудитория разразилась аплодисментами, на улице они перешли в бурные овации.

— «...Оставалось только решить, какой из пятидесяти штатов будет фигурировать на карте четырнадцать раз. И мог ли я сделать лучший выбор, остановившись на том, который омывается водами Мичигана и может справедливо гордиться городом, почти столетия назад названном Царицей Запада,— словом, на штате Иллинойс? Границами его служат: на севере — озеро Мичиган, на юге — река Огайо, на западе — река Миссисипи и на востоке — река Уобаш. Штат является в одно и то же время континентальным и морским, он стоит в первом ряду великой федеральной республики».

Новый гром рукоплесканий и «ура», от которого, казалось, задрожали стены зала; раскаты его наполнили весь квартал и были повторены многотысячной толпой, охваченной горячим патриотическим чувством.

На этот раз нотариус на несколько минут прекратил свое чтение. Когда наконец водворилась тишина, публика услышала следующее:

— «Остается указать партнеров, призванных играть на громадной территории Соединенных Штатов по правилам прилагаемой карты. Ее напечатают в миллионах экземпляров, чтобы каждый гражданин мог следить за игрой. Участников, в числе шести человек, я выбрал по жребию, и в момент оглашения моей воли они должны находиться в зале Аудиториума. Им предстоит переезжать из одного штата в другой согласно числу очков».

Если Том Крабб ничего не понял в идее Уильяма Дж. Гиппербона, то этого нельзя сказать про commodора Уррикана, Гарри Т. Кембэла, Германа Титбюри, Макса Реаля и Лисси Вэг: они будут подобны фигурам шахматной доски в этой невероятной партии... Сейчас пятеро из шестерых избранных смотрели на себя — и точно так смотрели на них другие — как на исключительных существ, поставленных судьбой вне общества простых смертных.

— «...По истечении пятнадцати дней после чтения моего завещания,— читал Торнброк,— каждые два дня в зале Аудиториума в восемь часов утра нотариус Торнброк в присутствии членов «Клуба чудаков» будет выбрасывать игральные кости из футляра, громко объявляя о полученном числе очков, а затем извещать о нем игроков телеграммами. Каждый из них в это время должен находиться в определенной географической точке, а если его там не окажется, будет исключен из участия в партии. Принимая в расчет легкость и быстроту передвижения по всей территории федерации (е

границы партнеры не имеют права переступить), я решил, что пятнадцати дней вполне достаточно для каждого переезда».

Итак, если Макс Реаль, Годж Уррикан, Гарри Т. Кембэл, Герман Титбюри, Том Крабб и Лисси Вэг согласятся на участие в игре, заимствованной, как оказалось, не от греков, а от французов, то им придется строго подчиниться всем ее правилам.

— «...Все эти шестеро,— среди глубокого молчания раздался голос Торнброка,— будут путешествовать на свой счет, сами оплачивая штрафы, причем размер каждого штрафа определяется в тысячу долларов. При первой же неуплате играющий исключается из матча».

Тысяча долларов! А в том случае, если вмешается неудача и таких штрафов будет не один, а несколько, то образуется порядочная сумма. Разумеется, нашлись бы люди, готовые прийти на помощь тем, кто, по их мнению, имеет шансы на выигрыш. Но не станет ли карта Гиппербона очередным поводом для спекулятивной горячки, так свойственной гражданам свободной Америки?..

— «...Мое состояние, заключающееся как в движимом, так и в недвижимом имуществе, в промышленных, банковских и железнодорожных акциях, может быть оценено в шестьдесят миллионов долларов».

Это заявление было встречено одобрительным шепотом. Сумма показала внушительной даже в стране Гульдов, Беннетов, Вандербильдов, Рокфеллеров и других миллиардеров — королей сахара, пшеницы, муки, нефти, железных дорог, меди, серебра и золота!

— «...В благородной игре в «гусек», как известно, выигрывает тот, кто первым приходит в шестьдесят третью клетку. Причем, если выброшенные очки превосходят число, необходимое для попадания в нее, игрок возвращается назад — на столько клеток, сколько у него лишних очков. Наследником всего моего состояния назначаю выигравшего партию».

Итак, выигрывает только один... А его товарищи по путешествию ничего не получают?! И это после стольких волнений и расходов!

— «...Тот, кто при окончании партии окажется ближе других к шестьдесят третьей клетке,— продолжал Торнброк,— получит сумму, составленную из уплаченных штрафов в тысячу долларов каждый, сумму, которая может оказаться благодаря случаю очень значительной. Если по той или другой причине кто-то из участников выйдет из игры до окончания, ее продолжат остальные. В случае же отказа от игры всех, на

кого пал жребий, мое состояние целиком получит город Чикаго и, надеюсь, сумеет распорядиться деньгами наилучшим образом».

Заканчивалось завешание следующими строчками:

— «Такова моя последняя воля, исполнение которой поручено Джорджу Б. Хиггинботаму, председателю «Клуба чудаков», и моему нотариусу мистеру Торнброку. А теперь да руководят небеса этой партией, следя за всеми случайностями и да наградят они наиболее достойных!»

Громкое «ура» встретило финальный призыв, и зрители собрались уже покинуть зал, когда нотариус Торнброк, властным жестом призвав публику к молчанию, прибавил:

— Имеется еще приписка к завещанию.

Приписка?.. Неужели же будут сведены на нет все параграфы завещания и разоблачена наконец мистификация?

— «К шести участникам, избранным по жребию, будет присоединен еще седьмой по моему собственному выбору. Он будет фигурировать в матче под инициалами Х. К. Z. и пользоваться одинаковыми с другими конкурентами правами, подчиняясь тем же самым правилам. Его настоящее имя будет открыто в том случае, если он выиграет партию. Такова моя последняя воля».

Публика взорвалась. Но что сделаешь с последней волей покойного? Недоумевающие и заинтригованные чикагцы покинули зал Аудиториума.

ГЛАВА VI

Карта в действии

В тот день все вечерние, а на следующий — утренние газеты раскупались по двойной и тройной цене. И хотя их статьи и заметки в большой мере удовлетворяли любопытство масс, все же голос общественности властно требовал опубликования карты, приложенной к завещанию.

Благодаря заботам Джорджа Б. Хиггинботам и нотариуса Торнброка ее точную копию менее чем за сутки напечатали в количестве нескольких миллионов экземпляров и разослали по всей Америке. Вот в каком порядке расположились на ней пятьдесят штатов, из которых состояла Американская республика:

- Клетка 1 — Род-Айленд
- » 2 — Мэн
- » 3 — Теннесси
- » 4 — Юта

Клетка	5	—	Иллинойс
»	6	—	Нью-Йорк
»	7	—	Массачусетс
»	8	—	Канзас
»	9	—	Иллинойс
»	10	—	Колорадо
»	11	—	Техас
»	12	—	Нью-Мексико
»	13	—	Монтана
»	14	—	Иллинойс
»	15	—	Миссисипи
»	16	—	Коннектикут
»	17	—	Айова
»	18	—	Иллинойс
»	19	—	Луизиана
»	20	—	Делавэр
»	21	—	Нью-Гэмпшир
»	22	—	Южная Каролина
»	23	—	Иллинойс
»	24	—	Мичиган
»	25	—	Джорджия
»	26	—	Висконсин
»	27	—	Иллинойс
»	28	—	Вайоминг
»	29	—	Оклахома
»	30	—	Вашингтон
»	31	—	Невада
»	32	—	Иллинойс
»	33	—	Северная Дакота
»	34	—	Нью-Джерси
»	35	—	Огайо
»	36	—	Иллинойс
»	37	—	Западная Виргиния
»	38	—	Кентукки
»	39	—	Южная Дакота
»	40	—	Мэриленд
»	41	—	Иллинойс
»	42	—	Небраска
»	43	—	Айдахо
»	44	—	Виргиния
»	45	—	Иллинойс
»	46	—	Округ Колумбия
»	47	—	Пенсильвания
»	48	—	Вермонт
»	49	—	Алабама

- Клетка 50 — Иллинойс
» 51 — Миннесота
» 52 — Миссури
» 53 — Флорида
» 54 — Иллинойс
» 55 — Северная Каролина
» 56 — Индиана
» 57 — Арканзас
» 58 — Калифорния
» 59 — Иллинойс
» 60 — Аризона
» 61 — Орегон
» 62 — Индейская территория¹
» 63 — Иллинойс

В штате Иллинойс, под каким бы номером он ни значился, играющие не должны были останавливаться. Если, например, количество очков посылает их в одну из этих «гусиных» клеток, то число удваивается, и участник продолжает движение дальше. Таким образом (взглянем на карту!), если при первом же ударе костей играющий получит девятку, то, удваивая число очков, он, не задерживаясь, переходит из одной клетки с симпатичной птицей в другую такую же. И так дойдет до шестьдесят третьей с первого удара. Чтобы таким образом не сломать игру, существует правило: девятка, составленная из трех и шести, посылает игрока в двадцать шестую клетку (штат Висконсин), а те же очки, полученные из четырех и пяти, отправляют его в пятьдесят третью клетку (штат Флорида). Безусловно, число девять дает громадные преимущества перед остальными партнерами. Наконец, последнее замечание: когда одного из играющих нагоняет другой, первый должен уступить свое место сопернику и перейти в клетку, которую тот только что занимал. Правда, этот первый может улизнуть из своего квадрата до прибытия другого игрока.

Времени на то, чтобы явиться без опоздания в назначенное место, отводилось достаточно. Метание игральных костей происходило через каждые два дня, но так как игроков всего семь, то на долю каждого приходилось два раза по семь, то есть четырнадцать дней. Их вполне хватало для переезда из одного конца государства в другой, например из Мэна в Техас или из Орегона в самый крайний пункт Флориды.

Когда правила игры до мельчайших деталей стали извест-

¹ В 1906 году Индейская территория была присоединена к штату Оклахома. В 1959 году пятидесятым штатом стали Гавайи, которые раньше имели статус территории.

ны участникам партии, оставалось соглашаться или отступить. И они согласились.

Думать, что все с одинаковым удовольствием, конечно, неправильно. Коммодора Уррикана, Тома Крабба, точнее Джона Мильнера, и Германа Титбюри затея покойного оригинала, мягко говоря, не привела в восторг. Макс Реаль и Гарри Кембэл смотрели на дело с точки зрения профессионалов: один намеревался извлечь из путешествия побольше этюдов, другой — газетных заметок. Лисси Вэг еще пребывала в смятении, когда Джовита Фолей заявила ей:

— Дорогая моя, я хочу попросить Маршалла Филда дать отпуск не только тебе, но и мне. Мой долг проводить тебя до самой шестидесятой третьей клетки!

— Но ведь это же безумие! — воскликнула молодая девушка.

— Наоборот, очень разумно, — возразила Джовита. — Шестидесят миллионов долларов почтенного господина Гиппербона достанутся тебе...

— Мне?!

— Да, и ты, конечно, не откажешься дать мне половину за хлопоты...

— Все, если хочешь!

— Согласна! — ответила Джовита Фолей серьезнейшим тоном.

Никто из участников не рисковал застрять в дороге за недостатком средств или выбыть из игры за неуплату штрафов. Никто, за исключением Лисси Вэг.

— Не бойся ничего, — между тем говорила ей лучшая подруга. — Мы пожертвуем всеми нашими сбережениями.

— В таком случае мы не далеко уедем, Джовита!

— Очень далеко, Лисси!

— Но если судьба заставит нас платить штрафы?

— Судьба заставит нас только выиграть! — объявила решительная особа не допускающим возражений тоном. И Лисси решила с ней больше не спорить.

Жребий первым отправиться в путь выпал Максиму Реалу — обстоятельство, которое привело коммодора Уррикана в бешенство. Он положительно не мог переварить мысли, что получил шестой номер: после Макса Реала, Тома Крабба, Германа Титбюри, Гарри Кембэла и Лисси Вэг. А между прочим, последний из отъехавших может даже обогнать всех других, получив с первого удара девять очков и сразу отправившись в двадцать шестую или пятьдесят третью клетку. Такого рода случайности свойственны удивительным комбинациям, созданным (если верить легенде) народом с тонким, поэтиче-

ским вкусом, каким обладали изобретательные эллины (почтенный Гиппербон, как мы знаем, сомневался в их авторстве).

Посмертное чудачество Уильяма Гиппербона произвело громадное впечатление не только в Новом, но и в Старом Свете. Никто не сомневался, зная спекулятивную страсть американцев, что они будут ставить колоссальные суммы за удачу тех или других участников партии. И действительно, в Чикаго и в других городах Америки мгновенно появились агентства по приему пари, назначавшие специальные ставки на каждого из участников. Но они не могли функционировать, пока партия не началась. Все те, кто привык держать пари на бегах, ждали часа, чтобы поставить на шестерых, теперь уже семерых, то есть на каждого из них или на всех вместе. На чем же основывались ставки? Тут не имели значения ни список ранее взятых призов, ни перечень знаменитых родоначальников участвующих в бегах лошадей, как бывает на бегах, ни те или другие гарантии, предоставленные тренерами. Тут играли роль только личные качества участников.

Настало тридцатое апреля. Ровно в полдень нотариус Торнброк в присутствии Джорджа Хиггинботама, окруженного членами «Клуба чудачков», на глазах всех собравшихся в зале твердой рукой потряс коробочкой с игральными костями и выбросил их на карту.

— Четыре и четыре! — крикнул он.

— Восемь, — ответили в один голос присутствующие.

Цифра соответствовала клетке, назначенной завещателем для штата Канзас.

Накануне тиража Макс Реаль пропал из города. Пока он беззаботно бродил по окрестностям Чикаго в поисках наилучшего пейзажа для будущей картины, весть о его исчезновении быстро распространилась среди горожан. Бедная миссис Реаль (она уже переехала к сыну) не знала, что и думать: до метания костей оставалось десять часов, а мальчик еще не вернулся. Вдруг его что-то задержало в дороге! И только перед самой полночью беспечный сын, сияя улыбкой, появился на пороге дома. Когда на следующее утро нотариус Торнброк выкрикнул число очков, а затем имя первого участника — в зале наступило молчание. Его нарушил громовой голос Годжа Уррикана:

— Его нет!

— Он здесь! — раздалось в ответ, и молодой человек, приветствуемый аплодисментами, поднялся на эстраду.

— Готовы ехать? — спросил председатель «Клуба чудачков», подходя к художнику.

— Готов ехать... и выигрывать! — ответил Макс, улыбаясь. Коммодор в эту минуту был похож на людоеда из Папуа-Сии, готового проглотить живьем своего соперника.

ГЛАВА VII

Первый отъезжающий

На следующий день на вокзале Чикаго царил оживление, вызванное присутствием путешественника в костюме туриста с ящиком красок и кистей за спиной. Его сопровождал молодой негр с небольшим саквояжем в руках и сумкой через плечо. Оба намеревались сесть на поезд, отходивший в восемь часов утра.

Федеральная республика не испытывает недостатка в железнодорожных путях. Ее территория перерезана ими по всем направлениям. К этому прибавьте еще пароходы, как морские, так и речные. Говоря о Чикаго, можно сказать, что если туда легко приехать, то так же легко оттуда и уехать.

Максу Реалю нужно было выбрать одну из двух или трех железных дорог до Канзаса, который не граничит со штатом Иллинойс, но расположен сравнительно недалеко: за штатом Миссури. Все путешествие не превышало пятисот пятидесяти или шестисот миль. «Я не бывал в Канзасе,— сказал он себе,— и это прекрасный случай узнать «американскую пустыню», как называли когда-то этот штат. К тому же среди местных фермеров насчитывают немало канадских французов, я буду чувствовать себя там, как в своей семье. Мне ведь не запрещается выбрать любую дорогу, лишь бы только вовремя прибыть в назначенное место».

Записка, составленная Гиппербоном, обязывала Макса Реаля отправиться в Форт-Райли в Канзасе, и он мог явиться туда хоть на пятнадцатый день, все равно телеграмма, извещающая о числе очков, выпавших при втором метании, не придет раньше. Поэтому, избрав «дорогу школьников»¹, как выражаются французы, вместо того чтобы самым коротким путем направиться в Канзас, пересекая с востока на запад штаты Иллинойс и Миссури, он решил воспользоваться Грэнд-Трэнк — железнодорожной ветвью, которая тянется на протяжении трех тысяч семисот восьмидесяти шести миль от Нью-Йорка в Сан-Франциско, «от океана к океану», как говорят в Америке. Сделав около пятисот миль по железной дороге,

¹ «Дорога школьников» — французское выражение, означающее не самый прямой путь.

Макс Реаль достигнет Омахи на границе штата Небраска и оттуда на одном из пароходов, которые идут вниз по Миссури, доберется до Канзас-Сити, откуда направится в Форт-Райли.

Прежде чем рисковать большими суммами денег, держа пари за того или другого участника, болельщики желали собственными глазами увидеть каждого из них. Макс Реаль с первого же взгляда не расположил к себе своих практичных сограждан, явившись на перрон с ящиком красок, кистей, бумаги и тому подобных предметов. Придуманная Уильямом Гиппербоном партия вызвала к себе поистине общенациональный интерес и стоила того, чтобы к ней относиться серьезно. Не вложить в игру весь пыл, на какой способен, значило показать страшное пренебрежение к громадному большинству граждан свободной Америки.

Вот почему среди разочарованной публики, собравшейся на вокзале, не нашлось никого, кто захотел бы составить компанию игроку номер один хотя бы до первой остановки, чтобы тем самым выразить ему свою солидарность. Макс Реаль прекрасно устроился на одной из скамеек вагона, и Томми рядом с ним, так как уже миновало время, когда белые не потерпели бы в своем вагоне присутствия цветного пассажира.

Наконец раздался свисток, поезд дрогнул, и мощный паровоз с пронзительным ревом выбросил из своей широкой пасти целый сноп огненных искр и пара.

С точки зрения погоды, путешествие начиналось неудачно. В Америке на той же широте, что проходит и через северную Испанию, зима еще не кончается в апреле. На всем протяжении пути, по которому ехал Макс Реаль, совершенно отсутствуют горы, и атмосферные течения, устремляясь сюда из полярных районов, бушуют всюду. Правда, холод начинал понемногу сдавать под первыми лучами майского солнца, но сильные бури продолжали еще временами свирепствовать. Низкие тучи, приносящие сильные ливни, закрывали собой горизонт — досадное обстоятельство для художника, ищущего залитых солнцем пейзажей! И тем не менее лучше всего путешествовать по штатам в первые дни весеннего сезона, ибо позже жара здесь становится нестерпимой.

Теперь несколько слов о молодом негре, которого молодой художник взял с собой в это путешествие. Юноше, рожденному уже свободным гражданином, исполнилось семнадцать лет. Освобождение рабов в Америке произошло во время войны Северных штатов с Южными, закончившейся лет за тридцать до нашей истории (к большой чести американцев и всего человечества). Родители Томми, жившие в эпоху рабства, родились в Канзасе, где борьба между аболиционистами и

плантаторами штата Виргиния проходила особенно напряженно. Но родителям Томми повезло: у справедливого и доброго хозяина они были чуть ли не членами его семьи. А потому, когда вошел в силу билль об уничтожении рабства, не захотели уходить от него, точно так же, как и хозяин не подумал с ними расставаться. У Томми счастливые дни детства кончились со смертью родителей и хозяина. Осиротев, он оказался в большом затруднении, возможно, поэтому не мог оценить преимуществ, которые принес ему акт освобождения. Впрочем, в этом он ничем не отличался от многих старших своих братьев по крови, не знавших, как поступить со свалившейся на них свободой. Как малые дети, они не понимали, зачем из слуг-рабов превратились в слуг вольнонаемных? К счастью, Томми удалось по рекомендации поступить к Максу Реаль. Довольно развитой и готовый любить каждого, от кого видит хоть чуточку добра, он скоро привязался к Макс. Но не бывает счастья без печали. Молодого слугу огорчало, что он не принадлежит своему хозяину всецело, не является полной его собственностью.

— Но зачем тебе это нужно? — спрашивал Макс Реаль.

— Если бы вы были настоящим хозяином, если бы вы меня купили, я был бы совсем уже вашим.

— А что бы ты выиграл, мой мальчик?

— Вы не могли бы тогда меня прогнать, как это делают со слугами, которыми недовольны.

— Но, Томми, кто же думает тебя прогонять? И подумай, своего раба я мог бы всегда продать.

— Все равно... я не мог бы самовольно уйти от вас.

— Успокойся, возможно, я тебя куплю когда-нибудь.

— Но у кого, раз я ровно никому не принадлежу?

— У тебя... У тебя самого... когда разбогатею... и за такую дорогую цену, какую ты только назначишь!

Томми одобрительно кивал, глаза его блестели, он улыбался, открывая два ряда сверкающих белоснежных зубов. Бедный малый становился совершенно счастлив при мысли, что в один прекрасный день он сможет продать себя своему хозяину, которого полюбил за это обещание еще больше. Разумеется, путешествие вдвоем с Максом вызывало в его душе настоящий восторг.

Сам Макс Реаль пребывал в весьма мрачном настроении, глядя в забрызганные грязью и дождевыми каплями стекла вагонного окна. Увы, приходилось проезжать через страну, не видя ее. Все терялось в сероватых тонах, так нелюбимых художниками, — небо, поля, города, местечки, дома, вокзалы. Пейзажи Иллинойса погрузились в туман: никаких призна-

ков Ороры, Йорквилла, Мендоты, Принстона и Рок-Айленда с его изумительным мостом, переброшенным через Миссисипи (её быстрые воды окружают остров Рок). Никаких признаков всех этих владений штата, превращенных в арсенал, где сотни пушек выглядывают из-за зеленых деревьев и цветущих кустарников. Молодой художник злился. Если он не увидит ничего, кроме бури, дождя и тумана, то лучше уж спать весь день (что Томми добросовестно и проделывал). К вечеру дождь перестал. Облака стали выше, и солнце садилось, окутанное золотистой парчой далекого горизонта, устроив настоящий праздник для глаз художника. Но скоро вечерний сумрак окутал всю область, граничащую с Айовой. Переезд через эту территорию не доставил Максусу никакого наслаждения. Вскоре он закрыл глаза и раскрыл их лишь на рассвете.

«Я сделал глупость,— сказал он себе проснувшись.— Вчера я мог бы высадиться в Рок-Айленде и провести там день. Чтобы попасть оттуда в Давенпорт, расположенный на берегу Миссисипи, нужно только пересечь реку, и я увидел бы наконец знаменитого Отца вод»¹. Но было поздно об этом думать. Поезд мчался на всех парах по равнинам штата Айова. Макс Реаль не мог хорошенько разглядеть ни Айова-Сити, лежавшего в одноименной долине и бывшего в течение шестнадцати лет столицей штата, ни Де-Мойна — его теперешней столицы, старинной крепости, построенной при слиянии рек Де-Мойна и Раккун.

Солнце взошло, когда поезд остановился в Каунсил-Блафсе, пограничном городе Айовы. Всего в трех милях от него находилась Омаха — важный город штата Небраска. Река Миссури является его природной границей. Там некогда возвышалась Скала Совета, куда собирались вожди индейских племен, оттуда начинали свой путь покорители Дикого Запада к отрогам Скалистых гор и к Новой Мексике. Но Макс Реаль больше не упустит случая и выйдет на первой станции Центральной Тихоокеанской железной дороги.

— Вставай! Идем! — сказал он своему спутнику.

— Но разве мы уже приехали? — спросил Томми, открывая глаза.

— Очевидно, куда-то приехали, раз мы где-то уже находимся.

После такого весьма положительного ответа оба они — один с ящиком за спиной, другой с саквояжем в руках — спрыгнули на перрон вокзала.

¹ Отец вод — название реки Миссисипи на языке алгонкинов, большого индейского племени, населявшего окрестности штата Оттава (Канада).

Первый пароход отчаливал от набережной Омахи в десять часов утра, а было еще только шесть, и у них оставалось достаточно времени, чтобы погулять по Каунсил-Блафсу, на левом берегу Миссури. Будущий хозяин и будущий невольник быстро шли по дороге, тянувшейся между железнодорожными путями, заканчивающимися двумя мостами (получался двойной путь сообщения с важнейшим городом штата Небраска).

Небо прояснялось, и через разорванные тучи солнце посылало на равнину снопы утренних лучей. Какое удовольствие после двадцати четырех часов, проведенных в железнодорожном вагоне, идти по дороге легким, быстрым шагом! Правда, Макс Реаль не мог даже подумать о том, чтобы зарисовать на ходу какой-нибудь ландшафт: перед его глазами расстились одни только длинные бесплодные берега, мало привлекательные для кисти художника. Поэтому он пошел прямо к Миссури, притоку Миссисипи, который назывался когда-то Мизе-Сури-Пети-Кануи, что по-индейски значит Тинистая река. В трех тысячах миль отсюда ее быстрые воды брали свое начало.

В Омахе вместе с его южным предместьем насчитывается не менее ста пятидесяти тысяч жителей. Промышленный подъем, или «бум», правильно названный Элизе Реклю «периодом реклам, спекуляций, ажиотажа и напряженнейшего труда», в 1854 году вывел город из прежнего состояния полной заброшенности, снабдив его всеми продуктами промышленности и цивилизации. Так разве могли жители Омахи не разделять страсти соотечественников к азартным играм и не принять участия в ставках крупномасштабной игры в «гусек»? И вот один из участников не соблаговолил сообщить о своем приезде. Решительно, этот Макс Реаль не желал привлечь к себе симпатии сограждан!

Как раз в Омахе начинается длинная железнодорожная линия, называемая Тихоокеанской дорогой, она тянется между Омахой и Огденом, а также Южной Тихоокеанской дорогой, соединяющей Огден с Сан-Франциско. Что касается путей, по которым из Омахи можно проехать в Нью-Йорк, то их так много, что путешественникам остается только выбирать.

Продолжая соблюдать инкогнито, Макс миновал главные кварталы, разделившие город на ровные квадраты. В десять часов утра в сопровождении Томми он подошел к берегу Миссури и спустился вниз по набережной к пароходной пристани. Пароход «Дин Ричмонд» был готов к отплытию. Молодой художник и негр устроились в верхней крытой галерее задней части судна. (О, если бы пассажиры знали, кто плывет вместе

с ними по миссурийским водам до города Канзаса, как восторженно они его приветствовали бы!)

Десять минут одиннадцатого пароход снялся с якоря. Мощные лопасти пришли в движение, и он поплыл вниз по течению, усеянному кусочками пемзы, добываемой в ущельях Скалистых гор.

Берега Миссури на территории Канзаса, ровные и покрытые зеленой растительностью, не столь живописны, как в верхнем течении, где гранитные отроги горной цепи создают причудливый, почти фантастический вид. В Канзасе желтые воды Миссури не встречают на своем пути препятствий: ни искусственных заграждений, ни больших водопадов, ни страшных водоворотов. Но благодаря многочисленным притокам, несущим свои воды из самых отдаленных районов Канады, река здесь очень полноводна и глубока. Главный из этих притоков известен под именем Йеллоустон-Ривер.

«Дин Ричмонд» быстро плыл среди целой флотилии пароходов и парусных лодок, которых много в нижнем течении реки, тогда как верхнее непригодно для навигации: зимой — из-за массы льдов, а летом — из-за многочисленных мелей, появляющихся в результате длительных и сильных засух. Вскоре наши герои доплыли до Платт-Сити, города, названного так в честь реки, на которой он стоит. Она носит еще другое название — Небраска, но первое — Платт (Плоская) — ей больше подходит, потому что берега здесь открытые и плоские, густо заросшие травой, и дно неглубоко. Покинув Платт-Сити, пароход проплыл еще двадцать пять миль и причалил к пристани города Небраска. Его можно назвать портом столицы штата — Линкольна, который расположен в двадцати лье¹ от берега.

После полудня Макс Реаль мог сделать несколько эскизов, проезжая Этчинсон, а также зарисовать восхитительные окрестности Ливенуэрта, там, где через Миссури перекинут один из самых красивых ее мостов. Здесь стоит крепость, построенная в 1827 году для защиты от нападения индейских племен.

Около полуночи молодой художник и Томми вышли на пристани в Канзас-Сити. Между прочим, здесь на правом берегу Миссури, образующей затянутую петлю, находятся два Канзаса, разделенные рекой: один из них принадлежит штату Канзас, а другой — штату Миссури. Второй Канзас гораздо больше, в нем сто тридцать тысяч жителей, а в первом всего только тридцать восемь. Впрочем, Макс Реаль не имел ни малейшего желания оставаться более двух суток ни в одном из двух Канзасов. Они так походили друг на друга, что достаточ-

¹ Лье — старинная французская мера длины, ок. 4,5 м.

по было полюбоваться на один, чтобы составить полное представление о другом. Вот почему утром четвертого мая он отправился в дальнейший путь, который должен привести его в Форт-Райли. Разумеется, художник опять воспользовался железной дорогой, дав себе слово выходить на всех станциях в поисках интересных пейзажей.

Слов нет, эти места уже мало напоминали «американскую пустыню» прежних лет. Но их неизъяснимая прелесть все еще могла высечь искру вдохновения в душе художника. Обширная равнина постепенно поднимается к западу и на границе со штатом Колорадо достигает пятисот туазов¹. Ее волнообразную поверхность пересекают широкие, покрытые лесом низины, сочными красками оживляющие степь, уходящую далеко к горизонту. Сто лет назад здесь кочевали индейские племена — канзас, нэз-перс, отеас — гордые сильные люди, называемые теперь попросту краснокожими.

Но ушли в прошлое не только дымки вигвамов и типи — исчезли сосновые и кипарисовые рощи, их сменили миллионы фруктовых деревьев и многочисленные парники, где выращиваются ягоды и виноград. Громадные пространства, занятые культурой сахарного сорго, чередуются с полями ячменя, пшеницы, гречихи, овса и ржи. Что до цветов, то здесь было их царство. Какое изобилие разнообразных сортов! По берегам реки Канзас растет много видов белой полыни с пушистыми листьями, причем и травянистой, и кустарниковой, издающей запах скипидара.

Через неделю наш путешественник добрался до столицы Канзаса. Своим названием Топика обязана зарослям дикого картофеля, покрывающим сплошь склоны долины. Город расположен на южном берегу реки, а его предместье — на противоположном. Полдня отдохнув, Макс Реаль и молодой негр приступили к осмотру столицы. Тридцать две тысячи жителей не имели никакого понятия о том, что среди них находится участник знаменитой партии, чье имя то и дело мелькало в газетах. А сам он на рассвете четырнадцатого мая выехал из города, сохранив до конца свое строгое инкогнито.

Форт-Райли, лежащий на слиянии двух рек, Смоки-Хилл и Репабликан, был теперь всего в каких-нибудь шестидесяти милях. Макс мог приехать туда в тот же вечер или же на утро следующего дня, если бы ему не пришла фантазия снова побродить по окрестностям. Поэтому вскоре после полудня Макс Реаль и Томми вышли из вагона на станции в трех или четырех милях от Форт-Райли, надеясь за полдня пройти это

¹ Туаз — старинная французская мера длины, ок. 2 м.

расстояние. Хозяин и слуга направились к левому берегу реки Канзас — чарующий пейзаж внезапно открылся их взорам: над изгибом русла, где свет капризно переплетался с тенью, высоко росло одно уцелевшее дерево старой кипарисовой рощи. Длинные пышные ветви простирались далеко над водой. Внизу виднелись развалины нескольких хижин из необожженного кирпича, а за ними красиво раскинулась обширная долина, пестревшая цветами, в золотых пятнах подсолнечников. За рекой зеленели деревья, и их густую листву местами прорезывали яркие солнечные лучи.

— Прелестное место! — сказал художник. — В какие-нибудь два часа покончу с эскизом.

А между тем с ним самим едва здесь не «покончили».

Молодой художник уселся на берегу, держа перед собой натянутый на крышку ящика холст. Он сосредоточенно работал минут сорок, ничем не отвлекаясь, когда с запада послышался какой-то отдаленный шум, *quadrupedante putrem sonitu*¹ Вергилия. Казалось, по равнине несется несметный табун лошадей.

Томми сладко дремал, лежа под деревом. Его хозяин не поворачивал головы от холста с этюдом.

Шум увеличивался, на горизонте уже поднялись целые облака пыли. Томми проснулся и поглядел в сторону, где гудела земля.

— Хозяин! — вскричал он.

Но тот был так углублен в свою работу, что ничего ему не ответил.

— Хозяин! — повторил Томми испуганным голосом, подбегая к Макс Реалю.

— Да что с тобой, Томми? — с досадой спросил художник, продолжая озабоченно смешивать краски кончиком кисти.

— Хозяин... Но разве вы и сейчас ничего не слышите? — вскричал Томми.

Все усиливающийся гул услышал бы и глухой.

Макс Реаль вскочил и, бросив палитру на траву, побежал к самому берегу реки. На расстоянии каких-нибудь пятисот шагов, подымая целые тучи пыли, катилась лавина, издавая ужасающие звуки — дикий топот и ржание. Несколько минут, и она будет тут!

Схватив все принадлежности для рисования, Макс Реаль, сопровождаемый или, правильнее, предшествуемый Томми, кинулся бежать со всех ног.

¹ «Топот звонких копыт...», цитата из поэмы великого римского поэта Вергилия (70—19 гг. до н. э.) «Энеида».

Огромный вал, приближавшийся с невероятной быстротой, состоял из нескольких тысяч лошадей и мулов, которых этот штат развел когда-то в лесных заповедниках на берегу Миссури. Но с тех пор, как вошли в моду автомобили и велосипеды, «четвероногие моторы», предоставленные самим себе, блуждали на свободе, перекочевывая из одного конца Канзаса в другой. На этот раз, видимо чем-то страшно перепуганные, они галопировали уже в течение нескольких часов. Никакие препятствия не могли их остановить. Хлебные поля, опытные станции — все было растоптано и разрушено, и если река не станет для них непреодолимой преградой, то что остановит их бешеную скачку?

Макс Реаль и Томми уже бежали из последних сил и скоро оказались бы под ногами грозной орды, если бы не дерево, единственное на всем пространстве этой равнины. Им едва удалось вскарабкаться на нижние ветви орешника, а мимо с оглушительным топотом уже мчались разгоряченные животные. Когда последние ряды страшного табуна исчезли за поворотом реки, Макс Реаль потянул своего спутника вниз. Но Томми не очень-то спешил покинуть ветку орешника, на которой удобно уселся верхом.

— Скорей же, говорю тебе, иначе я потеряю шестьдесят миллионов долларов и не смогу сделать из тебя жалкого невольника!

Заставив своего юного слугу сползти наконец с дерева, художник быстро зашагал по равнине к далеким огонькам, сверкавшим на горизонте. Когда на городской башне пробило восемь, Макс Реаль и Томми вошли в роскошный «Джексон-отель».

Итак, первый из избранных уже находился в своей восьмой клетке, в Форт-Райли, в самом центре штата Канзас (его можно считать и геометрическим центром страны). Сохранить инкогнито на этот раз уже было невозможно. Стоило Макссу навеститься утром в почтовое отделение, как весть о его пребывании в городе распространилась с быстротой света. Художник вернулся в отель, сопровождаемый громкими «ура», которые его порядком сердили.

ГЛАВА VIII

Том Крабб, тренируемый Джоном Мильнером

Одиннадцать очков — это неплохой удар, уж если не удалось получить девяти. Правда, место, куда посылали игральные кости, находится на порядочном расстоянии от Иллиной-

са — обстоятельство, которое прошло мимо сознания самого игрока, но вызвало недовольство у его импресарио.

Им выпал Техас, самый обширный из всех американских штатов (площадью он превосходит всю Францию). Юго-западный штат Конфедерации граничит с Мексикой, от которой он отошел в 1835 году, после жаркой битвы, выигранной генералом Хьюстоном у генерала Санта-Анна.

Том Крабб мог попасть в Техас двумя путями. Покинув Чикаго, он мог направиться в Сент-Луис и, сев там на пароход, доехать по Миссисипи до Нового Орлеана или же сделать этот переезд по железной дороге, которая идет напрямик в главный город Луизианы (пересекая штаты Иллинойс, Теннесси и Миссисипи). Оттуда можно выбрать одну из кратчайших дорог, ведущих в Остин, столицу Техаса, — пункт, указанный в завещании Уильяма Гиппербона.

Джон Мильнер предпочел воспользоваться железной дорогой, чтобы перевезти Тома Крабба в Новый Орлеан.

— Итак, когда вы отправитесь в путь? — спросил его репортер газеты «Фрейе прессе».

— Сегодня вечером.

— И багаж готов?

— Мой багаж — это Крабб, — ответил Джон Мильнер. — Он заполнен, закрыт и перевязан. Остается доставить его на вокзал.

— А что он по этому поводу говорит?

— Ровно ничего. Как только он покончит с шестой едой, мы вместе отправимся к поезду.

— У меня предчувствие, что Тома Крабба ждет удача.

— У меня тоже.

Тренер не стремился сохранять инкогнито чемпиона Нового Света. Человек с такой заметной внешностью не мог бы не обратить на себя внимание. Скрыть его отъезд было нельзя, и в этот вечер на перроне вокзала собралась целая толпа, с интересом наблюдавшая за тем, как кулачного бойца вталкивали в вагон при громких криках «ура» присутствующих.

Поезд тронулся, и, казалось, паровоз сразу ощутил чрезвычайную нагрузку.

За ночь проехали триста пятьдесят миль и на следующий день прибыли в Фултон — окраину Иллинойса (на границе со штатом Кентукки). Том Крабб совершенно не интересовался местностью, по которой проезжал. А между тем за Кентукки следовал штат Теннесси, занимавший четырнадцатое место в Америке. Боксеру не пришло в голову взглянуть на Нашвилл, теперешнюю столицу штата, и поле битвы при Чаттануге, где

Шерман¹ открыл южные дороги федеральным армиям², и тем более сделать крюк в сотню миль от Гранд-Джанкшена, чтобы почтить своим присутствием Мемфис³. Этот город на левом берегу Миссисипи расположился не где-нибудь, а на скале, возвышающейся над великолепной рекой, усеянной цветущими зелеными островами.

Тренер не мог позволить колоссальным ногам Тома Крабба незапланированную прогулку по городу с египетским названием. Поэтому Джону Мильнеру не представилось случая спросить у старожилов, зачем шестьдесят лет назад правительство сочло нужным построить здесь, так далеко от берега моря, арсеналы и верфи (теперь совершенно заброшенные), и услышать ответ, что «Америке подобные ошибки так же свойственны, как и всяким другим странам».

Поезд пересек южную границу штата Теннесси и повез второго партнера и его компаньона все дальше через равнины штата Миссисипи. Вскоре, миновав Холли-Спрингс и Гренаду, они прибыли в Джэксон (этот городок является столицей не имеющего большого значения района, где исключительная по интенсивности культура хлопка сильно задержала общее развитие промышленности и торговли). На перроне появление Тома Крабба произвело громадное впечатление. Несколько сотен любопытных явились посмотреть на прославленного бойца. Правда, он не обладал ни ростом Адама (которому приписывали девяносто футов), ни Авраама (восемнадцать футов), ни даже Моисея⁴ (двенадцать футов), но все же был представителем гигантов рода человеческого. Среди встречавших находился один ученый, почтенный Кил-Кирнэй, который, с необыкновенной точностью измерив чемпиона Нового Света, сделал следующее весьма обстоятельное заключение.

— Господа,— сказал он,— в результате проделанных мною исторических изысканий удалось найти главнейшие измерения, относящиеся к гигантографическим работам и записанные по десятичной системе. Вот они. В семнадцатом веке

¹ Шерман Уильям Текумсе (1820—1891) — главнокомандующий армией Севера в последний период гражданской войны 1861—1865 годов.

² Федеральные армии — правительственные армии, воевавшие с южанами во время гражданской войны (Севера и Юга), когда штаты Юга вышли из состава США и образовали рабовладельческую конфедерацию.

³ Мемфис — древнеегипетский город, в период Древнего царства (III тыс. до н. э.) столица Египта.

⁴ Адам — по библейской истории, первый человек; Авраам — избранный Господа, заключивший с ним «завет», один из патриархов, родоначальник евреев. Моисей — первый пророк, религиозный наставник, законодатель, вождь еврейского народа во время его исхода из Египта. Народная легенда наделяет их необыкновенным ростом.

жил Вальтер Парсон, ростом в два метра двадцать семь сантиметров. В семнадцатом веке: немец Мюллер из Лейпцига, ростом в два метра сорок сантиметров, англичанин Бернсфильд, ростом в два метра тридцать пять сантиметров, ирландец Маграт, ростом в два метра тридцать сантиметров, ирландец О'Бриен, ростом в два метра пятьдесят пять сантиметров, англичанин Толлер, ростом в два метра пятьдесят пять сантиметров, испанец Эласежэн, ростом в два метра тридцать пять сантиметров. В девятнадцатом веке явились: грек Овассаб, ростом в два метра тридцать три, англичанин Хэлс из Норфолка, ростом в два метра сорок, немец Марианн, ростом в два метра сорок пять, и китаец Шанг, ростом в два метра пятьдесят пять сантиметров. Рост же Тома Крабба,— считаю нужным заявить его почтенному тренеру,— от пяток до макушки составляет всего только два метра тридцать...

— Что вы хотите этим сказать? — перебил ученого мужа Джон Мильнер.— Не могу же я его удлинить!

— Разумеется, нет,— продолжал мистер Кил-Кирнэй,— я и не прошу... Но, во всяком случае, он уступает всем этим...

— Том,— сказал Джон Мильнер,— ударь-ка хорошенько господина ученого в грудь, чтобы он мог узнать заодно и силу твоего бицепса!

Уважаемый Кил-Кирнэй не пожелал подвергаться опасному эксперименту и удалился медленным, преисполненным достоинства шагом.

Но Тома Крабба все же встретили шумными рукоплесканиями, когда Джон Мильнер от его имени сделал вызов всем любителям бокса. На этот вызов никто не ответил, и чемпион Нового Света отправился в свое купе, сопровождаемый горячими пожеланиями успеха от всех присутствующих.

Наконец поезд пересек с севера на юг штат Миссисипи и достиг границы штата Луизиана у станции Рокки-Комфорт, далее, у Карролтона, подошел к реке шириной в четыреста пятьдесят туазов, которая делает здесь петлю, огибая главный город штата. В Новом Орлеане Том Крабб и Джон Мильнер оставили поезд. В запасе у них оставалось еще тринадцать дней, чтобы попасть в назначенный день в столицу Техаса любым путем: сухим, по Тихоокеанской железной дороге, или морским. Джон Мильнер выбрал морской — до Галвестона, а оттуда до Остина железной дорогой. От Нового Орлеана до Галвестона триста миль; при скорости двенадцать миль в час туда можно попасть за полтора-два дня.

Джон Мильнер не счел нужным советоваться с Томом Краббом. Покончив с последней в этот день едой, знаменитый

боксер улегся в номере портовой гостиницы и проспал до утра. На другой день капитан «Шермана» приветствовал чемпиона Нового Света.

— Почтенный Том Крабб,— сказал он,— ваше пребывание на моем пароходе — честь для всего экипажа!

Боксер, по-видимому, не понял, что сказал ему капитан Кертис, но глаза инстинктивно устремились к дверям, ведущим в столовую.

— Поверьте,— продолжал морской волк,— я сделаю все возможное, чтобы в самый короткий срок доставить вас в надежную гавань, не скупясь на горючее и не экономя пара. Я сам стану душой цилиндров, балансира¹ и колес, которые завертятся для того, чтобы обеспечить вам славу и деньги!

Рот Тома Крабба открылся для ответа, но тотчас закрылся, чтобы через минуту открыться и снова закрыться. Это указывало на то, что час первого завтрака пробил на стенных часах его желудка.

— Моя кладовая с провизией в вашем распоряжении,— заявил капитан Кертис.— Будьте уверены, в Техас поспеем в срок, даже если придется открыть все предохранительные клапаны, рискуя взлететь на воздух.

— Это было бы большой ошибкой накануне выигрыша шестидесяти миллионов долларов,— вставил Джон Мильнер со свойственным ему благоразумием.

«Шерман» шел по южному проходу среди тростников и камышей, растущих вдоль низких берегов. Возможно, обонятельный нерв путешественников раздражался болотным газом, образуемым брожением органических веществ на дне реки, зато не было опасности сесть на мель. В это время года уровень воды всегда высок. В апреле, мае и июне Миссисипи вздувается от разливов, а опускается вода лишь в ноябре. Пароход легко и быстро достиг порта Идс, названного так по имени инженера, которому американцы обязаны обустройством южного фарватера². Здесь Миссисипи впадает в Мексиканский залив (ее длина составляет не менее четырех с половиной тысяч миль³). Обогнув последний мыс, «Шерман» повернул на запад.

Как чувствовал себя Том Крабб? Очень хорошо. Позавтракав, пообедав и поужинав в обычные часы, он отправился спать, и когда на следующее утро появился на своем всегдаш-

¹ Б а л а н с и р — качающееся коромысло паровой машины.

² Ф а р в а т е р — проход или определенный путь для безопасного плавания судов.

³ М и л я — морская: 1,852 км, сухопутная: 1609 км. По Ж. Верну, длина Миссисипи (от истоков Миссури) — 7240 км, по современным данным — 6420 км.

нем месте, в задней части спардека¹, то имел очень свежий и довольный вид. Корабль сделал уже около пятидесяти миль по заливу, на севере смутно вырисовывались очертания все удалявшегося низкого берега.

Впервые Том Крабб пускался в плавание по открытому морю, и начавшаяся боковая и килевая качка сначала его только удивила. Мало-помалу удивление сменилось гримасой страдания, на лице, обычно таком румянном, появилась бледность. «Уж не заболел ли?..» — встревожился тренер, подходя к скамье, на которую грузно опустился боец.

— Как настроение? — спросил он.

Том Крабб открыл рот, но на этот раз не голод заставил раздвинуться его челюсти, хотя час первого завтрака уже пробил. «Шерман» сильно накренился под напором волны — струя соленой воды влилась боксеру в горло. Том Крабб отодрался от скамьи и рухнул на палубу.

Чемпион хотел подняться, но все усилия оказались тщетны.

Капитан Кертис, почувствовав сильное сотрясение, поспешил к задней части спардека.

— Вижу, вижу, — проговорил он. — Но это пустяки, конечно, и почтенный Том Крабб скоро привыкнет. Немыслимо, чтобы такой человек страдал от морской болезни!

Никогда еще пассажиры не присутствовали при более печальном зрелище. Тошнота, как известно, является уделом хилых, болезненных натур. У них она протекает вполне нормально, не насилуя природы, но человек такой комплекции и силы!.. Не будет ли с ним того же, что бывает с высотными зданиями, больше подверженными сокрушительной силе землетрясения, нежели самая хрупкая хижина какого-нибудь индейца?.. Она остается целой в то время, как небоскреб всей своей массой обрушивается на землю.

Увы, Том Крабб «разошелся в пазах» и грозил превратиться в груды развалин. Джон Мильнер вмешался в дело.

— Нужно бы его отсюда оттащить, — сказал он.

Для такой работы капитан Кертис призвал боцмана и двенадцать матросов. Общими усилиями они старались поднять чемпиона Нового Света, но тщетно. Пришлось катить его по спардеку, как какую-нибудь бочку, потом при помощи двух соединенных блоков спустить на нижнюю палубу, пока наконец не доволокли к рубке, где Том Крабб и остался лежать в полной прострации².

¹ Спардек — верхняя палуба у старых трехпалубных судов.

² Прострация — состояние человека, характеризующееся упадком сил и психической активности — при переутомлении, после сильного потрясения или нервного заболевания.

— Я думаю,— заметил Джон Мильнер, обращаясь к капитану Кертису,— всему виной отвратительная соленая вода, которой Том наглотался! Если бы еще алкоголь...

— Если бы это был алкоголь,— ответил рассудительный капитан,— море давно уже выпили бы до последней капли и никакой навигации не существовало бы.

Все складывалось до крайности неудачно. Ветер, дувший с запада, резко переменял направление. Он все свежел, а боковая и килевая качка все усиливалась. Когда пароход идет против волн, он много теряет в скорости, поэтому плавание теперь продлевалось до семидесяти или восьмидесяти часов вместо сорока! Короче говоря, Джон Мильнер пережил все фазы волнения и тревог в то время, как его спутник переживал все фазы ужасной болезни: встряску внутренностей, нарушение кровообращения и головокружение, какого не вызвало бы даже самое сильное опьянение. Одним словом, Тома Крабба оставалось только подобрать лопатой (говоря языком капитана Кертиса).

Наконец, девятого мая около трех часов пополудни после страшного порыва ветра появились берега Техаса, окаймленные дюнами из белого песка и защищенные непрерывным рядом островов, над которыми летали стаи громадных пеликанов. Джон Мильнер лелеял надежду, что его компаньон скоро победит неприятную болезнь и снова примет человеческий облик, когда «Шерман», войдя в залив Галвестон, укроется от бурного моря. Но несчастному Тому Краббу не удалось принять приличный вид, даже когда он очутился в спокойных водах.

Город Галвестон построен на самом конце песчаного мыса, с материком его соединяет виадук¹.

Пароход прошел фарватер и направился к месту своей стоянки. Джон Мильнер не мог сдержать возгласа ярости, увидев, что несколько сот любопытных собрались уже на набережной. Извещенные по телеграфу о прибытии Тома Крабба в Галвестон они явились встречать его на пристань. И что же мог представить им тренер вместо чемпиона Нового Света, второго участника матча Гиппербона?.. Бесформенную массу, больше похожую на пустой мешок, чем на человеческое существо. На носилках его перенесли в «Бич-отель».

Но, в конце концов, не все потеряно. Завтра, после спокойной ночи и целого ряда искусно скомбинированных кушаний, Том Крабб, без сомнения, обретет жизненную энергию и при-

¹ Виадук — мостовое сооружение для переезда или перехода через всевозможные преграды, за исключением водных, овраги, ущелья дороги и т. д.

сушую ему силу. Так думал Джон Мильнер, но он глубоко ошибался: ночь не принесла облегчения чемпиону. Помрачение всех способностей на другой день было таким же глубоким, как и накануне. С момента, как он очутился на твердой земле, его рот все время оставался герметически закрытым. Он не требовал пищи, желудок не издавал привычных сигналов в положенные часы еды. Так прошел день десятого мая, затем настало одиннадцатое, а шестнадцатого мая наступал срок прибытия в Остин. Джон Мильнер рассудил, что лучше приехать слишком рано, чем слишком поздно. Поэтому Том Крабб был препровожден к вокзалу на ручной тележке и внесен в вагон как багаж. Чемпиону Нового Света и его тренеру предстоял переезд в сто шестьдесят миль до столицы Техаса.

Великолепная страна этот Техас, с ее бесконечными прериями, полноводными реками и бесплодными скалами! Земля, на которой когда-то кочевали команчи. На западе она сплошь покрыта девственными лесами, пышными магнолиями, смоковницами, акациями, пальмами, дубами, кипарисами, кедрами, громадными рощами апельсиновых деревьев и кактусами, наиболее красивыми из всей флоры. Техас дает сахарный тростник лучше того, что растет на Антильских островах, табак, превосходящий мэрилендский и виргинский, и хлопок, качеством выше того, что производится в штатах Миссисипи и Луизиана. Отдельные техасские фермы обладают площадью земли в сорок тысяч акров, в них насчитывается столько же голов скота, на их ранчо выращиваются тысячи лошадей самой лучшей породы.

Но могло ли все это интересовать Тома Крабба, который никогда ни на что не смотрел, и Джона Мильнера, смотревшего на одного лишь Тома Крабба?

Вечером поезд остановился на станции Хьюстон, где находится склад товаров, доставляемых по рекам Тринити, Бразос и Колорадо, а на следующий день очень рано Том Крабб вышел из поезда в Остине. Столица Техаса расположена на возвышенности к северу от Колорадо, в центре района, изобилующего железом, медью, марганцем, гранитом, мрамором, гипсом и глиной. Этот город более американский, чем многие другие города Техаса: население Остина не превышает двадцати шести тысяч, и почти все его жители саксонского происхождения. Надо сказать, в городах, расположенных вдоль Рио-Гранде, обычно на одном берегу стоят деревянные дома, а на другом — хижины из необожженного кирпича. Таковы, например, Эль-Пасо и Эль-Пресидно, наполовину мексиканские. Остин, в отличие от «двойных», является «одиночным» городом!

Ступив на перрон в столице Техаса, Том Крабб вышел наконец из состояния угрожающей неподвижности. Правда, чемпион Нового Света казался еще несколько утомленным и вялым. И неудивительно, ведь с того дня, когда «Шерман» вышел в открытое море, он не проглотил ничего, кроме морского воздуха. Зато какой завтрак получил боец в Остине! Завтрак, продолжавшийся до самого вечера: полные блюда крупной дичи, окорока баранины и телятины, всевозможные виды колбас, овощи, фрукты, сыры, и джин, и виски, и смесь портера с пивом, и чай, и кофе! Том Крабб снова превратился в удивительную человеческую машину. При столкновении с ней Корбэт, Фитсимонс и другие, не менее знаменитые боксеры, столько раз терпели полное поражение!

ГЛАВА IX

Один и один — два

В то утро один из городских отелей, или, лучше сказать, одна из небольших и далеко не из лучших гостиниц, «Сэнди-Бар», принимала двух путешественников, приехавших с первым утренним поездом в Кале, маленький городок штата Мэн. Приезжие, мужчина и женщина, видимо, порядочно измученные длинной и утомительной дорогой, назвались мистером и миссис Филд. Фамилия Филд, так же как Смит или Джонсон,— одна из наиболее распространенных среди людей англосаксонского происхождения. Вот почему ее обладатель должен отличаться совершенно исключительными качествами (например, занимать видное место в политике, в мире искусств или в области военной науки), словом, должен быть гением, чтобы обратить на себя общественное внимание. Имена мистера и миссис Филд никому ничего не говорили (к тому же оба не подкупали наружностью), и хозяин гостиницы записал их в своей книге без дальнейших расспросов.

Для чего же явилась чета Филд в маленький городок, расположенный на далекой границе северо-восточного штата, окраины страны? Для чего прибавила она две единицы к шестистам шестидесяти одной тысяче жителей штата Мэн, равного по площади половине всей территории Новой Англии?¹ Оставшись вдвоем в комнате гостиницы, мистер и миссис Филд заперли сначала дверь, потом приложили ухо к замочной скважине, чтобы убедиться, что их никто не услышит.

¹ Новая Англия — название исторически сложившегося района в северо-восточной части США; объединяет штаты Мэн, Нью-Гэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут.

— Наконец-то мы добрались! — сказал он.

— Да,— подтвердила она,— после трех дней и трех долгих ночей, проведенных в вагоне.

— Я думал, путешествие никогда не кончится,— продолжал мистер Филд.

— И оно еще не окончено,— сказала миссис Филд.

— Интересно, во что нам станет поездка?

— Дело не в том, во что обойдется,— ответила супруга,— а в том, сколько может принести!

— Во всяком случае,— опять начал мистер Филд,— нам пришла удачная мысль путешествовать под чужими именами.

— Это моя мысль...

— И мысль восхитительная... Представляю, что было бы, окажись мы во власти хозяев гостиниц, трактирщиков и кучеров, жиреющих от щедрот тех, кто попадется им в руки, и все под предлогом, что в наши карманы скоро потекут миллионы долларов.

— Да, мы хорошо сделали,— повторила миссис Филд.— Во всяком случае, за три дня путешествия мы ни копейки не истратили в буфетах.

— И все же, может быть, мы лучше сделали бы, если бы отказались...

Говоривший был господин Титбюри. Игральные кости, выбросив два очка, отослали его во вторую клетку, что было, конечно, большой неудачей.

Штат Мэн¹ получил свое название в честь первых колонистов, которые обосновались там в царствование Карла I Английского. На севере, северо-западе и северо-востоке он граничит с доминионом² Канадой, с его провинциями Квебек и Нью-Брансуик, с юга и юго-востока его омывает Атлантический океан, а с запада штат Мэн граничит со штатом Нью-Гэмпшир.

Не извещая никого о дне и часе своего приезда, эти два члена академии сквалыг отправились в штат Мэн, соблюдая строгое инкогнито. Последнее обстоятельство сильно озаботило держателей пари, потому что Герман Титбюри в скачке за миллионами представлялся замечательным спортсменом. Его богатство позволит ему заплатить все штрафы, к тому же Титбюри не станет предаваться никаким фантазиям во время переезда, подобно Максусу Реалю.

Достойная чета позаботилась о том, чтобы выбрать путь,

¹ Мэн — от *англ.* man (человек).

² Доминион (*англ.* dominion — владение, власть) — государства в составе Британской империи, признававшие власть английского короля (королевы). В 1867 году Канада стала первым доминионом Великобритании.

наиболее короткий и наименее дорогой (сеть железных дорог раскинулась громадной паутиной по всей восточной территории США). Нигде не останавливаясь, питаясь исключительно провизией, взятой из дому, переходя из одного поезда в другой с точностью шарика в руках ловкого фокусника, они так же мало, как и Том Крабб, интересовались достопримечательностями. Всегда погруженные в одни и те же соображения, всегда преследуемые одним и тем же страхом, записывая каждый грош своих ежедневных расходов, считая и пересчитывая сумму, взятую с собой для путешествия, проводя дни в дремоте и ночи во сне, господин и госпожа Титбюри проехали штат Иллинойс с запада на восток, потом Индиану, за ним Огайо, далее штат Нью-Йорк и, наконец, Нью-Гэмпшир. Так они достигли границы штата Мэн, у самого подножия горы Вашингтон (из группы Белых гор). Ее снежная вершина возносит на высоту пяти тысяч семисот пятидесяти футов имя славного героя Американской республики. Оттуда мистер и миссис Титбюри прибыли в Парис, затем в Льюистон, торговый город, который соперничает с Портлендом, одним из лучших портов Новой Англии. Портленд, родина великого Лонгфелло¹, стоит в бухте Каско, на юго-востоке штата, и известен еще своими парками и садами, которые его жители — поэты в душе — поддерживают с такой любовью и вкусом. Затем железная дорога привела их в Огасту, официальную столицу штата Мэн — город элегантных вилл, рассеянных по берегам Кеннебека. Доехав до станции Бангор, надо было подняться к северо-востоку до Баскахогана, где кончался железнодорожный путь. Оттуда на лошадях до Принстона, а потом снова поездом до Кале.

Перед путешественниками лежал удивительный край со всеми его красотами — цепью сверкающих на солнце гор, бесконечными дубовыми лесами, рощами канадских сосен, кленов, буков и берез. На северо-западе красовалась гора Катадин высотой в три тысячи пятьсот футов, с гранитной скалой, подымавшейся из-за зеленого свода лесов. А города? Чего стоит один скромный Брансуик с его знаменитым колледжем Бодэном и картинной галереей, привлекающей всех истинных любителей искусства. Курорты и лечебницы на берегу Атлантики охотно посещают богатые семьи из соседних штатов, каждая посчитала бы для себя позором не провести в одной из них, например в Бар-Харбор, на чудеснейшем острове Маунт-Дезерт, несколько недель...

¹ Лонгфелло Генри Уодсворт (1807—1882) — знаменитый американский поэт, автор известной «Песни о Гайавате» (русский перевод знаменитого русского писателя И. А. Бунина).

Но два моллюска, снятые с насиженного места и перенесенные за девятьсот миль от него, ни на один час не покинут Кале, останутся в обществе друг друга, обсуждая свои шансы и в сотый раз придумывая, как лучше поступить с новым богатством, если судьба сделает их триста раз миллионерами, ведь шестьдесят миллионов долларов равнялись примерно тремстам миллионам франков. И в самом деле, не слишком ли это их затруднит? О, об этом не беспокойтесь! Они сумеют обратить их в ценные, вполне верные бумаги: в акции банков, рудников, промышленных обществ — и будут жить на громадные доходы, не уделяя ничего благотворительным учреждениям и не тратясь даже на удовольствия. Если судьба до сих пор покровительствовала этой отвратительной паре, то у нее были, верно, на то свои причины. Какие именно, трудно себе представить.

Вот сидят они на далекой окраине федеральной территории, в маленьком городке Кале, скрываясь под вымышленной фамилией Филд. Иногда выйдут к берегу, поглядят, как во время приливов уходят в море рыбацьи лодки или как возвращаются с добычей — тяжелым грузом макрелей, сельдей и лососей. Потом возвращаются в свою комнату и запираются на ключ, дрожа от страха при мысли, что их настоящие имена будут вскоре раскрыты.

Казалось, люди, в такой мере предусмотрительные и осторожные, должны быть застрахованы от всяких неприятных неожиданностей. Казалось, их никогда не могли бы застать врасплох, с ними никогда не должно произойти ничего такого, что бы их скомпрометировало. Но случай любит иной раз пошеяться над самами ловкими и ставит им ловушки (и ничего другого не остается, как считаться со случаем).

Итак, утром четырнадцатого мая мистер и миссис Титбюри надумали предпринять маленькую экскурсию. Успокойтесь, никуда далеко они не собирались, всего только на две три мили от Кале, не дальше. Город, кстати, получил французское название, потому что построен на самой окраине Соединенных Штатов, подобно тому как одноименный с ним французский город стоит на самой окраине Франции.

Мистер и миссис Титбюри вышли из гостиницы около девяти часов утра. Тяжелые грозовые тучи поднимались на горизонте, жара к полудню обещала сделаться нестерпимой. Сначала они прогуливались вдоль реки Сент-Круа по открытому месту, а потом, выйдя из города, пошли через рощу. В густых ветвях деревьев резвились тысячи белок. Чета Титбюри заранее навела справки у хозяина гостиницы и успокоилась, узнав, что в окрестностях им не грозила встреча ни с

волками, ни с медведями, разве что с несколькими лисицами. Поэтому они могли с легким сердцем гулять по лесам, которые когда-то сплошь покрывали весь штат Мэн.

К полудню супруги проголодались, а гостиница была далеко, и им волей-неволей пришлось зайти в первый попавшийся кабачок. Несколько посетителей сидели за столиками, на которых красовались кружки с пивом. В такую жару всем хотелось пить, и наши путешественники не являлись исключением.

— Боюсь, портер и эль чересчур холодны,— заметила миссис Титбюри.— Мы сейчас разгорячены и можем простудиться.

— Ты совершенно права, Кэт, схватить плеврит очень легко,— согласился мистер Титбюри и, подозвав хозяина кабачка, заказал грог из виски.

— Из виски, вы говорите? — воскликнул тот.

— Да... или из джина.

— А ваше разрешение?

— Разрешение? — повторил Титбюри, крайне удивленный вопросом.

Он не удивился бы, если бы знал, что Мэн принадлежит к группе штатов, установивших запрет на алкоголь. Да, в Канзасе, в Северной Дакоте, в Южной Дакоте, в Вермонте, в Нью-Гэмпшире и особенно в Мэне нельзя производить и продавать спиртные напитки. Во всех этих штатах только городские агенты имеют право выдавать их за плату для медицинских или промышленных целей. Вот почему мистер Титбюри и моргнуть не успел, как перед ним вырос какой-то строгий джентльмен.

— Не имеете разрешения? — спросил он.

— Нет... не имею.

— В таком случае вы обвиняетесь в нарушении закона.

— С какой стати?

— Потому что требовали себе виски или джина.

Агент записал имена мистера и миссис Филд и предупредил их, что на следующий день им следует явиться к судье. Чета вернулась в свою гостиницу совершенно расстроенная. Что за день и что за ночь она там провела!

Судья, некий Р. Т. Ордак, был, бесспорно, самым неприятным существом, какое только можно себе вообразить. Он всегда брюзжал и на все обижался. Когда на следующее утро нарушители закона предстали перед судьей, он стал задавать вопросы крайне резким тоном.

Их имена?.. Мистер и миссис Филд. Их местожительство?..

Они называли наудачу: Гаррисберг, штат Пенсильвания. Их профессия?.. Рантье¹.

Судья тотчас бросил им в лицо:

— Подвергаетесь штрафу в размере ста долларов за нарушение закона о запрещении спиртных напитков в штате Мэн.

Это было уже слишком! Как ни умел владеть собой Титбюри и какие усилия ни прилагала миссис Титбюри, чтобы его успокоить, сдержаться на этот раз он не смог и, окончательно выйдя из себя, стал грозить судье Ордаку.

Судья удвоил штраф — за неуважение к правосудию.

Доведенный до полного отчаяния, нарушитель закона забыл всякую осторожность. Скрестив на груди руки, с пылающим от бешенства лицом, отталкивая супругу, он наклонился к сидевшему за бюро судье и проговорил:

— А знаете ли вы, с кем имеете дело?

— С невеждой, которого я награждаю штрафом в триста долларов за то, что он продолжает торчать перед моим носом,— ответил, вставая в боевую позу, Р. Т. Ордак.

— Триста долларов? — вскричала миссис Титбюри и, почти потеряв сознание, упала на скамейку.

— Да,— ответил судья, отчеканивая каждый слог,— триста долларов должен уплатить мистер Филд из Гаррисберга, штат Пенсильвания.

— В таком случае,— проревел мистер Титбюри, ударяя по бюро кулаком,— знайте, что я не мистер Филд из Гаррисберга, штат Пенсильвания...

— Кто же вы в таком случае?

— Мистер Титбюри... из Чикаго... Иллинойс...

— Другими словами, субъект, позволяющий себе путешествовать под вымышленным именем! — отрубил судья таким тоном, как если бы он сказал: «Еще одно преступление к целой массе других».

— Да... мистер Титбюри, из Чикаго, третий партнер в матче Гиппербона, будущий наследник его колоссального состояния!

Заявление не произвело никакого впечатления на Р. Т. Ордака. Судья, насколько несдержанный на язык, настолько же и беспристрастный, похоже, к третьему партнеру матча Гиппербона относился совершенно так же, как к любому портовому матросу. Вот почему он проговорил, со свистом выпуская слова:

¹ Рантье — лица, живущие на проценты с отдаваемого в ссуду капитала или с ценных бумаг.

— В таком случае, мистер Титбюри из Чикаго, Иллинойс, приговаривается к штрафу в триста долларов и восьмидневному заключению за то, что предстал перед правосудием под чужим именем!

Рядом с миссис Титбюри на скамейку грохнулся и мистер Титбюри. Восемь дней тюрьмы! А через пять дней придет телеграмма с результатом второго тиража.

ГЛАВА X

Репортер в пути

— Да, господа! Я смотрю на матч Гиппербона как на одно из самых изумительных национальных явлений, которое обогатит историю нашей славной страны! После войны Северных Штатов с Южными за независимость, после провозглашения доктрины Монро¹ и проведения в жизнь билля Мак-Кинли — это самое значительное событие, созданное фантазией одного из членов «Клуба чудаков».

Гарри Кембэл держал речь перед пассажирами поезда, шагая из одного конца вагона в другой. Без умолку болтая и жестикулируя, он перешел по тамбуру в соседний вагон и так путешествовал по всему поезду, мчавшемуся на всех парах по южному берегу озера Мичиган. Как видите, он ничего ни от кого не скрывал и охотно написал бы на своей шляпе: «Четвертый партнер матча Гиппербона!»

На вокзал его провожала многочисленная толпа с криками «ура», и многие тут же держали пари. За него ставили один против двух и даже против трех. С той минуты, как он вошел в поезд, все полутчики стали его товарищами. Гарри Кембэл принадлежал к людям, которые думают, только когда говорят, сказать же, что в пути он был скуп на слова, ни в коем случае нельзя. Ни на слова, ни на деньги! Касса богатейшей «Трибюн» для него открыта, и он всегда может возместить расходы описаниями, рассказами, статьями всякого рода.

— Но,— обратился к Гарри один из путешественников (с головы до ног янки),— не придаете ли вы слишком большого значения партии, придуманной Уильямом Дж. Гиппербоном?

— Нет,— ответил репортер,— я считаю, что такая оригина-

¹ Доктрина Монро — декларация принципов политики США, вошедшая в послание президента Дж. Монро конгрессу 2.12.1823 года — «Америка для американцев!»; была направлена против вмешательства европейских держав в дела Американского континента.

нальная идея могла зародиться только в ультраамериканском мозгу.

— Вы совершенно правы,— сказал на это толстый коммерсант из Чикаго,— и в день похорон можно было убедиться, какую популярность приобрел покойный после своей смерти.

— Мистер,— обратилась к говорившему пожилая дама с искусственными зубами, сидевшая в своем уголке, закутавшись в плед,— а вы тоже участвовали в процессии?

— Да, и чувствовал себя одним из наследников нашего славного гражданина,— ответил не без гордости коммерсант из Чикаго.— А теперь счастлив, встретив на пути в Детройт одного из настоящих наследников.

— Вы едете в Детройт? — спросил Гарри Т. Кембэл, протягивая ему руку.

— В Детройт, штат Мичиган.

— В таком случае имею удовольствие сопровождать вас до города, которому суждено блестящее будущее. Я его еще не знаю, но хочу узнать.

— У вас не хватит на это времени,— заявил янки так поспешно, что в нем можно было заподозрить одного из держателей пари.

— На все можно найти время,— ответил Гарри Т. Кембэл уверенным тоном и еще больше расположил к себе присутствующих.

Гордые тем, что среди них находится пассажир с таким темпераментом, они огласили вагон громким «ура», которое было услышано в самом конце поезда.

— Мистер,— обратился к Кембэлу пожилой священник в пенсне, пожиривший репортера глазами,— довольны вы первым ударом игральных костей?

— И да и нет, ваше преподобие,— ответил журналист почтительным тоном.— Да — потому что мои партнеры, уехавшие до меня, не ушли дальше второй, восьмой и одиннадцатой клеток, тогда как я очками «два и четыре» отослан в шестую, штат Нью-Йорк. А по правилам, в этой клетке с изображением моста игрок, уплатив простой штраф, тут же переносится на шесть очков вперед. Таким образом, я впереди. Правда, Нью-Йорк, в котором, как гласит легенда, «есть один мост...» и этот мост — через водопад Ниагару, мне чересчур знаком. Раз двадцать там был!.. Слишком избито, так же, как пещера Ветров или Козий остров!.. К тому же слишком близко от Чикаго!.. Хотелось бы махнуть по всей стране, хотелось бы.

— Но мне кажется,— заметил торговец консервами, све-

жий цвет лица которого говорил в пользу его товара,— мне кажется, мистер Кембэл, вы могли бы себя поздравить, так как после штата Нью-Йорк направляетесь в Нью-Мексико... А они не так уж близко один от другого...

— Но,— воскликнул репортер,— ведь их разделяет всего несколько сотен миль!

— Да, если только не быть посланным в крайний пункт Флориды или в какую-нибудь пограничную деревушку штата Вашингтон...

— Вот этого мне и надо! — объявил Гарри Т. Кембэл.— Пересечь всю территорию Соединенных Штатов с северо-запада на юго-восток!..

— Но разве шестая клетка, в которой имеется «мост», не обязывает вас уплатить штраф? — спросил священник.

— Ба, тысячу долларов! Вот уж что не разорит «Трибюн»!

— А не думаете ли вы,— спросил священник,— что среди ваших конкурентов есть один, которого следует опасаться больше всех других?

— Кого же именно?

— Седьмого, мистер Кембэл.

— Этого партнера последней минуты?! — воскликнул журналист.— Ну что вы! Он только ловко пользуется тайнственностью, которой его окутали. Своего рода «Человек в маске», так любимый зеваками! Но в конце концов его инкогнито раскроется, и если он окажется хоть самым президентом Соединенных Штатов, то и тогда нет никаких оснований бояться его больше других.

Было почти невероятно, чтобы тот седьмой, на котором заведатель остановил свой выбор, оказался президентом Соединенных Штатов. Но граждане Америки не нашли бы ничего неприличного в том, что первое лицо в государстве вступило в борьбу, оспаривая у своих соперников состояние в шестьдесят миллионов долларов.

Покинув Чикаго и обогнув озеро Мичиган, поезд достиг Индианы, граничащей с Иллинойсом, и стал подниматься в гору до самого Мичиган-Сити. Несмотря на свое имя, этот город не принадлежит штату с тем же названием, являясь одним из портовых городов Индианы. Избрав этот путь из целой сети железнодорожных путей, энергичный репортер проехал Нью-Буффало, потом на несколько часов остановился в Джэксоне, важном фабричном центре с двадцатью тысячами жителей, и продолжал двигаться на северо-восток, к Детройту, куда и прибыл в ночь с седьмого на восьмое мая.

На следующий день, после недолгого сна в комфортабель-

ной гостинице, Гарри Кембэл, как всегда бодрый и энергичный, был готов совершить экскурсию по городу. С самого утра от множества поклонников он получил горячие заверения в готовности ходить за ним по пятам. Может быть, Гарри и пожалел уже о невозможности скрыться под строгим инкогнито, но как избежать известности и славы, когда вы являетесь главным репортером «Трибюн» и одним из семи матча Гиппербона?!

Окруженный многочисленной и шумной компанией, Гарри Т. Кембэл осмотрел Детройт — метрополию штата Мичиган (заметим, столицей штата является скромный город Лансинг). Этот благоденствующий город вырос из маленького пограничного форта, построенного французами в 1670 году.

Гарри Т. Кембэл в тот же вечер отправился дальше. Если бы правила игры не запрещали выезжать за пределы США, он воспользовался бы железнодорожными путями Канады и пересек бы южную часть ее провинции Онтарио по длинному туннелю, проложенному под рекой Сент-Клэр, где она выходит из озера Гурон, и достиг бы Буффало и Ниагары прямым путем. Но Гарри не стал нарушать условий матча и отправился обходным путем. Сначала спустился к Толидо (быстро растущему городу в южной части озера Эри), затем повернул к Сандаски и так, путешествуя среди самых богатых виноградников Америки, наконец добрался до Кливленда, выросшего на восточном берегу озера Эри. О, это великолепный город с населением в двести шестьдесят две тысячи, с улицами, обсаженными кленовыми деревьями, с аллеями Эвклида¹, прозванными Елисейскими полями² Америки, с предместьями, раскинувшимися амфитеатром на холмах, и неисчерпаемыми запасами нефти, которым мог бы позавидовать Цинциннати!..

Потом он проехал Эри, город штата Пенсильвания, и, прибыв на станцию Нортвилл, оказался в штате Нью-Йорк. Промчавшись мимо Денкирка, освещенного газом из местных скважин, вечером десятого мая шустрый репортер доехал до Буффало, второго по значению города в штате, где сто лет назад он встретил бы лишь тысячи бизонов вместо теперешних сотен тысяч жителей. Несомненно, Гарри Т. Кембэл хорошо сделал, не задержавшись в этом прелестном городе, на его бульварах или в аллеях парка Ниагара, наконец, на берегу озера, в которое вливаются воды водопада, ибо через десять

¹ Эвклид (Евклид) — древнегреческий математик, работал в Александрии в III в. до н. э.; его главный трактат «Начала» оказал огромное влияние на развитие математики.

² Елисейские поля — одна из главных и парадных улиц Парижа.

дней он собственной персоной обязан явиться в Санта-Фе, столицу Нью-Мексико, а до нее ни мало ни много тысяча четыреста миль, и не на всех проведены железные дороги.

На следующий же день он уже подъезжал к деревне Ниагара-Фолс.

Что бы ни говорил наш герой о знаменитом водопаде, ставшем теперь слишком известным и слишком индустриализованным (причем индустриализация еще усилится, когда будут укрощены все его шестнадцать миллионов лошадиных сил), все равно ничто не может сравниться по красоте и величию с водопадом Лошадиная Подкова. Ни горная цепь Адирондайк, покрытая лесом, с лабиринтом ущелий и узких тропинок на отвесных скалах с глубокими впадинами, как огромные чаши, ни скала гнейса¹ Гудзон, ни Центральный парк Нью-Йорка, ни его Бродвей, ни Бруклин-мост, так дерзко перекинувшийся через Ист-Ривер, — ничто из всех этих чудес не может сравниться с чудесами знаменитого водопада! С этим шумным низвержением вод, мчащихся из озера Эри в озеро Онтарио! Река Св. Лаврентия, разбиваясь на своем пути об один из утесов Козьего острова, образует два водопада: по одну сторону американский — Ниагару, а по другую — канадский, называемый Лошадиной Подковой. И что за изумительное зрелище — эта гневно клокочущая река, ее страшные скачки у подошв двух водопадов и эти глубокие зеленоватые впадины в центре Лошадиной Подковы. Успокоившись, она катит свои укрощенные воды на протяжении трех миль, до моста Сэспеншен-Бридж, а там вновь разрывает оковы, превращаясь в бурный поток на наводящих ужас стремнинах.

Когда-то на Козьем острове, на крайнем выступе его скалистого берега, возвышалась Терапин-Тоуэр, башня, окруженная до самой верхушки облаками распыленной пены, в которой днем играла солнечная радуга, а по ночам — лунная. Но эту башню пришлось снести, так как водопад за последние полтора столетия передвинулся почти на сто футов, и башня могла свалиться в пропасть. Зато пешеходный мост, недавно перекинутый с одного берега бушующих вод на другой, позволяет любоваться двойным течением реки во всей ее красе.

Гарри Т. Кембэл осторожно прошел на середину мостика, стараясь не ступать на ту часть, что принадлежит доминиону Канада. После громкого «ура», подхваченного тысячей восторженных голосов и раздавшегося над ревушей рекой, он

¹ Гнейс — массивный, обычно полосчатый кристаллический сланец гранитоидного состава.

вернулся в деревушку Ниагара-Фолс, обезображенную теперь соседством большого количества заводов. Но что прикажете делать, когда вопрос идет о возможности утилизировать миллион тонн воды в час!

Репортер не отправился бродить по зеленеющим рощам Козьего острова, не спустился к гроту Ветров, спрятанному в лесной чаще острова, и не пожелал забраться за плотную завесу Лошадиной Подковы, на канадском берегу. Но он не забыл явиться в деревенскую почтовую контору, откуда отправил чек в тысячу долларов на имя нотариуса Торнброка. После полудня, воздав должное превосходному завтраку, данному в его честь, Гарри Т. Кембэл возвратился в Буффало и в тот же вечер уехал из этого города, чтобы к назначенному сроку завершить вторую часть своего маршрута.

Когда он сел в вагон, мэр города, почтенный Х. В. Экселтон, сказал ему самым серьезным тоном:

— Это сходит с рук лишь раз, мистер Кембэл, не увлекайтесь больше прогулками, как вы делали до сих пор...

— А если они доставляют мне удовольствие? — возразил Гарри Т. Кембэл, не любивший никаких замечаний, в том числе исходивших даже от таких высокопоставленных лиц, как мэр Буффало. — Мне кажется, я имею право...

— Нет, мистер Кембэл... Вы так же мало имеете на это прав, как какая-нибудь пешка, желающая двигаться куда ей вздумается по шахматной доске...

— Но, полагаю, я сам себе хозяин?!

— Глубокая ошибка, мистер Кембэл! Вы принадлежите всем кто держит на вас пари, и в том числе мне.

В сущности, почтенный Х. В. Экселтон был прав, и в своих же интересах репортер «Трибюн», как говорится, наступив на горло собственной песне, обязан был думать об одном: как достигнуть назначенного пункта самым быстрым и коротким путем. К тому же Гарри Кембэлу совершенно незачем изучать штат Нью-Йорк, в котором он бывал уже десятки раз и наизусть знал, что по своей населенности штат держит первое место в Америке (в нем насчитывается не менее шести миллионов жителей), а по территории (сорок девять тысяч квадратных миль), формой напоминавшей треугольник, — двадцать девятое. «Главный штат» не без основания гордится своими городами: столицей Олбани, с населением в сто тысяч жителей, с музеями, школами, парками и дворцом, постройка которого обошлась не менее чем в двадцать миллионов долларов; Рочестером, известным как мукомольный центр и город мануфактуры, развивающий индустрию на энергии водопада

Дженесси; Сиракузами¹, богатыми солью, добываемой из неисчерпаемых солончаков озера Онондога, и еще многими другими, где бурными темпами развиваются промышленность и просвещение.

Что же говорить о самом Нью-Йорке, под днявшемся между Гудзоном и проливом Ист-Ривер на полуострове Манхэттане, где он занимает сейчас площадь в шестьсот квадратных километров, или двенадцать тысяч гектаров. Какое перо опишет его бульвары, памятники, тысячи церквей (что не так уж много для миллиона семисот тысяч жителей), а в их числе собор Св. Патрика, сверкающий белым мрамором и стен? Центральный парк, занимающий площадь в триста сорок пять гектаров, с лужайками, рощами, прудами, парк, к которому примыкает большой акведук Кротона; беден язык, чтоб передать вид на Бруклин-мост, перекинутый через Ист-Ривер (наступит день, когда перекинут такой же и через Гудзон), или на залив, испещренный островами. Среди них находится и Бедлос-Айленд, где возвышается колоссальная статуя Бартольди² — Свобода, освещающая мир.

Но, повторю, чудеса эти не представляли для главного репортера «Трибюн» прелести новизны, а потому, посетив водопад Ниагару, он решил впредь не уклоняться от заданного маршрута. Действительно, через десять дней, не позднее, ему надлежало быть в Санта-Фе, и притом ровно в полдень, а, как известно, два штата, разделенные расстоянием в тысячу пятьсот — тысячу шестьсот миль, не могут называться соседними!

К счастью, сотрудники «Трибюн», основательно ознакомившись с теми районами Среднего и Дальнего Запада, по которым предстояло проехать их товарищу, составили для него маршрут и сообщили ему телеграммой, которая заканчивалась так:

Не забывайте, что подписавшийся под : этим поставил на вас сто долларов и при всяком другом маршруте рискует их потерять.

Брауман С. Бикгорн, секретарь редакции.

Как же мог Гарри, о котором так заботились друзья, облегчая ему исполнение задачи, — как же мог он не иметь всех шансов явиться первым? «Этому маршруту я и буду следовать, — мысленно сказал себе Гарри Т. Кембэл, — и не позволю себе ни малейшего от него уклонения. Будь спокоен, лю-

¹ Город Сиракузы (на карте США — Сиракьюс) назван по имени древнегреческого города-государства на о. Сицилия, родины Архимеда.

² Бартольди Август-Фридрих — известный французский скульптор, уроженец Эльзаса. Созданная по его проекту грандиозная статуя Свободы воздвигнута у входа в Нью-Йоркский порт.

безный секретарь редакции! Если случится запоздание, то это произойдет не по моему легкомыслию или небрежности, и твои сто долларов будут так же энергично защищаться, как и пять тысяч его превосходительства главного представителя власти Буффало. Я не забываю, что ношу цвета «Трибюн»¹.

Благодаря строго обдуманной комбинации поездов Гарри Т. Кембэл не спеша, отдыхая по ночам в лучших отелях, проехал за шестьдесят часов шесть штатов — Огайо, Индиану, Иллинойс, Миссури, Канзас, Колорадо — и девятнадцатого вечером остановился в Клифтоне, на границе Аризоны и Нью-Мексико. И если репортер пожал там пятьсот сорок шесть рук, то это значило, что в маленькой деревушке, затерянной в глубине необозримых равнин Запада, обитало ровно двести семьдесят три двуруких существа!

Гарри очень рассчитывал провести в Клифтоне спокойную ночь, но велико было разочарование, когда он узнал, что по случаю ремонта дороги движение поездов прервано на несколько дней. А оставалось еще сто двадцать пять миль пути и не больше тридцати шести часов времени. Мудрый Брауман С. Бикгорн этого не предвидел!

К счастью, выйдя из вокзала, Гарри Кембэл сразу столкнулся с субъектом полуамериканского, полуиспанского типа, который как будто его ждал. Увидев репортера, тот человек три раза щелкнул хлыстом — тройная пальба, применявшаяся, по-видимому, всякий раз, когда обладатель бича с кем-нибудь здоровался. Потом на языке, напоминавшем скорее Сервантеса², чем Купера³, он обратился к репортеру:

— Гарри Кембэл?

— Я.

— Хотите, отвезу вас в Санта-Фе?

— Хочу ли я?!

— Значит, решено?

— Твое имя?

— Изидорио.

— Изидорио! Мне нравится.

— Экипаж здесь и готов к отбытию.

— Так едем же. И не забудь, мой друг, что повозка двигается благодаря упряжке, а на место она прибывает благодаря кучеру.

¹ Обычно флажки отдельных коллективов или корпораций в США бывают трехцветными.

² Сервантес Сааведра Мигель де (1547—1616) — испанский писатель, автор романа «Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский».

³ Купер Джеймс Фенимор (1789—1851) — американский писатель, автор цикла романов о Кожаном Чулке.

Понял ли испано-американец, на что намекал афоризм? Возможно.

Лет сорока пяти — пятидесяти, очень смуглый, с живыми глазами и насмешливым выражением лица, один из тех хитрецов, которые не дают себя провести, незнакомец, казалось, был горд тем, что везет важную персону (в этом репортер нимало не сомневался). Гарри Т. Кембэл ехал в экипаже один. Он оказался отнюдь не почтовой каретой, запряженной шестеркой лошадей, а простой одноколкой, но зато способной перенести все трудности пути. Повозка стремительно понеслась по тряской дороге Обэй — Трейль, пересеченной многочисленными ручьями.

Ночью седок и возница отдохнули несколько часов, а на заре одноколка помчалась дальше, вдоль горной цепи Блэк-Рэйндж, не встречая в пути никаких препятствий. Репортеру не приходилось опасаться ни апашей, ни команчей, ни других племен краснокожих, в былые времена бродивших по пыльным дорогам Нью-Мексико.

К полудню Гарри Т. Кембэл, проехав форт Юнион и Лас-Вегас, тащился по горным перевалам Мора-Пикс. Это очень гористая, трудная и даже опасная дорога. Путешественники теперь поднимались на высоту в семьсот или восемьсот футов над уровнем моря, туда, где лежит Санта-Фе. За этим громадным горным хребтом Нью-Мексико простирается водный бассейн, образованный многочисленными притоками, делающими реку Рио-Грандедель-Норте одной из величайших водных артерий западной части Америки. Там начинается важный торговый путь, который проходит через Денвер и кончается в Чикаго, путь, способствующий товарному обмену Центральной Америки с провинциями Мексики.

Осталась одна ночь до назначенного срока. Одноколка еле поднималась в гору — нетерпеливый путешественник стал опасаться, что не успеет в Санта-Фе к полудню, и осыпал флегматичного возницу упреками:

— Двигаешься как черепаха!

— Что поделать, мистер Кембэл, у нас только колеса, а, по-вашему, нужны бы крылья!

— Неужели тебе непонятно, почему мне надо непременно двадцать первого!

— Что ж! Если не будем там в этот день, приедем на следующий...

— Но ты меня без ножа зарежешь!

— Моя лошадь и я сделаем что можем, нельзя требовать большего от одного человека и одного животного.

Изидорио действительно не проявлял никакого упрямства

и не щадил себя. Но Гарри Т. Кембэл решил как-то вызвать интерес к партии Гиппербона. На одной из самых крутых дорог горного перевала, посреди густых зеленеющих лесов, пока экипаж с трудом пробирался зигзагами лабиринта — среди камней, пней и свалившихся от старости деревьев, он сказал, обратившись к своему Автомедону¹:

— Изидорио, я хочу сделать тебе одно предложение.

— Сделайте, мистер Кембэл.

— Ты получишь тысячу долларов, если я буду завтра до полудня в Санта-Фе.

— Тысячу долларов? — переспросил испано-американец, прищуривая один глаз.

— Тысячу долларов, при условии, что я выиграю партию.

— А,— протянул Изидорио,— при условии, что...

— Ну, разумеется.

— Идет... Пусть будет так!

И он трижды стегнул хлыстом свою лошадь.

В полночь одноколка достигла только вершины горного перевала, и беспокойство репортера усилилось. Будучи не в состоянии сдерживать своего волнения, он снова заговорил, ударяя возницу по плечу:

— Изидорио, я хочу сделать тебе новое предложение.

— Делайте, мистер Кембэл.

— Десять тысяч... да, десять тысяч долларов, если я приеду вовремя.

— Десять тысяч?.. Что вы говорите! — повторил Изидорио.

— Десять тысяч!

— И опять, если вы выиграете партию?..

— Разумеется.

Чтобы спуститься по горному склону, не заезжая в Галистео (где можно воспользоваться добавочной железнодорожной веткой, но это отняло бы время), и поехать по долине реки Чикито до Санта-Фе, требовалось не менее двенадцати часов. Правда, дорога стала сносной, с небольшим подъемом, а лучшую лошадь, чем ту, что Гарри Т. Кембэл получил на последней станции в Туосе, трудно и найти. Воскресла надежда явиться в Санта-Фе к указанному сроку, но при условии нигде ни на минуту не задерживаясь.

Ночь стояла великолепная: луна — точно заказанная по телеграфу заботливым Бикгорном, температура воздуха приятная; легкий ветерок освежал усталых путешественников, а когда подымался сильный ветер, то дул в спину и потому не

¹ Автомедон — персонаж из поэмы Гомера «Илиада», возничий Ахиллеса.

мешал движению экипажа. Возница не переставая подстегивал горячую лошадь, типичную представительницу мексикано-американской породы, выведенной в кораллах западной провинции. Десять тысяч долларов чаевых! Блеск такой суммы никогда, даже в самых безумных мечтах, не ослеплял его глаз! И тем не менее Изидорио не казался сильно пораженным неожиданно свалившимся на него богатством, как должен бы, по мнению Гарри Т. Кембэла.

«Может быть,— говорил себе репортер,— негодяй хочет больше? Раз в десять больше, например? В конце концов что такое какие-то тысячи долларов по сравнению с миллионами Гиппербона?.. Капля в море! Ну так что же! Если нужно, я дойду и до ста капель».

— Изидорио! — сказал он ему на ухо. — Теперь дело идет уже не о десяти тысячах долларов...

— Как? Значит, вы берете назад свое обещание? — резко воскликнул Изидорио.

— Нет, мой друг, нет... наоборот! Сто тысяч долларов тебе, если мы до полудня будем в Санта-Фе...

— Сто тысяч долларов... говорите? — переспросил Изидорио, полузакрыв свой левый глаз. Потом прибавил: — Опять же... если вы выиграете?

— Да, если выиграю.

— А вы не могли бы написать это на кусочке бумажки, мистер Кембэл? Всего только несколько слов...

— За моей подписью?

— За вашей подписью и с вашим росчерком...

Само собой разумеется, словесное обещание в таком важном деле не могло быть достаточным. Гарри Т. Кембэл без всяких колебаний вынул из кармана записную книжку и на одном из листков написал, что обязуется выплатить сто тысяч долларов господину Изидорио из Санта-Фе, если станет наследником Уильяма Дж. Гиппербона. Он подписался, сделал росчерк и отдал бумажку вознице.

Тот взял ее, прочел, бережно сложил, сунул в карман и сказал:

— А теперь — в путь!

Что за безумная скачка, что за головокружительная быстрота, как мчались они теперь по дороге вдоль берега Чикито! Но, несмотря на все усилия, рискуя сломать экипаж и свалиться в реку, в Санта-Фе они попали не раньше чем без десяти минут двенадцать.

В этой столице насчитывают не более семи тысяч жителей. Штат Нью-Мексико присоединился к владениям федеральной республики в 1850 году, а зачисление в состав пяти-

десяти штатов совершилось за несколько месяцев до начала партии Гиппербона, что позволило покойному чудаку включить его в свою карту. Нью-Мексико остался определенно испанским как по своим нравам, так и по внешнему виду, англо-американский характер прививается к нему туго. Санта-Фе, расположившись в центре серебряных рудников, обеспечил себе цветущую будущность. По словам его жителей, город покоится на прочном серебряном фундаменте и из почвы улиц можно извлекать минерал, который приносит до двухсот долларов с тонны. Впрочем, для туристов Санта-Фе представляет мало любопытного, если не считать развалин церкви, построенной испанцами почти три века назад, и дворца губернатора — скромной одноэтажной постройки, единственное украшение которой составляет портик с деревянными колоннами. Испанские и индейские дома, построенные из кирпича-сырца, представляют собой не что иное, как кубы каменной кладки с проделанными в стене неправильными отверстиями.

Гарри Т. Кембэл, не имея возможности позвать семь тысяч тянувшихся к нему рук, ответил общим выражением благодарности, ведь необходимо было явиться на телеграф до того, как на городских башенных часах пробьет полдень.

Его ждали там две телеграммы, посланные почти одновременно утром из Чикаго. Первая, за подписью нотариуса Торнброка, извещала о результате второго метания игральных костей. Десять очков отсылали четвертого партнера в двадцать вторую клетку, в Южную Каролину. Таким образом, этот бесстрашный, не знающий усталости путешественник, мечтавший о безумных маршрутах, получал желаемое! Добрых тысячу пятьсот миль предстояло ему «поглотить», направляясь к атлантическому берегу Соединенных Штатов!..

В Санта-Фе испано-американцы хотели отпраздновать прибытие своего компатриота¹, организовав митинги, банкеты и другие подобные церемонии. Но, к своему большому сожалению, репортер газеты «Трибюн» принужден был отказаться от всех торжеств. Наученный опытом, он решил строго следовать советам почтенного мэра города Буффало. К тому же телеграмма, отправленная ему предусмотрительным Бикгорном, содержала новый маршрут, не менее обдуманный, чем предыдущий. В тот же день Гарри Кембэл покидал столицу Нью-Мексико. Среди провожавших он увидел Изидорио.

— Вот что, любезный, еще раз прими от меня благодар-

¹ Компатриот — соотечественник.

ность. Без твоего усердия я бы не поспел вовремя и вылетел бы из партии,— обратился к нему репортер.

— Если вы довольны, мистер Кембэл, то и я тоже...

— А двое составляют пару, как говорят наши друзья французы!

— Значит, это — как для упряжных лошадей?

— Именно. А что касается бумажки, которую я тебе подписал, храни ее бережно. Когда услышишь, что обо мне все говорят как о победителе матча, то отправляйся в Клифтон и садись в поезд, который привезет тебя в Чикаго, а там иди прямо в кассу!.. Будь спокоен, я не посрамлю свою подпись.

— О, я понимаю, мистер Кембэл... я даже очень хорошо понимаю!.. Поэтому я предпочел бы...

— Что же именно?

— Сотню добрых долларов...

— Сотню вместо ста тысяч?

— Да,— ответил Изидорио.— Не люблю рассчитывать на случай, и сто добрых долларов, которые вы мне дадите,— это будет более надежно.

Делать нечего, Гарри Т. Кембэл,— возможно, в душе сожалел о своей излишней щедрости,— вынул из кармана сто долларов и передал их деревенскому мудрецу. Репортер уехал, сопровождаемый шумными пожеланиями счастливого пути и вскоре исчез из виду.

ГЛАВА XI

Переживания Джовиты Фолей

Лисси Вэг была пятой отъезжающей. С каким волнением переживала она эту бесконечно тянувшуюся неделю, или, точнее, с каким волнением переживала ее Джовита Фолей! Лисси Вэг никак не могла успокоить подругу. Джовита не ела, не спала — похоже было, что она не жила. Мистер Маршалл Филд дал девушкам отпуск на другой день после прочтения завещания. С тех пор они были избавлены от необходимости являться каждый день на Медисон-стрит, что несколько беспокоило более благоразумную из них. Она сомневалась, сможет ли их патрон так долго обходиться без них.

— Мы сделали ошибку,— повторяла Лисси Вэг.

— Ладно,— отвечала Джовита Фолей,— но эту ошибку мы будем продолжать.

Говоря так, эта нервная, впечатлительная особа не переставала ходить взад и вперед по маленькой комнате, занимаемой ими на Шеридан-стрит. Она то открывала единствен-

ный чемодан, в котором лежали белье и платье, приготовленные для путешествия, желая убедиться, что ничто не забыто, то принималась считать и пересчитывать имевшиеся у них деньги.

— Если не успокоишься и будешь нервничать,— однажды заявила ей Лисси,— то захвораешь, и я останусь за тобой ухаживать, предупреждаю тебя об этом.

— Ты с ума сошла!.. Только нервы меня и поддерживают. Они дают мне бодрость и выносливость, и я буду нервничать в течение всего путешествия!..

— Хорошо, Джовита, но тогда, если не ты скоро сляжешь, то я...

— Ты? Ну попробуй только заболеть! — воскликнула милая, но чересчур экспансивная особа, бросаясь на шею Лисси Вэг.

— В таком случае не волнуйся,— возразила Лисси Вэг, отвечая на поцелуй своей подруги,— и все будет хорошо.

Джовита Фолей не без усилий взяла себя в руки, страшно испугавшись мысли, что ее подруга вдруг сляжет в самый день отъезда, но каждую ночь в тревожном сне она громко говорила о «мосте», о «гостинице», о «лабиринте», о «колодце», о «тюрьме», о всех мрачных клетках, заставлявших платить штрафы простые, двойные и тройные. Приближался день, когда молодым путешественницам надлежало отправиться в путь. Горячими угольями, которые Джовита Фолей постоянно чувствовала у себя под ногами в течение всей этой недели, можно было бы нагреть паровоз большой скорости, и он доставил бы их в самые дальние пункты Америки.

Тем временем в утренних листках, так же как и в вечерних, печатались целые столбцы сообщений, более или менее правдивых или фантастических (читатели предпочитают получать фальшивые известия, чем не иметь никаких). К тому же достоверность информации зависит от самих участников партии.

Сведения, публиковавшиеся о Максе Реале, были весьма неосновательны, оттого что он никого не посвящал в свои планы и не расписывался в городах, через которые пролегал его путь. Глубокая неизвестность окутывала также и Германа Титбюри. О Томе Краббе газеты получали довольно подробные вести. Мильнера и его компаньона интервьюировали во всех главных городах их маршрута. Что до Гарри Кембэла, то сведения о нем падали, как апрельский дождь. Журналист сыпал телеграммами, заметками, письмами, радуя свою газету.

Так настало седьмое мая. Еще день — и нотариус Торн-

брок в присутствии Джорджа Хиггинботама объявит о результате метания игральных костей в пользу Лисси Вэг.

В ночь с седьмого на восьмое у девушки появилась сильнейшая боль в горле и острый приступ лихорадки. Ей пришлось разбудить подругу, спавшую в соседней комнате. Джовита Фолей тотчас вскочила с постели, дала ей питья и тепло укутала, повторяя не очень уверенным голосом:

— Пустяки, дорогая моя... пройдет.

— Надеюсь,— ответила Лисси Вэг.— Заболеть теперь было бы чересчур некстати.

На следующий день, едва рассвело, весь дом уже знал, что пятая участница партии заболела и необходимо вызвать доктора. Его прождали до девяти часов. Вскоре вся улица обсуждала происшествие, за улицей — весь ближайший квартал, а за ним и город. Известие о болезни Лисси распространилось с быстротой, свойственной всем мрачным известиям. А что в том удивительного? Разве мисс Вэг не была героиней дня? Разве не на ней сосредоточивалось теперь все внимание общественности? И вот Лисси Вэг больна,— может быть, серьезно,— накануне отъезда.

Наконец объявили о приходе врача, доктора медицины Пью. Сев у кровати Лисси Вэг, он внимательно посмотрел на нее, велел показать язык, пощупал пульс, выслушал и выстукал. Ничего со стороны сердца, ничего со стороны печени, ничего со стороны желудка. Наконец, после добросовестного осмотра, доктор вывел заключение:

— Ничего страшного, если только не произойдет каких-нибудь серьезных осложнений.

— А есть ли основание бояться осложнений? — спросила Джовита Фолей, взволнованная словами доктора.

— И да и нет,— ответил доктор Пью.— Нет, если болезнь удастся пресечь в самом начале... Да, если она будет развиваться.

— Но могли бы вы теперь определить болезнь?

— Да, и самым категорическим образом.

— Говорите же, доктор!

— Мой диагноз: обыкновенный бронхит. Есть небольшие хрипы, но плевро¹ не затронута. Но...

— Но?..

— Но бронхит может перейти в воспаление, а воспаление — в отек легких... Это именно то, что я называю серьезными осложнениями.

¹ Плевра — тонкая оболочка, плотно покрывающая легкие и выстилающая изнутри всю грудную полость.

Прописав капли аконита на спирту, сиропы, теплое питье и отдых, доктор исчез (не сомневаясь, что дома его уже ждут репортеры).

Джовита Фолей едва не потеряла голову. В течение последних часов Лисси Вэг, казалось, еще больше ослабла, легкая дрожь говорила о новом приступе лихорадки, пульс бился чаще. Милая девушка не отходила от подруги, обтирала ее разгоряченный лоб, давала микстуру и роптала на несправедливость судьбы. «Нет,— говорила она себе,— нет! Ни Том Крабб, ни Титбюри, ни Кембэл, ни Макс Реаль не заболели бы бронхитом накануне своего отъезда!.. Не случится такого несчастья и с коммодором Урриканом! Нужно же, чтобы все это обрушилось на бедную Лисси, обладающую таким цветущим здоровьем!.. А что, если нас отошлют куда-нибудь далеко... если опоздание на пять или шесть дней помешает нам явиться в срок к месту назначения...»

Около трех часов дня приступ лихорадки стал слабеть, но кашель как будто усилился. Открыв глаза, Лисси Вэг увидела Джовиту, склонившуюся над ней.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросила та. — Лучше, не правда ли?.. И скажи, что тебе дать?

— Выпить чего-нибудь, — ответила Лисси голосом, очень изменившимся от боли в горле.

— Вот, голубчик... прекрасное питье: горячее молоко с содовой водой! А потом, доктор тебе велел... всего только несколько порошков...

— Я чувствую большую слабость, — сказала больная, — и в то же время некоторое облегчение... Это значит, приступ лихорадки проходит.

— Значит, ты начинаешь выздоравливать! — воскликнула Джовита Фолей.

— Начинаю выздоравливать?.. Уже?.. — прошептала Лисси, пытаясь улыбнуться.

— Да... уже... и, когда доктор вернется, он, наверное, скажет, что ты сможешь встать!

— Обещаю тебе, Джовита, выздороветь как можно скорее, — тихо проговорила девушка и, повернувшись на бок, тотчас уснула.

А в это время под их окнами собралось уже порядочно народу. Уличный шум доносился до девятого этажа и мог разбудить Лисси Вэг. По тротуарам сновали любопытные. Одна за другой подъезжали кареты и после небольшой остановки мчались дальше, к городским кварталам.

— Как-то она сейчас? — спрашивали одни.

— Ей хуже, — отвечали другие.

— Говорят, тяжелая форма лихорадки.
— Нет, тиф...
— Ах, бедная барышня!.. Некоторым людям, правда, не везет!

Около пяти часов вечера уличный шум усилился, и Джовита Фолей высунулась из окна. Она увидела, кого бы вы думали? Годжа Уррикана с каким-то типом! Широкоплечий и подвижный, казалось, тот был еще более бешеного темперамента, чем страшный коммодор. Джовита прекрасно видела, как он грозил кому-то кулаком с видом человека, который не в силах более сдерживаться. Конечно, не из участия к молоденькой партнерше Годж Уррикан явился на Шеридан-стрит и стоял под ее окнами. Когда в окружавшей его толпе разнеслось известие, что болезнь Лисси Вэг не представляет ничего серьезного, «какой болван это сказал?», проревел он. Принесший это известие, разумеется, не пожелал себя назвать.

— Ей все хуже и хуже,— добавил его спутник,— и если кто-нибудь попытается утверждать противное...

— Послушай, Тюрк, держи себя в руках!

— Чтобы я держал себя в руках?! — заревел Тюрк, ворочая глазами, как разъяренный тигр.— Это легко вам, коммодор! Как известно, вы самый терпеливый из людей! Но мне... слушать подобного рода вздор!.. Это выводит меня из себя... А когда я вне себя...

Газеты, появившиеся около шести часов вечера, оказались переполненными самыми противоречивыми сведениями. Согласно одним, здоровье Лисси Вэг окрепло благодаря заботам врача и ее отъезд ни на один день не будет отложен. Согласно другим, мисс Вэг не сможет отправиться в путешествие раньше конца недели.

Газеты «Чикаго глоб» и «Чикаго ивнинг пост» дали особенно пессимистическую информацию: в них сообщалось о консилиуме светил науки и необходимости операции... «Мисс Вэг сломала себе руку»,— извещала первая газета. «Ногу»,— утверждала вторая. А нотариус Торнброк получил письмо, подписанное именем Джовиты Фолей, в котором сообщалось, что пятая партнерша отказывается от своей доли наследства. Газета «Чикаго мейл» без всяких колебаний объявила, что Лисси Вэг между четырьмя часами сорока пятью минутами и четырьмя часами сорока семью минутами пополуночи скончалась. Когда «новости» дошли до Джовиты Фолей, с ней едва не сделалось дурно; к счастью, доктор Пью немного ее успокоил.

— Это обыкновенный бронхит,— повторял он.— Никаких

симптомов воспаления. Достаточно будет нескольких дней спокойствия и отдыха... Может быть, семи или восьми.

— Семи или восьми?!

— При условии, чтобы больная не подвергалась ни малейшему сквозному ветру.

— Семь или восемь дней!..— повторяла несчастная Джовита, ломая руки.

— И притом — если не произойдет никаких серьезных осложнений...

Ночь прошла беспокойно. Джовита Фолей не ложилась спать. Какая сиделка могла бы сравниться с ней? Впрочем, она никому не уступила бы своего места.

Наступил день пятого метания игральные костей. Джовита отдала бы десять лет своей жизни, чтобы быть в зале Аудиториума. Но оставить больную! Об этом нечего было и думать. Вдруг Лисси позвала к себе подругу и сказала:

— Милая Джовита, попроси нашу соседку прийти сюда.

— Ты хочешь, чтобы...

— Я хочу, чтобы ты отправилась в Аудиториум... Ты ведь веришь в мою удачу.

«Еще бы!» — вскричала бы Джовита Фолей тремя днями раньше, но в тот день она так не сказала. Поцеловав больную в лоб и предупредив соседку, почтенную особу, которая тотчас же пришла и уселась возле больной, Джовита сбегала с лестницы и, сев в первую попавшуюся карету, велела ехать к Аудиториуму.

Так как известие о смерти молодой девушки появилось уже во многих утренних газетах, то некоторые из присутствующих удивились тому, что ее близкая подруга появилась в этой толпе, и даже не в трауре. Без десяти минут восемь председатель и члены «Клуба чудаков», сопровождаемые мистером Торнброком в неизменных очках с алюминиевой оправой, появились на эстраде и уселись вокруг стола.

Внезапно громовой голос прервал тишину, его нельзя было не узнать: так гудеть мог только голос commodora.

— Мне кажется, господин председатель,— сказал он,— для того, чтобы точно исполнить волю покойного, не следует приступать к пятому метанию костей, так как пятая партнерша сегодня утром умерла!

Сдержанный шепот прокатился по залу, но его покрыл женский голос:

— Это ложь! Потому что я, Джовита Фолей, всего двадцать пять минут тому назад оставила Лисси Вэг живой и выздоравливающей.

Взрыв криков и протестов раздался из группы Уррикана.

— Ладно, не умерла, но ей и не лучше!.. Ввиду создавшегося положения прошу, чтобы моя очередь подвинулась и то метание костей, которое произойдет через несколько минут, было для шестого партнера, — опять раздался голос Годжа Уррикана.

А за ним крики и топот — это неистовствовали его единомышленники, точнее, держатели пари, вполне достойные плавать под его флагом. Наконец нотариусу Торнброку удалось усмирить беснующуюся компанию.

— Предложение Годжа Уррикана, — сказал он, — основано на неверном понимании воли завещателя и находится в полном противоречии с правилами благородной игры Североамериканских Соединенных Штатов. Каково бы ни было состояние здоровья пятой партнерши, мы приступим к тиражу, назначенному на девятое мая для мисс Лисси Вэг. Через две недели, если участница не окажется в назначенном месте — останется ли она в живых или нет, — она будет лишена своих прав.

Последовали бурные протесты Годжа Уррикана. Голосом, полным негодования, он заявил, что если кто-нибудь и понимал неверно волю завещателя, то это сам нотариус Торнброк!

Пробило восемь часов, глубокая тишина водворилась в зале. Мистер Торнброк, немного больше обычного взволнованный, правой рукой взял пустой футляр, левой положил в него игральные кости и потряс ими, то подымая коробочку, то опуская ее. Послышался легкий стук маленьких костяшек, ударившихся о кожаные стенки футляра... когда их выбросили, они покатались к самому краю стола. Нотариус пригласил Джорджа Б. Хиггинботама и его коллег проверить выброшенное число очков и звучным голосом произнес:

— Девять, из шести и трех.

«Счастлиное число»! Пятый партнер одним скачком попал в двадцать шестую клетку, штат Висконсин.

ГЛАВА XII

Пятая партнерша

— О, дорогая Лисси, какой счастливый... какой изумительный удар костей!.. — восторженно вскричала Джовита Фолей.

Она быстро вошла в комнату, забыв, что могла взволновать больную.

— Какое же число выбросили кости? — спросила Лисси Вэг, слегка приподнимаясь на подушках.

— Девять, милочка, девять, из шести и трех, что отсылает нас сразу в двадцать шестую клетку!

— А эта клетка?

— Штат Висконсин... город Милуоки, в двух часах... всего только в двух часах езды скорым поездом!

Действительно, для начала партии лучшего нельзя было и желать.

— Все удачи, дорогая моя, тебе, тебе одной,— повторяла Джовита,— а все неудачи другим.

— Будь немного повеликодушнее, Джовита.

— Если хочешь, могу исключить из их числа Макса Реаля, так как ты желаешь ему всяких благ...

— Без сомнения...

— Но вернемся к делу, Лисси... Двадцать шестой квадрат! Ты должна дать себе ясный отчет в нашем преимуществе! До сих пор первым был этот журналист Гарри Т. Кембэл, но он только еще добрался до двенадцатой клетки, тогда как мы!.. Еще тридцать семь очков... всего только тридцать семь очков... и мы достигнем цели!

Но подруга, казалось, не разделяла ее энтузиазма.

— У тебя такой вид, точно ты не рада!..— вскричала Джовита.

— Рада, голубчик, рада!.. Мы отправимся в Висконсин, в город Милуоки!

— О, у нас еще есть время, душа моя! Это не завтра и даже не послезавтра!.. Через пять или шесть дней, когда ты совсем поправишься... Может быть, даже через пятнадцать, если так будет нужно! Только бы нам быть на месте двадцать третьего в полдень...

— В таком случае все к лучшему, раз ты довольна.

— Довольна ли я, моя дорогая? Я настолько же довольна, насколько недоволен коммодор... Этот противный морской волк хотел устроить так, чтобы ты оказалась вне конкурса... Хотел заставить нотариуса Торнброка предоставить пятый удар ему, коммодору, под предлогом, что ты все равно не смогла бы им воспользоваться... Желаю ему заблудиться в «лабиринте», свалиться в «колодец», заплесневеть в «тюрьме»!

Оставляя в стороне некоторые преувеличения, свойственные этой живой натуре, нужно признать, что действительно девять очков, составленные из шести и трех, означали один из лучших ходов, какие только возможны в начале игры. Висконсин находится рядом со штатом Иллинойс, севернее его. На западе границей ему служит Миссисипи, на востоке — озеро Мичиган и на севере — озеро Верхнее. Его столица — Мадисон, а Милуоки — метрополия.

Итак, день, грозивший большими неприятностями, начинался очень счастливо. Правда, волнение больной ухудшило ее состояние, а когда пришел доктор медицины Пью, девушку мучили приступы кашля, сопровождавшиеся общей слабостью и небольшим повышением температуры.

Газеты Союза Североамериканских Соединенных Штатов, как и следовало ожидать, поместили на своих страницах отчет о пятом метании игральных костей. Во многих говорилось об инциденте¹ с Урриканом, причем одни поддерживали претензии неистового коммодора, другие их осуждали. И все одобряли нотариуса Торнброка, который твердо исполнил свой долг. К тому же, что бы ни говорил Годж Уррикан, Лисси Вэг не умерла и умирать не собиралась. Все это вызвало в публике естественный подъем симпатий к больной, бюллетень о состоянии здоровья пятой партнерши печатался два раза в день — утром и вечером, как если бы дело шло о здоровье принцессы крови.

Ночь с десятого на одиннадцатое прошла довольно спокойно, появились все основания думать, что лихорадка закончилась. Когда утром Джовита Фолей вошла в комнату больной, она не могла скрыть оживления, а глаза блеснули так хитро и весело, что Лисси не могла не спросить:

— Да что с тобой сегодня?

— Ничего, милая... ничего... Это майское солнце... лучи, которые точно вдыхаешь, точно пьешь... О, если бы ты могла хоть часок посидеть у окошка... вместо лекарства принять хорошую дозу солнца!..

— Но куда же ты уходила, Джовита?

— Куда уходила? Прежде всего в магазин «Маршалл Филд», чтобы сообщить о твоём здоровье...

— Ну, а потом?

— Потом? Что потом?

— Ты нигде больше не была?

— Где я еще была?

— Ведь сегодня, кажется, одиннадцатое мая, не правда ли?

— Одиннадцатое, моя дорогая, — ответила Джовита таким звонким голосом, что ее подруга невольно улыбнулась.

— Но в таком случае шестое метание игральных костей уже было...

— Разумеется!

— А это значит...

— Это значит... Нет, подожди, я должна тебя поцеловать!..

¹ Инцидент — случай, происшествие.

Я не хотела рассказывать, потому что тебе нельзя волноваться... но это выше моих сил!

— Но говори же, Джовита...

— Представь себе, голубчик, ведь он тоже получил девять очков... но составленные из четырех и пяти.

— Кто он?

— Коммодор Уррикан.

— Но мне кажется, что это еще лучше...

— Да, лучше, потому что он сразу попадает в пятьдесят третью клетку, значительно опережая всех других... Но, с другой стороны, очень нехорошо...

И Джовита Фолей предалась неудержимым проявлениям радости, настолько же шумным, насколько и необъяснимым.

— Но почему же нехорошо? — спросила Лисси Вэг.

— Потому что коммодор отослан к черту на кулички.

— К черту на кулички?

— Да!.. В самую глубину Флориды! Дальше чем за две тысячи миль отсюда!

Но эта новость не обрадовала больную в такой степени, как ожидала Джовита. Ее доброе сердце пожалело даже коммодора.

Начиная со следующего дня Лисси Вэг начала есть с большим аппетитом, ее лихорадка совершенно исчезла, но вставать с постели доктор Пью не позволил. Время для обеих подруг тянулось необыкновенно долго, особенно для Джовиты. Она часто сидела в комнате больной, и разговор — не в форме диалога, а скорее монолога — порой был очень оживлен.

Но о чем стала бы говорить Джовита Фолей, как не о штате Висконсин, по ее словам, самом красивом, самом интересном из всех штатов Америки! С путеводителем в руках она болтала не переставая и успела изучить его так хорошо, что без запинки объясняла подруге.

— Представь себе,— говорила Джовита,— раньше этот штат назывался Месконсин, по имени реки, протекающей там; нигде в мире нет страны, которая могла бы с ним сравниться. На севере до сих пор еще видны остатки старых сосновых лесов, покрывавших когда-то всю его территорию. В нем имеются лечебные источники, превосходящие даже источники штата Виргиния, и я уверена, что если бы твой бронхит...

— Но,— заметила Лисси,— разве же мы сейчас едем не в Милуоки?

— Да, в Милуоки, важнейший город штата. Это слово на старом индейском языке означает «прекрасная страна». Город с населением в двести тысяч душ, среди которых немало немцев. Его называют поэтому германо-американскими Афи-

нами...¹ О, если бы мы были сейчас там, какие восхитительные прогулки совершили бы по скалистому берегу реки, застроенному красивыми зданиями! Безукоризненно чистые кварталы с домами из молочно-белого кирпича... Потому город и заслужил название... Неужели ты не догадываешься какое? Крем-Сити, моя дорогая... Сливочного города!.. В него хотелось бы обмакнуть хлеб... О, зачем только этот проклятый бронхит не позволяет нам отправиться туда тотчас же!

И Джовита Фолей продолжала читать страницу за страницей свой путеводитель, узнавая о различных превращениях этой страны, в прошлом населенной индейскими племенами и колонизованной франко-канадцами в эпоху, когда она была известна под именем Беджер-Стэт, штата Бобров. Среди городов штата Висконсин самый замечательный — Мадисон, раскинувшийся между озерами Мендота и Монона. А что за прелесть захолустные городки этого озерного края!

Утром тринадцатого числа любопытство жителей Чикаго достигло критической точки. Зал Аудиториума кишмя кишел публикой — как в тот день, когда происходило чтение завещания. И немудрено: в восемь часов объявлялся результат седьмого метания игральные костей в пользу таинственной и загадочной личности, скрывающейся под инициалами Х. К. Z.

Тщетно старались раскрыть инкогнито седьмого партнера. Самые ловкие репортеры, самые талантливые ищейки местной хроники потерпели неудачу. Несколько раз им казалось, что они напали на настоящий след, но тут же убеждались в своей ошибке. Предполагали, что покойный хотел привлечь к участию в партии одного из своих коллег из «Клуба чудаков», предоставив ему седьмой шанс в своем матче. Некоторые даже называли Джорджа Хиггинботама, но почтенный член клуба официально опроверг слух. Когда же обращались к нотариусу Торнброку, он заявлял, что его миссия состоит исключительно в точном и своевременном извещении по телеграфу в местные почтовые отделения о результатах тиражей (в том числе касавшихся и «человека в маске»). Тем не менее многие надеялись, и, возможно, не без основания, что в то утро господин Х. К. Z. ответит на призыв к его инициалам в зале Аудиториума.

Но присутствующие были разочарованы, совершенно разочарованы: в маске или без маски — никакого субъекта в зале не появилось, когда мистер Торнброк выбросил из кожаного футляра на стол игральные кости и громко произнес:

¹ Афины — прекрасный древний город, культурный и политический центр в Древней Греции.

— Девять, из шести и трех. Двадцать шестая клетка, штат Висконсин.

Зрители не желали расходиться. Они ждали. Но никто не являлся. И пришлось покориться. Вечерние газеты того дня были единодушны: ну нельзя же так потешаться над населением!

И все же волнение публики не шло ни в какое сравнение с беспокойством, охватившим Джовиту Фолей: по странному совпадению, господину в маске выпало то же число — девять, и тоже из шести и трех. Это означало, что господин Х. К. З. отправлялся в тот же двадцать шестой квадрат, и, если Лисси Вэг не успеет покинуть его до приезда своего конкурента, ей придется поменяться с ним местами, то есть вернуться к началу игры. Их удача снова находилась под угрозой, пока Лисси оставалась прикованной к постели.

Двадцать второго мая никаких известий о Х. К. З. не поступило, в Висконсин он еще не прибыл. Правда, на почту он мог прийти и в последний срок — двадцать седьмого, у Лисси еще оставался шанс... И она почти выздоровела, но тут заболела Джовита. У нее сделался нервный припадок, поднялась температура, пришлось лечь в постель. Это обстоятельство подтолкнуло Лисси Вэг к твердому решению забыть о затее покойного Гиппербона с его шестьюдесятью миллионами — отныне и навсегда. Но ближе к вечеру Джовита поднялась, еще раз проверила и заперла чемодан.

— О,— вскричала неугомонная особа,— я отдала бы десять лет жизни за то, чтобы сейчас уже быть в дороге!

Десять лет, отдаваемые ею неоднократно, и другие десять, которые она, вероятно, не раз еще отдаст в течение путешествия, составили бы такую внушительную цифру, что ей осталось бы очень немного времени прожить на этом свете! День закончился бы без происшествий, если бы около шести часов к подругам не явился гость, которого они не ждали.

— Здесь живет мисс Лисси Вэг? — спросил незнакомец, поклонившись молодой девушке.

— Да, здесь.

— Могла бы она принять меня?

— Но...— начала Джовита нерешительным тоном,— мисс Вэг была очень больна...

— Значит, имею удовольствие говорить с мисс Джовитой Фолей?

— Вы не ошиблись. И может быть, я могла бы заменить Лисси?

— Предпочел бы увидеть ее своими собственными глазами, если только возможно.

— Могу спросить, для чего?

— У меня нет причин скрывать цель прихода, мисс Фолей. Я собираюсь принять участие в матче Гиппербона в качестве держателя пари и поставить большую сумму на пятого партнера. И вы понимаете... мне хотелось бы...

Понимала ли Джовита Фолей? Разумеется, и несказанно обрадовалась. Наконец-то нашелся хоть один, кто готов был рискнуть тысячами долларов, держа за Лисси пари! Перед ней стоял человек лет пятидесяти, с легкой сединой в бороде, с очень живыми глазами, более живыми даже, чем бывает у людей его возраста. Джентльмен изысканного вида, со стройной фигурой, умным, выразительным лицом и необыкновенно мягким голосом настаивал на встрече с Лисси Вэг в безукоризненно вежливой форме. В общем, Джовита Фолей не нашла никаких оснований отказать ему.

— Могу я узнать ваше имя, мистер? — спросила она.

— Гемфри Уэлдон из Бостона, Массачусетс, — ответил незнакомец.

И, войдя в переднюю комнату, он направился в следующую, где была Лисси Вэг.

Увидав его, молодая девушка поспешно встала.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, — сказал гость. — Простите мою навязчивость, но мне очень хотелось вас повидать... Только одну минуту... — И сел на придвинутый ему стул. — Как я уже сказал, имею намерение поставить на вас значительную сумму, так как верю в ваш успех, и мне хотелось убедиться в том, что состояние вашего здоровья...

— Я совершенно поправилась, — ответила девушка, — благодарю вас за доверие, но... по правде сказать... мои шансы...

— Тут все дело в предчувствии, мисс Вэг, — заметил мистер Уэлдон тоном, не допускающим возражения.

— Именно, в предчувствии... — подтвердила Джовита.

— Так что спору это не подлежит... — прибавил почтенный джентльмен.

— И то, что вы думаете о моей подруге Вэг, — вскричала Джовита Фолей, — думаю о ней и я...

— Будем надеяться, мисс Вэг, — сказал гость, — что следующий тур окажется для вас столь же счастливым, как и первый.

Милейший человек напомнил о предосторожностях во время путешествия и о необходимости самым точным образом согласовываться с расписанием поездов.

— Впрочем, — прибавил он, — вижу, вы не будете путешествовать в полном одиночестве.

— Да, мисс Фолей будет мне сопутствовать, или, лучше сказать, увлекать меня за собой!..

— Вы совершенно правы, мисс Вэг,— сказал мистер Уэлдон.— Приятнее путешествовать вдвоем.

— И безопаснее,— заявила Джовита Фолей.

— Итак, полагаюсь на вас, мисс Фолей,— прибавил мистер Уэлдон.— Уверен, вы поможете подруге выиграть. Примите же мои самые искренние пожелания, ваш успех гарантирует мой!

Когда господин Уэлдон удалился, Лисси тихо проговорила:

— Бедняга! По моей вине он потеряет такие большие деньги...

— У этих пожилых господ,— возразила Джовита,— много здравого смысла и есть какое-то чутье, которое их никогда не обманывает...

На следующий день, двадцать третьего мая, в пять часов утра более нетерпеливая из двух путешественниц была уже на ногах. А перед самым отъездом в последнем нервном припадке эта удивительная Джовита Фолей вновь нарисовала себе целую картину неудач, задержек, опозданий и несчастных случаев!.. Что, если экипаж сломается по дороге? Если улицы будут так запружены, что придется двигаться шагом?.. Если за ночь произошло изменение в расписании поездов?.. Если произойдет какая-нибудь железнодорожная катастрофа?

Экипаж не сломался, ни разу не остановился и к семи часам десяти минутам доставил путешественниц на вокзал. Там Джовита испытала разочарование, увидав, что отъезд пятой партнерши не собрал толпы провожающих. Очевидно, Лисси Вэг так и не стала фавориткой в матче Гиппербона.

— Даже мистер Уэлдон и тот не приехал,— не удержалась от замечания мисс Фолей.

Наконец паровоз тронулся, но никаких «ура», никаких горячих пожеланий, если не считать тех, что мысленно произнесла Джовита. Поезд обогнул озеро Мичиган и промчался, не останавливаясь, мимо станций Лейк-Вью, Эванстон, Гленпок и других. Погода выдалась восхитительная. Воды сверкали, оживляемые движением пароходов и парусных судов, те самые воды, которые, переливаясь из озера в озеро — Верхнее, Гурон, Мичиган, Эри и Онтарио — уносятся рекой Св. Лаврентия в безбрежную Атлантику. Из Уокигана поезд поехал дальше по штату Висконсин. Двигаясь к северу, он сделал остановку в Расине, большом фабричном городе, и около десяти часов уже подъезжал к вокзалу города Милуоки.

— Приехали!.. Приехали!..— вскричала Джовита и так

глубоко и радостно вздохнула, что ее вуалетка натянулась, точно парус, вздуваемый ветром.

— Приехали на целых два часа раньше,— заметила Лисси, взглянув на свои часы.

— Нет, на четырнадцать дней позже,— возразила ее подруга, выскакивая на платформу.

Без четверти двенадцать путешественницы вошли в почтовое бюро, и Джовита Фолей спросила одного из чиновников, не было ли телеграммы для мисс Лисси Вэг. При этом имени чиновник поднял голову, и его глаза выразили искреннее удовольствие.

— Мисс Лисси Вэг? — переспросил он.

— Да... из Чикаго...

— Деша вас ждет,— сказал чиновник, подавая телеграмму адресату.

— Дай!.. Дай!..— воскликнула Джовита.— Ты так долго будешь распечатывать, что у меня опять сдадут нервы!

Дрожащими от нетерпения руками она распечатала телеграмму и прочла:

Лисси Вэг. Почтовое бюро Милуоки. Висконсин. Двадцать из десяти и десяти. Сорок шестая клетка, штат Кентукки. Мамонтовы пещеры.

Торнброк.

ГЛАВА XIII

Приключения коммодора Уррикана

Одиннадцатого мая в восемь часов утра господин Урриккан узнал о числе очков своего тиража. Друзья Годжа Урриккана, а точнее, уверовавшие в счастливую звезду коммодора и поставившие на него, бросились поздравлять его прямо в зале Аудиториума.

— Коммодор,— говорили ему,— пять и четыре — ведь это такое блестящее начало!

— Блестящее? Для тех, у кого есть дела во Флориде.

— Теперь вам достаточно получить десять очков, чтобы оказаться у цели и в два хода выиграть партию.

— Действительно!.. Если я получу девять очков, то у меня уже не будет больше хода... А если получу больше десяти очков, то мне придется возвращаться вспять, еще неизвестно куда...

— Все равно, коммодор, всякий на вашем месте был бы очень доволен.

— Возможно, но лично я недоволен!

Ворча и негодуя, Уррикан вернулся к себе на Рандольф-стрит в сопровождении Тюрка, выражавшего свое негодование так громко и неистово, что коммодор вынужден был строго-настрого приказать ему замолчать.

Тюрк, старый моряк федерального флота, служил юнгой, матросом, а потом и квартирмейстером, словом, прошел все чины снизу доверху. Он был единственным из судовой команды, с кем неистовый Уррикан мог столкнуться. И возможно, потому, что Тюрк делался еще более неистовым, когда речь заходила о правоте его командира. Во время плаваний этот моряк нередко исполнял должность личного слуги Годжа Уррикана. Когда возраст позволил коммодору выйти в отставку, Тюрк тоже оставил флот, нашел Годжа Уррикана и вскоре стал самым необходимым для него человеком. Таким образом, он уже три года проживал на Рандольф-стрит, занимая положение управляющего, который ничем не управляет, или, если хотите, почетного интенданта¹.

Тюрк, в сущности, был самым кротким и удобным для совместной жизни человеком. За время службы во флоте он никогда ни с кем не поссорился и не подрался. Как же ему удалось превзойти Годжа Уррикана, самого яростного из людей? Ему помогла любовь. Он любил своего командира, несмотря на недостатки характера. Любовь научила его изумительному искусству перевоплощения, какому позавидовал бы и великий актер.

Когда Уррикан заявлял, что проучит такого-то, Тюрк рвался надавать негодяю пощечин, а когда коммодор угрожал кому-нибудь пощечиной, Тюрк обещал избить мерзавца до смерти. Он был похож на верного пса, вторившего хозяйской брани громким лаем. Только пес слушался голоса своей природы, а Тюрк действовал этому голосу наперекор. Такие припадки бешенства заставляли Уррикана отвлекаться, чтобы усмирить своего матроса. И добром у малому удавалось предотвратить истории, грозившие коммодору очень крупными неприятностями. К примеру, накануне отъезда во Флориду, когда Годж Уррикан намеревался вызвать нотариуса на дуэль, Тюрк что есть мочи вопил, будто канцелярская крыса сплутовала, и клялся оборвать ему оба уха и сделать из них букет для своего хозяина.

К отходу поезда, увозившего шестого партнера, на вокзале собралось достаточно охотников, решившихся рисковать своими деньгами. Может быть, им казалось, что человек тако-

¹ Интендант — должностное лицо в вооруженных силах, ведающее снабжением войск.

го бешеного характера держит в повиновении саму фортуна?¹ Какой же маршрут выбрал себе коммодор? Он посвятил в это одного Тюрка.

— Слушай, Тюрк,— сказал Уррикан, как только они вернулись из Аудиториума,— слушай и смотри. Вот карта Соединенных Штатов...

— Карта Соединенных Штатов...

— Да. Вот здесь Иллинойс с Чикаго... Там — Флорида...

— О, я знаю! — ответил матрос, глухо ворча себе под нос. — В былые времена мы там плавали и воевали, коммодор.

— Если бы речь шла только о том, чтобы отправиться в Таллахасси, столицу Флориды, или Пенсаколу, или даже в Джексонвилл, то ничего не стоило бы...

— Ничего не стоило бы,— повторил Тюрк.

— И,— продолжал коммодор,— когда я думаю, что какая-то сопливая девчонка отделается переездом из Чикаго в Милуоки...

— Негодная! — прорычал Тюрк.

— И что этот Гиппербон...

— О, если бы он не умер, мой коммодор! — вскричал моряк, подымая кулак таким жестом, точно хотел уложить на месте бедного покойника.

— Успокойся, Тюрк... он умер... Но для чего он во всей Флориде выбрал место на самом конце полуострова — этого чертова хвоста, который вдается в Мексиканский залив...

— Хвоста, которым следовало бы его выпороть! — рявкнул Тюрк.

— В Ки-Уэст нам придется тащить наш чемодан! На маленький и к тому же скверный островок, годный, как говорят испанцы, только на то, чтобы служить цоколем маяку.

— Паршивое место, мой коммодор!

— Так вот, самое разумное — проделать первую половину пути по железной дороге, а вторую морем... Доехать до Мобила, а оттуда плыть до Ки-Уэста.

Тюрк не возразил. В самом деле, по железной дороге через тридцать шесть часов Годж Уррикан попадает в Мобил, штат Алабама, и останется еще двенадцать дней, чтобы на корабле дойти до Ки-Уэста.

— Если нам это не удастся,— заявил коммодор,— значит, суда перестали совершать по морю рейсы.

— Или не осталось воды в море! — вскричал Тюрк голо-

¹ Фортуна — в римской религии богиня удачи. В переносном смысле: счастливый случай, удача, счастье.

сом, в котором чувствовалась явная угроза Мексиканскому заливу.

Но возможность не найти в Мобиле судно, отправлявшееся во Флориду, совершенно исключалась. Это очень оживленный порт, и к тому же Ки-Уэст благодаря своему положению между Мексиканским заливом и Атлантикой сделался местом стоянки многих судов. Итак, Годж Уррикан и Тюрк, предшествуемые носильщиками с тяжелым чемоданом в руках и вооруженные шестиствольными «деринджерами» (последние составляют необходимую принадлежность каждого настоящего американца), вошли в вагон.

Паровоз домчал их до самого Кейро, расположенного почти на границе Теннесси. В Кейро они выбрали путь вдоль границы Миссисипи и Алабамы, который заканчивался в Мобиле. (Главный город в штате Теннесси — Джэксон¹, который не надо путать с городами того же названия в штатах Миссисипи, Огайо, Калифорния и Мичиган.) Двенадцатого числа после полудня поезд пересек границу Алабамы, а в десять вечера остановился на вокзале Мобила, совершив длинный переезд без каких бы то ни было недоразумений и несчастных случаев (в том числе не произошло стычек между Урриканом и кем-нибудь из машинистов, кочегаров, кондукторов). На следующее утро, когда первые лучи солнца позолотили край неба, оба моряка бодро шагали по набережной Мобила.

Штат Алабама, названный так по реке с тем же названием, делится на две области: одна гористая, по ней в юго-западном направлении тянутся последние отроги Аппалачских гор, а другая занята обширными равнинами, в южной своей части наполовину болотистыми. В прежние времена этот штат занимался только производством хлопка, теперь же благодаря удобному железнодорожному сообщению успешно эксплуатирует свои железные и каменноугольные копи. Его официальной столицей является Монтгомери. Но ни Монтгомери, ни даже Бирмингем (промышленный город в центре штата) не могут соперничать с Мобилом, построенным на террасе² в глубине одноименной бухты, в любое время года удобной для захода судов. О торговом значении порта говорит тот факт, что ежегодно он принимает в свои воды не меньше пятисот кораблей.

Но есть же люди, которых преследуют неудачи!

Годж Уррикан прибыл в Мобил в самый разгар забастовки грузчиков, объявленной накануне и грозившей продол-

¹ В настоящее время главными городами штата Теннесси являются Мемфис, Ноксвилл и Чаттануга.

² Терраса — горизонтальная или слегка наклонная площадка, образующая уступ на склоне местности.

жаться несколько дней. Из судов, назначенных к отплытию, ни одно не могло выйти в открытое море до соглашения с судовладельцами, решившими сопротивляться всем требованиям бастующих.

Три дня коммодор провел в тщетной надежде, что какое-нибудь судно закончит погрузку и отправится в рейс. Грузы оставались на набережной, в паровых котлах не было огня, громадные тюки хлопка занимали все доки...¹

Навигация и тогда не остановилась бы настолько, если бы бухта оказалась внезапно покрытой льдами! Что же делать? Приверженцы коммодора Уррикана (они здесь нашлись) внушили ему, безусловно, очень верную мысль — отправиться немедленно в Пенсаколу, один из крупных городов Флориды, на ее границе со штатом Алабама. Поднявшись по железной дороге до северной окраины штата, а затем спустившись к берегу Атлантики, коммодор достиг бы Пенсаколы за двенадцать часов.

Годж Уррикан, — нужно отдать ему справедливость, — был человеком быстрых решений и не терял времени на пустые разговоры. Сев утром шестнадцатого числа в поезд, он в тот же вечер приехал в Пенсаколу. Оставшихся девяти дней с лихвой хватило бы на рейс до Ки-Уэста (даже для парусного судна).

Значение Пенсаколы не меньше, чем значение Джексонвилла, хозяйственного центра Флориды. Соединенный длинной цепью железных дорог с центром страны, этот город со своими двенадцатью тысячами жителей переживал период расцвета. Для коммодора Уррикана, разыскивавшего какое-нибудь готовое к отплытию судно, было особенно важно, что в торговом обороте порта участвовало почти тысяча двести кораблей.

Но положительно ему не везло! Забастовки в Пенсакеле, правда, не было, но не было и судна, которое направлялось бы на юго-восток, и, разумеется, никакой возможности добраться морем до Ки-Уэста!

— И нет никого, с кем можно за это посчитаться!.. — воскликнул Тюрк, свирепо вращая глазами.

— Но не бросить же здесь якорь на целую неделю...

— Нет!.. Во что бы то ни стало нужно сняться с якоря, мой коммодор, — заявил Тюрк.

— Согласен, но каким способом перебраться отсюда до Ки-Уэста?

¹ Док — портовый бассейн (камера) для стоянки судов под погрузкой-разгрузкой.

Годж Уррикан принялся обходить парусные суда и пароходы, но всюду получал самые неопределенные обещания. Тогда он попробовал «по-своему» вразумить этих проклятых капитанов и даже самого начальника порта, рискуя попасть в тюрьму.

Через два дня стало ясно, что о морском пути нечего и думать. Проклятие! Придется пересечь почти всю Флориду с запада на восток до самого Лайв-Ока, а потом спуститься на юг, к Тампе или к Пунта-Горда, расположенным на берегу Мексиканского залива. Придется покрыть около шестисот миль по железной дороге, причем рейсы поездов не согласованы один с другим. А дальше предстояло целое путешествие по южной части острова! Через болота Окалокучи и Биг-Сайпресс...

Это очень печальная область Флориды, малонаселенная и плохо приспособленная для жизни. Найдутся ли там какие-нибудь транспортные средства в виде почтовых карет, повозок или верховых лошадей, способных довезти до крайнего пункта Флориды? А если найдутся, то какой это тихоходный транспорт, какой долгий и томительный путь! И даже опасный — в бесконечных лесах с рядами темных кипарисов, местами непроходимых из-за трясин, по дорогам, едва различимым под болотными травами, скрывающими почву. Да еще в густых зарослях гигантских грибов, которые при каждом шаге разрываются, как фейерверки, и дальше по болотистым равнинам и озерам... А там кишмя кишат аллигаторы и самые страшные змеи с головами, похожими на треугольники, укусы которых смертельны. Такова ужасная страна Эверглейдских болот, куда скрылись последние представители племени семинолов, красивые и дикие индейцы, бесстрашно боровшиеся против вторжения в их земли федеральных армий во времена Оцеолы. Одни только туземцы в состоянии жить или, вернее, прозябать в том сыром и жарком климате, благоприятствующем развитию болотных лихорадок, сваливающих с ног самых здоровых и крепких людей, даже таких, как коммодор Уррикан!

Оставалось всего шесть дней. Утром девятнадцатого мая к коммодору подошел некий Хьюлкар, один из местных судовщиков, наполовину американец, наполовину испанец, и, поднеся руку к своей кепке, спросил:

— Все еще нет судна до Ки-Уэста, коммодор?

— Нет, — ответил Годж Уррикан, — но если вам такое известно, вы получите от меня десять пиастров¹.

— Одно такое я знаю.

¹ П и а с т р — старинная испанская серебряная монета.

— Какое?
— Мое.
— Ваше?
— Да... «Чикола», хорошенькая шхуна на сорок пять тонн, делающая восемь узлов¹ при хорошем ветре и...
— Какой национальности?
— Американской.
— Готова к отплытию?
— Готова к отплытию и к вашим услугам,— ответил Хьюлкар.

От Пенсаколы до Ки-Уэста приблизительно пятьсот миль. Если проходить не меньше пяти узлов в час, то, принимая во внимание возможное отклонение в пути или противные ветры, плавание могло занять шесть дней. Десять минут спустя Уррикан и Тюрк стояли на палубе «Чикола», разглядывая ее глазами знатоков. Маленькое судно, сидевшее неглубоко в воде, предназначалось для плаванья вдоль побережья, достаточно широкий корпус позволял выдерживать большую парусность. Для таких моряков, как коммодор и бывший квартирмейстер, опасностей на море не существовало; что до Хьюлкара, то он уже в течение двадцати лет плавал на своей шхуне от Мобила до Багамских островов через флоридские воды и несколько раз заходил в Ки-Уэст.

В восемь часов Уррикан и Тюрк уже с багажом были на берегу, а еще через пятьдесят минут маленькая шхуна шла по небольшому заливу Пенсакола и, не заходя в порты Макрэ и Пикинс, построенные когда-то французами и испанцами, скоро вышла в Мексиканский залив.

ГЛАВА XIV

Приключения коммодора Уррикана

Дул встречный восточный ветер. На море, защищенном полуостровом Флоридой, не ощущалось еще волнений атлантических вод. К тому же коммодор и Тюрк всегда могли прийти на помощь Хьюлкару и его трем матросам, если бы понадобилось. «Чикола» лавировала, команда старалась не выпускать из виду берег. Это, конечно, удлиняло плавание. Но бури в Мексиканском заливе бывают очень свирепыми, и такое легкое суденышко не может рисковать, слишком удаляясь

¹ Узел — единица скорости, применяемая в морском флоте. 1 узел равен 1 морской миле в час, или 1,852 км в час.

от портов, бухт, устьев рек и речек (столь многочисленных на флоридском побережье и удобных для причаливания судов небольшого тоннажа).

Сильный ветер дул весь день и всю ночь, но постепенно становился тише. Если бы произошло обратное, судно могло бы идти более быстрым ходом. К несчастью, на следующий день ветер совсем успокоился; плывя по белой, теперь неподвижной, поверхности моря, «Чикола», хотя и с увеличенной парусностью, к вечеру сделала только около двадцати миль в юго-восточном направлении. Пришлось даже прибегнуть к веслам, чтобы не отнесло в открытую часть залива. В общем, результат сорокавосьмичасового плавания сводился почти к нулю. Коммодор кусал пальцы и ни с кем не говорил.

И все-таки двадцать второго мая шхуна, поддерживаемая течением, находилась уже на одной параллели с портовым городом Тампа. Но приблизиться к нему, чтобы дальше двигаться вдоль берега, судно не могло из-за недостатка времени — ветер все еще не повернул на западный, а до Тампы пришлось бы идти не меньше пятидесяти миль. К тому же после спокойствия, царившего накануне, небо предвещало резкую перемену погоды. В этом не сомневались ни коммодор Уррикан, ни Тюрк, ни матросы шхуны.

— Море что-то чувствует, — сказал хозяин корабля. — Видите длинные, тяжелые волны и зыбь, которая там, в открытом море, отдает зеленью? — Потом, внимательно посмотрев на запад, покачал головой и прибавил: — Не люблю, когда дует с этой стороны!

— Но для нас это хорошо, — сказал Тюрк, — пусть бы ветер усилился и погнал нас туда, куда нам нужно!

Годж Уррикан молчал, видимо озабоченный грозными приметами: тучи сгущались между западом и юго-западом с каждой минутой. Хорошо, когда дует сильный попутный ветер, если море у вас в руках, но с этим суденышком в сорок тонн и с половинной палубой... Никто никогда не узнает, что происходило в смятенной душе коммодора! Едва начало штормить в море, как в груди Годжа Уррикана поднялась буря во сто крат сильнее.

После полудня ветер, окончательно приняв западное направление, проявил себя резкими продолжительными порывами с короткими передышками. Матросы спустили верхние паруса, и шхуна понеслась по морю как перышко, несомое бушующими волнами.

Ночь была тревожной, и пришлось еще убрать паруса. Теперь «Чиколу» несло к берегу Флориды. Хозяин парусника

правил им как опытный моряк. Тюрк, не оставляя румпеля¹, удерживал, сколько мог, маленькое судно от боковой качки. Коммодор помог матросам взять рифы² на фоке³ и гроте⁴, оставив только малый фок. Было неимоверно трудно противостоять сразу и ветру и течению, которые толкали шхуну к берегу.

И действительно, утром двадцать третьего мая из-под лохматых ключев тумана, скрывавших горизонт, неожиданно появилась земля.

— Бухта Уайтуотер,— разом заявили Хьюлкар и матросы.

Бухта, глубоко врезавшаяся в побережье, находилась почти на самой оконечности полуострова. Только длинная узкая полоска земли скрывала ее от Флоридского пролива. Там, на мысе Сейбл, стоял форт Пойксэт. Еще какие-нибудь десять миль в том же направлении — и маленькая шхуна могла бы оказаться на траверсе⁵ этого мыса.

— Боюсь, нам придется зайти в этот порт,— сказал Хьюлкар.

— Зайти, чтобы не выбраться оттуда при таком ветре?! — вскричал Тюрк.

Годж Уррикан не произносил ни слова.

— Когда «Чикола» окажется на одной параллели с мысом Сейбл, течение отбросит ее в пролив, и нас понесет в Атлантику, к Багамским островам.

Коммодор продолжал молчать, и, возможно, он не в состоянии был произнести ни единого слова. В свою очередь, хозяин шхуны прекрасно понимал, что в бухте Уайтуотер они застрянут на много дней.

Матросы проявляли чудеса смелости и ловкости, защищая маленькое судно от бурных порывов ветра. Попробовали держаться по ветру с малым фоком и с фок-стенгой⁶ марселя⁷ позади. Все понимали, что если ветер не переменится на северный или южный, то на следующий день их прибудет к берегу. В этом не осталось сомнений на другой день утром, когда на расстоянии пяти миль показалась земля — точно взъерошенная из-за множества покрывавших ее невысоких скал и опоясанная рифами. Страшные острия мыса Сейбл (полуостров Кейп-Сейбл) говорили о том, что через несколько часов «Чикола» бу-

¹ Румпель — рычаг, служащий для управления рулем.

² Взять рифы — значит уменьшить поверхность паруса.

³ Фок — самый нижний прямой или косой парус, поднимаемый на фок-мачте — первой, считая от носа к корме.

⁴ Грот — нижний прямой парус на грот-мачте — второй от носа.

⁵ Траверс — здесь: направление, перпендикулярное курсу корабля.

⁶ Стенга — продолжение мачты, служащее для увеличения парусности на больших судах.

⁷ Марсель — прямой четырехугольный парус, второй снизу.

дет увлечена течением во Флоридский пролив. Правда, был еще шанс избежать катастрофы, попытавшись добраться до Уайтуотера, тем более что начался прилив. Но Уррикан стоял на своем. Тщетно Хьюлкар приводил свои доводы.

— Я не желаю потерять шхуну и погибнуть вместе с ней!

— Я ее покупаю, твою шхуну...

— Она не продается.

— Любая вещь продается, когда за нее дают дороже того, что она стоит!

— Сколько же вы даете за судно?

— Две тысячи пиастров.

— Согласен,— ответил Хьюлкар, восхищенный такой выгодной сделкой.

— Это вдвое больше ее цены,— сказал коммодор Уррикан.— Одна тысяча — за нее, а другая — за тебя и твоих матросов.

— Когда платеж?

— Я дам чек, по которому получишь деньги в Ки-Уэсте.

— По рукам!

Весь день «Чикола» мужественно боролась со стихией. Порой ее совершенно заливало волной, но Тюрк правил твердой рукой, а маленькая команда работала храбро и с исключительным искусством. В конце концов шхуне удалось отойти подальше от берега благодаря перемене ветра на северный. Но с наступлением ночи он стал слабеть, а все обозримое пространство заволокло густым туманом.

В течение дня невозможно было мало-мальски точно определить, где именно находилось судно: на одной ли параллели с Ки-Уэстом или уже миновало гряду подводных камней, простирающихся от оконечности полуострова на юго-запад, по направлению к островам Маркесас-Кис и Драй-Тортугас? К ночи, по мнению Хьюлкара, «Чикола» приблизилась к группе островков, позади которых катятся вместе с водами Флоридского пролива теплые воды Гольфстрима.

— Мы теперь наверняка видели бы маяк Ки-Уэста, не будь тумана,— сказал Хьюлкар.— И надо быть начеку, чтобы не наткнуться на прибрежные скалы. Считаю, что лучше всего подождать рассвета, и, если туман рассеется...

— Я не буду ждать,— ответил коммодор.

Он действительно не мог больше ждать, если намеревался быть в Ки-Уэсте на другой же день в полдень.

На море стоял штиль. «Чикола» продвигалась к югу среди густого тумана. Как вдруг около пяти часов утра моряки почувствовали сильный толчок, а за ним другой...

Маленькая шхуна натолкнулась на подводный камень. В

проломленную переднюю часть корпуса ворвалась вода... И тут под ударом высокой волны корабль лег на левый бок и опрокинулся. Раздался чей-то крик. Тюрк узнал голос своего командора.

Клубы тумана были так плотны, что совершенно скрывали скалы, к которым прибило судно. Ее хозяину и трем матросам удалось наконец укрепиться на одном из подводных камней. К ним присоединился и Тюрк. В полном отчаянии он звал командора... Тщетные призывы, тщетные поиски.

Но, может быть, когда прояснится, Тюрк найдет Уррикана еще живым? Он не смел на это надеяться. Крупные слезы катились по его щекам.

Около семи часов туман местами рассеялся. Стало ясно, что «Чикола» разбилась, ударившись о скальные отроги, и ни на что уже не годилась. На западе и на востоке на протяжении четверти мили гряда беловатых отрогов тянулась уже в виде целого ряда подводных камней.

Моряки, разделившись на две группы, начали искать пропавшего. Вдруг один матрос громко закричал. Когда к нему подбежали остальные, они увидели Уррикана, лежавшего между подводными камнями. Тюрк кинулся к нему, схватил в объятия и приподнял, засыпая вопросами. Никакого ответа. Но едва заметное дыхание и слабое биение сердца давали надежду.

— Он жив... он жив!..— повторял Тюрк.

Годж Уррикан был на волосок от гибели, при падении ударившись головой об острый камень. Рану перевязали куском полотна, обмыв ее пресной водой, которая нашлась на шхуне. Потом командора перенесли на выступающий берег маленького островка, где морской прилив не мог его достать. В это время небо совершенно очистилось от завесы тумана, и видно было на несколько миль вперед. Двадцать минут десятого Хьюлкар, протягивая руку по направлению к западу, воскликнул:

— Маяк Ки-Уэста!

Действительно, Ки-Уэст находился на расстоянии всего четырех миль. Если бы не туман, путешественники вовремя заметили бы огни маяка, и маленькая шхуна не погибла бы среди подводных камней.

Морякам хорошо известно, чем для них опасна Нижняя Флорида, они стараются избегать этих мест. Если бы правительство поскорее осуществило уже разработанный проект! Речь идет о канале, который должен перерезать полуостров между Фернандиной и Сердар-Ке — он позволит судам, идущим из Мексиканского залива в Атлантический океан, сокра-

тить путь на пятьсот миль и избавит моряков от тягот плавания по самому трудному проливу в мире¹.

Потерпевшим кораблекрушение ничего другого не оставалось, как пребывать на крошечном каменистом островке в ожидании какого-нибудь судна. Незавидная участь — быть выброшенными на беловатый кусочек суши, похожий на какое-то хранилище костей и выступающий из воды во время морского прилива на пять-шесть футов! Вокруг извивались, как змеи, гигантские саргассы² всевозможных цветов и самые крохотные водоросли, извлекаемые из подводных глубин течением Гольфстрим. Маленькие заливчики кишмя кишели сотнями рыб различных пород, величин и форм: сардинки, морские петухи, морские волки, морские коньки восхитительных окрасок, испещренные разноцветными полосами. Во множестве было и моллюсков, и всяких ракообразных — креветок, омаров, крабов и лангуст. И наконец, чуя легкую добычу, шныряли между каменистыми выступами акулы-молоты длиной от шести до семи футов и с такими челюстями, что перед этими хищницами бледнеют самые фантастические чудовища, порожденные воображением мореходов доколумбовой эпохи.

Птицы летали бесчисленными стаями — обыкновенные и хохлатые цапли, чайки, морские ласточки и большие бакланы. Несколько пеликанов, очень крупных, стоявших в воде, ловили рыбу так же серьезно, как рыболовы на Сене, но только с бóльшим успехом. При этом, как выразился один французский путешественник, они замогильным голосом издавали своеобразный крик: «Хознкор!» Во всяком случае, найти пищу здесь не составляло труда. Взять хотя бы легионы черепах в воде и на суше, на всем пространстве, между островком, принявшим несчастных путешественников, и другими такими же, названными, кстати, по имени этих пресмыкающихся.

Между тем время шло, а коммодор, несмотря на все старания его товарищей, все еще не приходил в себя. Тюрк не находил себе места. Если бы он мог доставить своего хозяина в Ки-Уэст! Тогда, возможно, заботы врачей и необычайно крепкий организм спасли бы моряка. Но сколько еще пройдет дней, прежде чем они покинут свое пристанище? Конечно же, Тюрк не строил никаких иллюзий относительно матча Гиппербона: для Годжа Уррикана партия закончилась. Ос-

¹ Ж. Верн имеет в виду Флоридский пролив. Проект канала, о котором здесь идет речь, так и не был осуществлен.

² Саргассы — морские бурые водоросли с толстыми стеблями до двух метров длиной, их громадное скопление в западной части Атлантического океана дало название Саргассову морю.

танься он жив, какой взрыв негодования охватил бы его, и кто тогда не простил бы ему гнева — перед лицом такой адской неудачи?!

Стрелка часов показывала десять, когда матрос, стоявший на страже у края песчаной полосы, закричал: «Лодка, лодка!» Действительно, рыбацкая лодка, подталкиваемая слабым ветром, приближалась к островку. Немедленно Хьюлкар дал сигнал. Полчаса спустя, захватив всех пострадавших от кораблекрушения, лодка уже шла по направлению к Ки-Уэсту.

Слабая надежда вновь зажглась в сердце Тюрка. Возможно, она блеснула бы и у Годжа Уррикана, если бы он мог выйти из состояния полного бесчувствия, но ничто не доходило до его сознания. Как бы то ни было, несомая ветром посудина быстро проплыла четыре мили и в четверть двенадцатого уже вошла в гавань...

На острове Ки-Уэст, длиной в два лье, а шириной в одно, вырос маленький городок — подобно тому, как за Полярным кругом вырастают овощи под влиянием хорошего ухода. Уже довольно значительный город сообщался с материком при помощи подводного кабеля. Его благоустройство росло семимильными шагами благодаря росту навигации. Город, наполовину испанский¹, был укрыт зеленым шатром из магнолий и других великолепных тропических растений.

Лодка причалила к берегу, и тотчас же несколько сот жителей — Ки-Уэст насчитывал около восемнадцати тысяч — окружили прибывших. Они ждали коммодора Уррикана. Но в каком виде он предстал перед ними или, лучше сказать, был им представлен! Решительно море не благоприятствовало участникам матча Гиппербона! Том Крабб явился в Техас в виде инертной массы, а коммодор — почти трупом!

Годжа Уррикана поволокли в портовую контору, куда тотчас же явился доктор. Коммодор еще дышал, и, хотя его сердце билось слабо, никаких повреждений внутренностей доктор не обнаружил. Но из раны вновь потекла кровь и появилась опасность кровоизлияния в мозг. Несмотря на все принятые меры, несмотря на энергичный массаж, для чего Тюрк уж не пожалел своих рук, коммодор все еще не приходил в себя. Тогда доктор предложил перенести его в гостиницу или в больницу Ки-Уэста.

— Нет, — ответил Тюрк, — не в больницу, не в гостиницу.

— Но куда же, в таком случае?

— На почту!

¹ До 1819 года Флорида принадлежала Испании.

Идею Тюрка поняли и одобрили все, кто окружал лежавшего пластом commodora. Если Годж Уррикан наперекор стихии все же явился в Ки-Уэст в полдень двадцать пятого мая, то почему бы его присутствие не зарегистрировать официально в том самом месте, где по расписанию ему полагалось быть?

Послали за носилками, положили на них commodora и направились к почтовому отделению в сопровождении все увеличивающейся толпы.

Велико было изумление почтовых служащих, подумавших, что произошла какая-то ошибка. Не приняли ли их учреждение за морг? Но когда стало известно, что лежавшее перед ними тело принадлежит commodору Уррикану, одному из партнеров матча Гиппербона, удивление сменилось волнением и участием. Он был здесь, перед маленьким окошечком почтовой конторы, куда попал по воле игральных костей, выбросивших пять и четыре очка!

Тюрк выступил вперед:

— Нет ли телеграммы на имя commodora Годжа Уррикана?

— Еще нет,— ответил чиновник.

— В таком случае,— продолжал Тюрк,— будьте добры удостовериться, что он прибыл сюда до ее получения.

Явку немедленно зарегистрировали в присутствии многочисленных свидетелей. Часы показывали без четверти двенадцать. Все остались ждать телеграмму, несомненно, посланную из Чикаго. В одиннадцать часов пятьдесят три минуты затрещал телеграфный аппарат, его механизм пришел в действие, и узкая полоска бумажной ленты начала разматываться. Телеграфист взял ее и, прочитав адрес, проговорил:

— Телеграмма на имя commodora Годжа Уррикана!

— Здесь! — ответил Тюрк за своего хозяина, у которого даже в эту минуту не могли заметить никакого намека на прояснение сознания.

Телеграмма содержала следующее:

Чикаго, Иллинойс, 8 час. 13 мин. утра, 25 мая. Пять очков, из трех и двух. Пятьдесят восьмая клетка, штат Калифорния, Долина Смерти.

Горнброк.

Штат Калифорния находится на другом, противоположном конце федеральной территории, которую придется пересечь с юго-востока на северо-запад! Дело состояло не только в том, чтобы преодолеть две тысячи с лишком миль, но в том еще, что в пятьдесят восьмой клетке благородной игры в «гусек» фигурировала «мертвая голова», а это означает, что, по-

пав в нее, игрок обязан возвратиться в самую первую и сызнова начинать партию.

«Ну,— мысленно произнес Тюрк,— лучше, кажется, чтобы мой хозяин никогда не приходил в себя... Такого удара он не перенесет!»

ГЛАВА XV

Положение дел двадцать седьмого мая

Тринадцатого мая, в восемь утра нотариус Торнброк объявил число выброшенных очков — девять, из шести и трех, что заставило господина Х. К. Z. отправиться в штат Висконсин. Если неизвестного партнера не обурежала безудержная страсть к путешествиям, которая терзала репортера газеты «Трибюн», то он должен был считать себя вполне удовлетворенным. Несколько часов по железной дороге доставят его в Милуоки, и если, прибыв туда, он застанет еще Лисси Вэг, она тут же вернется в Чикаго начинать партию сызнова.

Все были необычайно заинтригованы новым участником матча. Что он собой представляет? Разумеется, он уроженец Чикаго, как требовали условия завешания, но больше никто ничего о нем не знал; и любопытство публики все возрастало. Поэтому в тот же день, в день седьмого тиража, на вокзале в часы отправления поездов из Чикаго в Милуоки скопление граждан превзошло все прогнозы. Рассчитывали узнать этого Х. К. Z. по походке, по какой-нибудь его странности или оригинальной черте. Полное разочарование! Вокруг — только обычные физиономии путешественников, ничем не выделявшихся из толпы обыкновенных смертных. И все-таки один честный малый был принят за «человека в маске» и, до крайности смущенный, сделался предметом незаслуженной овации.

На следующий день снова явилось порядочное число любопытных, на третий день уже меньше и совсем мало во все последующие дни. Так и не нашлось никого, кто по виду имел бы основание рассчитывать на наследство Уильяма Дж. Гиппербона. Нотариусу Торнброку не давали покоя, засыпая вопросами.

— Ведь вам должно быть известно все, что касается Х. К. Z.,— говорили ему.

— Абсолютно ничего!

— Но вы с ним знакомы?

— Не знаком, а если б и был знаком, то не имел бы никакого права открыть инкогнито.

— Но вы же знаете, где он живет, раз сообщали ему о результате метаний игральные кости.

— Я ничего ему не посылал. Он узнал об этом или из газет, или же слышал в зале Аудиториума.

В конце концов современники предоставили будущему установить личность неизвестного. Если он выиграет и станет единственным наследником Уильяма Гиппербона, его имя разнесется по всем пяти частям света. Если же выигрыш падет не на него, то для чего и знать: стар он или молод, богат или беден, толст или худ, блондин или брюнет и под какой фамилией записан в регистрационной книге своего прихода?

За перипетиями игры с исключительным вниманием следили в мире спекуляций, в мире жаждущих выиграть, любителей риска и поклонников «бума». Финансовые бюллетени день за днем давали подробные сведения, подобно тому, как они информируют о состоянии биржевого курса. Не только в Чикаго, который один из репортеров назвал «городом пари», но и во всех больших городах, городских предместьях и даже в самых маленьких деревушках страны за участников партии болели с необычайной страстью.

Главные города Америки — Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Вашингтон, Олбани, Сент-Луис, Балтимор, Ричмонд, Чарлстон, Цинциннати, Детройт, Омаха, Денвер, Солт-Лейк-Сити, Саванна, Мобил, Новый Орлеан, Сан-Франциско и Сакраменто — организовали специальные агентства. Их дела шли необыкновенно успешно. Это давало основание предполагать, что число таких агентств удвоится, утроится и удесятерится по мере того, как Макс Реаль, Том Крабб, Герман Титбюри, Гарри Т. Кембэл, Лисси Вэг, Годж Уррикан и Х. К. Z. станут превращаться из победителей в жертвы и наоборот. На настоящих рынках с маклерами¹ отмечались спрос и предложение, продавались и покупались шансы того или другого участника знаменитого матча.

Лавина азарта скоро хлынула через государственную границу и отдельными потоками потекла по доминиону — по городам Квебек, Монреаль, Торонто и другим важным центрам Канады. Юг не отставал от Севера — лихорадка игры охватила Колумбию, Венесуэлу, Бразилию, Аргентинскую республику, Перу, Боливию и Чили, и в конце концов весь Новый Свет. По другую сторону Атлантики — во Франции, Германии, Англии, России, в Индии, Китае и Японии, в Австралии и Новой Зеландии тоже нашлось немало любителей острых ощущений, готовых поболеть, когда все болеют. Если покойный член «Клуба чудаков» не очень нашумел при жизни, то какую бурю

¹ Маклер — лицо, специализирующееся на посреднических биржевых операциях.

он поднял после смерти! Почтенный Джордж Хиггинботам и другие коллеги покойного могли гордиться тем, что принимали участие в рождении его посмертной славы.

Кто же в данное время был баловнем судьбы на поприще этого нового вида спорта?

Хотя число метаний не превышало пока тринадцати, все же четвертый партнер, Гарри Кембэл, имел наибольшее число сторонников; общественное внимание сосредоточилось главным образом на его особе. О Гарри особенно громко кричали газеты, следуя за ним по пятам (письменные сообщения от него поступали ежедневно). Ни Макс Реаль, ни Герман Титбюри, ни Лисси Вэг не могли соперничать с блестящим и шумным репортером газеты «Трибюн». Правда, Том Крабб, всюю рекламируемый Джоном Мильнером, тоже привлекал к себе внимание многих держателей пари. Казалось вполне естественным, что колоссальное богатство достанется колоссальному партнеру. Случай любит подобные контрасты или, лучше сказать, подобные сходства, и если он чужд привычкам, то, во всяком случае, у него бывают капризы, с которыми приходится считаться.

Акции Уррикана в самом начале стояли очень высоко. Первые полученные им девять очков из пяти и четырех, отправившие его в пятьдесят третий квадрат, — какое блестящее начало! Но, отосланный при втором метании в пятьдесят восьмую клетку, в Калифорнию, и вынужденный начинать партию сначала, он лишился всех симпатий публики. К тому же стало известно о кораблекрушении возле Ки-Уэста, о плачевном состоянии, в котором он находился в полдень двадцать третьего мая. Кто знает, сможет ли коммодор когда-нибудь добраться до Долины Смерти, и вообще: не был ли он сам мертв — как человек и как партнер.

Что касается Лисси Вэг и Джовиты Фолей, то, приехав в Милуоки только двадцать третьего утром, они поспешили его покинуть, для того чтобы не встретиться там с седьмым партнером, когда тот явится в городское телеграфное бюро.

Оставался седьмой участник — Х. К. Z. Предполагали, что ловкачи и хитрецы, у которых мозг устроен не как у всех людей и позволяет им заранее угадывать удачные удары игральных костей, остановят свое внимание именно на нем. Если же его оставляли в покое, то лишь потому, что не знали, отправился он в штат Висконсин или нет. Но последний срок уже не за горами. Приближалось двадцать седьмое мая, когда должен произойти четырнадцатый тираж. После метания игральных костей мистер Торнброк пошлет телеграмму «человеку в маске». Можно представить, какая уйма народу со-

берется на почте, чтобы увидеть его. Фотографические аппараты, конечно, не замедлят сделать моментальные снимки, которые тут же будут помещены в газетах.

Кстати, Уильям Гиппербон расположил Американские штаты самым произвольным образом — ни в алфавитном, ни в географическом порядке. Вот почему штаты Джорджия и Флорида, в действительности соседние, занимали один — двадцать восьмую клетку, другой — пятьдесят третью. Техас и Южная Каролина стояли под номерами десятым и одиннадцатым, тогда как их разделяет расстояние в восемьсот или девятьсот миль. То же самое можно сказать и про все остальные. Вполне возможно даже, что штаты расположились на карте в том порядке, какой им выпал по жребии.

Наконец наступило двадцать седьмое мая. Общее внимание сосредоточилось на таинственной личности, неизвестно по каким мотивам не желавшей объявить своего имени публично. В тот день зал Аудиториума не был переполнен: тысячи любопытных с утренним поездом отправились в Милуоки. В восемь часов утра нотариус Торнброк, по обыкновению очень торжественный, окруженный членами «Клуба чудаков», выбросил из футляра на стол игральные кости и при общем молчании громко произнес:

— Четырнадцатый тираж. Седьмой партнер. Десять очков, из четырех и шести.

Вот что означали выброшенные десять очков: так как Х. К. Z. находился в двадцать шестой клетке, то десять очков отослали бы его в тридцать шестую. Но поскольку этот квадрат занят штатом Иллинойс, очки дублировались. Поэтому Х. К. Z. надлежало отправиться в сорок шестую клетку. Фортуна, несомненно, покровительствовала «мистеру иксу»! Первое метание костей послало его в штат, соседний с Иллинойсом, а второе — направило всего только на три штата дальше, через Индиану, Огайо и Западную Виргинию, в округ Колумбия, в его столицу Вашингтон, являющуюся и столицей Соединенных Штатов Америки. Какая разница между этими путешествиями и теми, что выпали на долю конкурентов, отсылаемых на самые окраины федеральной республики! Разумеется, надо держать пари именно на него, если только он в действительности существует.

Утром двадцать седьмого мая на этот счет не осталось никаких сомнений: незадолго до полудня ряды любопытных перед почтовым отделением Милуоки раздвинулись, чтобы пропустить человека среднего роста, крепко сложенного, с легкой проседью в бороде, с лорнетом, в костюме путешественника. В руках он держал небольшой чемодан.

— Есть у вас телеграмма для Х. К. Z.? — спросил он почтового чиновника.

— Вот, получите,— ответил тот.

Тогда седьмой партнер — это был именно он, взял телеграмму, распечатал ее, прочел, снова сложил, положил в свой портфель и, не выказав никакого признака удовольствия или неудовольствия, вышел из бюро при полном молчании взволнованной публики.

Его наконец увидели! Он существовал! Не продукт фантазии, а один из представителей человеческого рода! Но кто же он? Имя, общественное положение, пристрастия и привычки? Он явился бесшумно и так же тихо исчез! Все равно! Раз он в назначенный день явился в Милуоки, то так же точно явится и в Вашингтон. К чему знать его социальное положение? Пусть каждый, не колеблясь, держит за него пари! Судя по первым тиражам, он сделается баловнем судьбы.

В итоге положение дел на двадцать седьмое мая:

Макс Реаль пятнадцатого числа покинул Форт-Райли, штат Канзас, чтобы отправиться в двадцать восьмую клетку, штат Вайоминг. Том Крабб семнадцатого выехал из Остина, штат Техас, в тридцать пятую клетку, штат Огайо. Герман Титбюри, откупившись от наказания, покинул девятнадцатого мая Кале, штат Мэн, чтобы направиться в четвертую клетку, штат Юта. Гарри Кембэл двадцать первого выехал из Санта-Фе, штат Нью-Мексико, в двадцать вторую клетку, штат Южная Каролина. Лисси Вэг двадцать третьего числа покинула Милуоки, штат Висконсин, и отправилась в тридцать восьмую клетку, штат Кентукки. Коммодор Уррикан, если он еще жив, двадцать пятого мая получил телеграмму, которая отсылала его в пятьдесят восьмую клетку, штат Калифорния, откуда ему предстоит вернуться в Чикаго и начать игру снова. И наконец, Х. К. Z. был послан в сорок шестую клетку, в округ Колумбия.

Миру остается ждать дальнейших событий в результате следующих тиражей. Между прочим, большим успехом пользовалась идея, выдвинутая газетой «Трибюн»: почему не поступить с участниками матча как с жокеями на бегах и не присвоить каждому свой цвет — в том же порядке, в каком семь тонов расположены в радуге? У Макса Реаля будет фиолетовый цвет, у Тома Крабба — синий, Герман Титбюри получит голубой цвет, Гарри Кембэл — зеленый, Лисси Вэг — желтый, Годж Уррикан — оранжевый, а Х. К. Z. — красный.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

Национальный парк

Читатель вправе спросить: как это Максу Реалю удалось из восьмой клетки попасть сразу в двадцать восьмую? Все дело в том, что при втором метании ему выпало десять очков, которые отослали его в штат Иллинойс, а там, как известно, нельзя останавливаться. И тогда удвоенное число очков перенесло игрока в двадцать восьмой квадрат, штат Вайоминг.

— Очень, очень удачно! — воскликнул Макс Реаль, когда они с Томми вернулись в гостиницу.

— Раз мой хозяин доволен, — ответил милый юноша, — то и я тоже.

— Он, безусловно, доволен, — сказал Макс Реаль, — и по двум причинам: во-первых, потому что путешествие не будет продолжительно, так как штаты Канзас и Вайоминг совсем рядом, во-вторых, потому что мы будем иметь возможность увидеть самую красивую область Соединенных Штатов, изумительный Национальный парк Йеллоустон. Вот она — моя счастливая звезда, я узнаю ее! Выбросить для меня десять очков, которые дают мне двойной ход и помещают штат Вайоминг на моем пути! Понимаешь ли ты это, Томми? Понимаешь?

— Нет, хозяин, — ответил Томми.

Действительно, молодой человек мог поздравить себя с удачным вторым тиражом, хотя он и отставал еще от Лисси Вэг и коммодора Уррикана (правда, этого последнего игральные кости возвращали к исходной позиции). Следующую телеграмму Макс Реаль должен был получить двадцать девятого мая, в Шайенне, столице Вайоминга, если, конечно, до тех пор партия никем не будет выиграна. В его распоряжении оставалось целых пятнадцать дней, и он собрался прожить их с пользой и удовольствием. Макс решил немедленно уехать из Форт-Райли, чтобы как можно скорее попасть в красивейший

уголок Вайоминга, а может быть, и всех Соединенных Штатов Америки.

— Что бы там ни было, а я все же посмотрю на окрестности Йеллоустона, — заявил художник. — Презренный раб, забирай же наши чемоданы и скорее в путь, в Национальный парк!

Негр, чувствуя себя польщенным, быстро закончил все приготовления к отъезду.

Если бы Макс Реаль ограничился переездом из Форт-Райли прямо в Шайенн, он совершил бы его в один день, воспользовавшись железнодорожной линией, соединяющей эти города (между ними было всего четыреста пятьдесят миль). Но молодой человек задумал подняться до северо-западного угла штата Вайоминг, занятого Национальным парком, поэтому путь его по меньшей мере удваивался.

Макс Реаль отправился из Канзаса в Вайоминг после полудня. Безбрежны западные равнины Канзаса без спусков и подъемов, орошаемые ниспадающими с гор Колорадо водами реки Арканзас. Правда, эти бесконечные степи не представляют ничего любопытного для глаз художника, но зато в следующей за ними гористой части Колорадо местность становится необыкновенно разнообразной и живописной.

Ночью поезд переехал границу двух штатов, ранним утром сделал остановку в Денвере и устремился на север. При чем оставил в стороне великолепную панораму Скалистых гор с вершиной Лонгс-Пик.

Что такое Шайенн? Название реки и города, а также индейского племени, населявшего когда-то эту страну. Возможно, «шайенн» — это испорченное коренным населением слово *chiens*, что по-французски означает «собаки». Город Шайенн возник на месте лагеря первых золотоискателей. Палатки постепенно сменялись хижинами, хижины — домами, расположенными вдоль улиц и площадей. Вокруг города образовалась сеть железных дорог, и теперь Шайенн насчитывает около двенадцати тысяч жителей. Построенный на высоте тысячи футов, он является важной станцией великого Тихоокеанского железнодорожного пути.

Штат Вайоминг не имеет природных границ и довольствуется теми, что провели геодезисты, — прямыми линиями, составляющими стороны прямоугольника. Это страна величавых гор и глубоких долин, в которых реки Колорадо, Колумбия и Миссури берут свое начало. А страна, давшая начало трем водным артериям, играющим такую важную роль в американской гидрографии, имеет полное право прибавить еще

одну звездочку к тем, что сверкают на флаге Соединенных Штатов.

Прибыв в Шайенн, Макс Реаль согласно своему обыкновению сохранял полное инкогнито, а город, в свою очередь, не ждал игрока так рано. Это дало возможность избежать приемов и банкетов, вредных для желудка и скучнейших для глаз и ушей. Они, без сомнения, были бы организованы в честь участника матча городским населением, склонным к шумным проявлениям восторга. Там присутствовали бы, конечно, и женщины, пользовавшиеся в штате Вайоминг избирательным правом наравне с мужчинами¹.

Если бы Макс Реаль имел в своем распоряжении больше времени, он отправился бы в Национальный парк экипажем — не торопясь и осматривая область горного хребта Ларамы, ее равнины, лежащие высоко над уровнем моря. Их глинистая почва когда-то служила дном огромного озера. Художник мог бы делать остановки, где ему нравится, и переходить вброд бесчисленные горные ручьи — капризно извивающиеся притоки Норт-Платт². Мог бы любоваться террасами, извилистыми долинами, дремучими лесами и сетью притоков реки Колумбии — словом, всей этой изумительной страной, где более чем на две тысячи футов над уровнем моря поднимаются горы Юнион-Пик, Хайден-Пик, Фремонтс-Пик в горном хребте Уинд-Ривер. Чего стоит одна только дикая скала Ураган³ (Huggeran) — отсюда, может быть, и пошло название Орегон. Эта вершина известна вечно бушующими вокруг нее шквалами и имеет полное основание соперничать с шестым участником матча Гиппербона.

Да, путешествовать здесь в экипаже, верхом или пешком, на свободе, раскидывать походную палатку то там, то здесь — что может быть более привлекательного для художника, и с каким восторгом Макс Реаль совершил бы путешествие при таких условиях! Но мог ли он забыть, что больше не принадлежит себе, сделавшись игрушкой случая и всецело завися от удара игральных костей? «Пешка, которой судьба распоряжается, как ей заблагорассудится, — говорил он себе. — Полное отсутствие человеческого достоинства, и все лишь для того, чтобы иметь маленький шанс — один из семи — получить наследство покойного чудака! Краска стыда заливает лицо, когда встречаюсь взглядом с бедным Томми! Я должен бы по-

¹ В США женщинам было дано избирательное право только в 1920 году.

² Норт-Платт — северный приток реки Платт.

³ Русск. ураган, исп. hugasán, англ. huggisan произошли от индейского слова с тем же значением.

слать нотариуса Торнброка к черту и отказаться от нелепой затеи. Мой уход доставил бы большое удовольствие таким типам, как Титбюри, Крабб и Уррикан!.. Я ничего не говорю про милую Лисси Вэг. Девушка оказалась мне не очень-то обрадованной тем, что попала в число этих «семерых». Да, к черту! Я сделал бы это немедленно, если бы не мать, которая никогда не простит мне бегства. Но, в конце концов, раз я уже здесь, в этой изумительной, совершенно неправдоподобной стране Йеллоустон, поглядим, что успеем в какие-нибудь десять дней».

Между прочим, путешествуя как ему хотелось, Макс Реаль мог бы подвергнуть себя разного рода опасностям. Не говоря уже о возможности встретиться с дикими зверями — медведями, например, тут можно наткнуться и на воинственных индейцев. Кочующие представители племени сиу не все еще поселились в назначенные и отведенные для них Соединенными Штатами места. Вот почему во время разведок, которые федеральное правительство организовало в 1870 году с целью подробно исследовать местность Йеллоустон, стоящие во главе экспедиции господина Дэн, Лэнгфорд и доктор Хайден путешествовали по стране в сопровождении военного конвоя, охранявшего их миссию, а два года спустя, первого марта 1872 года, Конгресс объявил, имея на то полное основание, весь район Национального парка «восьмым чудом света»¹.

Два трансконтинентальных железнодорожных пути соединяют Нью-Йорк с Сан-Франциско. Первый — это Центральная Тихоокеанская железная дорога, длиной в три тысячи триста восемьдесят миль (начиная с Грейнджера в штате Вайоминг, она носит название Орегон-Шорт-Лайн и идет через Огден, штат Юта). Второй, длиной в пять тысяч триста миль, идет через Толику, Денвер и в Шайенне примыкает к первой линии. Дальше железнодорожная линия пересекает штаты Вайоминг, Юту, Неваду, Калифорнию и заканчивается у берегов Тихого океана.

От города Шайенна до Огдена всего пятьсот пятнадцать миль, а от Огдена до Мониды (возле самого Национального парка) всего четыреста пятьдесят миль — Макс Реаль выбрал именно этот маршрут.

Итак, в Шайенне молодой художник и негр сели в поезд, который повез их через длинные болотистые равнины Ларамии. Они еще спали крепким сном, когда паровоз остановился на станции Бентон-Сити — один из тех городов, которые вы-

¹ Семь чудес света — прославленные в древности творения человеческого гения, поражавшие современников своею грандиозностью и великолепием.

растают на поверхности Дальнего Запада как грибы — немного ядовитые при своем появлении на свет, но обезвреженные благодаря правильно возвращенной культуре. Потом они проехали Огден (где, кроме индейцев, живет довольно много китайцев) и повернули на север, к штату Айдахо. Весь день семнадцатого мая был занят переездом через Айдахо. Поезд двигался вдоль горной цепи Бир-Ривер, мимо Горячих ключей и, оставив на востоке штат Вайоминг, к вечеру достиг Монида, которая стоит на границе Айдахо и Монтаны.

Первый в мире Йеллоустонский национальный парк расположен на территории трех штатов: Вайоминг, Айдахо и Монтана. Айдахо лежит в бассейне Колумбии, богатой золотоносными жилами, которые привлекают туда шумные толпы искателей золота. Его столицей является город Бойсе с населением в две тысячи пятьсот жителей. На территории штата есть несколько районов, отданных индейским племенам.

Монтана представляет собой гористую страну, на что указывает и ее название¹. Это один из самых больших по размерам штатов Америки, негодный для полевой культуры, но очень благоприятный для скотоводства. Почва его очень богата золотыми, серебряными и медными жилами. В Монтане индейские племена занимают самые обширные территории на Дальнем Западе: плоскоголовые, толстопузые, вороны, шайенны, модоки, ассинибойны — их беспокойное соседство не вызывает восторга у американцев. Виргиния-Сити, столица штата, вначале проявляла все признаки быстрого расцвета, подобно большинству городов западных территорий, но теперь она потеряла свое значение. Ей на смену выдвинулись города Бьютт и Хелена².

Разумеется, существуют быстрые и комфортабельные средства сообщения между Национальным парком и станцией Монида, чем Макс Реаль немедленно и воспользовался.

Можно сказать, что национальные парки по отношению к территории республики играют такую же роль, как скверы к большим городам. Кроме Йеллоустонского парка, американцы организовали и другие, новые, как, например, парк Крейтер-Лейк на вулканической территории штата, называемой американской Швейцарией или Садам Богов в гористой области реки Колорадо.

В конце февраля 1872 года сенат и палата депутатов выслушали чтение одного доклада. Вопрос шел о запрещении частным лицам селиться на территории размером пятьдесят

¹ Монтана (фр. *le mont*, англ. *mountain*) — гора.

² В настоящее время административным центром штата является Хелена (Хелина).

пять на шестьдесят миль вокруг источников рек Йеллоустона и Миссури. Заявив, что пространство, заключенное в указанных границах, не годится ни для каких доходных культур, докладчик прибавил: «Предлагаемый закон нимало не уменьшит государственных доходов и будет принят повсеместно как мера, достойная духа прогресса, почетная как для Конгресса, так и для нации». Доклад был одобрен. С тех пор этот район стал Национальным парком, район, один из самых прославляемых. Причем славой он обязан исключительно своим природным красотам, к которым рука человека ничего не прибавила.

Тем не менее человек все же внес сюда кое-что свое: с целью привлечь в Национальный парк экскурсантов всех пяти частей света он упростил передвижение по этой территории целой сетью проезжих дорог, проложенных среди самой хаотической природы. Во многих пунктах теперь высятся великолепные отели, где изящество соединяется с комфортом. Приходится бояться только одного — чтобы эта страна не превратилась в одну сплошную лечебную станцию, в один колоссальный водный курорт, куда стали бы стекаться толпы не только больных, но и богатых бездельников, привлеченных горячими источниками Файор-Холла и Йеллоустона. А кроме того, — как об этом пишет Элизе Реклю, — все эти национальные парки уже успели превратиться в колоссальные охотничьи угодья для директоров различных финансовых компаний, которым принадлежат ведущие к ним железные дороги и лучшие отели.

В одном из них и поселился наш путешественник. Он ежедневно делал по несколько этюдов, которые молодой негр находил несравненно более привлекательными, чем самые местности, на них изображенные. Нет, никогда Макс Реаль не сумеет изгладить из своей памяти восхитительные чудеса Национального парка! «Только бы мне не опоздать и явиться двадцать девятого числа в Шайенн! — мысленно говорил он себе. — Бог мой, что сказала бы тогда моя дорогая мать?!»

Она действительно великолепна — эта долина Йеллоустона, с обрамляющими ее базальтовыми горными массивами, с их острыми, неровными, точно искромсанными краями и снежными вершинами, в которых берут начало тысячи маленьких речек и ручейков, текущих в глубине сосновых лесов; со своими каньонами, образующими бесконечные коридоры, избороздившие всю местность. Здесь, по-видимому, сосредоточились усилия необузданной, дикой природы. Целые поля лавы, обширные равнины, местами сплошь покрытые вулканическими извержениями. На черноватых скалистых обрывах

высятся колонны, точно высеченные рукой человека и испещренные желтыми и красными полосами — готовые модели для цветной архитектуры! Там беспорядочно громоздятся остатки лесов, погибших под горячей лавой кратеров, теперь уже остывших.

А что сказать о самом озере Йеллоустоне, с берегами, усеянными осколками обсидиана¹. Оно лежит на плоской возвышенности на высоте семи тысяч футов над уровнем моря! Водоем с кристально чистой водой, площадью в триста тридцать квадратных миль, местами покрыт гористыми островками, и целые столбы пара выбрасываются не только на его берега, но и на зеркальную поверхность его спокойных и глубоких вод, переполненных фореями.

Озеро окружено горами несравненной красоты!

Макс Реаль, забывая об убежавших днях и часах, запасался неизгладимыми впечатлениями, пораженный фантастическим зрелищем: сверкающий пурпур вод, покрытых водорослями ослепительно ярких оттенков. Он пробрался на север, до Мамонтовых источников, купался в их базальтовых бассейнах, расположенных полукругом, наполненных теплой водой и покрытых облаками пара. Его оглушил шум двух водопадов реки Йеллоустон. Ее воды на протяжении получили бегут бурными потоками, каскадами и водоворотами, а потом несутся дальше по узкому руслу между острыми отрогами скал и теряются в облаках влажной пыли, совершая прыжок в сто двадцать футов. Он бродил между огненными ямами, окаймляющими поток Файр-Холл. В долине, изрытой стремительным течением притока реки Мадисон, действуют целые сотни грязевых фонтанов и горячих источников, с которыми не могут соперничать самые знаменитые гейзеры² Исландии.

А какая панорама разворачивается по берегам этого капризного, извилистого потока Файр-Холл, получившего свое начало в одном из небольших озер и стремящегося на север! На всех уступах горных массивов, спускающихся к самому его руслу, виднеются вулканические кратеры и дымятся гейзеры: вулкан Олд-Фейсфул извергается через определенные промежутки времени, хотя с некоторых пор все менее регулярно; Шато-Фор на берегу болотистого пруда своей формой напоминает старую башенку, стены которой обильно орошаются дождем сгущенных паров гейзера. Дальше Рюш, чудовищный колодец, потом Гран-Гейзер, извергающийся регу-

¹ Обсидиан — однородная стекловидная масса вулканического происхождения.

² Гейзер — источник, периодически выбрасывающий фонтаны горячей воды и пара на высоту 20—40 м и более.

лярно через каждые тридцать два часа, дальше Ле-Жеан, выбрасывающий столбы пара на высоту ста двадцати футов, и, наконец, Великанша, вдвое выше, чем он.

В этом уголке штата Вайоминг, орошаемом реками Файр-Холл и Верхний Йеллоустон, почва под ногами содрогается, точно крышка парового котла, в котором под действием пламени огромного подземного очага смешиваются и сплавляются различные химические элементы и соединения.

Там происходят самые неожиданные и изумительные явления, подобные сценическим эффектам какой-нибудь фее-рии¹. Словно по мановению волшебной палочки происходят чудеса в Национальном парке Йеллоустон, равного которому нельзя найти ни в какой другой стране земного шара.

ГЛАВА II

Приняли одного за другого

— Я не думаю, чтобы он уже приехал.

— А почему вы не думаете?

— Потому что в моей газете ничего об этом не говорится.

— Плохо осведомлена ваша газета, в моей об этой новости говорится очень подробно...

— В таком случае я перестану ее выписывать. Нельзя же допускать, чтобы о деле такой важности газета молчала.

— Непростительно!

Этими фразами обменивались два гражданина Цинциннати, прогуливавшиеся по висячему мосту длиной в сто шестьдесят туазов, перекинутому через Огайо, почти у самого устья Ликинга, соединявшему Цинциннати с предместьями Нью-Фортом и Ковингтоном на территории Кентукки. Река Огайо — Красавица-река, — протекает между штатами Огайо, Кентукки и Западная Виргиния. Штат Огайо на востоке граничит с Пенсильванией и Западной Виргинией, на севере — со штатом Мичиган, на западе — с Индианой, на юге — с Кентукки.

С моста (изящество которого равняется смелости его строителя) вы видите промышленный город, растянувшийся на протяжении девяти миль вдоль правого берега реки вплоть до начала холмов. Дальше на востоке виднеется Райский парк, а за ним городское предместье — виллы и коттеджи, затерявшиеся в окружающей их зелени. Реку Огайо вполне справед-

¹ Феерия (от фр. фее — волшебница) — жанр театральных представлений, обычно фантастического, волшебного характера.

ливо сравнивают с реками Старого Света: здешний пейзаж, включая селения, очень напоминает европейский.

В тот день, двадцать восьмого мая, немало и других граждан, таких же неизвестных, как и те двое, то и дело заводили оживленные разговоры. Волнение замечалось главным образом в низших слоях населения и не распространялось на образованное общество, посещавшее университетские лекции и музеи Цинциннати. В богатых кварталах, в скверах и тенистых парках с их великолепными, каштановыми деревьями, благодаря которым штат Огайо и получил название — Бэкей-Стэт (Каштановый штат), царило спокойствие. В промышленных же и торговых кварталах, на пивоваренных, мукомольных, рафинадных заводах, в мастерских, на городских рынках и вокзалах уже собирались целые группы возбужденных жителей.

— Вы видели?

— Нет. Он приехал вчера вечером очень поздно. Его посадили в закрытый экипаж и повезли...

— Куда?

— Вот чего никто не знает.

— Но, в конце концов, ведь не для того же он приехал, чтобы никому не показываться!

— Думаю, он будет на выставке.

— Да... говорят, послезавтра... на большом конкурсе в Спринг-Грове.

— Воображаю, какая будет толпа!

Но такое суждение разделяли не все. В той части города, что ближе к бойне и где особенно ценятся физические качества индивидуумов, многие недоверчиво пожимали плечами.

— Раздутая репутация, — сказал один.

— У нас и здесь найдутся не хуже, — заметил другой.

— Больше шести футов, если верить рекламам...

— Футов, в каждом из которых, может быть, меньше двенадцати дюймов...¹

— Однако до сих пор он побивал всех своих соперников...

— Ну!.. Мало ли что говорят! Для того, чтобы заинтересовать публику... Заинтересовать, а потом — обокрасть!

— Здесь мы не очень-то позволим себя надуть.

— Но разве он приехал сюда не из Техаса? — спросил один рослый малый, широкоплечий, с сильными мускулистыми руками, на которых виднелись еще следы крови.

— Из Техаса... прямехонько оттуда, — ответил один из его товарищей, такой же, как он, рослый и сильный парень.

¹ Фут равняется 12 дюймам.

— Что же, поживем — увидим.

— Да... Приезжали к нам уже такие, и он лучше бы сделал, если бы оставался где был.

Накануне в Цинциннати приехал Джон Мильнер с Томом Краббом — игральные кости отправили его из столицы Техаса в главный город Огайо. Без сомнения, Том Крабб мог считать себя редким удачником, и даже с большим основанием, чем Макс Реаль. Он получил двенадцать очков, самое большое число, какое могут дать две игральные кости, но так как оно падало на одну из клеток штата Иллинойс, то, удвоив его, игрок получал двадцать четыре и перебрасывался из одиннадцатой сразу в тридцать пятую клетку. Том Крабб оказался теперь впереди всех партнеров. Тираж направлял спортсмена в самые населенные, центральные районы Североамериканских Штатов, где железнодорожное сообщение в высшей степени быстро и удобно.

Вот почему Джона Мильнера все горячо поздравляли, а ставка на Тома Крабба возросла не только в Техасе, но и во многих других штатах, особенно же на всех биржах Иллинойса, где на него ставили один против пяти — выше, чем на Гарри Кембэла, до сих пор считавшегося общим любимцем.

— Главное, берегите его! — советовали все Джону Мильнеру. — Хоть он и одарен исключительно крепким здоровьем, а мускулы его сделаны из хромированной стали, не давайте ему переутомляться! Чтобы он до конца не потерпел никакой аварии.

— Положитесь на меня, — решительно заявлял импресарио. — В шкуре Тома Крабба сидит не Том Крабб, а сам Джон Мильнер.

— И смотрите, — прибавляли болельщики, — чтобы не было никаких путешествий по морю, ни длинных, ни коротких.

— Не беспокойтесь, — заверял Джон Мильнер. — Имея в запасе пятнадцать дней, мы, не торопясь, доедем до Огайо по железной дороге.

Напутствуемый пожеланиями своих сторонников, Том Крабб был доставлен на вокзал, введен в вагон и укутан теплыми пледами. Провожавшие опасались резкой перемены климата при переезде из Техаса в Огайо. Поезд тронулся и помчался без всяких остановок к границе штата Луизиана.

В течение двадцати четырех часов путешественники отдыхали в Новом Орлеане, где им был оказан еще более горячий прием, чем в первое посещение. Это объясняется тем, что ставка на знаменитого боксера все повышалась. Тома Крабба требовали в агентствах всех городов. Это было какое-то безумие! По подсчетам газет, суммы, поставленные на второго

партнера во время его пути от столицы Техаса до метрополии штата Огайо, составляли по меньшей мере сто пятьдесят тысяч долларов.

— Какой успех! — говорил Джон Мильнер. — И какой прием нас ждет в Цинциннати... Да! Нужно, чтобы он стал настоящим триумфом... Я все обдумал...

Вот что придумал Джон Мильнер, чтобы еще больше расшевелить публику (такой план не мог бы не одобрить и знаменитый Барнум)¹.

Речь шла не о громкой рекламе и не о вызове всем боксерам Цинциннати, а о том, чтобы соблюсти самое строгое инкогнито, не давая никаких сведений держателям пари о состоянии здоровья их любимца и до самого последнего дня предоставляя им думать, что чемпион не приедет к сроку. И вот тогда он неожиданно представит Тома, окруженного ореолом, и его появление будет встречено с таким же торжеством, с каким встретили бы Илию², если бы пророк решил спуститься с небес на землю за своим плащом.

Джон Мильнер узнал из газет, что на тридцатое число в Цинциннати назначен Большой конкурс сельскохозяйственных животных, где лучшие представители рогатого, а также и не рогатого скота будут награждены разными медалями и аттестатами (последним, по-видимому, здесь придадут очень большое значение). Какой подходящий случай выставить Тома Крабба в Спринг-Грове, на многолюдной ярмарке, и как раз когда все потеряют всякую надежду его увидеть, и как раз накануне последнего дня!

Излишне говорить, что Джон Мильнер по этому поводу со своим компаньоном не советовался. В ту же ночь оба они уехали из Нового Орлеана, никого не предупредив о своем отъезде. Куда они делись? Вопрос, который на следующий день жители города задавали друг другу. Да и как тут узнаешь: сеть железных дорог настолько запутана в центральных и восточных штатах, что создается впечатление, что вся карта страны сплошь затянута паутиной.

Не спеша, нигде не заявляя о прибытии Тома Крабба, путешествуя по ночам и отдыхая днем, заботясь только о том, чтобы не обращать на себя внимания публики, заботливый опекун провез своего подопечного через штаты Миссисипи, Теннесси, Кентукки, и на рассвете двадцать седьмого мая они

¹ Барнум Финеас Тейлор (1810—1891) — американский антрепренер и аферист. Приобрел известность, демонстрируя мнимую кормилицу Вашингтона, «морскую женщину-сирену», карлика Тома Пуса и т. п.

² Илия — в библейской истории пророк, которого Бог при жизни вознес на небо.

остановились в маленькой гостинице в предместье Ковингтон. Теперь им оставалось переехать реку Огайо, чтобы оказаться в Цинциннати. Так осуществилась идея Джона Мильнера, и Том Крабб явился к месту назначения, сохранив полнейшее инкогнито. Даже наиболее осведомленные газеты могли сообщить только, что после отъезда из Нового Орлеана следы прославленного спортсмена затерялись.

А между тем, кто знает, не лучше ли было Джону Мильнеру использовать две недели на демонстрацию своего знаменитого воспитанника в городах Огайо? Таких городов очень много, они все процветают — разве штат не занимает четвертое место в Североамериканской республике, обладая населением в три миллиона семьсот тысяч жителей? Если бы Джон Мильнер так упорно не цеплялся за придуманный им театральный эффект, он, без сомнения, показал бы боксера в Кливленде, этом великолепном городе на берегу озера Эри, прогуливаясь с ним по аллее Эвклида, самой красивой из всех аллей Америки, по всем широким и аккуратным улицам города, обсаженным редкостными кленами. Этот город обогатился благодаря эксплуатации местных источников нефти, которые сообщаются с городским портом, одним из самых оживленных на побережье Эри. Из Кливленда Том Крабб перебрался бы в Толидо и в Сандаски, тоже торговые порты, где сосредоточены целые флотилии рыболовных судов; оттуда — во все промышленные центры, которые черпают свою силу в водах реки Огайо, подобно тому как органы человеческого тела черпают жизненную силу в крови артерий. Назовем Мариетту, Галлиполис и многие другие.

Железные дороги пересекают штат по всем направлениям, проходя через богатейшие поля хлебных злаков, среди которых преобладает маис, через табачные плантации и виноградники, через зеленеющие долины и целые рощи деревьев изумительной красоты — акации, железного дерева, сахарного клена, черного тополя и платана, ствол которого имеет в окружности от тридцати до сорока футов. Его можно сравнить с гигантскими секвойями западных территорий. Нужно прибавить, скот является здесь предметом широкой торговли, мясо отправляют на заводы Чикаго, Омахи и Канзас-Сити (чем, между прочим, и объясняется значение конкурса, назначенного на тридцатое число).

Том Крабб доехал до границы штата Кентукки без приключений и без малейшего утомления. В дороге он не потерял в весе и имел прекрасный вид, и какое это будет торжество, когда он предстанет перед публикой в Спринг-Грове! На следующий день Джон Мильнер захотел пройтись по городу, но,

разумеется, не в обществе своего компаньона. Уходя из гостиницы, он сказал Краббу:

— Ты ни в коем случае не должен выходить из комнаты.

Том Крабб вышел бы, если бы позволили. Но ему сказали не выходить, и он не выйдет.

— Если я долго не вернусь,— прибавил еще импресарио,— знай, что я отдал приказание и тебе не придется беспокоиться о питании.

Нет, Том Крабб не будет беспокоиться. Он будет терпеливо ждать возвращения своего тренера. Направившись к широкому креслу-качалке, он тяжело в него опустился и оцепенел в привычном бездействии.

Джон Мильнер спустился в контору гостиницы, заказал меню из самых питательных блюд, которые надлежало подать его воспитаннику, и по улицам Ковингтона направился к берегу реки Огайо. Переплыв ее на пароме и сойдя на правом берегу, он засунул руки в карманы и отправился бродить по торговому кварталу города.

Там царило значительное оживление, в чем Джон Мильнер не замедлил убедиться, пытаясь уловить несколько фраз, которыми обменивались прохожие. Он нисколько не сомневался в том, что все должны быть очень заинтересованы ожидаемым приездом второго партнера в матче Гиппербона. С этой целью импресарио переходил из одной улицы в другую, останавливаясь около оживленно разговаривавших групп перед магазинами и на площадях.

Джон Мильнер чувствовал себя весьма удовлетворенным, но ему хотелось узнать, до каких пределов дошло нетерпение общества, ожидавшего появления Тома Крабба в Цинциннати. Увидав почтенного Дика Вольгода, хозяина колбасной, в высоком цилиндре, в черном костюме и рабочем фартуке, стоявшего у дверей своей лавки, импресарио вошел в нее и спросил окорок ветчины (который он, конечно, мог всегда легко использовать). Не торгуясь, заплатил и проговорил, направляясь к дверям:

— Завтра ведь конкурс?

— Да... Интересная церемония,— ответил Дик Вольгод,— она сделает честь нашей округе.

— Будет, разумеется, большая толпа в Спринг-Грове? — спросил Джон Мильнер.

— Весь город там будет, сударь,— ответил Дик Вольгод тем вежливым тоном, каким говорит каждый серьезный колбасник с клиентом, только что купившим у него большой окорок.— Подумать только, такая выставка!

Джон Мильнер насторожился. У него положительно за-

хватило дыхание... Как могли догадаться, что он намерен выставить Тома Крабба в Спринг-Грове? Но он только сказал:

— Значит... не бояться опозданий, которые всегда могут произойти?

— Ни в коем случае...

В лавку вошел новый покупатель, и Джон Мильнер вышел на улицу, слегка озадаченный. Он не сделал еще и ста шагов, когда на углу пятой улицы внезапно остановился, совершенно пораженный, поднял руки к небу и выронил окорок на тротуар.

Там, на стене углового дома, виднелась афиша, на которой красовались написанные большими буквами слова:

ОН ПРИЕЗЖАЕТ! ОН ПРИЕЗЖАЕТ!! ОН ПРИЕХАЛ!!!

Это переходило все границы. Как?! Пребывание Тома Крабба в Цинциннати всем известно! И стало быть, не бояться, что чемпион Нового Света опоздает к назначенному сроку?! Безусловно, очень трудно — скажем даже, невозможно — знаменитому человеку избежать всех неудобств, связанных с его славой. Приходилось навсегда отказаться от мысли набросить на плечи Тома Крабба покрывало строгого инкогнито.

Другие афиши были еще более красноречивы и, не ограничиваясь одним извещением о его приезде, прибавляли, что он приехал из Техаса и будет фигурировать на конкурсе в Спринг-Грове.

— Нет, это уж слишком!.. — вскричал Джон Мильнер. — Я ведь никому слова об этом не сказал!.. Может быть, только... когда-нибудь говорил сам с собой в присутствии Крабба, и Крабб, который вообще никогда ничего не говорит, дорогой разболтал... Ничем другим объяснить это невозможно!

Придя в гостиницу ко второму завтраку, Джон Мильнер решил ничем не выказывать своего неудовольствия Тому. А на следующее утро в восемь часов оба они отправились к реке и, перейдя висячий мост, стали подниматься вверх по городским улицам.

Национальный конкурс скота происходил в его северо-западной части, в Спринг-Грове. Туда уже массами стекалась публика, которая (что не ускользнуло от Джона Мильнера) не проявляла никаких признаков волнения и беспокойства. Со всех сторон спешили веселые и шумные группы людей, любопытство которых — они это знали, — должно быть вскоре удовлетворено. Джон Мильнер начинал опасаться, что еще до появления в Спринг-Грове Том Крабб будет узнан по своему исключительному росту и дородности.

К девяти часам они дошли до Спринг-Грова. Место, где происходил конкурс, было уже битком набито зрителями. К шуму, производимому людьми, присоединялись мычание, блеяние и ворчание животных. Там были собраны великолепные представители овец и свиней самых лучших пород, а также молочных коров и быков. Более четырехсот тысяч таких экземпляров Америка ежегодно высылает в Англию. Рядом с известнейшими скотоводами восседали и «короли рогатого скота», пользующиеся почетом наряду с наиболее уважаемыми гражданами Соединенных Штатов. В центре помещалась эстрада, на которой будут выставляться конкурсанты.

В эту минуту Джону Мильнеру пришла в голову блестящая мысль растолкать толпу, устремиться к эстраде, ввести на нее своего спутника и громко крикнуть:

«Вот Том Крабб, чемпион Нового Света, второй партнер матча Гиппербона!»

Какое громадное впечатление произведет неожиданное появление героя дня на эстраде перед взволнованной публикой!

Двигая спортсмена вперед, он растолкал ряды зрителей и собрался уже вскочить на эстраду... Но места там не оказалось, оно было занято... И кем?! Свиньей, громаднейшей свиньей, колоссальным продуктом двух американских пород — «полэнтчайн» и «редджерси», трехлетней свиньей, проданной за двести пятьдесят долларов, еще когда она весила тысячу триста двадцать фунтов. Совершенно феноменальной свиньей, длиной около восьми футов, а высотой около четырех, причем окружность ее шеи равнялась шести футам, корпуса — семи с половиной, вес же ее (в данный момент) составлял тысячу девятьсот пятьдесят четыре фунта! Вот этот-то образец семейства «суилльенн» и был привезен из Техаса!.. О его приезде кричали все афиши Цинциннати, и его привел на эстраду при громких рукоплесканиях счастливый владелец!

Так вот перед какой новой звездой померкла звезда Тома Крабба!

Сраженный такой неожиданностью, Джон Мильнер остановился, затем, сделав знак Тому Краббу следовать за ним, отправился обратно в отель, выбирая самые пустынные улицы. И если когда-нибудь городу Цинциннати представлялся случай вернуть себе название Поркополиса¹, которое у него отнял Чикаго, то это было именно тридцатого мая 1897 года!

¹ Поркополис — букв.: свиной город (греч.).

ГЛАВА III

Черепашьим шагом

Получена от мистера Германа Титбюри из Чикаго сумма в триста долларов — уплата штрафа, к которому он был приговорен судом 14-го числа текущего месяца за нарушение закона, касающегося спиртных напитков.

Секретарь *Вальтер Фик*.

Кале, штат Мэн, 19 мая 1897 года.

Таким образом, Герману Титбюри пришлось подчиниться наложенному на него взысканию, и судья Р. Т. Ордак, продержав его три дня в тюрьме, нашел возможным этим удовольствоваться.

И пора было! Девятнадцатого числа в восемь часов утра нотариус Торнброк произвел шестое метание костей и заинтересованного партнера уведомил телеграммой в Кале.

Жители маленького городка, оскорбленные тем, что один из партнеров матча Гиппербона скрывался под вымышленным именем, не проявили к нему теплых чувств. Как только сторож открыл двери тюрьмы, Герман Титбюри направился в гостиницу. Никто его не провожал, никто не оборачивался посмотреть, когда он шел по улице. Впрочем, чета эта не очень дорожила приветствиями толпы и желала только одного — как можно скорее уехать из Кале. Уже в гостинице, за утренним чаем, они занялись приведением в порядок своих счетов.

— Сколько мы истратили со дня нашего отъезда из Чикаго? — спросил супруг.

— Восемьдесят восемь долларов и тридцать семь центов, — ответила его супруга.

— Так много?

— Да, и это при том, что мы совершенно не тратили зря денег во все время пути.

Всякий, у кого в жилах не текла кровь Титбюри, был бы очень удивлен такой небольшой цифрой расходов. Но правда и то, что эту сумму должны были еще порядочно увеличить взысканные с них триста долларов штрафа, которые произвели довольно значительное кровопускание в кассе супругов.

— Только бы сегодняшняя телеграмма не заставила нас отправиться на другой конец света! — проговорил со вздохом мистер Титбюри.

— Придется, во всяком случае, этому подчиниться, — решительным тоном объявила миссис Титбюри.

— Я предпочел бы отказаться...

— Опять! — вскрикнула властная особа. — Чтобы ты

больше никогда не говорил о том, что хочешь отказаться от возможности выиграть шестьдесят миллионов долларов!

Без двадцати минут двенадцать чета Титбюри появилась в почтовой конторе, горя от нетерпения. Все-таки пять-шесть любопытных пришли туда на них посмотреть.

— Телеграмма мистеру Герману Титбюри из Чикаго, — проговорил телеграфный чиновник.

У того, к кому он обращался, колени подогнулись, язык отказался повиноваться, и он не мог произнести ни слова.

— Здесь! — ответила за него миссис Титбюри, толкая своего мужа к окошечку.

— Вы именно тот, кому адресована телеграмма? — спросили его.

— Ну, разумеется! — вскричала миссис Титбюри.

— Тот самый, — ответил наконец третий партнер.

Телеграмму передали миссис Титбюри, которая ее и распечатала, так как дрожащие руки ее мужа не могли этого сделать.

Герману Титбюри. Два очка, из одного и одного. Грейт-Солт-Лейк-Сити¹, штат Юта.

Торнброк.

Чета почти лишилась чувств, и при сдержанных насмешках присутствующих их усадили на одну из стоявших в конторе скамеек.

В первый раз двумя очками быть отправленными во вторую клетку, в глубь штата Мэн, а во второй раз — в четвертую, в штат Юта!.. Всего четыре очка за два метания?! После переезда из Чикаго на одну окраину государства отправляться на другую, противоположную его окраину, западную!

Когда прошли первые минуты слабости — надо признаться, весьма понятной, — миссис Титбюри выпрямилась и, вновь преобразившись в решительную особу, главу семьи, взяла своего мужа под руку и потащила его по улицам к гостинице «Сэнди-Бар». Неудача уж слишком преследовала супругов! Как опередили их остальные партнеры — Том Крабб, Макс Реаль, Гарри Кембэл, Лисси Вэг, не говоря уже о коммодоре Урриконе! Они все носились как зайцы, а Титбюри ползли как черепахи!.. К тысячам миль, от Чикаго до Кале, им надлежало прибавить еще две тысячи двести миль, от Кале до Грейт-Солт-Лейк-Сити! После такой неудачи ставка на третьего партнера (если она вообще была), безусловно, упадет до смехотворной, и голубой флаг перестанет играть.

¹ На современной карте — Солт-Лейк-Сити.

Но, в конце концов, если Титбюри не оставят партии, им нельзя задерживаться в Кале, а в Чикаго нужно ограничиться несколькими днями отдыха. Госпожа Титбюри и слышать не хотела о том, чтобы ее муж вышел из партии, а потому в тот же день с первым же поездом супруги выехали в Чикаго. Жители города надеялись, что различные случайности, связанные с благородной игрой Американских Соединенных Штатов, их в Кале больше не приведут. Эту надежду разделяли и сами пострадавшие.

Через сорок восемь часов Титбюри добрались до родного города — утомленные переездами, нелегкими в их возрасте. Им пришлось даже провести несколько дней в своем доме на Робей-стрит из-за того, что мистер Титбюри дорогой захворал острым ревматизмом (который он обычно пользовал полным презрением — особый вид дешевого лечения). Но на этот раз ноги совсем отказывались поддерживать хозяина, и с вокзала его перенесли в дом на руках.

Газеты не замедлили известить о приезде третьего партнера. Репортеры газеты «Штадт цейтунг», относившиеся к нему сочувственно, явились с визитом. Увидев же, в каком состоянии находится Герман Титбюри, они мгновенно ретировались и предоставили игрока преследовавшей его неудаче. Агентства не находили желающих даже при ставке семь против одного.

Но все забыли про Кэт Титбюри. Ревматизм мужа она принялась лечить не равнодушием, а силой. С помощью своей прислуги растирая ревматика так энергично, что тот едва не лишился кожи на ногах! В общем, двадцать четвертого, утром муж и жена снова отправились в путь, имея в своем распоряжении достаточно времени, чтобы в назначенный срок прибыть в столицу мормонов¹.

Из Чикаго железная дорога идет прямо в Омаху, оттуда — в Огден и дальше до Сан-Франциско. В конце концов чета Титбюри должна быть счастлива тем, что ее не отослали куда-нибудь в Калифорнию. Двадцать восьмого мая после полудня они прибыли в Огден. Там произошла встреча, спешу пояснить, не двух поездов, но двух партнеров матча Гиппербона.

В тот самый день, в полдень, Макс Реаль, возвращаясь из Национального парка, остановился в Огдене, откуда на сле-

¹ Мормоны («Святые последнего дня») — члены американской религиозной секты, основанной в 1830 году и получившей название от мистической «Книги Мормона», опубликованной Дж. Смитом. Первые поселения мормонов возникли в штате Огайо, затем в штатах Миссури и Иллинойс. В середине 40-х годов мормоны переселились в район Соленого озера (штат Юта).

дующий день намеревался поехать в Шайенн, чтобы узнать о результатах очередного метания игральных костей. Прогуливаясь по платформе вокзала, он неожиданно наткнулся на Германа Титбюри. На этот раз супруги не решились путешествовать под вымышленной фамилией. Но и разглашать во время пути об ожидавшем их наследстве в триста миллионов франков тоже незачем! Достаточно сообщить об этом в самой столице штата Юта. Можно представить себе, как неприятно был изумлен старый скряга, когда в присутствии пассажиров кто-то назвал его по имени. Супруги вздрогнули от неожиданности. Мистер Титбюри обернулся и сделал вид, что совершенно не помнит молодого человека, хотя прекрасно его узнал.

— Вероятно, вы ошиблись,— ответил он.

— Я не мог ошибиться,— возразил молодой художник.— Я Макс Реаль! Мы были вместе на знаменитых похоронах... Но если вы не желаете быть мистером Титбюри из Чикаго, будь по-вашему.

Поезд в Шайенн отправлялся через одну-две минуты, он бросился в один из вагонов, оставив на перроне чету Титбюри, посылавшую проклятия всем лоботрясам-художникам. Тут к ним подошел какой-то человек. Лет около сорока, одетый с некоторой изысканностью, с лицом приятным и открытым, он внушал полное доверие.

— Вот невежа, который заслужил хороший урок за свою дерзость,— проговорил он с легким поклоном миссис Титбюри,— и если бы только я не боялся вмешаться в дела, которые меня не касаются...

— Очень вам благодарен,— ответил господин Титбюри, польщенный, что такой элегантный господин выразил желание за него заступиться.

— Но,— продолжал изящный незнакомец,— разве это действительно Макс Реаль, ваш партнер?

— Да... мне кажется... действительно...— ответил мистер Титбюри.— Хотя я его почти не знаю...

— В таком случае,— прибавил незнакомец,— желаю ему всевозможных неприятностей.

Нужно быть очень враждебно настроенным к людям, чтобы не отнестись сочувственно к человеку, выказавшему такую лояльность.

Мистер Роберт Инглис из Грейт-Солт-Лейк-Сити, коммивояжер одного торгового предприятия, галантно предложил чете Титбюри свои услуги в качестве проводника, обещая найти гостиницу по их вкусу. Разве возможно отказаться от предложения мистера Роберта Инглиса, который к тому же

ассигновал большую сумму денег, держа пари за успех третьего партнера! Взяв небольшой багаж четы Титбюри, мистер Инглис последовал за ней в вагон поезда, который уходил через несколько минут из Огдена. Мистер Титбюри был особенно тронут тем, что мистер Роберт Инглис выражал готовность расправиться с Максом Реалем так, как тот, по его мнению, заслуживал. Вообще, он мог только поздравить себя с тем, что судьба послала им такого любезного товарища по путешествию, готового служить проводником в столицу штата Юта. Итак, все складывалось как нельзя лучше.

В беседе мистер Инглис оказался насколько интересен, настолько же и неистощим. Новый знакомый оказался сорок третьим по счету ребенком в семье мормонов, родившимся до того, как полигамию¹ запретили декретом президента Соединенных Штатов. (Это не должно никого удивлять, ибо «апостол» Герберт Кимбел, первый советник церкви, умирая, оставил тринадцать жен и пятьдесят трех детей.) Он рассказал о Джозефе Смите, который в 1830 году почувствовал себя пророком и нашел золотые таблички с божественными законами мормонизма, но вскоре затем был умерщвлен. Инглис в трогательных дифирамбах² рассказал о Бригаме Юнге, папе и главе мормонской церкви, который, не считаясь ни с усталостью, ни с опасностями, перевел членов общины в местность, смежную с Грейт-Солт-Лейк-Сити, где в 1847 году основал Новый Иерусалим.

Но преследование «верных» становилось все интенсивнее и в «святом» городе, потому что федеральное правительство прекрасно поняло (это Роберт Инглис скрыл), что штат Юта стремится на самом деле к независимости, а не к тому, чтобы культивировать религиозные убеждения секты. Вот почему в 1851 году генерал Грант заключил «папу» и «апостолов» в тюрьму.

— О, друзья мои! — вскричал Роберт Инглис, в его голосе зазвучали нотки, вызвавшие слезы на глазах миссис Титбюри. — Если бы вы знали Бригама Юнга, нашего всеми почитаемого папу, если бы видели его волосы, зачесанные хохолком, его седеющую бороду, обрамляющую щеки и подбородок, его глаза, похожие на глаза рыси! Если бы вы знали Джорджа Смита, двоюродного брата пророка, написавшего историю церкви, и Даниэля Уэлса, второго советника, и Элизу Сноу, одну из духовных жен папы...

¹ Полигамия — многобрачие. Проповедовавшееся мормонами многоженство было формально отменено у них в 1890 году.

² Дифирамб — торжественная, хвалебная песнь, ода; здесь: преувеличенная, восторженная похвала.

— Она была хорошенькая? — спросила миссис Титбюри.

— Страшно безобразная. Но что значит красота для женщины?! — ответил Роберт Инглис, и та, к которой он обращался, слегка улыбнулась одобрительной улыбкой.

— А каких лет теперь Бригам Юнг? — спросил мистер Титбюри.

— Никаких, потому что он уже умер, но если бы он жил, ему было бы сто два года.

— А вы, мистер Инглис? — спросила после маленькой паузы госпожа Титбюри. — А вы сами — женаты?

— Я, дорогая госпожа Титбюри? Но для чего теперь жениться, раз полигамия запрещена? Справляться с одной женой труднее, чем с пятьюдесятью.

И мистер Инглис засмеялся так заразительно, что чета Титбюри не могла не присоединиться к его веселью.

Места вокруг Огдена очень ровные и бесплодные; почва — песок да глина, смешанные с солончаками, покрывающими ее поверхность беловатым налетом. Оказавшись в бескрайней пустыне на западном берегу Большого Соленого озера, вы увидите далеко простирающуюся белесую равнину, на которую больно смотреть под раскаленным солнцем. Там растет только тимьян, шалфей, розмарин, дикий вереск и громадное количество подсолнухов. На востоке поднимаются далекие, окутанные туманом вершины горной цепи Уасэг.

В половине восьмого поезд остановился у платформы Грейт-Солт-Лейк-Сити.

«Великолепный город!» — сказал Роберт Инглис. И конечно, спутник четы Титбюри не позволит своим новым друзьям уехать прежде, чем они его хорошо не осмотрят, город с пятидесятитысячным населением (пять тысяч он, между прочим, прибавил). Великолепный город, повторил он, обрамленный на востоке великолепными горами, соединенный великолепным Иорданом¹ с великолепным Соленым озером; город, отличающийся необыкновенно здоровым климатом, с домами и коттеджами, окруженными массой зелени, огородами, плодовыми садами, засаженными яблонями, сливовыми, абрикосовыми и персиковыми деревьями, дающими лучшие во всем мире плоды! А по обеим сторонам улиц великолепные магазины и каменные здания, такие же великолепные! Все его памятники представляют собой великолепные образцы мормонской архитектуры. Великолепный дом президента, в котором проживал когда-то сам Бригам Юнг, великолепный табер-

¹ На современной карте — Джордан.

накль¹, чудо архитектурного искусства, строение, где могли свободно помещаться восемь тысяч «верных». А в былые времена какие происходили великолепные церемонии, когда папа и его апостолы восседали на великолепной эстраде, окруженные святыми — мужчинами, женщинами и детьми! В общем, все сплошь великолепие.

Нужно сознаться, что из любви к своему родному городу мистер Инглис допускал в своем рассказе некоторые преувеличения. Город Грейт-Солт-Лейк-Сити не заслуживает таких похвал. Он слишком велик для своих жителей, и если и обладает некоторыми природными красотами, то художественные красоты в нем совершенно отсутствуют. Что же касается знаменитого «табернакля», то, по правде сказать, он производит впечатление крышки громадного парового котла, положенной на землю.

Во всяком случае, не могло быть речи о том, чтобы осматривать Грейт-Солт-Лейк-Сити в тот же вечер. Необходимо прежде всего выбрать гостиницу, и так как господин Титбюри не желал и слышать о высоких ценах, то его проводник предложил ему поместиться за городом, в «Чип-отеле», или, иначе говоря, в дешевой гостинице. При этом названии и муж и жена почувствовали себя вполне успокоенными и довольными. Затем они последовали за мистером Инглисом, выразившим желание нести сумку и плед «прелестной и почтенной дамы».

Спустившись в нижние кварталы города, где супруги Титбюри не могли ничего видеть, так как была уже почти ночь, и дойдя до правого берега реки, которую мистер Инглис назвал Крессент-Ривер, они прошли около трех миль. Возможно, чета Титбюри нашла путь немного длинным, но при мысли, что гостиница тем дешевле, чем дальше от города, они не жаловались. Наконец около половины девятого, когда их окутала уже абсолютная темень (небо было все в тучах), путешественники подошли к крыльцу дома, о внешности которого по понятным причинам не могли судить. Спустя несколько минут хозяин гостиницы, малый довольно-таки жуткого вида, провел их в комнату нижнего этажа с выбеленными известкой стенами; мебель ее составляли кровать, стол и два стула. Они нашли этого вполне достаточным и поблагодарили мистера Инглиса, который простился с ними, обещав прийти на следующий день утром.

Очень утомленные, мистер и миссис Титбюри легли спать.

¹ Табернакль — походный храм древних евреев; здесь: мормонский храм.

Оба видели во сне, что предсказание добрейшего мистера Инглиса сбылось: они оставили в дураках всех своих соперников.

Утром в ожидании своего проводника супруги не спеша оделись. Новый знакомый обещал показать им город. Это не означало, что мистер и миссис Титбюри вдруг переродились и сделались любознательны, но как отказаться от любезного предложения милейшего человека? Пробило девять часов. Никто не являлся. Мистер и миссис Титбюри, готовые отправиться на прогулку, стояли у окна и смотрели на большую дорогу, проходившую мимо «Чип-отеля». Как объяснял накануне их любезный чичероне¹, в прежние времена по ней тянулись фургоны пионеров, запряженные волами и наполненные скарбом и разными товарами для новых поселений. Для того, чтобы проехать от Нью-Йорка до западной территории, требовалось несколько месяцев.

«Чип-отель» находился, очевидно, в очень уединенном месте: высываясь из окна, мистер Титбюри не видел ни одного дома ни на этом, ни на противоположном берегу реки. Ничего, кроме темной зелени сосновых лесов, покрывавших склоны высокой горы. В десять часов все еще никто не пришел. Мистер и миссис Титбюри начали волноваться, к тому же они хотели есть.

— Пойдем куда-нибудь,— сказала жена.

Они открыли дверь своей комнаты и очутились в большом зале деревенского кабачка, дверь которого выходила на дорогу. На пороге стояли двое плохо одетых мужчин. Вид их не внушал доверия. Глаза были затуманены джином, показалось даже, что они поджидают кого-то.

— Выход запрещен!

Восклицание, сделанное грубым тоном, относилось к господину Титбюри.

— Как?! Нельзя выйти?

— Нельзя... не заплатив.

— Не заплатив?!

Из всех слов английского языка только что произнесенное звучало особенно неприятно для мистера Титбюри.

— Заплатить?! — повторил он. — Чтобы выйти? Вы шутите!..

Миссис Титбюри, охваченная в первую минуту невольным страхом, иначе взглянула на положение и спросила:

— Сколько?

— Три тысячи долларов!

Этот голос... Она его узнала... Голос Роберта Инглиса, вне-

¹ Чичероне — экскурсовод, гид.

запно выросшего на пороге гостиницы. Но господин Титбюри, менее проницательный, чем его жена, все еще хотел обратить дело в шутку.

— Э,— воскликнул он,— а вот и наш друг!

— Собственной персоной,— ответил тот.

— И все в таком же хорошем настроении?

— Все в таком же.

— Не правда ли, очень забавно требование этих джентльменов?

— Что поделать, милейший мистер Титбюри,— ответил мистер Инглис,— такова цена одной ночи в «Чип-отеле».

— Вы это серьезно? — миссис Титбюри побледнела.

— Очень серьезно.

Супруг в порыве гнева попытался проскочить в дверь. Две сильные руки тяжело опустились на его плечи и приковали к месту.

Роберт Инглис далеко не редкий экземпляр в таких отдаленных местностях. Уже не один путешественник был обобран сорок третьим ребенком мормонской семьи. Мистер Титбюри это понял, но слишком поздно.

— Послушайте,— сказал он,— я требую, чтобы вы нас немедленно отсюда выпустили! У меня в городе дела...

— Не ранее второго июня, когда придет телеграмма, а возможно, значительно позже. Все зависит от вас, мистер Титбюри.

— Негодай!

— Я говорю с вами вежливо,— заметил мистер Инглис,— будьте добры говорить так же и со мною, мистер Голубой Флаг!

— Но эти деньги... это все, что я имею.

— Такому богачу, как Герман Титбюри, легко выписать из Чикаго столько, сколько ему понадобится... Заметьте, дорогой гость, что эти три тысячи вы имеете сейчас при себе и что я легко мог бы вынуть их из вашего кармана. Но, клянусь Ионафаном¹, мы не воры. Таковы цены «Чип-отеля», и вам придется подчиниться.

— Никогда!

— Как угодно.

Дверь снова заперли, и супруги оказались заключенными в низкой комнате гостиницы. Какие проклятия посылали они всему этому путешествию! После штрафа, уплаченного в Кале, грабеж в Грейт-Солт-Лейк-Сити!

¹ Ионафан — сын царя Саула, первого царя Иудейского.

— Нашими бедами мы обязаны негодяю Реалу! — вскричал мистер Титбюри. — Но что же нам теперь делать?

— Пожертвовать тремя тысячами долларов, — сказала миссис Титбюри.

— Никогда!..

Мистер Титбюри еще надеялся, что кто-нибудь придет им на помощь... Например, покажется на дороге отряд полиции или, по крайней мере, прохожие, которых он подзовет к окну... Тщетная надежда! Через несколько минут в комнату вошли двое и бесцеремонно вытолкали узников в другую комнату с окном во внутренний двор. Свиристого вида хозяин гостиницы принес им какую-то еду.

Двадцать четыре часа... сорок восемь часов прошли в таких условиях! Трудно описать, какое бешенство овладело заключенными! К тому же мистер Инглис больше не появлялся, держась теперь в стороне и, очевидно, подчеркивая тем самым, что не оказывает на узников никакого давления.

Наконец на всех календарях Америки появились слова «первое июня». На другой день около полудня третий партнер обязан был прийти на телеграф Грейт-Солт-Лейк-Сити. Если его присутствие там не зарегистрируют, он потеряет все права на дальнейшее участие в партии. И потерял бы, если бы не миссис Титбюри...

Ровно в половине восьмого в дверях появился мистер Инглис, как нельзя более вежливый и любезный.

— Завтра — торжественный день, — сказал он, — и было бы хорошо, если бы сегодня вечером вы перебрались в Грейт-Солт-Лейк-Сити.

— Кто же этому мешает, как не вы? — воскликнул мистер Титбюри, задыхаясь от злобы.

— Я? — переспросил элегантнейший мистер Инглис. — Да ведь для этого достаточно, чтобы вы заплатили по счету.

— Вот, — вдруг выступила вперед миссис Титбюри, протягивая ему пачку кредитных билетов, которые накануне муж передал ей со смертельной мукой в душе.

Было уже совсем темно, когда двух бессменных членов академии сквалыг выпустили на свободу. Не переставая трястись от страха и злости, вздрагивая от каждого шороха и спотыкаясь, они к ночи добрались до города.

На следующее утро мистер Титбюри явился в контору шерифа¹ с требованием разыскать Роберта Инглиса. Судья выслушал жалобу с большим участием. К несчастью, мистер

¹ Шериф (в США и Великобритании) — должностное лицо, выполняющее главным образом административные и судебные функции.

Титбюри мог дать только очень неясные указания, касающиеся загородного кабачка. Его привели туда вечером, и он покинул его тоже вечером. Оказалось, шериф никогда не слышал о «Чип-отеле», а реки Крессент-Ривер в этой местности вообще не существовало.

— Не сомневаюсь,— заявил представитель власти,— что это дело рук знаменитого Билла Аррола. Знакомая манера.

— И вы его до сих пор не арестовали? — с негодованием воскликнул господин Титбюри.

— Нет еще,— ответил шериф,— мы сейчас ведем за ним усиленное наблюдение... Когда-нибудь он все равно нам попадется...

— Слишком поздно для меня!

— Да... но для него вовремя, и он будет посажен на электрическое кресло... если только его не повесят.

— Но мои деньги, мистер, мои деньги?

— Что поделать!.. Прежде нужно задержать проклятого Билла Аррола, а это не так-то просто! Обещаю, мистер Титбюри, прислать вам кончик веревки, когда его повесят, ну, а с таким талисманом вы будете иметь все шансы выиграть партию!¹

ГЛАВА IV

Зеленый флаг

Зеленый флаг принадлежал Гарри Кембэлу (как известно, этот цвет занимает четвертое место в солнечном спектре). Им обозначался путь следования четвертого партнера и прибытия в те или другие города штата. Главный репортер газеты «Трибюн» был доволен: зеленый цвет считается цветом надежды!

Первый удар игральных костей отправил его в штат Нью-Мексико, второй — десятью очками — в Южную Каролину, на границу федеральной территории, в крупнейший город штата Чарлстон. Он прекрасно знал, что ставка на него доходила до одного против девяти, ставка, о которой ни один из его конкурентов и мечтать не мог, что повсюду его называли любимцем фортуны.

Гарри Кембэл выехал из Санта-Фе двадцать первого мая, чтобы прибыть в назначенное место четвертого июня. Но уже подъезжая к Денверу, столице Колорадо, забыл о предостережении почтенного мэра из Буффало. «Я перенесся сюда, в

¹ По американскому поверью, кончик веревки повешенного приносит удачу.

одну из самых красивых провинций республики, — говорил он себе. — Цепь Скалистых гор на западе, равнины на востоке. Земля, богатая свинцом, серебром и золотом, под которой текут целые реки нефти... Область, куда устремляются и эмигранты — за ее богатствами, и бездельники — на курорты с целебными источниками. Лично я еще не был ни разу в этой сказочной стране. Могу я рассчитывать, что случай меня снова сюда когда-нибудь направит? С другой стороны, по дороге до Южной Каролины, я буду проезжать места, в которых уже бывал... Не разумнее ли остаться в Колорадо на все время, что имеется в моем распоряжении. Явлюсь в Чарлстон четвертого июня ровно в полдень, мои сторонники не смогут меня ни в чем упрекнуть...»

В тот же день Гарри Кембэл вышел из поезда в столице Колорадо. Там он провел всего пять дней, но газетный репортер и в такой короткий срок способен совершить столько, сколько не сделает никто из смертных и в гораздо более длинный. Вопрос профессиональной тренировки. Чтобы в том убедиться, достаточно пробежать глазами заметки Гарри Кембэла из его записной книжки, которыми он пользовался для своих статей, посылаемых в газету «Трибюн».

«22 мая. Осматривал Денвер. Нарядный город с широкими тенистыми улицами, церквями, банками, театром, большим зданием университета Дальнего Запада, просторным складом, с первоклассными гостиницами и шикарными ресторанами. Французская кофейня. Хорошо во французской кофейне.

Основан в 1858 году при впадении реки Черри-Крик в Саут-Платт¹. В 1859 году в нем жили только три женщины. Тогда же родился первый ребенок, а двадцать лет спустя в городе уже двадцать пять тысяч жителей, и непрерывно рос приток приезжих. В настоящее время там около ста семи тысяч душ.

Совершенно исключительный воздух на высоте четырех тысяч восьмисот семидесяти двух футов. На западе цепь гор Колорадо высотой в семь с половиной тысяч футов, зеленых у своего основания и с белыми вершинами. Вокруг города многочисленные коттеджи. Если я выиграю партию, то построю себе такой коттедж на берегу Черри-Крика — это восхитительное место для летнего отдыха. Заведу лошадей, экипажи, слуг — белых и черных...

23 мая. Был в селениях горняков, превратившихся теперь в городки: Орориа, Голдн-Сити, Голдн-Гейт, Оро-Сити, Ледвилл (город свинца).

24 мая. Побывал в Пуэбло (южное Колорадо). Поезд двигался

¹ Саут-Платт — южный приток реки Платт.

все время вдоль громадной горной цепи. Важный промышленный центр, питаемый каменноугольными шахтами и нефтяными источниками. Приобрету один или два из них, если выиграю партию. Ехал через Колорадо-Спринг, «город миллионеров» и целебных ванн. Видел Монумент-парк с его архитектурными утесами и с изумительной панорамой. Колорадо занимает первое место в Соединенных Штатах по добыче свинца, второе — по добыче серебра и золота (более ста двадцати миллионов в год).

25 мая. Вернулся из американской Швейцарии — в восточной части горной цепи Колорадо. Возможно, во мне говорит сейчас гражданин Соединенных Штатов, но это ни с чем не сравнимая панорама — на севере, на юге и кругом! Чего стоит только парк Фейр-Плей, окруженный величественными горами; одна из них, носящая имя Линкольна, поднимается на четырнадцать тысяч футов над уровнем моря! Видел Близнецов в горном ущелье, где течет Арканзас. Эти два озера разделены моренами¹ из обломков скал, причем длина одного озера две с половиной мили, а ширина — полторы мили, другого же — вдвое меньше. Окончательно решил приобрести на будущие миллионы коттедж в Денвере и две каменноугольные копи в Колорадо. А почему не позволить себе еще какое-нибудь шале² на берегу Близнецов?

Видел колоссальные вершины Скалистых гор, в том числе Сьерра-Мадре, находящиеся в самой возвышенной части Америки, длина цепи Скалистых гор в основании не меньше трехсот семидесяти пяти лье. Вряд ли самые обширные государства Европы, за исключением России, могли бы их вместить. Воистину становой хребет Северной Америки! Соедините Альпы с Пиренеями и с Кавказом — и все-таки не получите горной цепи, равной по размерам Скалистым горам.

Не имел времени отправиться к горе Сент-Круа, северной оконечности «Национальной горной цепи», как называют у нас Скалистые горы. Но все же успел проникнуть в Сад Богов, расположенный в четырех милях от Колорадо — Джанкшен. Его каменные глыбы кажутся окаменевшими великанами какой-то допотопной семьи гигантов. Прогуливался у подножия скалы Теокалес, напоминающей собой замок Бюрграв, парящий на высоте двух с половиной тысяч футов».

Гарри Кембэл несколько не преувеличил достоинств Колорадо и его столицы. Но сколько крови впитала в себя почва этой прекрасной страны! До 1867 года пионерам приходилось сражаться с шайеннами, аррапохами, кэйсуэйсами, команча-

¹ Морены — отложения, возникающие в результате деятельности ледников и талых ледниковых вод.

² Шале — горная хижина в Альпах.

ми, апашами, со всеми свирепыми племенами краснокожих, имевших таких вождей, как Черный Уголь, Белая Антилопа, Левая Рука, Вывихнутое Колено и Маленький Плащ! И разве можно когда-нибудь забыть о той страшной резне 1864 года в окрестностях Санд-Крика, которая упрочила за белыми, сражавшимися под начальством полковника Шивингтона, господство в этой стране.

Двадцать шестого мая зеленый флажок провел в великолепной столице. В его честь в резиденции губернатора устроили торжественный прием. Как известно, в Соединенных Штатах человека оценивают чаще всего по его кошельку. В представлении жителей Колорадо, так же как и в его собственном, Гарри Кембэл стоит шестьдесят миллионов долларов. Неудивительно поэтому, что американцы, у которых золото лежит не только в кассах, карманах и в почве их страны, но даже в названиях главных городов, обставили этот прием со всей пышностью, до которой они были большие охотники.

На следующий день четвертый партнер простился с губернатором и покинул город, напутствуемый шумными возгласами многочисленных поклонников. Из Денвера поезд направился в Шайенн-Уэлс, расположенный недалеко от восточной границы Колорадо, потом пересек с запада на восток Канзас, проехал через Джефферсон-Сити, столицу штата Миссури, и вечером двадцать восьмого остановился на вокзале города Сент-Луис.

В планы Гарри Кембэла отнюдь не входило делать длительную остановку в этом большом городе. И вообще он надеялся, что случайности игры никогда не пошлют его сюда: Сент-Луис занимал пятьдесят вторую клетку, то есть «тюрьму». К тому же штаты, по которым он еще будет проезжать на пути в Южную Каролину, готовили ему много заманчивых экскурсий. Поэтому репортер ограничился здесь коротким отдыхом, остановившись на ночь в одном из лучших отелей города. Наутро Гарри Кембэл отправился на вокзал, чтобы узнать время отхода поезда. На перроне он внезапно наткнулся на...

Гарри Кембэл сразу узнал своего соперника.

— Коммодор! — вскричал он.

— Журналист! — Голос моряка, казалось, вырвался из пушечного жерла.

Будучи от природы добрым малым, Гарри Кембэл счел нужным сказать ему несколько вежливых слов.

— Примите мои поздравления, коммодор Уррикан, так как я вижу, вы не умерли...

— Да, сударь, не умер даже при столкновении с одним

неуклюжим субъектом и чувствую себя достаточно сильным, чтобы отправить на тот свет всех, кто поторопился обрадоваться моей кончине!

— Кого вы имеете в виду? — спросил, нахмурившись, репортер.

— Вас, сударь, — ответил Годж Уррикан, выразительно глядя прямо в глаза своему противнику, — любимчика фортуны!

Гарри Кембэл, надо сказать, никогда не отличался особой сдержанностью.

— По-видимому, необходимость начинать партию с нуля, — заявил он, — не делает людей более вежливыми.

Слова эти задели самую чувствительную струну в душе коммодора.

— Вы меня оскорбляете, сударь! — крикнул он. — И вы мне ответите за наглость!

— Сию же минуту, если вас устроит.

— Да... Когда б у меня было время, — прорычал Годж Уррикан, — но у меня его нет.

Паровоз пыхтел и свистел, готовый тронуться в путь. Коммодор со всех ног бросился к нему и, вскочив на площадку между двумя вагонами, закричал оттуда свирепым голосом:

— Господин журналист, вы скоро услышите обо мне!..

— Когда?

— Сегодня же вечером... в «Европейской гостинице».

— Я там буду! — ответил Гарри Кембэл.

Но, как только поезд тронулся, он сказал себе: «А ведь он ошибся, этот зверь! Сел не в тот поезд».

И действительно, поезд, в который прыгнул коммодор, удалялся в восточном направлении. Но Годж Уррикан вскочил в него не по рассеянности. Он возвращался назад, на станцию со звучным названием Геркуланум¹ за Тюрком, который во время горячего спора между коммодором и начальником станции обещал последнего бросить в топку паровоза. Из педагогических соображений Уррикан оставил его, сев в отходивший поезд, доехал до следующей станции — Сент-Луиса и тут же отправился обратно, с тем чтобы, вернув слугу и багаж, вновь продолжать путь на запад.

Увидав, что его противник уехал, Гарри Кембэл забыл об инциденте и после хорошей прогулки вернулся в «Европейскую гостиницу» в наилучшем расположении духа. Там ему

¹ Геркуланум — назван по имени города в Древнем Риме, который был частично разрушен и засыпан вулканическим леплом при извержении Везувия в 79 году н. э.

передали письмо от Геркуланума. Нет! Ведь это надо иметь такую голову! Такие мозги, состоящие из химических элементов, кипевших над черепом Годжа Уррикана, чтобы написать подобное письмо:

Господин четвертый партнер, у вас, надеюсь, есть револьвер, у меня тоже таковой имеется. Завтра в семь утра я сяду на поезд, который отправится из Геркуланума в Сент-Луис. Предлагаю вам выехать в тот же час из Сент-Луиса по вашему маршруту. В семь часов семнадцать минут наши поезда встретятся. К тому моменту вы должны стоять на площадке, соединяющей пассажирский вагон с багажным, я же буду ждать вас на площадке последнего вагона моего поезда. Это даст нам возможность обменяться несколькими пулями.

Коммодор Годж Уррикан.

Этот дикий человек ничего не рассказал Тюрку ни о ссоре, ни о своем вызове, опасаясь, что вмешательство Тюрка только повредит делу.

Старый морской волк не мог бы найти соперника более достойного, чем хроникер газеты «Трибюн». «Ну, если наш любитель соленой воды вообразил, что я отступлю,— вскричал Гарри Кембэл,— то он жестоко ошибся!.. В назначенный час буду на своей площадке! И зеленый флаг журналиста не склонится перед оранжевым флажком коммодора!» Заметьте, между прочим, что подобные происшествия никого не удивляют в такой удивительной стране, как Америка!

Итак, на следующее утро — семи часов еще не пробило — Гарри Кембэл явился на вокзал, чтобы сесть в поезд, который отправлялся в Колумбус и проходил через Геркуланум. Выбрав себе место в последнем вагоне, он стал ждать. Оставалось семнадцать минут до встречи с противником. Утро выдалось холодное, и никого из пассажиров не соблазняло постоять на площадке между вагонами.

Посмотрев на часы, репортер «Трибюн» увидел, что стрелки показывали семь часов пять минут. У него оставалось еще двенадцать минут, и он ждал в полном спокойствии.

В семь часов четырнадцать минут Гарри встал, вышел на площадку, вынул из кармана револьвер и, проверив заряды, приготовился к поединку.

В семь часов шестнадцать минут послышался все нараставший грохот встречного поезда.

Гарри Кембэл поднял револьвер на высоту своего лба и прицелился.

Паровозы промчались один мимо другого, оставляя позади облака белого пара.

Еще полсекунды — и почти одновременно раздался два выстрела. Журналист услышал свист пролетевшей рядом пули.

Вслед за тем оба поезда исчезли из виду друг друга. Только не подумайте, что звуки выстрелов хоть на миг смутили сидевших в вагоне путешественников! Нет! Гарри Кембэл спокойно вернулся в вагон и занял свое прежнее место, так и не узнав, задела его пуля commodora или нет. Потом поезд помчал репортера «Трибюн» через штат Джорджия, получивший название Ключ южного свода, подобно тому как штат Пенсильвания называется Ключом северного свода.

После Войны за независимость столицей штата Джорджия стал город Атланта — в память оказанного им долгого сопротивления. Он стоит на высоте ста пятидесяти футов у начала ущелий горной цепи Аппалачей. Проехав Джорджию до города Огасть, расположившегося на берегу реки Саванны и известного своими бумагопрядильными фабриками, поезд пересек территорию Южной Каролины и вечером второго июня остановился в Чарлстоне. Репортер закончил свое путешествие, сделав около тысячи пятисот миль по железной дороге из Санта-Фе, затерянного среди гор Среднего Запада, в Чарлстон, на берег Атлантического океана.

Из чарлстонских газет Гарри Кембэл узнал, что двое неразлучных, commodor и Тюрк, тридцать первого мая проезжали через Огден, направляясь на всех парах в дальнюю часть Калифорнии. Никаких намеков на дуэль не было, о ней знали только сами участники, и если ни один из них не проговорится, тайна останется между ними. Но можно ли рассчитывать на скромность сочинителя газетных заметок?

Именно в Южной Каролине, на ее прибрежных островках, селились первые французские колонисты. Этот штат славится производством длиноволокнистого хлопка, богатыми урожаями риса великолепного качества и залежами фосфорнокислой соли. К несчастью, война его очень истощила. В Южной Каролине живет довольно много французов, потомков тех гугенотов¹, которые покинули родину после отмены Нантского эдикта². Чернокожие составляют три пятых населения, кстати, штат первым претворил в жизнь акт об освобождении невольников.

¹ Гугеноты — французские протестанты, преследовавшиеся католической церковью и правительством.

² Нантский эдикт — эдикт о веротерпимости, изданный Генрихом IV в 1598 году в Нанте, после окончания религиозных войн. После его отмены Людовиком XIV в 1685 году многие французы-гугеноты переселились в Америку, преимущественно в южные штаты.

Южная Каролина занимает двадцать девятое место среди американских штатов по размерам своей территории и двадцать второе по численности населения (один миллион сто пятьдесят две тысячи жителей). Столица штата, Колумбия, — красивый небольшой город, с населением в пятнадцать тысяч человек, укрытый листвой магнолий и дубов. Здешние места славятся своим климатом, самым здоровым и умеренным в Северной Америке. Зима тут необыкновенно мягкая, но в июне жара бывает сильной. Растительность оживает уже в феврале, когда из почек раскидистых кленов показываются красноватые кончики листьев. Здесь хорошо родятся пшеница, лен и табак, не уступающий по своим качествам табаку штата Виргиния. В центральной части Южной Каролины климат особенно благоприятен для культуры маиса, а в южной — для хлопка и риса. Индустрия штата питается железными и свинцовыми рудниками, он богат и золотоносными жилами.

Гарри Кембэл еще не бывал в Чарлстоне, заслужившем грустную репутацию «столицы рабства». В конце концов этот город (такова его жизненная сила!), несмотря на ряд ужасных катастроф, пострадав от воды, огня, землетрясений и желтой лихорадки, все же остался цел и невредим. На плоском полуострове между устьями рек Астлей и Купер главный город Южной Каролины раскинул свои торговые кварталы и дома, окруженные густой зеленью магнолий и гранатовых деревьев. Немного дальше, на скалистых береговых выступах возвышаются его форты, между которыми форт Моултривилл является одним из главных arsenалов Америки.

Неизменный баловень счастья, главный репортер газеты «Трибюн» явился в Чарлстон в такое время, когда город не был встревожен никакими пожарами, наводнениями или землетрясениями. Там не было даже эпидемии черной оспы! Город, известный мягкостью нравов и вежливостью жителей, предстал перед ним во всем своем великолепии. Сказать, что Гарри Кембэла встретили там с восторгом, было бы слишком слабо: общественность положительно неистовствовала, видя в нем самого достойного из всех участников партии. Остальные даже не шли в счет! Для жителей Чарлстона существовал только один игрок в матче Гиппербона, тот, которого десять очков прислали в их город. Что касается миллионов покойного коммерсанта, то всем казалось, что они уже лежат в его дожитой сумке!

В течение сорока восьми часов на него сыпались приглашения за приглашением, от которых он не мог отказаться, как

и от поездок за город, где апельсиновые деревья растут под открытым небом. На всех стенах висели афиши, на которых имя Гарри Кембэла сверкало яркими красками, а по вечерам электрическими огнями. Гость, пользовавшийся таким приемом, не мог не чувствовать себя в долгу перед городом. Репортер заявил, что обещает в случае, если он выиграет партию, основать в Чарлстоне приют для бедных одиноких людей. Незамедлительно в городское управление хлынули обездоленные, чтобы заранее обеспечить себе место в благотворительном учреждении. Будущий победитель матча в Чарлстоне обнаружил еще бо́льшую щедрость, чем в Денвере, штат Колорадо.

Наконец, вечером третьего июня, состоялся блестящий банкет под тенью великолепных деревьев при выезде из города, вблизи устья реки Астлей. Колонны приглашенных явились туда торжественной процессией, с развернутыми знаменами зеленого цвета в честь героя дня. Излишне останавливаться на подробностях этого торжественного собрания. Изысканность его меню и роскошь сервировки трудно описать.

Достаточно сказать, что главным блюдом этого банкета стал чудовищных размеров пирог, весивший восемь тысяч фунтов, испеченный в гигантской печи и привезенный в экипаже, запряженном двенадцатью лошадьми. В содержимое пирога входило две тысячи четыреста фунтов говядины, четыреста фунтов телятины, четыреста фунтов баранины, пятьсот шестьдесят фунтов свинины, сто двадцать фунтов масла, триста шестьдесят фунтов сала, семьдесят шесть зайцев, сто восемьдесят восемь цыплят, двести голубей, две тысячи восьмисот фунтов муки и двести сорок штук дичи. Исполинский пирог имел в ширину четырнадцать футов, в длину — двадцать четыре фута и в высоту шесть. Двадцать официантов, вооруженных ножами длиной в пять футов, разрезали его на куски, которыми должны были насытиться несколько тысяч гостей, а к нему еще подали несколько тысяч сосисок.

Когда чудо-пирог подали к столу, из уст всех присутствующих раздался гром приветствий — ветер не замедлил отнести их в открытое море:

— Ура Гарри Кембэлу! Ура зеленому флагу! Ура главному фавориту¹ благородной игры Североамериканских Соединенных Штатов!

¹ Фаворит — тот, кому отдают предпочтение перед другими, любимец.

Двадцать шестого мая на всех биржах Америки ставки на Лисси Вэг сильно возросли, дойдя даже до трех против семи. Вначале пари были не особенно высоки из боязни, что молодая участница недостаточно вынослива, а болезнь еще усилила недоверие к возможностям ее организма. Но теперь здоровье пятой партнерши больше не внушало опасений. К тому же ей повезло: двенадцать очков, выброшенные при последнем метании игральных костей, отсылали ее в Кентукки. С одной стороны, путешествие будет непродолжительно, всего только несколько сот миль, а с другой — штат Кентукки занимал на карте тридцать восьмую клетку. Из этого следовало, что Лисси Вэг в два хода прошла более половины пути. Джовита с торжеством помахивала желтым флажком, символом ее подруги, и видела его уже воткнутым в миллионы Уильяма Гиппербона.

Как известно, Лисси Вэг и Джовита Фолей покинули город Милуоки до того, как туда прибыл таинственный Х. К. Z. Подруги вернулись в метрополию¹ штата Иллинойс совершенно здоровые, и так как об их возвращении говорили газеты, то несколько репортеров не замедлили явиться к ним на Шеридан-стрит. «Чикаго геральд» в тот же вечер поместила на своих страницах заметку, в которой говорилось, что обе молодые девушки имели прекрасный вид. Несмотря на протесты Джовиты Фолей, они оставались в Чикаго еще пять дней, чтобы не тратиться на гостиницы, а побыть свободные дни дома. Разумнее всего было бы пожить в Чикаго и дольше, но двадцать седьмого мая Джовита уже с нетерпением спросила:

— Ну, когда же мы едем?

— Подумай,— ответила Лисси Вэг,— за телеграммой нужно прийти только шестого июня, а сейчас двадцать седьмое мая! Как тебе известно, до Кентукки ехать всего сутки.

— Знаю, Лисси, но мы отправляемся не в главный город штата, Франкфорт, а в Мамонтовы пещеры. Это одно из чудес, кажется, всех пяти частей света! Какой счастливый случай, моя дорогая, и как хорошо, что почтенный господин Гиппербон придумал нас туда послать...

— Это не он, Джовита, это сделали игральные кости.

— Но разве не он выбрал во всем штате Кентукки эти пе-

¹ Метрополия (греч. metropolis) — в Древней Греции город-государство по отношению к созданным им колониям (поселениям). По сложившейся в США традиции — крупнейший город штата.

щеры?.. Я на всю жизнь за это ему признательна! И благодарила бы его лично, если бы он не отдыхал на Оксвудском кладбище! Правда, и то, что, если бы он не переселился в мир иной, мы не бегали бы теперь за его наследством... Но, в конце концов, когда же мы едем?

— Когда ты скажешь.

— В таком случае завтра утром.

На следующий день экспресс мчал путешественник через Иллинойс к западной границе штата Индиана. После полудня они вышли из вагона, чтобы пообедать в Индианаполисе, столице штата с населением в сто тысяч душ. Туземцев оттуда вытеснили в прошлом столетии, а первые французские колонисты основали много разных учреждений. Индианаполис — один из городов, наиболее благоустроенных во всей Америке, расположился вдоль реки Уайт-Ривер до самого ее впадения в Уобаш. Нельзя не залюбоваться его исключительной чистотой.

Двадцать девятого числа в восемь часов пятнадцать минут утра девушки отправились в город Луисвилл, лежащий на левом берегу реки Огайо, на границе между штатами Индиана и Кентукки (последний был одним из главных защитников идеи аболиционизма). В одиннадцать часов пятьдесят девять минут их путешествие закончилось.

Как ни уговаривали Джовиту Фолей познакомиться поближе со штатом Кентукки, самым богатым в Америке, она отвечала только двумя словами: «Мамонтовы пещеры». Если бы ей сказали, что климат здесь необыкновенно хорош для сельского хозяйства и скотоводства, что он дает лучших лошадей и третью часть всего табака, производимого Соединенными Штатами, она повторяла бы: «Мамонтовы пещеры!» Если бы ей напомнили, что среди владений штата находятся крупнейшие промышленные города, выросшие по берегам Огайо, и каменноугольные копи в районе Аллеганских гор, она все равно продолжала бы твердить: «Мамонтовы пещеры!» Очевидно, знаменитые гроты так загипнотизировали девушку, что она не могла и думать о Ковингтоне или о Нью-Порте — двух предместьях Цинциннати (в которых уже побывали Крабб и Джон Мильнер), ни о Мидлсборо, ни о Франкфорте, теперешней столице штата, ни о Лексингтоне, его прежней столице. А между тем Лексингтон способен восхитить любого путешественника своими широкими улицами, обрамленными сочной зеленью деревьев, университетом, знаменитым во всем южном районе, и ипподромом, на котором состязаются лучшие лошади Нового Света.

Подруги ограничились беглым осмотром центральных кварталов Луисвилла и перешли через мост над Огайо (дли-

ной в восемьсот двенадцать туазов), соединяющий этот город с Нью-Олбани и Джефферсоном (штат Индиана), оставив без внимания промышленные кварталы, в которых такое изобилие мастерских, табачных и кожевенных фабрик и заводов всевозможных земледельческих машин.

Луисвилл стоит на высоте ста футов над рекой Огайо. Он построен на крутом холме, откуда можно видеть и извилистое течение реки, и канал, который проложен параллельно ее левому берегу, и острова, и железную дорогу, пересекающую реку, и ревущие водопады, образуемые ее стремительными водами.

В конце концов, очень уставшие, подружки около девяти часов вечера вернулись в гостиницу.

Назавтра поезд уже вез обеих молодых девушек к югу, проезжая по стране, покрытой дремучими лесами попеременно с плантациями зерновых и табачных культур. За маленьким городком Блафф-Сити расстилается чудесная долина реки Грин-Ривер. Воды этого притока Огайо текут, покрытые ярко-зеленым ковром, «сотканным» из самых разнообразных водяных растений, главным образом понтедерий и оронциумов¹ с голубыми и желтыми цветами, ковром, напоминающим цвета флагов Гарри Кембэла, Германа Титбюри и Лисси Вэг.

В полдень обе подружки нашли себе приют в «Мамонт-отеле», первоклассной гостинице, помещавшейся почти у самого входа в гроты, в местности, совершенно исключительной по красоте. «Мамонт-отель» весьма комфортабелен и состоит из нескольких отдельных домиков, предназначенных для приезжих и для различных служб. Одну из комнат, окно которой выходило на долину, предоставили путешественницам, которых здесь ждали с нетерпением. Гостиница была полна экскурсантов, стремившихся осмотреть Мамонтовы пещеры.

Около шести часов вечера (когда прозвонил ужасный гонг, столь распространенный в американских гостиницах) девушки вошли в большую столовую. Губернатор штата Иллинойс Джон Гамильтон, находившийся там в качестве туриста, пожелал, чтобы Лисси Вэг заняла место справа от него, а Джовита Фолей — слева. И разве этого не достаточно, чтобы вскружить голову впечатлительной молодой особе! Но если губернатор штата Иллинойс, его спутники и другие приезжие весьма тепло приветствовали пятую партнершу и ее подружку,

¹ Понтедерии — многолетние водные растения, достигающие 1 м высоты, с голубыми цветками, собранными в колосовидные соцветия. Оронциум водный — многолетнее растение, распространено в медленно текущих водах Северной Америки; цветки от светло-желтой до золотисто-желтой окраски, собраны в соцветия-початки.

то какой же равнодушный прием оказали им дамы-экскурсантки (из чего видно, как поднялись акции Лисси Вэг). Великолепный обед, приготовленный поваром-французом, оказался необыкновенно вкусен, хотя и состоял из обычных для американцев блюд — супа из форели, только что пойманной в водах одного из притоков Грин-Ривер, традиционного ростбифа с целой серией соусов и гарниров, копченой ветчины, национального торта и всевозможных овощей и фруктов.

Не надо забывать также бокалов шампанского, которые посылали многие из сидевших за столом двум подругам. Слегка пригубив, они отвечали на все любезности, после чего раздавались восторженные тосты в честь близкой победы и шестидесятимиллионного выигрыша Лисси Вэг. Никогда еще Джовита Фолей не присутствовала на таком празднике. И она и Лисси держали себя с большим достоинством, с той только разницей, что мисс Вэг принимала приветствия и комплименты со свойственной ей сдержанностью, а ее подруга — с нескрываемым удовольствием.

Следующий день начался ясным рассветом, на два часа опередившим пробуждение Джовиты Фолей. В восемь часов девушки были готовы покинуть гостиницу.

На осмотр кентуккийских гротов требуется, по-видимому, не меньше семи-восьми дней. Главная их артерия тянется на расстояние трех или четырех лье, колоссальная впадина имеет в объеме около одиннадцати миллиардов кубических метров. По всем направлениям она испещрена двумя сотнями аллей, коридоров, галерей и переходов, причем речь идет только об одной, сравнительно недавно открытой ее части. Экскурсии по гротам совершались многочисленной компанией под руководством лучших проводников.

Тепло одевшись, туристы обоего пола направились по извилистой тропинке, которая привела их к входу, представляющему собой узкое отверстие в скале. И такого размера, что люди большого роста не могли пройти в него, не наклонив головы. Проводников сопровождали негры с шахтерскими лампочками и факелами.

При свете сверкающих отблесков на гладких местах стен путешественники достигли лестницы, пробитой в скале, которая ведет в широкую галерею, а затем в большую залу, называемую Ротондой¹. Отсюда начинаются ответвления на многочисленные коридоры и переходы (их необходимо хорошенько изучить всем, кто не хочет заблудиться). На свете нет

¹ Ротонда (от *лат.* *rotundus* — круглый) — круглая постройка — здание, павильон, зал.

подземных пещер более сложного строения, чем Мамонтовы, включая и лабиринты островов Лемноса или Крита¹.

Пройдя широкий коридор, туристы очутились в одном из самых больших гротов, известных под названием Готической Церкви. И совсем не важно, присутствует ли здесь стрельчатый стиль. Просто она восхитительна! Своими природными скульптурными украшениями свода, сталагмитами² и сталактитами³, поддерживающими потолок фантастически изогнутыми колоннами. Выступы скал самых разнообразных форм, покрытые кристаллическими отложениями, то принимают вид настоящего алтаря со всеми украшениями, то вырастают громадным органом с трубами, тянущимися ввысь, то становятся балконом или кафедрой (с которой не раз уже случайные проповедники говорили перед толпой, состоящей не менее как из пяти или шести тысяч слушателей).

Экскурсанты, в их числе и наши путешественники, прошли уже пол-лье, теперь им приходилось двигаться с большим трудом, согнувшись, иногда даже ползком пробираться вдоль узких коридоров в Зал Привидений, где, к большому разочарованию Джовиты Фолей, она не увидела ни одного призрака. Увы, он был ярко освещен факелами, а в баре туристов ждал завтрак. Зал Привидений можно назвать санаторием, принимая во внимание, что его посещают больные, приписывающие воздуху кентуккийских гротов целебные свойства. В этот раз они пришли сюда на целый день и устроились за столом перед гигантским скелетом мамонта (в честь которого эти громадные подземелья и получили название Мамонтовых пещер).

Целебный воздух и калорийная пища сделали свое дело, и туристы с новыми силами устремились к бездонной пропасти — на ее краю стоит Часовня, представляющая собой Готическую Церковь в миниатюре. В бездонную пропасть (она носит название Бездонного Колодца) проводники всегда бросают зажженные бумажки, чтобы освещать мрачные глубины и Кресло Дьявола в одной из стенок колодца, о котором создано столько легенд (да и странно было бы, если б не создали). После утомительного дня экскурсанты не протестовали, когда им предложили направиться по тем же галереям к выходу. Выйдя на свет божий, Джовита заявила, что чудеса Мамонтовых пещер превзошли все границы человеческого воображения.

¹ Л а б и р и н т — в греческой мифологии: здание с множеством помещений и запутанных ходов, построенное Дедалом для Миноса, царя острова Крит.

² С т а л а г м и т ы — известковые наросты на полу пещеры, образованные падающими с потолка каплями.

³ С т а л а к т и т ы — известковые наросты на потолке пещеры.

В последующие пять дней эта милая особа исключительной выносливости и энергии (она утомила большинство экскурсантов и даже самих проводников) решила осмотреть подробно все известные закоулки пещер, сожалея, что не может устремиться за пределы сделанных до сих пор открытий. Ее более хрупкая подруга в конце третьего дня взмолилась о пощаде. Поэтому свои последние путешествия по подземелью Джовита Фолей совершила без Лисси Вэг. Изучив пещеру Храма Гиганта, она направилась в Звездную Комнату, стены которой словно инкрустированы¹ бриллиантами, ослепительно сверкающими в свете факелов; оттуда — в аллею Кливленда — там яркие цветы из красочных минералов узором кружев украшали ее от пола до потолка. Дальше открывался Бальный Зал с белоснежными, точно в инее, стенами. Глядя на Цепь Скалистых Гор — длинный ряд причудливо нагроможденных друг на друга каменных глыб с остроконечными пиками, казалось, что горные цепи Юты и Колорадо пустили свои побеги внутрь земного шара. В Гроте Фей, богатом наносными образованиями, с арками и колоннами, Джовита Фолей не могла отвести очарованного взора от гигантского дерева, вроде каменной пальмы, достигающей своей вершиной самого свода.

Можно было предположить, что после всех увиденных чудес уже ничем нельзя поразить душу неугомонной путешественницы. Но когда девушка вышла из Храма Горана, она не могла сдержать возглас изумления, эхом разнесшийся по каменным переходам. Перед ней несла свои воды река Стикс², которая, подобно Иордану³, вливается в Мертвое море⁴. Проводник пригласил туристов в лодку, и они пустились вниз по течению реки. Если правда, что ни одна рыба не может жить в соленых водах палестинского моря, то про воды большого подземного озера того же никак не скажешь. Там плещутся мириады пещерных рыб, у которых совершенно отсутствуют зрительные органы, подобно другим видам безглазых рыб, плавающих в некоторых реках Мексики.

Так прошли пять дней, и подошел срок получения телеграммы от нотариуса Торнброка. Вечером накануне шестого июня за столом вновь провозглашались тосты, а Джон Га-

¹ Инкрустация (от *лат.* *incrustatio*) — узор из кости, перламутра, золота и т. п., врезанных в поверхность украшаемого предмета.

² Стикс — в греческой мифологии река подземного царства, обиталище мертвых.

³ Иордан — река в Палестине, в которой крестился Христос.

⁴ Мертвое море — бессточное озеро в Палестине. Вследствие высокой солености воды органическая жизнь (исключая некоторые виды бактерий) невозможна.

мильтон, следуя правилу губернаторов Америки принимать женщин в число офицеров своих штабов, произвел Лисси Вэг в чин полковника, а Джовиту Фолей в чин подполковника милиции штата Иллинойс. Новоиспеченный «полковник» чувствовал себя несколько смущенным, чего нельзя сказать про другого «офицера», принявшего оказанную ему честь так, точно всегда носил мундир.

— Ну что,— воскликнула Джовита, отдавая честь по-военному, когда девушки остались одни,— вы довольны, полковник?

— Это какое-то безумие! — ответила Лисси.— И, боюсь, кончится плохо.

— Будь добра, замолчи, милая, а то я забуду, что ты мое начальство, и не окажу тебе должного уважения!

Нежно поцеловав подругу, она легла и тотчас же уснула, и ей приснилось, что ее уже величают «генералом».

На следующий день с восьми часов утра перед телеграфной конторой толпилась публика в ожидании телеграммы. Трудно описать волнение всех присутствующих, относившихся с таким участием к двум подругам! Куда-то направит их случай? Будут ли они посланы на одну из окраин Америки? Определят ли и на сколько своих конкурентов?

Через полчаса ожидания зазвонил звонок телеграфного аппарата. Пришла депеша на имя Лисси Вэг, Кентукки, «Мамонтотель», Мамонтовы пещеры. Глубокое, можно сказать священное, молчание воцарилось как в самой конторе, так и за ее стенами, когда Джовита Фолей дрожащим голосом прочла:

Четырнадцать, из семи, повторенных два раза, пятьдесят вторая клетка, Сент-Луис, штат Миссури.

Торнброк.

Несчастливая Лисси Вэг, уплатив тройной штраф, должна оставаться в клетке с изображением тюрьмы до тех пор, пока такой же несчастный партнер не явится освободить узницу, заняв ее место.

ГЛАВА VI

Долина Смерти

Утром первого июня крошечный поезд, состоявший из паровоза, пассажирского вагона и одного багажного, без всякого расписания вышел из маленького калифорнийского городка Стоктона и понесся во весь дух через Калифорнию на юго-восток.

Штат Калифорния принадлежит Американскому государству с тех пор, как в 1848 году его уступила Мексика. По величине площади (сто пятьдесят восемь тысяч квадратных километров) он занимает второе место в федеративной республике. На севере и юге его рубежи определяются градусами широт; на востоке граница выглядит ломаной линией, угол которой упирается в озеро Тахо и в реку Колорадо; на западе калифорнийские земли на протяжении шестисот миль омываются Тихим океаном. На всей этой обширной территории проживает миллион двести тысяч жителей — европейцев, американцев и азиатов. И как ни велик был поток иммигрантов, хлынувший на золотые копи Сьерра-Невады, плотность населения здесь остается весьма незначительной.

Местность, по которой с необыкновенной быстротой проезжал поезд, по-видимому, не останавливала на себе внимания его пассажиров. Да и были ли пассажиры? Без сомнения, да, так как время от времени две головы показывались в вагонном окошке и тотчас скрывались, две отталкивающие физиономии самого свирепого вида. Порой стекло окна опускалось, и из него высовывалась широкая волосатая рука, которая стряхивала пепел с короткой трубки и тотчас скрывалась.

Возможно, северная и центральная часть Калифорнии скорее привлекала бы внимание этих путешественников. Там на удобных пастбищах пасутся тучные стада овец и коров, отменно культивированные поля производят много пшеницы, ячменя (его стебли достигают пятнадцать футов), маиса, сорго и овса. Встречаются также плодовые сады, в которых зреют персики, груши, вишни, клубника — целые рощи фруктовых деревьев, и, наконец, виноградники, составляющие треть сбора всей Америки. Все эти богатства родит необыкновенно щедрая, неистощимая почва, которая обслуживается превосходной оросительной системой. В Калифорнии совершенно особый климат. В сентябре там гораздо жарче, чем в июле. Далеко не все ураганы, зарождающиеся на громадных пространствах Тихого океана, обрушиваются на земли штата. Некоторые затихают, столкнувшись с прибрежными скалистыми цепями, другие разбиваются о хребет Сьерры-Невады. А в горах проливаются настоящие ливни, чрезвычайно благоприятные для хвойных пород — елей, сосен, тисов, кедров, лиственниц, кипарисов, на высоте от пятисот до шестисот футов, покрывающих горные склоны. Здесь встречаются секвойи, деревья-гиганты, эти великаны имеют в окружности не менее 60 футов при высоте в 300 футов.

Только не думайте, что земля, по которой ехал маленький поезд, совершенно неплодородна. Воды реки Сан-Джозаким и

ее притоки сделали и эту область вполне пригодной для сельского хозяйства. Но для обоих путешественников вид ее был так же скучен, как и пятьдесят лет тому назад, когда люди еще не приложили к ней рук. Кто же они, откуда явились и куда стремились? Может быть, как многие их пылкие соотечественники, на новые золотые прииски? Ведь позволительно надеяться, что шесть миллиардов франков, извлеченных за последние сорок лет, не вконец еще истощили золотоносные жилы в этой почве (содержащей, кстати, и другие драгоценные ископаемые — с 1850 по 1886 год там добыли не менее ста тысяч киновари и ртути).

Как бы то ни было, паровоз продолжал мчаться во весь дух, и в одиннадцать часов утра, прогудев несколько раз, остановился у города Килер. Два человека выскочили из вагона. Багаж их был крайне несложен: чемодан и корзинка с провизией, очевидно, еще не тронутой, да по одному ружью за плечами. Кинув машинисту «ждите!», они направились к человеку, который, очевидно, их дожидался.

— Экипаж здесь?

— Со вчерашнего дня.

— Едем же!

Минуту спустя оба путешественника сидели в комфортабельном автомобиле, снабженном мощным механизмом, и быстро мчались на восток.

Хотя оба путешественника воздерживались от обычной для них вспыльчивости, не кричали ни на машиниста (без малейшего опоздания доставившего своих пассажиров), ни на водителей (подавших к станции автомобиль), читатель узнал, конечно, старого флотоводца и его верного спутника. Мы оставили потерпевшего кораблекрушение коммодора в телеграфном бюро Ки-Уэста, куда пришла телеграмма, принесшая ему новый удар. Она отсылала коммодора из Флориды в Калифорнию, с одного края Соединенных Штатов в другой — с юго-востока на северо-запад! И мало того, в огромном штате покойный Гиппербон не мог выбрать ничего лучшего, чем Долину Смерти, откуда игрок мог выбраться, только уплатив тройной штраф. А потом возвратиться в Чикаго! И это после такого блестящего дебюта!

Когда Годж Уррикан благодаря энергичным растираниям и лекарствам пришел в себя и узнал содержание телеграммы, он испытал сильнейшее нервное потрясение, выразившееся в таком приступе бешеного гнева, какого даже Тюрк никогда еще не видал. Это моряка и поставило на ноги.

Тогда коммодор и узнал, что в Ки-Уэсте нет ни одного судна, готового к отплытию в один из портов штата Алабама

или Луизиана, и превратился в Прометея¹, прикованного к скале, а его сердцу грозило быть растерзанным коршунами, носящими имена Нетерпение и Бессилие! Действительно, в ближайшие две недели он должен попасть из Флориды в Калифорнию и из Калифорнии в штат Иллинойс. (Несомненно, слово «невозможно» существует на всех языках, даже на американском, хотя и говорят, что энергичные янки вычеркнули его из своего словаря.) Какая жестокая необходимость и какая тяжелая рана для игрока — прекратить борьбу, а для оранжевого флага — склониться перед флагами лиловым, синим, голубым, зеленым, желтым и красным! Но прав тот, кто утверждает, что на этом свете хорошие и дурные случайности чередуются нередко с быстротой электрического тока.

В тридцать семь минут первого семафор порта Ки-Уэст дал сигнал о появлении судна в открытом море на расстоянии пяти миль. Толпа любопытных, собравшихся перед телеграфной конторой, с Годжем Урриканом и Тюрком во главе, бросилась к берегу. Какое-то судно показалось вдали — дым парохода расстилался на линии горизонта. Раздались взволнованные голоса:

— Пристанет ли корабль в Ки-Уэсте?

— Если да, то отчалит ли в тот же день?

— И в какой из портов: в Новый Орлеан, Мобил или Пенсаколу?

— И позволит ли его ход совершить рейс за сорок восемь часов?

На все вопросы даем положительный ответ.

Один из самых быстроходных пароходов в торговом флоте США «Президент Грант» пришвартовался в Ки-Уэсте и, простояв там несколько часов, отправился в порт Мобил. При хорошем море, при легком юго-восточном ветре «Президент Грант» шел с максимальной скоростью, делая двадцать миль в час, и пришел в Мобил ночью двадцать седьмого мая. Щедро расплатившись, Годж Уррикан в сопровождении Тюрка сошел с корабля и вскочил в первый же поезд до Сент-Луиса. Оттуда, после известных уже дорожных приключений, коммодор благополучно прибыл в Топику, потом по Тихоокеанской железной дороге в Огден, а потом в Рено, откуда в семь часов утра он направился на станцию Килер. Но между Килером и Долиной Смерти никакого пути сообщения не было — ни поч-

¹ Прометей — в греческой мифологии титан, который похитил у богов с Олимпа огонь и передал его людям, за что был прикован Зевсом к скале. К прикованному Прометею каждый день прилетал орел и расклевывал ему печень, вновь отраставшую за ночь.

товых карет, ни перекладных. Проехать же верхом в такой короткий срок около четырехсот миль туда и обратно по извилистой, неровной дороге, о которой к тому же давно идет дурная слава, просто невозможно.

Изобретательный ум Годжа Уррикана не отступил и в новых обстоятельствах: моряк послал телеграмму в Сакраменто с просьбой выслать для него автомобиль на станцию Килер. В ответ автомобиль усовершенствованной системы в назначенный час, с полным баком горючего, ждал пассажиров у платформы.

Зная о поспешности, с которой путешествовал моряк, можно понять, почему он не проявлял любопытства туриста. Сначала поезд Тихоокеанской железной дороги вез его через штаты Небраска и Вайоминг, через Скалистые горы, через горный проход Трэки на высоте тысячи футов над уровнем моря, и дальше — через штаты Юта и Невада. Он не выходил из вагона ни в Огдене, ни в Карсоне, не подумал полюбоваться и на Сакраменто — столицу калифорнийского Эльдorado¹, город, который был почти целиком со всеми домами приподнят на десять — пятнадцать метров после целого ряда наводнений на реке Арканзас. Да! Пришлось сделать насыпи, чтобы город оказался выше уровня самых больших разливов реки. Теперь Сакраменто, прочно укрепленный, с населением в двадцать семь тысяч, производит очень хорошее впечатление: красивый Капитолий², правильные улицы и китайский квартал, точно перенесенный сюда из провинций Небесной империи.

А как сожалели бы Макс Реаль и Гарри Кембэл, оказавшись они на месте commodora, о невозможности посетить Сан-Франциско! Крупнейший в штате и единственный в своем роде город! Благодаря заливу в сто квадратных километров, по размерам не уступающему Женевскому озеру, он имеет выход в Тихий океан через пролив Золотые Ворота. Нет, нужно видеть его нарядные кварталы, оживленные улицы, гостиницу «Оксиденталь» (в ней можно поместить целую колонию), нужно видеть эту великолепную улицу Монтгомери — смесь Бродвея, Пикадилли и Рю-де-ла-Пе — этого очаровательного Сан-Франциско, или Фриско, как его любовно называют жители. Какая радость для глаз его сверкающие белизной дома,

¹ Эльдorado — легендарная страна, богатая золотом и драгоценными камнями, которую искали испанские завоеватели в Америке.

² В Древнем Риме на Капитолийском холме происходили заседания сената и народные собрания, там стоял Капитолийский храм. В США название Капитолий носит здание конгресса в Вашингтоне, а также здания законодательных ассамблей отдельных штатов.

с балконами и мирадорами¹ на мексиканский лад, украшенные фестонами из цветов и листьев, его сады, где растут самые привлекательные породы тропической флоры. Нужно не забыть городских кладбищ, представляющих собой парки, всегда полные гуляющих, а в восьми милях от города удивительный загородный дом Клифф-Хауз, в окружении дикой природы. Что же касается экспортной и импортной торговли, то разве Сан-Франциско не равняется Иокогаме, Шанхаю, Гонконгу, Сингапуру, Сиднею и Мельбурну, этим властителям восточных морей?

Если бы коммодор Уррикан попал туда даже в воскресенье, он все равно не нашел бы в нем признаков вымершего города, подобно многим другим городам Соединенных Штатов. С тех пор как французское население в нем стало почти преобладающим (хотя и не настолько, как китайское, но все же близкое к тому), город Фриско приобрел более современный вид.

Кроме того, в среде калифорнийцев коммодор встретил бы ярких держателей пари, увлеченных матчем Гиппербона, так как Сан-Франциско является городом спекулянтов, трестов, финансовых конфедераций, синдикатов, скупивших все родовые отрасли индустрии. Страсть к азартной игре проявляется там в самых крайних формах, состояния создаются и разрушаются какой-нибудь одной биржевой спекуляцией, подобно ударам игральные костей; там пульс бьется, как бился лет пятьдесят назад, в эпоху золотой лихорадки! И разве деятельные калифорнийцы не рукоплескали бы идее заказать автомобиль до Долины Смерти, и разве сам Годж Уррикан, с его норовом, не стал бы их любимцем, несмотря на все удары судьбы!

Дух захватывает при мысли о том, что благодаря железнодорожным путям и многочисленным пароходам любой путешественник мог бы перенестись в Марипосу, что неподалеку от Йосемитской долины, второго национального парка, расположенного на высоте двух тысяч футов. Туда стремится каждый, кто слышал от других о Каскаде Весны, Зеркальном озере, Королевских Арках и Колонне Вашингтона. Из Марипосы легко добраться в Окленд, расположенный на берегу залива, напротив Фриско (дамба длиной в целое лье скоро достигнет противоположного берега), а затем неизвестный путешественник может отправиться в очаровательную Санта-Клару, уже готовую слиться с соседним Сан-Хосе. На горе Гамильтон²

¹ Мирадоры — окна с выступами.

² Гамильтон Александр (1757—1804) — государственный деятель во времена Войны за независимость в Северной Америке, сподвижник Джорджа Вашингтона.

счастливцев встретит обсерваторию; в испанском Монтерее его ждут морские купанья и прогулки в тенистых кипарисовых рощах, не имеющих себе равных. На юге побережья, в Лос-Анджелесе, втором городе штата, он будет потрясен изобилием деревьев — эвкалиптовых, грушевых, апельсиновых, банановых, кофейных (которые приносят плоды круглый год). А на южной границе штата, в прелестном городке Сан-Диего, этот баловень судьбы упьется чистым и необыкновенно здоровым воздухом. Построенный на берегу реки, доступной даже для судов большого тоннажа, городок, эксплуатируя залежи солей борной кислоты, уже готов превратиться в один из наиболее значительных портов Тихого океана.

Нет! Годж Уррикан ничего не видел и не желал ничего видеть, переезжая через центральную Калифорнию. Он думал только о конечной цели своего путешествия, загипнотизированный шестьдесят третьей клеткой, такой далекой от него в данную минуту и такой близкой вначале. Он испытывал стыд, да, стыд, оттого, что его обгоняли все шесть партнеров, а также страх (в этом надо признаться), что ему не достанется наследство Уильяма Гиппербона.

Тем временем автомобиль быстро катился по дороге. Путешественники проехали несколько маленьких местечек, довольно уединенных, находившихся за отрогами горного хребта Сьерра-Невада с его вершиной Уинэй, возвышающейся на четырнадцать тысяч футов над уровнем моря.

Переехав вброд несколько ручьев, автомобиль повернул на юго-восток, перебрался через реку Шай-о-пу-ва-ну и доехал до местечка Индиан-Уэлс, расположенного при выходе из горного прохода Уокер. До сих пор дорогу нельзя было назвать абсолютно пустынной. Встречались фермы (правда, на очень большом расстоянии одна от другой), фермеры и отряды индейцев племени мохаук, которому принадлежала когда-то вся эта территория. С видом людей, которых ничто никогда не удивляет, они молча смотрели на механический экипаж. Почва здесь еще не была лишена растительности, повсюду виднелись целые «букеты» юкки¹, гигантские кактусы² вышиной до восьми туазов — весь набор древовидных растений невадских лесов. Но, в общем, это теперь, конечно, была не та знаменитая территория Калаверас и Марипоса — территория феноменальных деревьев, таких, как «Отец леса» и «Мать леса», исключительных гигантов, высота которых превосходила триста футов.

¹ Юкка — древовидное растение семейства лилейных с пучками длинных жестких, колючих листьев.

² Кактусы бывают травянистые, кустарниковые и древовидные.

Наконец автомобиль достиг пустыни, на границе которой начинается мрачная Долина Смерти. Там царит беспредельное уныние. Там отсутствует жизнь. Долину не посещают ни люди, ни звери. Жгучее солнце заливает своими лучами ее бесконечные равнины. Не видно и следа даже самой жалкой растительности. Ни лошади, ни мулы не могли бы здесь найти себе пропитания, и было как нельзя более кстати, что автомобильный двигатель нуждался только в нефтяных парах. Только местами — несколько очень невысоких холмов, окруженных чапаралем, представляющим собой мелкий, жалкий кустарник. После удручающей дневной жары наступали калифорнийские ночи, сухие и холодные, не смягчаемые ни туманами, ни росами.

По этой-то дороге коммодор Уррикан и доехал третьего июня в три часа пополудни до южной окраины гор Телескоп, обрамляющих на западе Долину Смерти. Путешествие длилось пятьдесят часов без отдыха, но и без каких-либо неприятных происшествий.

Пустынную, унылую страну с глинистой почвой, местами покрытую налетом минеральных солей, вполне справедливо назвали Страной Смерти. Долина, которой она заканчивается у границы штата Невада, представляет собой один из видов каньона¹, шириной в девятнадцать миль, длиной в сто двадцать, местами изрытый пропастями, уходящими на тридцать туазов ниже уровня моря. По его краям не произрастает ничего, кроме жидких тополей, тонких, болезненно-бледных ив, сухих и ломких юкк с остроконечными ветками, кустиков вонючей белой полыни и тысяч кактусов, известных в Калифорнии под именем «петалин», растений без листьев, с одними только ветками,— настоящие погребальные канделябры, расставленные на вымершем пространстве.

Долина Смерти, как пишет Элизе Реклю, в одну из отдаленнейших геологических эпох представляла собой русло реки, которая в настоящее время теряется в водах Сода-Лейк, русло, по которому теперь протекает только ручей Амаргоза. Отлогости ее покрыты иглами каменной соли, бура² накапливается в ее впадинах, и изредка дюны прибавляют свою песчаную пыль к воздушным течениям, которые порой мчатся здесь с невероятной быстротой. Да! Эксцентричный завещатель выбрал удачное место, чтобы остановить стремительное продвижение слишком удачливого игрока.

Годж Уррикан добрался наконец до цели своего трудного

¹ Каньон — глубокая долина с очень крутыми склонами и относительно узким дном; характерна для западных областей США.

² Бура — химический осадок усыхающих бороносных соляных озер.

путешествия. Он сделал остановку у подножия Погребальных гор, названных так в память караванов, погибших в этих печальных местах. Здесь он написал бумажку, удостоверяющую его присутствие в Долине Смерти третьего июня; взял подписи у Тюрка и обоих водителей и спрятал ее под камень. Коммодор пробыл не более часа на пороге Долины Смерти. Он спешил покинуть мрачную местность, чтобы скорее вернуться в Килер. И, впервые за долгие часы разжав губы, он произнес одно только слово:

— Едем!

Автомобиль помчался в обратный путь через верхнюю часть пустыни Мохава, спустился по горным проходам Невады и пятого июня в одиннадцать часов утра благополучно достиг станции Килер. В трех словах, но словах очень энергичных, коммодор Уррикан поблагодарил шофера и его помощника, проявивших столько усердия и искусства.

Специальный поезд стоял уже у платформы, ожидая его возвращения. Годж Уррикан подошел к машинисту. Раздался свисток, паровоз тронулся, постепенно набирая скорость. Через семь часов он остановился в Рено.

Поезд Центральной Тихоокеанской железной дороги, связанный твердым расписанием, пересек Скалистые горы, штаты Вайоминг, Небраска, Айова, Иллинойс и прибыл в Чикаго восьмого июня в девять часов тридцать семь минут утра.

Какой радушный прием оказал коммодору Уррикану родной город! Уже никто не верил в звезду оранжевого флага, а она снова зажглась! В день возвращения шестого партнера игральные кости выбросили для него девять очков из шести и трех — и ставки на него сравнялись со ставками на Тома Крабба и Макса Реалья.

ГЛАВА VII

Дома на Саут-Холстед-стрит

Велико было удивление и радость миссис Реаль, когда ее сын вошел к ней в комнату, и она сжала его в своих объятиях!

Макс Реаль, возвратившись из Национального парка Йеллоустон, получил телеграмму, извещавшую его о результате третьего тиража: восемь очков. Если сложить восемь и двадцать восемь (квадрат, где находился первый игрок), то получится тридцать шесть, то есть штат Иллинойс. Помня правила игры, удваиваем восемь очков — полученные шестнадцать направляют молодого художника в сорок четвертую клетку, штат Виргиния, в Ричмонд-Сити.

Между городами Чикаго и Ричмондом проложена целая сеть железных дорог, позволяющих проезжать в одни сутки расстояние, разделяющее эти два города. Поэтому Макс Реаль из Шайенна отправился сначала домой, в Чикаго, и через двое с половиной суток был уже там — здоровый, бодрый, так же как и его спутник Томми (все еще чувствовавший себя не-свободно в роли свободного гражданина свободной Америки). Дома художник надеялся закончить два эскиза, один — с видом на реку Канзас, неподалеку от Форт-Райли, другой — с изображением водопадов Файр-Холл в Национальном парке. Он не сомневался, что сможет продать обе картины за хорошую цену, что помогло бы выйти из затруднения в случае необходимости платить штрафы. Госпожа Реаль, в предвкушении нескольких дней в обществе сына, согласилась, конечно, со всеми его доводами.

За завтраком они принялись рассказывать друг другу все, что произошло за минувшие две недели. Хотя Макс и отправлял матери длинные письма, он снова должен был посвятить ее во все подробности своего путешествия.

— Ну, а в каком положении находится сейчас партия? — спросил Макс Реаль, наконец закончив свою исповедь.

Госпожа Реаль указала на разложенную в ее комнате карту с маленькими цветными флажками. Во время своих странствий Макс Реаль мало интересовался партнерами, редко заглядывая в газеты, но благодаря флажкам он быстро понял, как обстоят дела.

— Прежде всего,— сказал он,— объясни мне, чей это синий флажок, который сейчас впереди всех?

— Тома Крабба. Вчерашний тираж посылает его в сорок седьмую клетку, штат Пенсильвания.

— Эге! Вот что должно радовать его тренера Джона Мильнера! Ну, а красный флажок?

— Это флаг Х. К. Z., развевающийся в сорок шестой клетке, округ Колумбия.

Действительно, благодаря выброшенным и удвоенным десяти очкам, «человек в маске» перескочил сразу через двадцать клеток, из Милуоки, штат Висконсин, в Вашингтон, столицу Соединенных Штатов Америки. Переезд очень быстрый и легкий благодаря необыкновенно густой сети железных дорог.

По величине территории округ Колумбия занимает последнее место. Но расположенная при слиянии рек Потомак и Анакостии, рядом с океаном, столица Соединенных Штатов насчитывает не менее двухсот пятидесяти тысяч населения, даже в те дни, когда там не заседает конгресс. Город, возник-

ший на земле тускароров и монаканов¹ (сначала в несколько небольших домов), все рос и рос, присоединяя к себе соседние населения. Седьмой партнер, если он там еще не бывал, мог полюбоваться Капитолием прекрасной архитектуры. Величественный дворец стоит на вершине холма, склоны которого спускаются до реки Потомак. С ним спорят красотой великолепные здания сената, палаты депутатов и конгресса, окруженного галереями с двойной колоннадой со статуями и барельефами (на его железном куполе — фигура, олицетворяющая Америку). А на набережной Потомака возвышается мраморный памятник Джорджу Вашингтону высотой в сто пятьдесят семь футов. Дворец в античном стиле из белого мрамора, самое красивое архитектурное сооружение в городе, — это Управление почт. Чтобы увидеть Белый дом, путешественнику нужно среди бульваров, расходящихся лучами вокруг Капитолийского холма, выбрать Пенсильванский проспект и напрямик направиться к резиденции президента, которая демократично и скромно зажата между зданиями казначейства и различных министерств.

И сколько приятных, поучительных часов можно провести в богатых галереях естественной истории и этнографии знаменитого Смитсоновского института, а также в музеях, изобилующих скульптурой, картинами, бронзой, и, наконец, в арсенале, где воздвигнута колонна в честь американских моряков, погибших в бою под Алжиром, колонна, на которой можно прочесть дышащую местью надпись: «Замученные англичанами!»

Столица Соединенных Штатов, обильно орошаемая водами Потомака, отличается очень хорошим климатом. На ее улицах, в садах и парках растет более шестидесяти тысяч деревьев, дающих тень. Вашингтон славится парками: один окружает Дом инвалидов, другой — университет Хауварда, еще есть Дройт-парк и, наконец, Национальное кладбище.

Если Х. К. З. захотел бы, он нашел бы время для патристического паломничества в Маунт-Вернон, расположенный в четырех лье от города, где одно женское общество содержит дом, в котором первый американский президент провел часть своей жизни и где он умер в 1799 году. Но о седьмом партнере не было ни слуху ни духу, ни одна газета ничего не могла сообщить о нем своим читателям.

— А кому принадлежит желтый флажок? — спросил Макс Реаль, указывая на тридцать восьмой квадрат (разговор происходил до несчастного тиража, отправившего птую партнершу в «тюрьму»).

¹ Тускароры, монаканы — названия индейских племен.

— Это флаг Лисси Вэг, дитя мое.

— Что за очаровательная девушка! — воскликнул Макс Реаль. — Я так и вижу ее смущенной, краснеющей, какой она была во время пышных похорон Уильяма Дж. Гиппербона. И если бы я встретился с ней в дороге, то пожелал бы полного успеха!

— А что ты скажешь о своем успехе, сынок?

— Я надеюсь также и на собственный, мама! Что, если бы мы вдвоем выиграли партию? Мы могли бы ее поделить...

— Но разве это возможно?

— Нет, невозможно, но в жизни случаются такие изумительные вещи! А когда следующий тираж для Лисси Вэг?

— Через пять дней, шестого июня.

— Будем надеяться, что моя красивая партнерша сумеет избежать все опасности пути: «лабиринт», «тюрьму» и «Долину Смерти». А скажи, чей же флажок так грустно повис над четвертой клеткой?

— Германа Титбюри.

— О, воображаю, как он взбешен, что позади всех!

— Он жалок, бедняга. Сделав всего лишь четыре шага за два метания костей, сначала попал на окраину штата Мэн, а потом был вынужден отправиться в штат Юта!

— Ну, эти скареды меня совершенно не интересуют, сожалею только, что им не пришлось заплатить какой-нибудь большой штраф.

— Ты очень жесток, голубчик.

— Омерзительнейшие существа, мама! Разбогатели ростовничеством, не хватало еще, чтобы судьба сделала их наследниками нашего богача. Но скажи, почему я не вижу здесь флажка знаменитого Годжа Уррикана?

— Он нигде не развевается с тех пор, как игральные кости отправили коммодора в Долину Смерти, откуда тот должен вернуться в Чикаго и начать все снова.

— Тяжело, конечно, морскому офицеру опускать свой флаг! — воскликнул Макс Реаль. — Воображаю, как задрожал весь его корпус, начиная с киля до самых верхушек мачт! А этот Х. К. Z.? Когда будет произведен тираж для него?

— Через девять дней.

— Нужно сознаться, довольно странная фантазия покойного — скрыть имя последнего участника партии.

Теперь Макс Реаль знал о положении каждого игрока и о том, что сам занимает третье место после Тома Крабба и Х. К. Z. Впрочем, он скоро забыл обо всем, принявшись за работу над пейзажами, и успел закончить их до отъезда. Тем временем состоялся тираж, крайне неудачный для Германа

Титбюри: девятнадцатая клетка, штат Луизиана, с «гостиницей», в которой игрок дважды пропускает ход. Четвертый партнер своим тиражом остался доволен, хотя передвинулся он не дальше тридцать третьей клетки, штат Северная Дакота, зато путешествие обещало много интересного.

Наконец, шестого июня в восемь часов утра нотариус Торнброк приступил к тиражу для Лисси Вэг. Макс Реаль оставил кисть и отправился в зал Аудиториума. Вернулся он крайне удрученный: клетки «тюрьма» и «колодец» были самыми ужасными, хуже даже «Долины Смерти», куда попал Годж Уррикан! По крайней мере, коммодор мог продолжать борьбу, а кто знал, не закончится ли партия раньше, чем «заключенная» будет освобождена из «тюрьмы»?

На следующий день Макс Реаль покидал Чикаго.

— Только бы телеграмма, которую ты получишь в Ричмонде, не отослала тебя куда-нибудь на край света, мой дорогой мальчик!

— Но оттуда ведь тоже возвращаются, мама,— ответил Макс,— тогда как из «тюрьмы»... В конце концов, ты должна сознаться, что все это очень смешно! Чувствовать себя какой-то беговой лошадей, которой грозит отстать на полкруга!.. Да! Ужасно нелепо!

— Да нет, дитя мое, вовсе нет! Поезжай и не опаздывай... И да хранит тебя Бог!

Макс Реаль дал слово матери направиться в штат Виргиния самым прямым путем, и он твердо решил не переходить за границу тех штатов, через которые ему предстояло переезжать,— Иллинойс, Огайо, Мэриленд и Западная Виргиния, откуда он попадал в главный город штата Виргиния — Ричмонд. Двенадцатого июня госпожа Реаль получила от сына письмо.

«Ричмонд, 11 июня, Виргиния.

Милая и добрая мама! Вот я и у цели — если не той великой глупости, называемой нашей партией, то, во всяком случае, у той, что навязал мне третий тираж. Я в Ричмонде, штат Виргиния! Не волнуйся, пожалуйста, о судьбе самого дорогого для тебя существа, которому и ты также дороже всего. Он на своем посту и вполне здоров.

Хотелось бы мне иметь возможность сказать то же самое и о бедной Лисси Вэг, которую ждет «тюрьма» в этом громадном городе штата Миссури! Чем больше я думаю о числе четырнадцать, составленном из удвоенной семерки, тем больше я сожалею, что желтый флажок теперь печально повис на стене мрачной «тюрьмы»?.. И до каких пор он там останется?..

Итак, я выехал из Чикаго седьмого июня утром. Железная дорога тянется вдоль южного берега Мичигана, откуда открываются красивые виды на озеро. Вообще в этой части Соединенных Штатов, так же как и в Канаде, вполне естественно чувствовать себя немного пресыщенным озерами, их голубыми дремлющими водами, которые, однако, не всегда голубые и далеко не всегда дремлют! У нас их столько, что мы могли бы торговать ими, и я не знаю, почему Франции, которая не богата озерными пространствами, не купить себе одно на выбор, подобно тому как в 1803 году мы купили у нее Луизиану. Но я все же смотрел направо и налево через отверстие моей палитры, в то время как Томми спал как сурок. Будь спокойна, мамочка, я не разбудил твоего негритенка! До Кливленда, штат Огайо, мой путь лежал на запад, а затем я повернул к юго-востоку. Железнодорожными путями здесь покрыта сплошь вся территория. Пешеходу негде ногой ступить! И промышленных городов здесь столько же, сколько ячеек в улье.

Из Кливленда я отправился в Уоррен, важный центр штата Огайо, богатый нефтяными источниками. Его и слепой узнает, если у него есть нос, — так силен этот омерзительный запах. Кажется, достаточно чиркнуть спичкой, чтобы вспыхнул весь окружающий воздух. И что за страна! На всех равнинах, сколько ни охватит взор, вы ничего не видите, кроме нефтяных вышек! То же самое по склонам холмов и по берегам ручьев — повсюду одни только колоссальные лампы, высотой от тридцати до сорока футов!

Да, мамочка, эту страну не сравнить ни с поэтическими прериями Дальнего Запада, ни с дикими долинами штата Вайоминг, ни с отдаленными очертаниями Скалистых гор, ни с глубокими горизонтами озер и океанов! Красоты промышленности — это хорошо, красоты художественные — лучше, красоты же природы несравненны.

Но не будем уклоняться от нашего путешествия. После Уоррена, следуя вдоль Ринг-Ривер и переехав границу штата Огайо, мы попали в Пенсильванию, в город Питтсбург на реке Огайо, а затем в соседний с ним город Аллегани — Железный город или Дымный город, как его называют, и это несмотря на несметное количество подземных труб, тянувшихся на несколько тысяч миль, по которым перегоняется природный газ. И до чего же там грязно!.. В несколько минут ваши руки и лицо становятся совсем черными, как у негра!.. О, мои светлые и чистые города Канзаса! Вечером оставил на окне немного воды в стакане, и наутро она превратилась в чернила! Сейчас пишу тебе этой химической смесью, мамочка!

Прочел недавно в журнале, что очередной тираж в пользу

Уррикана отсылает вечно бушующего коммодора в штат Висконсин. К несчастью, при следующем тираже, даже если коммодор получит двенадцать очков, да еще продублируют их, он все равно не попадет в пятьдесят вторую клетку, где страдает молодая заключенная...

Итак, я продолжал спускаться на юго-восток: ни единого кусочка природы, не тронутой рукой человека! Правда, в Иллинойсе и в Канаде можно встретить такую же картину. Настанет день, когда деревья будут из металла, луга — из войлока, а морские побережья — из металлических опилок!.. Это «прогресс».

Тем не менее я провел несколько приятных часов, бродя вдоль хребта Аллеганских гор. Эта горная цепь очень живописна, капризна, местами дика и покрыта, точно щетиной, темными рощами хвойных деревьев. Крутые склоны, глубокие ущелья, извилистые долины, бурные потоки, которых промышленность еще не заставила работать, текут на полной свободе, образуя шумные водопады.

Потом мы проехали маленький уголок штата Мэриленд, который орошается верхним течением Потомака, и достигли Камберленда, города, имеющего более важное значение, чем столица штата, скромный Аннаполис. Район здесь более земледельческий, чем фабричный, поэтому есть на чем отдохнуть глазам.

Вот мы уже и в Западной Виргинии, отсюда, — можешь быть спокойна, мамочка, — недалеко до самой Виргинии. Впрочем, я был бы уже там, если бы штат во время войны Севера и Юга не разделился на две самостоятельные части. Да! В то время как в восточной его части крепили античеловеческие доктрины рабства (Томми спит и не слышит!), Запад, наоборот, откалывался от южан, чтобы встать под федеральное знамя. Весь этот район холмист, можно даже сказать, — горист, и в своей восточной части испещрен отрогами Аппалачских гор. Здесь встречаются и земледельческие районы, и многочисленные копи — железные, каменноугольные, а также соляные, причем их такое изобилие, что этой соли хватило бы для всей Америки в течение многих веков!

Я остановился на один день в Мартинсберге, самом важном городе штата на Атлантическом побережье, с единственной целью — совершить одно паломничество. Я говорю о Джоне Брауне¹, поднявшем знамя борьбы с рабством. Плантаторы Виргинии относились к нему как к дикому зверю. С

¹ Джон Браун (1800—1859) — борец за освобождение негров в США, в 1859 году поднял восстание, был схвачен и казнен.

двадцатью единомышленниками он решил захватить арсенал Харперс-Ферри — небольшой городок на склоне холма между Потوماком и Шенандоа, очаровательный городок, получивший громкую известность благодаря ужасным сценам, которые там разыгрались. Отряды милиции атаковали героя, тяжело раненный Джон Браун был захвачен и привезен в соседний городок Чарлстон, где его приговорили к виселице. Второго декабря 1859 года приговор привели в исполнение, но виселица не унизила этого мученика свободы.

Итак, я уже в Виргинии, мама, в штате рабовладельческом по преимуществу, служившем главным театром войны между Севером и Югом. Если тебя интересует, что говорят географы, то слушай: штат занимает тридцать третье место по размерам своей территории, разделен на сто девятнадцать графств. Несмотря на ампутацию, которой был подвергнут в своей западной части, он все еще остается одним из самых мощных штатов Североамериканской республики. Число оленей и опоссумов в его лесах все уменьшается, но еще встречаются журавли, куропатки и ястребы. Прекрасно рождаются пшеница, маис, ячмень, овес, сарацинское пшено и в особенности хлопок, что я искренне приветствую, так как ношу бумажные рубашки; там процветает и табак, к чему я совершенно равнодушен.

Ричмонд, бывшая столица сепаратистской Америки¹, ключ штата Виргиния, город, который федеральное правительство в конце концов запрятало в свой карман, лежит в долине с семью холмами, расположенными вдоль реки Джеймс. На другом берегу реки находится Манчестер, с которым Ричмонд образует двойной город, подобно многим другим в Соединенных Штатах. В Ричмонде красивый Капитолий, напоминающий греческий храм, которому не хватает только солнца Аттики² и горизонтов Акрополя³. Но, по-моему, в нем слишком много заводов, одних табачных фабрик не менее сотни. В квартале Леонарда Хейта, аристократическом по преимуществу, красуется статуя генерала Ли⁴, генерала южан, и он,

¹ Сепаратизм — стремление к обособлению. Во время гражданской войны 1861—1865 годов Виргиния вместе с другими штатами Юга отделилась от Союза Североамериканских штатов и вошла в состав рабовладельческой конфедерации.

² Аттика — Древняя Греция.

³ Акрополь (греч. — верхний город) — возвышенная и укрепленная часть древнегреческого города; здесь имеется в виду знаменитый Акрополь в Афинах.

⁴ Ли Роберт Эдуард (1807—1870) — командующий армией южан-рабовладельцев во время гражданской войны 1861—1865 годов. Принимал участие в войне против Мексики (1846—1848) и в войнах против индейцев.

безусловно, заслужил эту честь, по крайней мере своими личными качествами.

Других городов в этом штате я не осматривал, все они, как и большинство американских городов, похожи один на другой. Я ничего не скажу ни о Петербурге, который был опорным пунктом сепаратистов на юге (подобно тому как Ричмонд защищал их на севере), ни об Йорктауне, где сто шестнадцать лет тому назад с капитуляцией лорда Корнуоллиса закончилась Война за независимость...¹ Умалчиваю также и о Линчберге, фабричном городе исключительной важности, в котором когда-то укрывались армии воюющих штатов² и откуда им пришлось отступить к Аппалачским горам, что и привело к окончанию гражданской войны девятого апреля 1865 года. Я нарочно не останавливаюсь на Норфолке, Роаноке, Александрии и других многочисленных водолечебницах. Добавлю только, что две пятых населения Виргинии обладают исключительно красивым цветом кожи, а неподалеку от маленького городка Люрэ находятся подземные пещеры, еще красивее, чем Мамонтовы, где бедная Лисси Вэг узнала о несправедливом приговоре судьбы. И я спрашиваю себя, как сможет она уплатить тройной штраф — три тысячи долларов?

Я только что прочел в ричмондских газетах о результате тиража десятого июня. Пять очков отсылают нашего знаменитого Х. К. З. в штат Миннесота. Из сорок шестой клетки он перескакивает сразу в пятьдесят первую и сейчас впереди всех!.. Но кто же он, наконец, этот исключительный удачник? Я далеко не уверен, черт возьми, что мне удастся его перегнать!..

На этом, дорогая мама, заканчиваю длинное письмо и от всего сердца обнимаю тебя, подписываясь тем именем, которое сейчас является именем одной из беговых лошадей, состоящих на ипподроме Уильяма Гиппербона.

Макс Реаль.

ГЛАВА VIII

Удар досточтимого Хюнтера

Кто, казалось бы, меньше всех испытывал потребность побывать в Филадельфии — главном городе штата Пенсильвания, третьем по значению после Нью-Йорка и Чикаго, так это

¹ Операция при Йорктауне закончилась 19 октября 1781 года блестящей победой объединенных американских и французских сил под общим командованием Дж. Вашингтона.

² Имеются в виду штаты Юга во время гражданской войны 1861—1865 годов.

боксер Том Крабб. Но судьба постоянно делает подобного рода ошибки, и потому вместо Макса Реаля, Гарри Кембэла и Лисси Вэг, способных оценить все великолепие знаменитой метрополии, туда направился как всегда бесстрашный чемпион Нового Света. Покойный член «Клуба чудаков» этого, конечно, не мог предвидеть.

Игральные кости начали действовать с самого утра тридцать первого мая. Известие о выброшенных двенадцати очках быстро распространилось по телеграфу, соединяющему Чикаго с Цинциннати. Джон Мильнер принял все меры к тому, чтобы немедленно покинуть презренный «Поркополис».

— Да! Поркополис! — воскликнул, уезжая оттуда, импресарио, и в голосе его прозвучало глубокое отвращение. — Когда знаменитый Том Крабб почтил его своим присутствием, население устремилось на конкурс скота! Все внимание получила выставленная свинья, и ни одного «ура» не раздавалось на вокзале в честь чемпиона Нового Света!.. Ну только бы положить в карман толстый кошелек Гиппербона, и я сумею им отомстить!

В чем именно заключалась бы эта месть, Джон Мильнер затруднился бы объяснить. Времени у него было достаточно, чтобы проделать путь до Филадельфии не меньше десяти раз, так как Огайо соседствует с Пенсильванией. Между двумя главными городами штатов меньше шестисот миль, всего двадцать часов требуется, чтобы совершить этот переезд. Но Джон Мильнер все еще продолжал сердиться, решив ни одного дня не оставаться дольше в городе, чересчур лакомом до всяких феноменов свиной породы. Да! Поставив ногу на ступеньку вагона, он отряхнет «прах со своих сандалий»¹.

Поезд вышел в назначенное время и, проехав Колумбус, переехал восточную границу, образованную рекой Огайо.

Штат Пенсильвания обязан своим названием известному английскому квакеру² Уильяму Пенну, который в конце XVII века завладел обширными территориями, расположенными по берегам реки Делавер. И вот при каких обстоятельствах это произошло. Уильям Пенн ссудил Английскому королевству крупную сумму, которую ему не хотели возвращать. Король Карл II предложил ему вместо денег часть земель, которыми Англия владела в этой части Америки. Квакер согласился и некоторое время спустя, в 1681 году, основал первые

¹ Перефразированное выражение из Нового завета.

² Квакеры (от *англ.* quakers, букв.: трясущиеся) — члены религиозной христианской общины, основанной в середине XVII века в Англии.

поселения на месте теперешней Филадельфии. Но так как в ту пору здешние места были покрыты густыми лесами, то вполне естественно, что эту территорию называли Сильванией¹, а когда к этому слову прибавили имя ее основателя Пенна, то получилась Пенсильвания.

С каким удовольствием, наряду с другими анекдотами, поведал бы эту историю Гарри Кембэл читателям «Трибюн», если бы судьба подарила ему хоть две недели свободной жизни в пенсильванских окрестностях. Каким бы живым и острым пером описал он землю, которую с юго-востока на северо-запад живописно пересекают Аллеганские горы. Уж он-то обязательно остановился бы на описании густых лесов — дубов, буков, каштанов, ореховых деревьев, вязов, ясеней, кленов; не забыл бы болота, ошетинившиеся сассафрасом², и пастбища, где пасутся стада высокопородного скота и выращиваются прекрасные лошади (которые закончат свое существование, когда здесь начнут ездить на велосипедах, как в Орегоне или Канзасе). В своих звонких и остроумных фразах он обязательно прославил бы необъятные поля, где зреют тугие деревья во славу развития шелкопрядельной промышленности и наливаются соком виноградники, обещающие прекрасное и обильное вино на столах у крестьян. (Ведь если в Пенсильвании достаточно холодно зимой, что, может быть, и не соответствует широте, на которой она находится, то уж летом там стоит тропическая жара.) И конечно, он обязательно поведал бы читателям (не забыв представить цифры) о богатых залежах в землях Пенсильвании угля, антрацита, железных минералов, месторождениях нефти и природного газа (они столь велики и неисчерпаемы, что дают количество стали и железа больше всех остальных штатов). С репортерским энтузиазмом Гарри Кембэл рассказал бы читателям о своих охотничьих подвигах — преследованиях волков, ланей, рысей, лисиц и бурых медведей, нередко встречающихся в здешних лесах.

Излишне говорить, что журналиста с удовольствием бы приняли не только в двух соседних городках — Питтсбурге и Аллегане, но и в Скрантоне, Рединге, Эри (на одноименном озере), Уилкс-Барре. Известную часть времени репортер посвятил бы осмотру столицы штата Харрисбергу. Его четыре моста соединяют берега реки Саскуэханна, а по обоим берегам на много миль тянутся металлургические заводы.

¹ Сильвания — (от *англ.* silvan) — лесной.

² Сассафрас — дерево из семейства лавровых, растет в Северной Америке; до 30 метров высоты; листья — темно-зеленые и твердые, как бумага.

Конечно, он не замедлил бы посетить знаменитое кладбище Геттисберга, где в 1863 году погибли многие солдаты армии конфедератов¹, когда в результате капитуляции крепости Виксберг генерал Грант вышел на берега Миссисипи. Многочисленные паломники с Севера и Юга ежегодно приезжают, чтобы почтить память мертвых, лежащих под рядами надгробных камней, которыми просто усеян этот кровотокающий некрополь. Разве мог главный репортер чикагской газеты пренебречь таким случаем и не побывать в долине реки Ли, у горы Урс, высотой в сто туазов (по ее склонам была проложена первая железная дорога в 1827 году) и не посетить соседнюю угольную шахту, которую эксплуатируют вот уже полвека. Следует также заметить, что даже Макс Реаль, несмотря на свою нелюбовь к промышленным районам, мог бы найти на пенсильванских просторах не один городок, заслуживающий кисти художника: разнообразные живописные пейзажи на склонах Аллеган и в долинах Аппалачского массива.

Конечно, от Тома Крабба, а вернее от его опекуна, ничего подобного мы не ждем. Он послан в Филадельфию и, разумеется, отправится именно туда, и никуда больше. А его подопечный прибудет в этот город героем дня. Джон Мильнер заставит весь город интересоваться Томом Краббом, который занимает почетное место в мире бокса Северной Америки.

В Филадельфию, или, иначе, в город братской любви², Том Крабб прибыл около десяти часов вечера тридцать первого мая и вместе с тренером провел первую ночь в строжайшем инкогнито. На другой день импресарио пошел разведать, «откуда дует ветер» и успел ли он донести имя знаменитого боксера до берегов Делавэра? Он оставил Тома Крабба в гостинице, приняв все надлежащие меры, касающиеся первых двух завтраков.

Филадельфия, сливаясь с городами Менэйнаком, Германстауном, Камденом и Глостером, насчитывает, в общей сложности, около двухсот тысяч домов и миллион сто тысяч населения, она раскинулась по течению Делавэра, на шесть лье с северо-востока на юго-запад, и по площади почти равна Лондону. Огромная территория, занимаемая городом, объясняется тем, что колоссальные постройки с сотнями жильцов, как в

¹ Армии конфедератов — правительственные армии, воевавшие с южанами во время гражданской войны (Севера и Юга), когда штаты вышли из состава США и образовали рабовладельческую конфедерацию.

² Филадельфия (греч.) — братская любовь. Известен древний город с таким же названием в юго-западной части Малой Азии; древнюю Филадельфию называли малыми Афинами. Филадельфийская церковь славилась между семи малоазийскими церквями.

Чикаго или Нью-Йорке, там редки. Филадельфия — город особняков, ее жители чаще всего живут каждый в своем доме.

Чье воображение не поразили бы масштабы этой метрополии: в ней много воздуха, а некоторые улицы — шириной в сто футов. Дома из кирпича и мрамора, стоят в тени густых деревьев, сохранившихся еще от отдаленнейшей эпохи. Сады, скверы и парки отличаются роскошью и изяществом, причем Фермоунт-парк (площадью в тысячу двести гектаров) — самый обширный в Америке. Его окружает река Скулкилл, овраги там сохранили прежнюю дикую красоту. В городском центре, откуда радиусами расходятся все главные улицы, помещается ратуша — громадное здание из белого мрамора, ее возведение стоило немало миллионов, а ее башня в шестьсот футов высотой, когда будет закончена, сравняется с громадной статуей Уильяма Пенна.

Разумеется, ни Тому Краббу, ни его импресарию не пришло в голову взглянуть на судостроительные верфи, расположенные на островах, и на здание таможни, построенное из аллеганского мрамора, да еще на монетный двор, где чеканят все монеты федеральной республики. Между прочим, в этой старой и знаменитой столице¹ Соединенных Штатов есть исторический музей, размещенный в Доме независимости, где была подписана декларация 1776 года². И как не напомнить (терпение, читатель!) о Большом Колледже (коринфской архитектуры), в котором воспитывались сотни сирот, о морском госпитале, о здании университета и Академии наук и об их бесценной коллекции, об обсерватории, Ботаническом саде — одном из самых красивых и богатых в Америке, наконец, о двухстах шестидесяти церквях и шести квакерских храмах?

В конце концов, Джон Мильнер приехал в Филадельфию не для того, чтобы ее осматривать. Он намеревался сделать из путешествия рекламу Тому Краббу — на тот случай, если не удастся выиграть шестьдесят миллионов долларов. В Филадельфии нашлось бы немало любителей бокса только среди сотен тысяч рабочих металлургических предприятий, не считая механических и химических заводов, да шести тысяч всевозможных фабрик. Само собой, к ним присоединились бы и портовые рабочие, занятые отправкой нефти, угля и зерна. Торговый оборот Филадельфии уступает только торговому обороту Нью-Йорка. Да, Тома Крабба должны полюбить в этом мире, где физические качества доминируют над интеллектуальными. А в других классах, так называемых высших,

¹ Филадельфия была столицей США с 1790 по 1800 год.

² Четвертого июля 1778 года во время Войны за независимость в Филадельфии было провозглашено образование США.

разве мало найдется джентльменов, способных оценить удар кулаком по физиономии, произведенный по всем правилам искусства?

Джону Мильнеру доставило удовольствие убедиться, что рынок на Маркет-стрит (крупнейший из рынков всех пяти частей света) не был занят никаким конкурсом скота. А потому его компаньон не мог встретить здесь соперника, и синий флаг не склонится перед величием какой-нибудь феномена-свиньи. К тому же газеты Филадельфии с большим шумом объявили об ожидавшемся приезде второго партнера матча Гиппербона. Биржевые маклеры разжигали страсти игроков в пользу Тома Крабба, утверждая, что ему достаточно двух счастливых ударов, чтобы добиться цели... и прочее и прочее.

На следующий день Том Крабб в обществе импресарио совершал прогулку по наиболее посещаемым улицам города. Какое он почувствовал бы удовлетворение, если бы умел читать! Повсюду на стенах домов висели гигантские афиши.

ТОМ КРАББ! ТОМ КРАББ! ТОМ КРАББ!

ЗНАМЕНИТЫЙ ТОМ КРАББ, ЧЕМПИОН НОВОГО СВЕТА!!!

ГЛАВНЫЙ ЛЮБИМЕЦ МАТЧА ГИППЕРБОНА!!!

ТОМ КРАББ ИДЕТ ВПЕРЕДИ ВСЕХ!!

ТОМ КРАББ В ШЕСТНАДЦАТИ КЛЕТКАХ ОТ ЦЕЛИ!!

**ТОМ КРАББ ВОЗНЕСЕТ СИНИЙ ФЛАГ НА ВЫСОТУ
ИЛЛИНОЙСА!!!**

ТОМ КРАББ В НАШЕМ ГОРОДЕ!!!

УРА ТОМУ КРАББУ!!!

Агентства, у которых были и другие фавориты, выпускали афиши, также перегруженные восклицательными знаками и восхвалявшие заслуги Макса Реаля и Гарри Кембэла. Увы, остальные партнеры — Лисси Вэг, коммодор и Герман Титбюри — считались выбывшими из игры.

Понятно горделивое чувство, испытываемое тренером, когда он «прогуливал» своего прославленного ученика по улицам Филадельфии. И вот седьмого числа, в самый разгар безумной радости, у Джона Мильнера болезненно сжалось сердце. Другая афиша, такая же колоссальная, возвещала:

КАВЭНЭФ ПРОТИВ КРАББА!

Это было похоже на укол булавки, грозившей выпустить газ из воздушного шара, уже готового подняться ввысь. Кавэнэф из Филадельфии пользовался громкой славой, но три ме-

сяца назад его победил Том Крабб. До сих пор, несмотря на настойчивые вызовы, доблестный боец не мог отомстить противнику. И вот теперь, воспользовавшись пребыванием Тома Крабба в Филадельфии, он выставил плакат:

ВЫЗОВ ЧЕМПИОНУ!

ВЫЗОВ!!

ВЫЗОВ!!!

Конечно, у знаменитого боксера было более существенное занятие, чем отвечать на подобную провокацию: спокойно ждать, пользуясь приятным *far niente*¹, ближайшего тиража. И кто знает? Не подстроено ли все это какой-нибудь враждебной агентурой, желавшей задержать в дороге лидера матча? Сочувствующие советовали оставить вызов без ответа. Но Кавэнэф или, вернее, те, кто толкал его на борьбу с чемпионом Нового Света, смотрели на дело иначе. Поэтому Джон Мильнер, опасаясь за репутацию своего протеже, рассудил, что выбитый глаз или смятая челюсть не помешают чемпиону продолжать партию Гиппербона. Дело кончилось тем, что после нескольких новых, еще более вызывающих афиш, пятнавших честь чемпиона Нового Света, на стенах Филадельфии можно было прочесть следующее:

ОТВЕТ НА ВЫЗОВ!

КРАББ ПРОТИВ КАВЭНЭФА!

Какой это произвело эффект! Том Крабб принимал вызов! Том Крабб готов рискнуть своим положением, согласившись на поединок!..

Между тем соперники наткнулись на одно препятствие: так как бои подобного рода не одобряются даже в Америке, местная полиция запретила встречу двух героев под угрозой заключения их в тюрьму и штрафа. Правда, быть задержанным в исправительной колонии, где заключенных заставляют учиться игре на каком-нибудь музыкальном инструменте (легко представить ужасающий концерт, с преобладанием унылых звуков гармоники!), еще не составляло чересчур строгого наказания, но невозможность выехать в назначенный срок... Они поплатились бы запозданием, что едва не случилось с Германом Титбюри в штате Мэн.

В конце концов, пришли к согласию встретиться где-нибудь вне стен Филадельфии, тайно. По окончании предварительных переговоров разнесся слух, что встреча отложена до

¹ Безделье (фр.).

окончания матча, и легковверные подумали, что никакого поединка не будет. А между тем девятого числа около восьми часов утра в маленьком городке Эрондале, в тридцати милях от Филадельфии, несколько джентльменов собрались в одном из городских залов, тайно нанятом противниками. Фотографы и кинооператоры присутствовали тут же, чтобы сохранить для потомства все фазы захватывающей борьбы (при подготовке ответственной встречи, о которой должны знать только в узком кругу профессионалов, надо признать, особой осторожности проявлено не было).

Когда Том Крабб в полной форме борца, готовый дать работу своим громадным рукам, и Кавэнэф, не такой высокий, но такой же широкий в плечах, обладавший совершенно исключительной силой, вышли на ринг, зрители приготовились следить за редкой встречей протяженностью от двадцати до тридцати раундов. Но едва только руки борцов приняли требуемое положение, как в зале появился местный шериф Винсент Брюк в сопровождении Гуго Хюнтера, священника приходской церкви методистов¹.

Предупрежденные каким-то жителем города, они прибежали на поле сражения, чтобы не допустить аморального и унижительного боя, причем один действовал во имя пенсильванских законов, другой — во имя законов божеских. Болельщики, уже успевшие заключить несколько пари на значительные суммы, встретили гостей без особого энтузиазма.

Шериф и священник хотели говорить — их не пожелали слушать. Хотели разнять борющихся — им оказали сопротивление. Что могли они сделать вдвоем против двух мускулистых борцов (способных, по-видимому, одной рукой заставить их отлететь на двадцать футов от места схватки)? Без сомнения, мораль и закон были на их стороне — у представителя власти земной и у представителя власти небесной, но не хватало содействия полиции, которая обычно приходила им на помощь.

И в тот самый момент, когда Том Крабб и Кавэнэф уже приняли боевую позу, произошла сцена, вызвавшая сначала изумление, а затем восхищение всех присутствующих в зале.

Оба — шериф и священник — не отличались ни высоким ростом, ни крепким телосложением, но обладали исключительной гибкостью, ловкостью и быстротой. В один момент Винсент Брюк и Гуго Хюнтер ринулись на боксеров. Джон Мильнер пытался преградить дорогу священнику, но получил от него такую пощечину, что свалился и едва не потерял созна-

¹ Методисты — протестантская церковь, главным образом в США, Великобритании. Требуется последовательного, «методичного» исполнения предписаний христианской религии, в частности — терпение, смирение.

ние, а секунду спустя Кавэнэф получил сильнейший удар кулаком в левый глаз от шерифа, в то время как священник наносил такой же удар по правому глазу Тома Крабба. Оба профессионала готовы были убить нападающих, но те, избегая атак и делая прыжки и скачки с ловкостью настоящих обезьян, не попали ни под один из направленных на них ударов.

Вот тогда восхищенные зрители зааплодировали (заметим, там присутствовали только знатоки) Винсенту Брюку и Гуго Хюнтеру и закричали громкое «ура» в честь обоих.

Методист обнаружил редкую методичность в манере дубасить и, сделав Тома Крабба кривым на один глаз, едва не выбил у него и второй. Вскоре появились полицейские, и публика без промедления очистила зал. Так закончилась эта незабываемая встреча к чести шерифа и священника, действовавших во имя закона и во имя религии.

А Джон Мильнер привез Тома Крабба со вздутой щекой и с подбитым глазом обратно в Филадельфию, где оба они заперлись в своей комнате и, преисполненные стыда, стали ждать прибытия очередной телеграммы.

ГЛАВА IX

Двести долларов в день

Разочарованный, разозленный скептическими ответами шерифа, мистер Титбюри ушел из полицейского управления и вернулся к миссис Титбюри.

— Ну что, Герман,— обратилась она к нему,— нашли жулика, Инглиса?

— Он — не Инглис,— ответил Титбюри, в изнеможении опускаясь на стул,— его зовут Билл Аррол...

— Мерзавец арестован?

— Будет.

— Когда?

— Когда смогут поймать...

— А наши деньги? Наши три тысячи?..

— Я не дал бы за них и полдоллара!

Госпожа Титбюри, в свою очередь, упала на стул: все погибло! Но эта сильная женщина скоро встала.

— Что же делать? — спросил муж в полном отчаянии.

— Ждать,— ответила она.

— Но чего? Чтобы этот бандит Аррол...

— Нет, Герман, ждать телеграммы от нотариуса Торнброка.

— Но как же с деньгами?

— Есть время их выписать, даже если нас отошлют на окраину Соединенных Штатов.

— Что меня вовсе не удивило бы!

— Следуй за мной,— решительным тоном заявила госпожа Титбюри, и они, выйдя из гостиницы, направились на телеграф.

Понятно, весь город знал уже о несчастье, постигшем чету Титбюри, но не нашлось ни одного, кто посочувствовал бы им. Не говоря уж о том, что никто и не подумал держать пари за людей, на которых сыпалось столько неприятностей, за игроков, топтавшихся после двух тиражей только в четвертой клетке. Изучая карту, миссис Титбюри рассчитывала на десять очков, число, которое нужно было бы удвоить в четырнадцатой клетке, занятой штатом Иллинойс. Тогда одним скачком они перенеслись бы в двадцать четвертую, штат Мичиган — соседний с Иллинойсом. Это был бы самый удачный удар игральными костями, какой только можно пожелать. Совершится ли он только?

В девять часов сорок семь минут телеграмму вынули из аппарата и... И надо быть объектом какого-то дьявольского невезения, чтобы получить не четыре и не шесть, и не сколько угодно, а именно пять очков! Перейдя на девятую клетку (штат Иллинойс), игрок обязан был немедленно передвинуться еще на пять очков вперед и опять попадал в Иллинойс, а если к четырнадцати еще прибавить пять, то получим девятнадцать. Таким образом, утроенные пять очков прямехонько вели в квадрат, отмеченный «гостиницей».

Мистер и миссис Титбюри возвращались в отель походкой людей, получивших сильный удар по голове. Их сопровождали насмешки зевак.

— В Луизиану! В Новый Орлеан! — повторял мистер Титбюри и в отчаянии рвал на себе волосы.— Какие же мы гупцы, что решились метаться по всей Америке.

— И мы будем метаться дальше,— объявила миссис Титбюри, скрестив на груди руки.

— Как... Ты думаешь...

— Думаю ехать в Луизиану.

— Но ведь это по меньшей мере тысяча триста миль!

— Мы их сделаем.

— Придется платить штраф в тысячу долларов!

— Уплатим.

— Нам нельзя участвовать в двух ходах матча!

— Мы в них не будем участвовать.

— Но пробыть в Новом Орлеане около сорока дней... а жизнь в нем безумно дорога.

— Все равно мы туда едем.

— У нас уже нет денег...

— Мы их выпьем.

— Но я не хочу...

— Я хочу!

— И, в довершение всего,— вспомнил мистер Титбюри,— мы не имеем права выбрать себе гостиницу по своему желанию.

Действительно, после слов: «девятнадцатая клетка, Луизиана, Новый Орлеан», в злосчастной телеграмме стояло: «Эксельсиор-отель». Какова бы ни была эта гостиница — первого разряда или последнего,— именно на нее указал покойник, и приходилось подчиняться.

— Значит, мы отправимся в «Эксельсиор-отель»,— сказала миссис Титбюри.

На календаре стояло второе июня, а голубому флагу надлежало явиться за телеграммой только пятнадцатого июля. Но нужно помнить, что кто-нибудь из «семи» в один прекрасный день мог быть послан туда на смену мистеру Титбюри, поэтому супругам лучше бы поскорее занять девятнадцатую клетку и сидеть там, дожидаясь счастливого случая.

Получив денежный перевод из чикагского банка, мистер и миссис Титбюри покинули Грэйт-Солт-Лейк-Сити пятого июня при полном равнодушии местного населения и не получив от шерифа обещанного кончика веревки. Поезд повез их через штат Вайоминг к Шайенну и оттуда через штат Небраска в Омаху. Там из экономии путешественники пересели на пароход и по главному притоку Великой реки¹ добрались до Канзаса, а потом до Сент-Луиса, который стоит немного ниже впадения Миссури в Миссисипи, через которую как раз в Сент-Луисе перекинута два моста.

Беликая американская река, длина которой превышает четыре тысячи пятьсот миль, не раз меняла свое название. Миси Сипи, то есть Большая Вода — так ее называли на своем языке алгонкины, одно из индейских племен Северной Америки, затем испанцы дали ей название Рио-дель-Спирито-Санто (Река Святого Духа). В середине XVII века путешественник Кавелье де ла Саль назвал ее Кольбер, а исследователь Жолье дал ей имя Бюад. И наконец, под поэтическим пером Шатобриана² река стала называться Месшасебе. Но многочисленные названия были вытеснены самым первым —

¹ Главный приток Миссисипи — река Миссури. Длина Миссисипи от истоков Миссури 6420 км; длина Миссури — 4740 км.

² Ш а т о б р и а н Франсуа Рене (1768—1848) — известный французский писатель.

Миссисипи. Так называемая промышленная Миссисипи начинается на склоне горы Сент-Луис, выше шумных водопадов Сент-Антуана. Кроме основных притоков — Миссури, Арканзаса, Ред-Ривера, Иллинойса и Огайо, в нее вливаются воды Миннесоты, Терки, Айовы, Чиппевы, Висконсин и других больших и малых рек.

В Сент-Луисе пассажиры пересекаются на другое судно.

Пароход «Блэк-Уорриор» принял на борт чету Титбюри и поплыл вниз по течению «Большой Воды». Мистеру и миссис Титбюри предстояло плыть вдоль речной границы шести штатов, не считая Луизианы — конечной цели путешествия. На правом берегу останутся Миссури и Арканзас. На левом — Кентукки, Теннесси и Миссисипи.

Проплывая между штатами Миссури и Иллинойс, путешественники могли видеть высокие меловые скалы высотой в шестьдесят туазов. Ниже устья Огайо, начиная с города Кейро, характер местности совершенно меняется. Равнина Миссисипи становится очень широкой, и при виде многочисленных рукавов, разветвляющихся вокруг островов, можно подумать, что Великая река уже пытается образовать дельту.

«Блэк-Уорриор» осторожно скользил среди многочисленных островов, не отличающихся устойчивостью. Некоторые изменяют свой облик или уносятся течением во время половодья на новые места, а другие образуются из наносных песков. Вот как описывает эти места Элизе Реклю: «Вся область низменных равнин, простирающаяся к западу от Миссисипи ниже города Кейро, на пространстве 200 км с севера на юг усеяна озерами и болотами, перерезана ленивыми речками, которые останавливаются перед малейшим препятствием. Обыкновенно повторяют, что эти полузатопленные земли, известные под именем «Провалившейся страны» (Sunk Country), вдруг опустились во время землетрясения 1812 года, разрушившего Новый Мадрид, который испанцы основали на правом берегу Миссисипи». И все же можно предположить, что даже до землетрясения равнина «Провалившейся страны» представляла сеть озер и болот, внутреннюю дельту реки с тысячами рукавов. Вот почему навигация по Миссисипи доставляет большие трудности, с которыми, однако, хорошо справляются искусные лоцманы штата Луизиана.

Супруги Титбюри проплыли Мемфис, важный город штата Теннесси, затем Хелену¹, расположенную на холме, потом, миновав устье Арканзаса, путешественники попали в места, похожие на «Провалившуюся страну», в край стоячих вод и

¹ Не следует путать с Хеленой (Хелиной) в штате Монтана.

болот с зыбкой почвой, поглотившей когда-то деревню Наполеона¹. В Виксберге, одном из промышленных городов штата Миссисипи, пароход не останавливался, потому что русло реки в результате сильнейшего разлива отклонилось от города на несколько миль к югу. Берега здесь представляют невысокие песчаные холмы и откосы, изрытые течением реки.

Наконец, в трехстах милях от моря, «Блэк-Уорриор», миновав устье Ред-Ривер (Красной реки), пересек границу штата Луизиана. Там kloкотали водопады. Но благодаря тому, что уровень воды достигал своей средней высоты, «Блэк-Уорриор» мог продолжать путь, не рискуя сесть на мель.

После Натчеза до самого Орлеана не встречается мало-мальски крупных городов, если не считать Батон-Ружа. Дальше городка Доналдсонвилла места уже совсем пустынные. «Вид Миссисипской долины,— пишет Элизе Реклю,— с ее живой рекой посередине и ее угасшими реками по бокам, показывает, что могучий поток постоянно описывал в своем движении волнообразную линию, делая изгибы вправо и влево. Эта подвижность реки, которую можно сравнить со змеей, развертывающей свои кольца, объясняет вид берегов. Только тот, кому случалось путешествовать в девственных лесах, может составить себе понятие о тишине, царствующей на берегах Миссисипи в средней части ее течения. Леса, острова, поросшие ивняком, песчаные мысы сменяются одни другими с приводящим в отчаяние однообразием, и можно плыть целые дни, не видя на берегу никаких следов пребывания человека».

Слияние Ред-Ривер с Миссисипи обозначает начало Миссисипской дельты. Здесь от разливов защищаются высокими насыпями. Правда, северо-западнее устья «Красной реки» более высокие места не страдают от наводнений и способны производить различные сельскохозяйственные культуры. Луизиана знаменита плантациями сахарного тростника и цитрусовых, в ее нетронутых дремучих лесах живут медведи, пантеры, дикие кошки, а многочисленные речки служат обиталищем аллигаторов.

Штат Луизиана, проданный Первой империей американцам за 20 миллионов франков², занимает тридцатое место в федеральной республике. Население его, черное в большинстве, превышает миллион сто тысяч человек. Его столица Ба-

¹ Э. Реклю упоминает эту деревню в своей «Всеобщей географии»: «Одна деревня, по имени Наполеон, лежавшая на южном берегу Арканзаса при впадении его в Миссисипи, исчезла, и теперь показывают, посреди миссисипского потока, место, где она находилась».

² В 1803 году Франция продала Луизиану Соединенным Штатам Америки за 20 млн. франков.

тон-Руж, в которой сосредоточены все законодательные учреждения Луизианы, в сущности, представляет собой большое поселение, в котором живут десять с половиной тысяч американцев. Но он находится в местности со здоровым климатом, чего нельзя не ценить здесь, в нижнем течении Миссисипи, где жители страдают от эпидемий желтой лихорадки.

Через пять дней Новый Орлеан принял в свои стены чету Титбюри. Выйдя из вокзала, мистер и миссис Титбюри увидели великолепное ландо¹, ожидавшее, по-видимому, кого-то из пассажиров «Блэк-Уорриора». Каково же было их изумление, когда к ним подошел чернокожий лакей и спросил:

— Мистер и миссис Титбюри, если не ошибаюсь?

— Они самые,— ответил мистер Титбюри.— А что вам от нас нужно?

— Экипаж к вашим услугам.

— Мы не заказывали.

— В «Эксельсиор-отель» иначе не приезжают,— ответил с поклоном лакей.

— Хорошенькое начало! — прошептал мистер Титбюри и тяжело вздохнул.

Приехав на Каналь-стрит, они остановились перед нарядным зданием — дворцом, в полном смысле слова. Вестибюль его был залит яркими огнями. Выездной лакей соскочил с козел и поспешно открыл дверцы экипажа. Важный мажордом во фраке повел ослепленных и растерянных супругов в отведенное им помещение.

Утром они проснулись при мягком свете электрического ночника. Светящийся циферблат дорогих стенных часов показывал восемь. У изголовья кровати они увидели ряд электрических кнопок, которые ждали, чтобы их коснулись пальцы: тогда в комнату явится горничная или лакей. Другие кнопки заказывали ванну, утренний завтрак, газету и дневной свет. Именно на нее и нажал крючковатый палец миссис Титбюри.

В ту же минуту плотные шторы окон механически поднялись, наружные ставни опустились, и снопы солнечных лучей ворвались в комнату. Мистер и миссис Титбюри молча взглянули друг на друга. Они не осмелились произнести ни единого слова, боясь, как бы оно не обошлось им в несколько долларов. Роскошь обстановки была исключительная, безумная: дорогая мебель, дорогие портьеры, ковры, штофные, очень дорогие обои.

Встав с постели, чета прошла в будуар, где царил необыкновенный комфорт: умывальники с кранами холодной, горя-

¹ Ландо — четырехместная карета с открывающимся верхом.

чей и теплой воды, пульверизаторы, готовые наполнить воздух своими нежно пахнущими брызгами, мыло всех цветов и запахов, губки исключительной мягкости, белоснежные полотенца.

Им была предоставлена целая квартира: столовая, в которой стол сверкал серебром; гостиная с драгоценной люстрой, картинами больших мастеров, художественной бронзой, с портьерами, тисненными золотом; дальше кабинет хозяйки, в котором стояло пианино с лежавшими на нем нотами, стол с модными романами и альбомами фотографий штата Луизиана, а рядом — кабинет, где красовались целые груды новейших журналов и газет, шкатулка с письменными принадлежностями и даже маленькая пишущая машинка.

— Но ведь это точно пещера Али-Бабы! — вскричала миссис Титбюри, совершенно потрясенная тем, что увидела.

— И нужно полагать, что сорок разбойников здесь тоже где-нибудь поблизости, — прибавил мистер Титбюри, — а вернее, даже целая сотня!

— Позвони, Герман, — могла только произнести миссис Титбюри.

Супруг нажал кнопку, и джентльмен во фраке и белом галстуке появился в дверях гостиной.

В изысканных выражениях он передал приветствие от управления «Эксельсиор-отеля» и его директора, польщенных тем, что их посетил милейший третий партнер великой национальной игры. Очевидно, мистер располагает свободным временем и решил провести его в Новом Орлеане, в обществе своей почтенной супруги. Администрация гостиницы примет все меры, чтобы окружить их комфортом и всевозможными развлечениями. Кухня английская, американская или французская — по желанию; вина лучших заморских погребов. Ежедневно в распоряжение известного чикагского богача предоставлялся экипаж; элегантная яхта всегда готова для экскурсий по реке Миссисипи или по озерам Борн и Пон-Шартрен. Для дорогих гостей абонирована ложа в опере, где как раз гастролировала французская труппа, пользовавшаяся громкой известностью.

— Сколько? — перебил джентльмена мистер Титбюри.

— Сто долларов.

— В месяц?

— В день.

— И с каждого человека, не правда ли? — вмешалась в разговор миссис Титбюри.

— Да, сударыня.

Вот куда привела их несчастливая звезда! Но покинуть

«Эксельсиор-отель» значило бы быть исключенным из партии — и отказаться от всякой надежды получить в наследство миллионы покойного.

— Едем! — вскричал мистер Титбюри, едва только мажордом вышел из комнаты. — Берем чемодан и возвращаемся в Чикаго!.. Я не останусь здесь ни одной минуты, зная, что каждый час стоит восемь долларов!

— Останешься, — сказала миссис Титбюри.

Город Круассан¹, как называют еще Новый Орлеан, был основан в 1717 году на самом изгибе великой реки, в сорока пяти лье от ее устья. Этот город обслуживается девятью железнодорожными линиями, и тысяча пятьсот пароходов делают рейсы по его водным путям. Перейдя восемнадцатого апреля 1862 года на сторону южан, он вынес шестидневную осаду войск адмирала Фаррагута и был взят генералом Батлером². В громадном городе с населением в двести сорок две тысячи душ, где смешаны французы, испанцы, негры, англичане и англо-американцы и в котором тридцать два сенатора и девяносто семь депутатов, в городе, представленном в Конгрессе четырьмя членами и служащем местопребыванием католического епископа (и это среди баптистов³, методистов и представителей епископальной церкви⁴) — в самом, так сказать, сердце штата Луизиана вынуждены провести целый месяц супруги Титбюри, вырванные из своего чикагского дома. Но раз уж преследовавший их злой рок требовал этого, то разумнее было бы не отказываться от услуг, которые входят в ежедневную плату. Так, по крайней мере, рассуждала госпожа Титбюри.

С того дня за ними ежедневно приезжал великолепный экипаж. Они катались в самых элегантных кварталах с восхитительными виллами и коттеджами, окруженными густой зеленью апельсиновых деревьев и цветущих магнолий. Так про-

¹ Круассан (*фр.* le croissant) — серп луны: такую форму в своем основании имел Новый Орлеан.

² Имеется в виду эпизод гражданской войны, когда адмирал Дэвид Глазго Фаррагут (1801—1870), находясь во главе флотилии северян, проник в устье реки Миссисипи, добился капитуляции фортов, разбил флотилию конфедератов-южан и содействовал генералу Батлеру во взятии их столиц — Нового Орлеана 1 мая 1862 года.

³ Баптисты — одна из наиболее распространенных сект христианской религии. Возникла в Англии в XVII веке. Баптисты требуют крещения в сознательном возрасте, отвергают многие обряды и догматы христианской церкви. В США первая община возникла в Род-Айленде, в 1639 году. Ныне это вторая церковная организация в стране после католической церкви.

⁴ Епископальная церковь — то же, что англиканская церковь, одна из протестантских церквей, в культе и организации которой многое сохранилось от католицизма; является государственной церковью в Англии.

гуливались они по насыпям шириной в пятьдесят туазов, которые защищают город от наводнений, по набережным, вдоль которых в четыре ряда стояли пароходы — буксирные, парусные и каботажные¹ суда, ежегодно перевозившие до миллиона семисот тысяч кип хлопка. Чаше всего чета Титбюри появлялась на улицах Ройяль и Сан-Луи, крестообразно перерезающих французский квартал. И какие там очаровательные дома с зелеными ставнями и просторными двориками, с журчащими водами бассейнов и какое множество редких цветов! Как настоящие туристы, они посетили Капитолий — старое здание, превращенное во время войны Севера и Юга в законодательное учреждение, с палатами сенаторов и депутатов. Управление «Эксельсиор-отеля» позаботилось, чтобы гости увидели все достопримечательности города: университет, собор в готическом стиле, здание таможни, Ротонду с ее громадным залом. Там читатель найдет замечательную коллекцию книг, праздный путешественник — художественную галерею, а биржевик — очень оживленную биржу. На элегантной паровой яхте Титбюри совершили прогулки по тихим водам озера Пон-Шартрен и по реке Миссисипи. Любители оперы видели их в ложе, где они тщетно старались уловить своими ушами (не способными воспринимать никаких музыкальных звуков) гармонию оркестровой партии.

Так проходили дни, точно в каком-то сне. Мистер Титбюри больше не пытался спорить со своей властной супругой, готовой ради состояния чикагского богача пожертвовать своим собственным. Раз уж их посадили в эту золотую клетку, они склюют все, что предлагается за двести долларов в день. На роскошно сервированном столе они не оставляли ни крошки от бесчисленных блюд, с риском нажать себе болезни и расширение желудка в приближавшиеся годы старости.

Прошло две недели, ни один из партнеров не явился на смену господину Титбюри. Казалось, о нем все забыли.

ГЛАВА X

Странствования Гарри Кембэла

В Южной Каролине Гарри Кембэл получил телеграмму, сообщавшую, что удвоенная десятка препровождала его из двадцать второго квадрата в сорок второй (штат Небраска), выбранный покойным Гиппербоном для «лабиринта». Попавший туда партнер должен уплатить двойной штраф, а затем

¹ Каботаж — судоходство между портами одной страны.

вернуться на двенадцать клеток назад, в штат Вашингтон. Сторонники Гарри Кембэла, во множестве собравшиеся в почтовом отделении, были поражены — репортер едва не лишился завоеванного им положения любимца матча. Но Гарри Кембэл моментально успокоил всех заинтересованных в его удаче.

— Э, друзья мои,— вскричал он,— не приходите в отчаяние! Вы ведь знаете, длинное путешествие меня не пугает. Перебраться из Чарлстона в Небраску и из Небраски в Вашингтон можно в два прыжка, а у меня впереди целых две недели, чтобы отмахать всего четыре тысячи миль!.. Что же касается штрафа — его внесет кассир редакции, и тем хуже для него, если он сделает это с недовольной гримасой!.. Отодвинуться на какие-то двенадцать клеток — да здесь не о чем и говорить! В два счета нагоню все, что случай у меня отнял!

Как не чувствовать абсолютного доверия к человеку, который так в себе уверен! Как бы то ни было, выехать из Чарлстона следовало в тот же вечер, что и сделал зеленый флаг при громких «ура» восторженных поклонников. Они явились к отходу поезда, вскоре стремительно унесшегося вперед через равнины Южной Каролины.

Гарри Кембэл пересек штат Теннесси и пятого числа вечером прибыл в Сент-Луис. Боясь потерять слишком много времени, если дальше плыть по Миссури вверх до Омахи, он продолжал путь по железной дороге и, проехав Канзас-Сити — важнейший центр штата Небраска, прибыл в Омаху. Здесь и застала его телеграмма, посланная вслед секретарем редакции газеты «Трибюн». В ней по дням были расписаны все этапы пути с расчетом приехать в столицу штата Вашингтон — Олимпию, в полдень восемнадцатого июня. В конце приписка:

Просят Гарри Кембэла экономить время, которого немного, и не забывать, что в редакции хранятся большие суммы, вложенные держателями пари за зеленый флаг.

Ничего не оставалось, как строго придерживаться данных указаний. Репортер взял билет до Джулсберга, расположенного близ границы Колорадо, неподалеку от Саут-Платт. На этот раз журналист имел осторожность не объявлять свой маршрут. Но в Джулсберге ему не удалось сохранить свое инкогнито — карета ожидала уже его прибытия. Правда, сторонники Гарри сами понимали, что его ни под каким видом нельзя задерживать, что у него каждый час на счету. Поэтому, встретив на перроне своего кумира, они советовали ему немедленно отправиться в дальнейший путь. Двенадцать англо-американцев вызвались его сопровождать, что было очень

кстати — в здешних местах еще встречались как четвероногие, так и двуногие хищники.

Небраска по размерам своей площади занимает пятнадцатое место в Америке. Платт — или Небраска-Ривер — пересекает его с запада на восток и впадает в реку Миссури, в городе Платт-Сити. В пятидесяти милях от него, на берегу Миссури, расположился Небраска-Сити, служащий портом столице штата Линкольну (он стоит на некотором удалении от реки). Штат Небраска, более земледельческий, чем промышленный, находится в периоде своего расцвета, поэтому население там год от году увеличивается.

Гарри Кембэл мог лишь пожалеть, что путешествовать придется не верхом, а в почтовой карете. Здесь, в Небраске, на территории Грейт-Бенда (впервые исследованной в 1857 году Уорреном, а позже, в 1865 году, Колем), нет недостатка в равнинах и лугах, и вы бы посмотрели, каким аллюром помчалась карета после того, как ее перевезли на пароме через реку Платт! Миновав Форт-Гратон, она покатила по совершенно ровным, гладким дорогам!

Этот экипаж представлял собой трансконтинентальный дилижанс компании «Уэллс и Фарго», обслуживавшей в прежние времена федеральную территорию, и напоминал собою нечто вроде рыдвана, окрашенного в ярко-красный цвет. Девять пассажиров разместились по трое на скамейках — передней, средней и задней, причем каждая из них была снабжена ремнями, чтобы поддерживать смелых путешественников. Четвертый партнер и восемь его почитателей уселись внутри экипажа, с тем чтобы по очереди уступать свои места остальным спутникам, из которых двое поместились на задних наружных сиденьях и двое — рядом с кучером.

Собственно, дорог здесь не было, а только колеи — следы проезжавших фургонов. Да разве они нужны в этих нескончаемых равнинах! Время от времени встречались речки вблизи небольших озер Раймонд и Коол, речки Бурдмен и Ниобрара-Ривер, которые переезжали вброд, а также поселки, где проезжавших ждали свежие почтовые лошади.

Вечером восьмого июня, после переезда, длившегося сорок часов, карета доехала до округа Мовэзз-Терр. Там совершенно отсутствовали деревни и дома, — одни только луга, где распряженные лошади могли пастись в полное свое удовольствие. Что касается Гарри Кембэла и его компании, то о них пусть не беспокоится читатель: в ящиках с провиантом лежали превосходные консервы, а произносимые тосты не страдали от недостатка виски и джина.

После ночи, проведенной в кущах зеленых деревьев, путе-

шественники оставили карету на попечение возницы, а сами вышли прогуляться по дикой долине. О, как прав был Уильям Гиппербон, избрав этот район Небраски для «лабиринта»!

У последних отрогов Скалистых гор, покрытых, точно щетиной, хвойными лесами, замечается резкое понижение почвы. На площади шириной в тридцать шесть миль и длиной в восемьдесят пять, до самой границы со штатом Дакота, со всех сторон виднеются горные цирки¹ с их бесчисленными пирамидами, остриями и зубцами. Это царство Bad Lands — негодных земель — представляет настоящий лабиринт, притом один из наиболее запутанных. На пространстве во много тысяч квадратных миль устремляются ввысь колонны и башни его призматических скал. Там и сям вы точно видите крепости, бастионы, замки красно-кирпичного цвета, резко вырисовывающиеся на белой поверхности почвы. В этой части Северной Америки особый мир. Можно представить, как в доисторические времена по ней двигались необозримые стада слонов, мамонтов, гигантских мастодонтов². Их кости находят и теперь еще, причем некоторые из них хорошо сохранились, потому что окаменели.

Кажется вполне допустимой гипотеза о том, что вся эта площадь с пониженным уровнем почвы была наполнена когда-то водами, стекавшими со Скалистых гор и Блэк-Хилла. И вот постепенно этот опустошенный резервуар превратился в «костехранилище», в котором количество ископаемых останков превосходит всякое воображение. Но современные животные — бизоны, длинношерстные быки, длинноногие овцы и грациозные антилопы — с трудом находят себе пропитание, поэтому хорошим охотникам здесь делать нечего. Гарри Кембэлу и его компаньонам не представилось случая хоть раз выстрелить по дичи. Они и ружья-то захватили с собой только для того, чтобы защититься от шаек дакотов и сиу³ или от койотов⁴, этих волков прерий (их вой был слышен в предыдущую ночь).

Углубляться далеко по извилинам Мовэз-Терр не имело смысла. Четвертому партнеру достаточно появиться собственной персоной у входа в этот лабиринт и зарегистрировать свое присутствие каким-нибудь документом. Его составил

¹ Горные цирки — естественные чашеобразные выемки на склонах гор.

² Мастодонт — огромное вымершее животное, близкое к слону.

³ Дакоты, сиу — индейские племена.

⁴ Койоты — луговые волки, или волки прерий. Хищные животные из семейства собак. Встречаются в западной части Северной Америки — от Канады до Мексики.

сам Гарри Кембэл, а двенадцать попутчиков поставили двенадцать подписей. Еще раз закусили в тени деревьев — произнесенные тосты были так же многочисленны, как и шумны. Гарри Кембэл имел все основания быть довольным. Его сторонники его не оставят. Они забыли, они хотели забыть, что переехать из Небраски в штат Вашингтон значило сделать несколько шагов назад, если не на карте Соединенных Штатов, то, по крайней мере, на карте покойного Гиппербона. Действительно, если Кембэл вернется в тридцатую клетку, то впереди него окажутся и Макс Реаль (сорок четвертая клетка), и Х. К. Z. (сорок шестая), и Том Крабб (сорок седьмая).

В три часа пополудни Гарри Кембэл с компанией, весьма оживленной после грога с виски, отправился дальше. На следующий день около десяти часов утра они вернулись в Джулсберг-Джанкшен. Через час прибывал поезд, который делал здесь десятиминутную остановку. По этой железнодорожной линии уже путешествовали и Макс Реаль, отправляясь в Шайенн, и Герман Титбюри — в Грейт-Солт-Лейк-Сити, и коммодор Уррикан — в Долину Смерти. Репортеру «Трибюн» предстояло проехать поездом до самого Тихого океана — через Вайоминг, Юту, Неваду, Калифорнию.

Десятого числа Гарри Кембэл сел в вагон, а ночью с одиннадцатого на двенадцатое вышел в Сакраменто свежим и бодрым, в прекрасном настроении и, как всегда, всем довольный. Журналиста ждал самый радушный прием, но никто не пытался его удерживать: все знали, что поезд в штат Вашингтон уходил в час пополудни. Среди встречавших впереди всех стоял корреспондент газеты «Трибюн» Уилл Уолтер.

— Меня известили, что вы должны приехать сегодня, — сказал он, — и я искренне поздравляю вас с прибытием без малейшего опоздания.

— Действительно, дорогой товарищ, — ответил Гарри Кембэл, — ни единого запоздания на протяжении всего пути между Чарлстоном и Сакраменто, надеюсь, так же будет и от Сакраменто до Олимпии.

— Весьма жаль, но сообщение на отрезке Шаста — Розберг на короткое время прервалось, зато на станции Шаста, будьте спокойны, вы найдете готовых лошадей. Проводник укажет самый короткий путь в Розберг, а дальше — опять поездом по Южной Тихоокеанской линии до Олимпии.

— Мне не остается ничего другого, как благодарить вас за любезность, коллега...

— Совершенно не за что, это я должен благодарить, потому что сделал ставку...

— Какую именно? — живо спросил журналист.

— Один против пяти.

— Итак, дорогой собрат, позвольте мне пять раз пожать вашу руку в знак искренней благодарности...

— Десять, если хотите. Теперь — счастливого пути...

Паровоз дал свисток, поезд тронулся и исчез в северном направлении. Но, к большому огорчению репортера, он останавливался на каждой станции — и в Ивенге, и в Уэдленде. Правда, дорога все время шла в гору — район верхней Калифорнии лежит на значительной высоте над уровнем моря. Поезд остановился в Мэрисвилле, городе, который, подобно городам Оровиллу и Плэсервиллу, теперь заброшен, после того как золотоискатели опустошили все его «карманы» (теперь эти неугомонные люди отправились на Аляску). Правда, Мэрисвилл еще пытается противостоять упадку и запустению, потому что его местоположение — при слиянии рек Юба и Физер — позволяет ему вести довольно оживленную торговлю с городами этого района.

Четвертому партнеру приходилось еще считаться с остановками в Грайдли, Нельсоне, Чико и Техаме, где постепенный, но все более ощутимый подъем требовал от паровоза немалых усилий в ущерб его быстроходности. Словом, лишь на следующий день, тринадцатого июня, в восемь часов утра поезд остановился в городе Шаста. Теперь оставалось только пять дней, чтобы добраться до Олимпии, из которых четыре уходили на путешествие верхом со скоростью двадцать пять миль в двадцать четыре часа (ничего невозможного в этом, конечно, нет, но очень утомительно для лошадей и седоков).

Три лошади ожидали перед подъездом станции, из которых одна предназначалась Гарри Кембэлу, а две другие — проводнику и молоденькому конюху. Излишне говорить, что репортер владел в совершенстве искусством верховой езды, так же как и всеми другими видами спорта.

Проводник, по имени Фред Вильмот, выглядел здоровым, сильным человеком лет сорока.

— Вы готовы? — спросил его Гарри Кембэл.

— Готов.

— И мы успеем?

— Да, если вы хороший ездок. На почтовых потребовалось бы времени вдвое больше.

— Я за себя отвечаю.

— В таком случае — едем!

Лошади понеслись крупной рысью. Дорога шла вдоль правого берега реки Сакраменто. На одной ферме они отдохнули и продолжали путь до Бетера, изобилующего минеральными источниками (которых вообще-то много в Америке). Там

путешественники остановились в маленькой гостинице и после семичасового сна отправились дальше на север, решив позавтракать в Юрика. В ста милях к востоку от него стоит вулкан Шаста с кратером на высоте двенадцати тысяч футов. Эта гора с ее розоватыми потоками лавы, усеянными мелкими льдинами, «точно бриллиантами», как выразился один восторженный путешественник, считается одной из самых красивых в Соединенных Штатах. Но Гарри Кембэлу пришлось отложить свои восторги до следующего раза.

Очень обширный штат — этот штат Орегон. Не отличаясь большой населенностью, он обладает необозримыми пастбищами, а главный свой доход получает от ловли и продажи лососей, ими богаты здешние реки. Исключительное плодородие почвы в западной части штата дает возможность жителям заниматься земледелием.

В течение всего дня глаза Гарри Кембэла созерцали редкую по красоте местность. Вечером, преодолев трудный горный проход Пайлот-Рок, путники и их лошади, порядком утомленные, остановились отдохнуть в маленьком городке Джэксоне, который не надо путать с другими городами того же названия. Всего в Соединенных Штатах четыре Джэксона: один — в штате Мичиган, другой — в Миссисипи, третий — в Теннесси и четвертый — в Огайо; и еще два Джэксонвилла: один — в Иллинойсе, другой — во Флориде, в нескольких тысячах миль от Калифорнии.

Почти через сутки, к вечеру шестнадцатого июня проводник показал на видневшиеся вдаль огни Розберга. Щедро одарив долларами и горячей благодарностью Фреда Вильмота, Гарри Кембэл на заре следующего дня «впрыгнул» — по выражению самого корреспондента «Трибюн» — в первый поезд, отправлявшийся в Олимпию.

Этот поезд обслуживает города и городки богатой долины Уилламетт: Винчестер, Юджен-Сити, Гаррисберг, Олбани, обязательно останавливается в Сейлеме, столице Орегона, представлявшей собой восхитительную корзину цветов и зелени, и в Орегон-Сити, самом промышленном городе из всех благодаря мощным водопадам, которые питают его бумажные фабрики и сахарные заводы. Последним на территории Орегона был Портленд — главный торговый порт штата, расположенный на реке Колумбии недалеко от ее впадения в Тихий океан. Наконец, переехав Колумбию, естественную границу между штатами Орегон и Вашингтон, поезд остановился на правом берегу, в городе Ванкувере (его ни в коем случае нельзя путать с канадским городом того же названия). В распоряжении Гарри Кембэла оставалось не более шести

часов, но он находился теперь всего в ста двадцати милях от столицы Вашингтона.

В этом штате проживает около трехсот пятидесяти тысяч жителей, и он сейчас в полном расцвете сил. К федеральной территории присоединился в 1859 году. В его столице Олимпии есть порт, потому что она стоит на берегу залива Пьюджет-Саунд, но город Сиэтл превосходит его размерами торговли, а город Такома знаменит своими торговыми сношениями с Японией и Китаем.

Гарри Кембэл в восемь часов десять минут утра выехал из Ванкувера, надеясь закончить последний этап своего путешествия около одиннадцати утра в Олимпии. Семь станций — Холбрук, Уоррен, Калама, Стокпорт, Солена, Чилис, Сентрاليا — поезд миновал вполне благополучно и продолжал мчаться по району, орошаемому многочисленными притоками реки Колумбии. В одиннадцать часов три минуты он остановился в маленьком городке Тенино. До цели оставалось всего 40 миль, или 15 лье, когда стало известно, что в десяти милях от станции только что взорвался мост.

Для Гарри Кембэла это было смертельным ударом.

— Проклятое невезение,— вскричал он, выскакивая из вагона,— ты меня губишь в момент, когда я уже у пристани!

Трое молодых людей, ехавших тем же поездом, подошли к нему.

— Мистер Кембэл,— сказал один из них,— вы ездите на велосипеде?

— Да.

И никаких лишних слов! Сразу приступили к делу, как и подобает практичным гражданам Соединенных Штатов. Из багажного вагона выгрузили и поставили на перрон трехместный велосипед.

— Мистер Кембэл,— сказал тот же молодой человек,— один из нас уступит вам место посередине, другой поместится сзади, третий — спереди.

— Ваши имена, господа?

— Билл Стэнтон и Роберт Флок.

— А ваше? — обратился Кембэл к уступавшему свое место.

— Джон Берри.

— Итак, господа Стэнтон, Флок и Берри, примите мою благодарность — и в путь! И да защитит нас святой Сайкл, патрон велосипедистов!

Трехместный велосипед оказался машиной, вышедшей из нью-йоркских мастерских «Кэмден и К°». Он был снабжен передачей в двадцать семь футов два дюйма и отличился в меж-

дународном состязании на велодроме в Чикаго. Знаменитые велосипедисты Билл Стэнтон и Роберт Флок, уроженцы Вашингтона, были мастерами велосипедного искусства.

Несколько услужливых лиц дали машине сильный толчок, и она понеслась вперед, сопровождаемая громкими «ура». Гарри Кембэл мог бы предоставить своим спутникам везти себя, но он предпочитал присоединить к их усилиям силу своих собственных мускулов и работал ногами вовсю.

Быстроходный экипаж летел вперед, как «подмазанный гром» (чисто американское выражение), по дороге, заботливо поддерживаемой — настоящая трасса велодрома, но без виражей. Три велосипедиста ехали молча, с трубкой из гусиного пера во рту, чтобы воздух не слишком резко проникал в их легкие и в то же время облегчал дыхание через нос. Все трое отдались головокружительной езде. Колеса велосипеда вертелись со скоростью динамо-машины, приводимой в движение мощным двигателем. Велосипед увлекал за собой целое облако пыли, а когда переезжал вброд какую-нибудь речку, то вздымал столбы воды, падавшей дугообразно вниз. Сигнальный звонок, слышный далеко, обеспечивал свободный проезд, и прохожие спешили отбежать в сторону, чтобы дать дорогу «машине-молнии».

Через четверть часа (Билл Стэнтон считал секунды) первые пять лье были пройдены. Оставалось сохранить тот же темп, чтобы доехать до цели за несколько минут до полудня. Тут они услышали зловещий вой.

Роберт Флок вскрикнул так громко, что выронил из рта свою трубочку:

— Койоты!

Да! Не меньше двух десятков! Очевидно, обезумев от голода, свирепые животные мчались по дороге с быстротой, превосходящей скорость велосипеда, и вскоре его настигли.

— Есть у вас револьвер? — спросил Билл Стэнтон, ни на секунду не замедляя ход велосипеда.

— Да, — ответил Гарри Кембэл.

— Будьте готовы стрелять! И ты тоже, Флок, достань свой, а я погнался дальше. Может, сумеем перегнать эту банду.

Вскоре всем стало ясно, что это невозможно. Койоты подскакивали, следуя за велосипедом, готовые накинуться на репортера и его спутников.

Два выстрела раздались одновременно — два волка, смертельно раненные, упали и с воем стали кататься по дороге. Остальные, доведенные до полнейшего неистовства, кинулись на машину, которой удалось избегнуть толчка только

благодаря быстрому повороту, едва не сбросившему Гарри Кембэла с седла.

— Жмите! — кричал Билл Стэнтон.

Икры велосипедистов напряглись, и зубья передачи так звякнули, что можно было опасаться за их целость.

Прошло еще четверть часа — велосипед проехал еще пять лье. Койоты прыгали на колеса и царапали когтями стальные спицы. Снова раздались револьверные выстрелы. Хищников стало меньше почти наполовину, но позади оставалось еще около десятка волков. В эту минуту Гарри Кембэл, сняв руки с руля, сумел вновь зарядить свой револьвер, и шесть выстрелов обратили последних койотов в бегство.

До двенадцати часов оставалось только десять минут, когда на расстоянии двух лье гонщики увидели первые дома Олимпии.

Велосипед пролетел два лье с быстротой экспресса, влетел в город и, игнорируя все правила движения, рискуя раздавить кого-нибудь из пяти тысяч жителей Олимпии, остановился перед дверями телеграфа в тот самый момент, когда часы начали бить двенадцать.

Гарри Кембэл соскочил на землю. Совершенно обессиленный, с трудом переводя дыхание, он растолкал толпу любопытных, ожидавших прибытия четвертого партнера, и бросился в помещение почтовой конторы, когда стенные часы ударили в десятый раз.

— Телеграмма для Гарри Кембэла! — объявил телеграфный чиновник.

— Здесь! — крикнул главный репортер газеты «Трибюн» и, потеряв сознание, упал на скамейку.

Покровительствуемый святым Сайклом, он успел явиться вовремя благодаря преданности и энергии своих друзей. Господа Билл Стэнтон и Роберт Флок, сделав пятнадцать лье в сорок шесть минут и тридцать три секунды, побили рекорд скорости во всех пяти частях света.

ГЛАВА XI

«Тюрьма» штата Миссури

Лисси Вэг чувствовала себя всеми покинутой с тех пор, как было произведено последнее, такое неудачное для нее, метание костей. Вчера еще общая любимица, она уже не была ею на следующий день. Держатели пари, любители всяких бумов, поставившие на нее значительные суммы, охотно осыпали бы ее проклятиями. Несчастной грозила «тюрьма», а

партия, без сомнения, окончится раньше, чем ее оттуда освободят!

Большинство туристов покинуло отель сразу после получения телеграммы, вслед за ними уехал и губернатор штата Иллинойс. По всей вероятности, Джон Гамильтон сожалел о внимании, которое он оказывал обоим подругам. Стало понятно, что отныне «полковнику Вэг» и «подполковнику Фолей» придется играть самую незаметную роль в иллинойской милиции. Шестого июня после полудня они распростились с «Мамонт-отелем» и сели в поезд, который шел в Луисвилл.

— Милая моя Джовита,— сказала Лисси Вэг,— знаешь, что нам надо бы сделать?..

— Нет, Лисси, моя голова больше уж не работает.

— По-моему, нужно продолжать путешествие до самого Чикаго, а там вернуться к прежним обязанностям в магазинах Маршалла Филда... Разве так будет не благоразумнее?

— Да, Лисси, но... я ничего не могу с собой поделать. Предпочла бы оглохнуть, чем слышать этот голос благоразумия!

— Полно, дорогая! Для нас партия уже окончена.

— Ничего не известно, и я отдала бы десять лет своей жизни, чтобы постареть на один месяц!

Она так щедро и часто их раздавала, эти «десять лет своей жизни», что, если бы их сосчитать, они составили бы целых сто тридцать лет, пожертвованных зря. Как всегда, Джовите удалось уговорить подругу, имевшую слабость ее слушаться. Приехав в Луисвилл, девушки остановились в скромном отеле и переживали там свое горе (во всяком случае, так можно сказать о Джовите Фолей).

Прошло три дня. Все газеты, даже «Чикаго геральд», которая обыкновенно поддерживала пятую партнершу, теперь не желали ее знать. Лисси Вэг потеряла всякое значение в агентствах, где ставки на нее упали до нуля. Хотя газеты Луисвилла и сообщили, в каком отеле остановилась Лисси Вэг и Джовита, ни один репортер не явился с визитом, и если это доставило удовольствие одной, то другая была очень рассержена.

— Точно нас больше и на свете уж нет! — говорила она.

В конце концов было решено, что в этот самый вечер девушки сядут в поезд железной дороги и отправятся в Чикаго. Но в книге судеб было написано, что они еще нескоро туда вернутся. Около трех часов пополудни почтальон вошел в отель и поднялся в комнату, занятую двумя подругами.

— Мисс Лисси Вэг? — спросил он.

— Это я,— ответила девушка.

— Для вас заказное письмо, и если вы вот здесь расписаетесь...

— Дайте,— ответила за Лисси Джовита Фолей, сердце ее билось так, что она задышалась.

Она быстро распечатала конверт и вытащила из него письмо:

Прилагаю чек на три тысячи долларов, которые уплатит банк Луисвилла и которые Лисси Вэг сообразовалит принять, чтобы оплатить свой штраф по просьбе Гемфри Уэлдона.

Радость Джовиты Фолей проявилась подобно сверкающему шумному фейерверку. Она прыгала, смеялась до слез и, раздувая свою юбку, вертелась по комнате, не переставая повторять:

— Чек, чек на три тысячи долларов!! Это тот почтенный господин, который приходил нас навестить во время твоей болезни, мистер Уэлдон!

— Но,— заметила Лисси Вэг,— я, право, не знаю... могу ли я принять...

— Можешь ли? Ты должна! Мистер Уэлдон держит за тебя пари и поставил на тебя значительные суммы!.. За такого господина я бы даже вышла замуж! Ну, идем же скорей получать деньги по чеку.

Они отправились в банк, а на следующий день, одиннадцатого июня, прибыли в Сент-Луис.

Конечно, при зрелом размышлении, положение Лисси Вэг в матче Гиппербона оставалось шатким, пока кто-нибудь из партнеров тоже не попадет в «тюрьму». Но должно же это когда-нибудь произойти — если верить Джовите Фолей. Во всяком случае, Лисси Вэг теперь не будет исключена из партии из-за неуплаты штрафа.

Итак, девушки приехали в штат Миссури, о котором никто из «семерых» без ужаса не мог думать. А из двух с половиной миллионного населения Миссури ни один человек не был польщен честью, оказанной Уильямом Гиппербоном, превратившем его штат в «тюрьму». Между прочим, не считая цветных, огромное большинство в нем составляют немцы, а все знают, чего стоит патристическое самолюбие тевтона!¹

Штат Миссури — один из самых важных штатов Американской республики, по размерам своей площади занимающий семнадцатое место, пятое — по численности своего насе-

¹ Тевтоны — германские племена. Во II веке до н. э. вторглись в римские владения, в 102 году разбиты римским полководцем Г. Марием. Позднее так стали называть германцев вообще.

ления и первое — по производству цинка. Линии широты и долготы образуют его южный и западный рубежи, а на севере и на востоке границами ему служат реки Миссури и Миссисипи. Там, где сливаются их воды, стоит маленький городок Колумбия. Легко представить, в какой мере эти водные пути благоприятствуют торговле города Сент-Луиса, откуда вывозятся и зерно и мука, а также конопля (культура, которая здесь очень развита, не менее чем скотоводство и свиноводство). Нет в этом штате также недостатка в железных, цинковых и свинцовых рудах¹. В графстве Вашингтон, около северо-восточной оконечности плато Озарк, высятся «железные» холмы — Айен-Маунти и Пайлот-Кайрол высотой в триста футов. Возможно, в один прекрасный день американцы захотят превратить их в два электромагнита огромной мощности.

Штат Миссури представлял собой раньше только округ Луизианы, но в 1821 году получил автономию и вошел в состав федерации. Можно назвать не меньше одиннадцати городов штата, славящихся своей торговлей и индустрией, причем в трех из них население превышает сто тысяч жителей. Один из них — Канзас, расположенный против Канзас-Сити (штат Канзас). Как помнит читатель, этот двойной город посетил Макс Реаль в начале своего путешествия, проплывая на пароходе вниз по Миссури. Столица штата Джефферсон-Сити заслуживает того, чтобы его посещали туристы. Он размещился на одной из террас, с которой открывается вид на всю долину реки Миссури.

Но первое место, без сомнения, принадлежит Сент-Луису, основанному французами в 1764 году. Он занимает площадь в десять миль на правом берегу Великой реки. Этот город назывался когда-то Маунт-Сити, потому что его окружает целый ряд невысоких гор белого цвета. Площадь Сент-Луиса на четверть больше площади Парижа. К нему примыкают соседние города Ист-Сент-Луис, Бруклин, Кагкия и Прерридю-Порт, хотя и принадлежат штату Иллинойс.

Таков город, выбранный покойным членом «Клуба чудиков», чтобы служить «тюрьмой» участникам матча. Лисси Вэг, разумеется, не предстояло быть наказанной подобно какому-нибудь злоумышленнику: ни она, ни Джовита Фолей не будут лишены свободы. Они смогут в свое удовольствие бродить по великолепному городу, где насчитывают восемнадцать общественных парков (один из них занимает площадь в пятьсот пятьдесят гектаров).

¹ Имеются в виду две главные группы рудников: Iron Mountains в 125 км от Сент-Луиса и свинцовые и цинковые рудники, центром которых является г. Джоплин.

Лисси Вэг и Джовита Фолей взяли себе комнату в «Линкольн-отеле».

— Итак, мы наконец попали в эту ужасную «тюрьму»,— воскликнула Джовита,— и, должна сознаться, Сент-Луис производит на меня самое приятное впечатление.

— Никакая тюрьма не может быть приятна, Джовита.

— Будь спокойна, мы отсюда уедем, дорогая моя!

Ее уверенность, по-видимому, не разделяли ни держатели пари, ни маклеры различных агентств: газеты Сент-Луиса уже оповестили жителей города о пребывании пятой участницы в «Линкольн-отеле», но туда не явился ни один интервьюер.

Девушки начали знакомство с городом с роскошных магазинов. Витрины сверкали золотыми безделушками и радовали взор мехами исключительной красоты. И удивительно ли? Штат Миссури не испытывал недостатка в опоссумах¹, лисицах, оленях, ланях и диких кошках, которыми торговали местные индейцы. Там даже не вывелись еще бизоны и буйволы, огромными стадами кочующие по обширным прериям, сопровождаемые стаями голодных волков. Во всяком случае, первый день в Сент-Луисе был прожит не зря.

На другое утро, как всегда в восемь, нотариус Торнброк приступил к очередному тиражу. Оставив Лисси спокойно спать, Джовита вышла из отеля в семь, а через два часа с громким криком ворвалась в комнату.

— Освобождение!.. Милочка моя, ты освобождена!

— Что ты говоришь?

— Восемь очков, из пяти и трех... и он... он был в сорок четвертой клетке, а сейчас отослан в пятьдесят вторую.

— Да кто?

— А так как пятьдесят вторая клетка — «тюрьма», то он явится нас сменить...

— Кто он?

— Макс Реаль, душа моя, Макс Реаль!

— Бедный! — воскликнула Лисси Вэг.— Лучше бы я осталась...

— Еще что! — вскричала Джовита Фолей, подпрыгнув, как пиренейская серна.

В самом деле, последнее метание костей возвращало свободу обладательнице желтого флага. Меняясь местами с Максом Реалем, она должна отправиться в Ричмонд (штат Виргиния), а этот город всего в семистах пятидесяти милях от

¹ Опоссум — животное семейства сумчатых крыс, похожее на белку. Водится в лесах юго-восточной части Северной Америки и в Южной Америке.

Сент-Луиса. Так что на дорогу потребуется не более тридцати часов. У девушек оставалось в запасе восемь дней, но нетерпеливая Джовита уже принялась укладывать чемодан.

— Едем же!

— Нет, Джовита,— вдруг решительно ответила Лисси Вэг.— Я нахожу, что гораздо удобнее подождать мистера Макса Реалья здесь... Мы должны так поступить из участия к неудаче этого человека.

Джовите Фолей пришлось согласиться, но при условии, что будущий заключенный переступит порог своей «тюрьмы» не позже чем через три дня.

Он появился на следующий же день. О том, что пятая партнерша остановилась в «Линкольн-отеле», ему было известно из газет. Лисси Вэг, стараясь не выдавать волнения, встретила своего соперника на пороге комнаты.

— О, мистер Реаль, как мы вас жалеем!

— И от всего сердца,— прибавила Джовита Фолей, которая совершенно его не жалела.

— Да нет... мисс Вэг...— ответил молодой человек, с трудом переводя дыхание после быстрой ходьбы.— Меня совершенно нечего жалеть, раз на мою долю выпало счастье вас освободить.

— И в этом вы вполне правы! — не удержалась мисс Фолей.

— Не сердитесь на Джовиту,— прервала ее Лисси,— она не подумала, что говорит. Поверьте, мы искренне огорчены.

— Разумеется, разумеется...— подтвердила Джовита.— Впрочем, не приходите в отчаяние, мистер Реаль! Сейчас повезло нам, но то же самое может случиться и с вами! Разумеется, Тома Крабба, или коммодора Уррикана, или Германа Титбюри мы приняли бы с гораздо большей радостью, чем вас... то есть, я хочу сказать... я что-то запуталась... Во всяком случае, кто-нибудь из них в «тюрьму» попадет и вас освободит.

— Возможно, мисс Фолей,— ответил Макс Реаль,— но я смотрю на свое «заточение» с философским спокойствием. Что же касается партии, то ведь я и не рассчитывал на выигрыш.

— Так же, как я, мистер Реаль,— подхватила Лисси Вэг.

— Да нет же,— прервала ее Джовита Фолей.— Во всяком случае, я верю в твой успех.

— Я тоже надеюсь на вашу победу, мисс Вэг,— заявил молодой человек.

— А я хочу, чтоб выиграли вы, мистер Реаль,— ответила девушка.

— Однако...— сказала Джовита Фолей,— ведь не можете же вы оба выиграть...

— В самом деле, невозможно,— рассмеялся Макс Реаль,— выиграет только один. Подождем,— продолжал он,— и предоставим действовать судьбе. Да будет она к вам благосклонна, мисс Вэг!..

Безусловно, она нравилась ему все больше и больше, эта милая девушка! И Джовита Фолей, которую нельзя было упрекнуть в отсутствии сообразительности, подумала: «Но от чего же нет?.. Это только упростило бы дело, тогда будет безразлично, кто из них выиграет». О, как хорошо знала она человеческое сердце и в особенности сердце своей подруги!

Все трое принялись болтать о перипетиях партии и о местах, где они побывали, переезжая из одного штата в другой, о чудесах Йеллоустонского национального парка (о них рассказывал Макс Реаль), об удивительных пещерах в штате Кентукки (их не могли забыть Лисси Вэг и Джовита Фолей). Потом девушки поведали о щедром подарке мистера Гемфри Уэлдона, предложенном в такой форме, что не принять было нельзя. Если бы не этот счастливый случай, Лисси Вэг пришлось бы выйти из партии.

— Но кто же он, этот господин Гемфри Уэлдон? — спросил Макс Реаль, немного обеспокоенный.

— Прекраснейший и достойнейший старик,— ответила Джовита Фолей.

Следующий день Макс Реаль и девушки тоже провели вместе. Лисси не могла скрыть огорчения от неудачи, постигшей Макса Реаля, но этот последний похоже, был очень доволен, невольно оказав услугу партнерше, и действительно, за последние сутки во всех агентствах замечалось большое оживление в пользу желтого флажка. Репортеры то и дело являлись в «Линкольн-отель», чтобы интервьюировать пятую участницу, она по-прежнему отказывалась их принимать. Держатели пари изменили прежнему любимцу случая ради его новой избранницы. Теперь Лисси Вэг, попав в сорок четвертую клетку, покинутую Максом Реалем, оказалась на третьем месте после Тома Крабба и Х. К. Z.

— А что же этот субъект с инициалами? Так до сих пор и не узнали, кто он?

— Не узнали,— ответил молодой художник,— он окружен еще большей таинственностью, чем раньше.

А вообще-то ход игры меньше всего волновал двух молодых людей. Каждого из них по-настоящему интересовал только один участник матча. Но Джовита Фолей то и дело возвращалась к вопросу о партии и о предстоящих метаниях игральных костей.

— В конце концов,— сказала она,— вполне вероятно, что

при следующем тираже ты, Лисси, водрузишь желтый флаг на последней клетке.

— Невозможно, мисс Фолей, совершенно невозможно,— заявил Макс Реаль.

— Но почему?

— Потому, что мисс Вэг займет теперь мое место в сорок четвертой клетке...

— Ну и что же из этого, мистер Реаль?

— Допустим, кости выбросят десять, а удвоенное десять заставит ее, перескочив через шестьдесят третью клетку, вернуться обратно, в шестьдесят вторую. И тогда уже ей ни за что не выиграть партию — две игральные кости никогда не выбросят одно очко. Но,— продолжал художник,— есть еще один нежелательный вариант.

— Какой именно?

— Если бы кости выбросили восемь очков, снова послав мисс Вэг в «тюрьму».

— Никогда!..— вскричала Джовита Фолей.

— Ничего не имею против,— улыбнулась ее подруга,— вернусь и освобожу мистера Реаля.

— Говорю совершенно искренне, я этого не желал бы,— сказал молодой человек.

— И я тоже,— объявила пылкая Джовита Фолей.

— В таком случае, мистер Реаль,— спросила Лисси Вэг,— какое же число очков вы пожелали бы мне?

— Двенадцать, оно отослало бы вас в пятьдесят шестую клетку, в штат Индиана, а не в самые отдаленные районы Дальнего Запада.

— Великолепно! — объявила Джовита Фолей.— Тогда при следующем тираже мы у цели?

— Да, если получить семь очков,— ответил Макс Реаль.

Лисси ответила ему лишь взглядом, он выражал многое, но только не заинтересованность в победе. «Несомненно,— подумала Джовита,— он талантливый художник и его ждет блестящая будущность. Но пусть мне не говорят о скромном положении Лисси, она очаровательна, очаровательна... И не сравнить с этими дочками миллионеров, которые ездят в Европу лишь для того, чтобы сделаться титулованными особами, нимало не интересуясь, есть ли у женихов-князей княжества, а у герцогов герцогства и не разорены ли их маркизы и графы». Но, посчитав, что будет благоразумнее вернуть влюбленных на землю, она заговорила об отъезде.

Тут Макс Реаль высказал несогласие: подруги могли оставаться в Сент-Луисе до восемнадцатого июня, а завтра только тринадцатое. Лисси Вэг тоже казалось, что уезжать

немного рановато... Но она ничего не сказала. В конце концов Джовита Фолей настояла на своем. В тот же день вечером молодой человек проводил девушек на вокзал. Когда поезд тронулся, он долго еще стоял на перроне, пока последние вагоны не исчезли в ночной тьме. Игральные кости, тиражи, «тюрьма» и даже дорожные впечатления потеряли для него всякое значение, — он чувствовал себя таким одиноким!

Безусловно, не правы те, кто не желает считаться со случаем. У него не бывает привычек, зато ему свойственны капризы. Последнее наблюдение оправдалось утром четырнадцатого июня.

С девяти часов целая толпа держателей пари осаждала телеграф Сент-Луиса, чтобы узнать число очков, выпавших на долю второго партнера. Результат тиража сразу напечатали в дополнительных выпусках утренних газет: «Пять, из трех и двух, Том Крабб». А так как Том Крабб занимал сорок седьмую клетку, то пятерка отсылала его в пятьдесят вторую, то есть в Сент-Луис. «Тюрьму» должен был немедленно занять чемпион по боксу, а Максу Реалю надлежало отправиться на его место, в Пенсильванию. Во всех агентствах началось страшное смятение, а в отеле, где остановился художник, — стремительный наплыв репортеров и маклеров.

ГЛАВА XII

*Сенсационное известие для «Отдела происшествий»
газеты «Трибюн»*

Гарри Кембэл предстал в телеграфном бюро Олимпии в ту самую минуту, когда готовился прозвучать двенадцатый, последний удар часов в полдень восемнадцатого июня. В назначенный срок он был на своем посту, благодаря исключительному достижению двух профессиональных велосипедистов Билла Стэнтона и Роберта Флока. После солидной порции виски с джином сознание журналиста прояснилось, и он узнал содержание телеграммы:

Чикаго. 8 час. 13 мин. Кембэл, Олимпия, Вашингтон.
Девять, из пяти и четырех.

Южная Дакота, Янктон. *Торнброк.*

Главный репортер газеты «Трибюн» не мог пожаловаться на результат этого последнего тиража: он мог совершить путешествие в тысячу триста миль по совершенно неведомым дорогам. Заметим, кстати, что Гарри Кембэл в своей тридцать девятой клетке займет теперь четвертое место — после

Х. К. З., Макса Реаля и Лисси Вэг. Получив девять очков, он обошел коммодора Уррикана, ожидавшего в Висконсине извещения о дне своего отъезда. Что до Германа Титбюри, то ему в «золотой клетке» осталось сидеть еще двадцать восемь дней, а Тому Краббу покрываться плесенью в стенах «тюрьмы», может быть, до самого окончания партии. Нельзя сказать, чтобы Гарри Кембэл вновь обрел уверенность в ожидавшем его успехе (он ее никогда и не терял), но как никогда раньше он был увлечен своей ролью (это увлечение разделяли все его сторонники). К тому же случай играл такую важную роль в этом матче Гиппербона!

Журналист не захотел терять ни одного часа и, не дожидаясь депеши с маршрутом от заботливого секретаря «Трибюн», отправился в путь. В это время года Северная Тихоокеанская железная дорога открыта для движения (по ней, кстати, можно из Олимпии доехать до самого Чикаго). Журналисту предстояло проехать по ней через штаты Вашингтон, Айдахо, Монтана и Северная Дакота до города Фарго, который стоит на границе между Северной Дакотой и штатом Миннесота. Там он пересекает на другую ветку и поедет до Янктон. От Олимпии до Фарго — около тысячи трехсот миль, и четыреста миль от Фарго до Янктон, расположенного на юге штата Южная Дакота. Всего тысяча семьсот миль.

Обычно поезда американских железных дорог делают тысячу миль в тридцать два часа, а на некоторых даже в двадцать четыре часа. Но в данном случае приходилось считаться с переездом через Скалистые горы и возможными запозданиями. К тому же после велосипедного пробега журналист нуждался в отдыхе. В Янктоне он надеялся пожить, никуда не двигаясь до следующего тиража и набираясь сил.

От столицы Вашингтона до первых отрогов Скалистых гор около четырехсот миль, потом двести пятьдесят миль — от западного до восточного конца этой горной цепи, выходит, от Олимпии до Хелены, столицы Монтаны, около шестисот миль. Выехав из столицы Вашингтона и поднявшись на северо-восток, к городу Такоме, поезд повернул на юго-восток, к цепи Каскадных гор. Гарри Кембэл, стоя на площадке вагона, так и впился взглядом в чудные картины, проплывавшие мимо. Дорога часто спускалась в глубокие горные ущелья, где kloчуют шумные потоки, берущие свое начало на склонах Каскадных гор. Оставив за собой гору Стюарт, поезд помчался вдоль берега Колумбии. Сперва она течет с севера на юг, а потом делает крутой изгиб и бежит до самого Тихого океана, образуя южную границу штата Вашингтон. Реку украшают водопады Букленд, Гуалквил, Айлендс, Прист и семиметро-

вый «Котел» (Kettle Falls), в котором падающая масса воды кипит и пенится, точно в настоящем котле. Потом паровоз помчался зигзагами по большой Колумбийской пустыне. Там еще есть дороги, по которым в прежние времена свободно путешествовали нэперс, кер-д'ален и пюналлюпс. Остатки этих племен и теперь заселяют некоторые районы штата.

Вскоре поезд пересек восточную границу Вашингтона и оказался на территории Айдахо. Этот штат, лежащий в бассейне реки Колумбии и соприкасающийся на севере с владениями Канады, все еще изобилует лесами и пастбищами, как когда-то, до разработок его золотых приисков. Столицу штата Бойсе на берегу реки с тем же названием населяют две тысячи триста человек. Самый крупный город — Айдахо-Сити — стоит при впадении в Колумбию реки Снейк и играет важную роль в экономике южного района Айдахо. Там китайцы составляют большую часть населения (так же как и мормоны, которым отказывали в избирательном праве, пока не поклянутся, что отказались от многоженства).

За Айдахо начинается территория Монтаны. Там, в Скалистых горах, перед главным репортером «Трибюн» открылась такая панорама, что даже у него, видевшего горные пейзажи Нью-Мексико и Вашингтона, захватило дух: между оврагами и ущельями бегут на север тысячи ручьев, рек и рек, орошая обильные пастбища. Тучные стада мелкого и крупного рогатого скота и многочисленные копи — главное богатство этой страны. Климат ее слишком суров для земледелия. За пределами горной цепи на золотых, серебряных и медных приисках стоят большие города: Хелена и Бьютт (их обслуживает Северная Тихоокеанская железная дорога).

Миновав Чарлз-Форк-Ривер, а затем высокие вершины Висснер, Стивенс и пики Иглс, Гарри Кембэл оказался в центре гористой страны. Надо было обладать смелым гением американцев, чтобы пустить по такому району. Проложить здесь путь еще сложнее, чем там, где проходит Центральная Тихоокеанская железная дорога, то есть на четырехста миль южнее. Гарри мог сравнить эти магистрали между собой — Северная производила гораздо более сильное впечатление.

Пока журналист неотрывно следил за меняющейся панорамой волшебного царства гор, в атмосфере все усиливалось электрическое напряжение. Когда тяжелые тучи уже закрыли все небо, его прорезала первая молния. Гроза в горах — совсем не то, что на равнине, это поистине грандиозное явление! Нередко она сопровождается бурями, надолго приковывающими местных жителей к дому. И хотя поездкам ничего не

угрожает (электрический ток находит свободный выход через рельсы), все равно страшный блеск непрерывных молний, ужасающие раскаты грома, повторяемые эхом и превращенные в нескончаемый гул, наводят настоящий ужас на путешественников. Молнии, попадающие в скалы, и деревья вдоль железнодорожного пути, громадные камни, отколовшиеся от скал и образующие целые лавины, перепуганные дикие звери — буйволы, антилопы, олени, лани, медведи, разбегающиеся в разные стороны, — все это создает ни с чем не сравнимое зрелище. И вот тогда-то репортеру «Трибюн» представился случай сделать удивительное открытие из области зоологических исследований Скалистых гор.

Около пяти часов дня, когда поезд медленно поднимался по очень крутому горному склону, в самый разгар страшной грозы Гарри Кембэл стоял на площадке вагона (остальные пассажиры не решались покинуть свои скамейки). Внезапно он увидел на дороге великолепнейшего медведя из породы черно-бурых гризли. Зверь шел на задних ногах вдоль железнодорожного пути, перепуганный борьбой стихий, которая всегда производит такое сильное впечатление на зверей. Неожиданно этот представитель стопоходящих, ослепленный яркой молнией, поднял свою правую лапу, поднес ее ко лбу и поспешно перекрестился... «Медведь, который осеняет себя крестным знаменем! — вскричал Гарри Кембэл. — Но это невозможно! Мне показалось».

Нет, он разглядел очень хорошо. При ослепляющем блеске молнии гризли, проявляя все признаки страха, несколько раз осенил себя крестным знаменем.

Поезд ускорил ход, и медведь остался позади. А репортер немедленно записал в своей записной книжке: «Гризли, представитель новой породы стопоходящих. Крестится во время грозы. Назвать его Урсус Кристианус»¹.

Вскоре в газете «Трибюн» появилась одна из самых сенсационных заметок, наделавшая много шуму среди знатоков и любителей животного мира.

Миновав станции Миссула, Бонита, Дреммонд, Гаррисон и проехав длинным туннелем под горным хребтом, поезд остановился у перрона Хелены утром двадцать первого июня. Этот город, построенный на высоте тысячи футов на восточном склоне Скалистых гор, возле горной реки притока Миссури, представляет собой обширный склад добываемых в местных рудниках минералов, а его население составляет от четырнадцати до пятнадцати тысяч душ. Поезд Северной Ти-

¹ Урсус Кристианус — то есть медведь-христианин.

хоокеанской железной дороги, простояв там два часа, стал спускаться вниз, направляясь в равнины, орошаемые течением реки Йеллоустона и ее многочисленных притоков. В Монтане, по которой сейчас проезжал Гарри Кембэл, живут «плоские головы», «большие животы», «черные ноги», «вороны», шайенны, модоки. И хотя для них отведены специальные места проживания, или резервации, соседство с этими индейскими племенами и родами плохо переносится белым населением.

Двигаясь на юго-восток через Локарт и Боземан, поезд опять подошел к берегу Йеллоустона, остановился в Ливингстоне, а оттуда направился на восток, в Северную Дакоту. Наконец показалась Миссури и столица штата Эдвинтон. Немецкая часть населения предпочитает называть его Бисмарком¹. Кстати, город изолирован от внешнего мира почти как тот, чье имя (всеми презираемое) он носит и чей прах покоится в тишине кладбища Фридрихсруэ в Берлине.

Когда, миновав Бисмарк, подъехали к станции Желестоун, Гарри Кембэл мог бы пересест на поезд другой железнодорожной ветки, которая идет прямо в Янктон. Но, послушный своей фантазии, предпочел не менять маршрут и ехать дальше через Валли-Сити, Ориску и Кассилтон в город Фарго — куда и прибыл утром двадцать третьего июня. Совсем близко отсюда, в столице штата Миннесота, в городе Сент-Поле таинственный Х. К. Z. ожидал следующего тиража. При воспоминании о нем репортер «Трибюн», несмотря на всю свою самоуверенность, приходил в раздражение.

Гарри Кембэл никого не известил о своем прибытии, намереваясь провести здесь один день. Когда он в одиночестве прогуливался в окрестностях Фарго, к нему подошел субъект лет пятидесяти, небольшого роста, с острым носиком, с маленькими, мигающими глазками, в общем, далеко не симпатичной внешности.

— Милостивый государь, — обратился он к репортеру, — если не ошибаюсь, сегодня утром вы вышли из поезда Северной Тихоокеанской железной дороги?

— Да, вы не ошиблись, — ответил журналист.

— Мое имя — Хоргарт, — продолжал незнакомец. — Лен Уильям Хоргарт...

¹ Бисмарк Отто (1815—1890) — видный государственный деятель и дипломат Пруссии и Германии, первый рейхсканцлер Германской империи. Провел объединение Германии под главенством Пруссии с помощью династических войн, методом «железа и крови». Столица штата Северная Дакота в настоящее время называется Бисмарк.

— Прекрасно, мистер Лен Уильям Хоргарт! Скажите, чем могу служить?

— По всей вероятности, вы отправляетесь в Янктон? — спросил, в свою очередь, незнакомец.

— Совершенно верно, в Янктон.

— А в таком случае, разрешите мне предложить вам свои услуги.

— Ваши услуги? Какие именно?

— Еще только один вопрос: вы приехали один?

— Один ли я? — переспросил не без удивления Гарри Кембэл. — Да, один.

— Миссис с вами не поехала?

— Миссис?

— Ну, все равно... Можно обойтись и без нее... Здесь ее присутствие не является необходимым для того, чтобы развестись...

— Чтобы развестись, мистер Хоргарт?

— Ну, конечно, и я беру на себя все формальности вашего развода...

— Но для того, чтобы развестись, нужно быть женатым!

— Вы не женаты и едете в Янктон? — воскликнул Хоргарт, видимо, крайне удивленный.

— Черт возьми, кто вы такой, мистер Хоргарт?

— Я — посредник и свидетель по бракоразводным делам.

— Очень сожалею, — ответил Гарри Кембэл, — но ваши услуги мне не нужны.

Предложению Лена Уильяма Хоргарта журналист не должен был бы особенно удивляться. Если в его родном штате разводы представляют собой обычное явление и можно объявлять пассажирам проезжающих поездов: «Чикаго! Остановка десять минут — как раз столько, сколько нужно, чтобы развестись!» — то все же там для развода нужны некоторые формальности. Так вот, в Южной Дакоте ничего такого не надо. В Южной Дакоте, этом «штате разводов», достаточно и одного слова свидетеля о том, что вы уже шесть месяцев живете в одном из местных городков, — и ваши брачные узы расторгнуты. Отсюда — распространенное ремесло посредников и свидетелей. Они ловят клиента, дают показания в его пользу, находят заместителя, если тот не хочет вести дело лично, словом, всячески облегчают ему задачу. Маленькое местечко Сиу-Фолс славится исключительной легкостью в расторжении брака — еще бóльшей, чем сам город Янктон.

— В таком случае, должен сказать, — прибавил любезным тоном мистер Хоргарт, — бесконечно жаль, что вы не женаты.

— Мне тоже,— ответил Гарри Кембэл,— здесь мне представился бы прекрасный случай развестись.

— Но раз вы едете в Янктон, то постарайтесь быть там завтра до трех часов дня, чтобы успеть на митинг.

— Митинг? А по какому поводу?

— Мы требуем сократить срок пребывания в штате, необходимый для устройства развода. В Оклахоме нужно всего три месяца. Этот штат для нас неприятный конкурент. Председателем на митинге будет сам мистер Хельдрет.

— А кто он?

— Очень известный коммерсант, который разводился семнадцать раз, и, как говорят, это еще не конец.

— Мистер Хоргарт, в назначенное время я буду в Янктоне.

— В таком случае, прощаюсь и надеюсь в будущем быть вам полезен.

На следующий день в шесть часов утра главный репортер газеты «Трибюн» сел в поезд, направляющийся в Южную Дакоту.

Штат Дакота, отделившийся от штата Миннесота в 1861 году, состоит из двух квадратов, почти одинаковых по размерам: Южного и Северного. Местность здесь возвышенная, но не гористая, составляет резкий контраст с территорией соседних западных штатов. Белое население предпочло заселить ее юго-восточную часть, где превосходная почва позволяет заниматься разведением табака, маиса, овса и овощей. Северная же часть изобилует озерами и многочисленными прудами. Тут протекает Миссури, а Ривьер-Руж служит границей со штатом Миннесота.

Гарри Кембэл проехал через условную границу, разделяющую Северную и Южную Дакоту. В одиннадцать часов поезд остановился около маленького местечка Медари на берегу реки Биг-Сиу-Ривер. Репортер с удивлением увидел, что все пассажиры выходят из вагонов. В легкой тревоге он подошел к дежурному по станции.

— Разве здесь останавливается поезд?

— Да, как раз здесь,— ответил служащий.

— Разве не сегодня открывается сообщение между Медари и Сиу-Фолс-Сити?

— Нет, мистер, не сегодня.

— А когда же?

— Завтра.

Новость вызвала досаду. До следующей станции шестьдесят миль. Если взять экипаж, он все равно не успеет к митингу, организованному почтенным мистером Хельдретом. В

эту минуту журналист увидел паровоз, видимо готовый к отправлению в Янктон.

— А этот? — спросил он.

— О, этот поезд!.. — ответил служащий каким-то странным тоном.

— Разве он не скоро еще тронется?

— В двенадцать часов тринадцать минут.

— В Янктон?

— Да, но... — начал железнодорожник, но чей-то зычный голос окликнул его. Дежурный стремительно удалился на зов начальника станции.

«Черт возьми! — подумал Кембэл. — Вот что меня может устроить, раз дорога откроется только завтра. Очевидно, это товарный поезд, но мне безразлично. Доеду только до Сиу-Фолс-Сити. Проскользну незаметно в товарняк, а там объяснюсь с кем нужно». Репортер нимало не сомневался, что к его объяснениям не могут отнестись иначе, как с самым горячим участием. К счастью, в этот момент вокзал Медари совершенно опустел: казалось, все пассажиры стремились его покинуть. На перроне не видно было теперь ни одного служащего. Только машинист и кочегар быстро кидали большими лопатами уголь в паровозную топку.

Гарри Кембэл юркнул в вагон и, сев в уголок, стал ждать отправления. В назначенное время поезд, резко рванув, поехал. В течение десяти минут он наращивал ход, пока не достиг бешеной скорости. Показалось немного странным, что, проезжая мимо станций, машинист не давал свистков. Журналист поднялся и посмотрел в маленькое окошечко в передней стенке вагона.

Паровоз выбрасывал клубы дыма и пара, но он как будто был без людей. «Что это значит? — спросил себя репортер. — Неужели машинист и кочегар оба сорвались с площадки? Или проклятый паровоз сам сорвался с места, как норовистый конь?»

Внезапно из его груди вырвался крик безумного ужаса... На той же самой линии, на расстоянии менее четверти мили показался другой поезд. Он мчался навстречу с головокружительной быстротой!

Через несколько секунд раздался оглушительный взрыв. Остатки двух паровозных котлов взлетели высоко в воздух. Вагоны вздыбились, точно в смертельной схватке, сминая друг друга, и со страшным скрежетом рассыпались на куски.

Тогда к грохоту взрыва присоединились громкие «ура» и восторженные крики нескольких тысяч человек, собравшихся по обеим сторонам железнодорожного пути (разумеется, на

таком расстоянии, чтобы не пострадать от крушения). То были зрители, сами для себя устроившие волнующее зрелище. За свой счет они подготовили столкновение двух поездов, пущенных на всех парах,— спектакль чисто американский. Так было отпраздновано открытие железнодорожного пути между Медари и Сиу-Фолс-Сити.

ГЛАВА XIII

*Последние удары игральных костей
в матче Гиппербона*

Излишне описывать душевное состояние Лисси Вэг, когда она рассталась с Максом Реалем. Погрузившись в свои мысли, девушка забила в уголок вагона, и Джовита, сидя рядом, не решалась беспокоить подругу разговорами.

От Сент-Луиса до Ричмонда не более семисот миль, если ехать через Миссури, Кентукки, Западную и Восточную Виргинию. Утром четырнадцатого числа девушки уже вышли из поезда. Легко представить радость двух подруг, когда тотчас по приезде в гостиницу они узнали из газет об освобождении Макса Реаля.

— Вот видишь,— объявила Джовита Фолей,— Бог есть!.. Некоторые люди говорят, что это сказки. Безумцы! Разве без него этот Крабб смог бы когда-нибудь получить пять очков?.. Нет, Бог знает, что делает, и мы должны его благодарить...

— От всего сердца! — закончила Лисси Вэг, испытывая сильное волнение.

— Нужно сказать, что счастье одного часто является несчастьем для другого,— продолжала Джовита Фолей.— Я думаю, на земле в распоряжении людей имеется только определенная сумма счастья и что каждый получает свою долю за счет несчастья другого.

Слышите вы эту удивительную особу с ее философскими замечаниями? Во всяком случае, если существует известное, определенное количество веселья на нашем свете, то Джовита Фолей вряд ли оставила что-либо для других.

— Так, значит,— продолжала она,— Крабб в «тюрьме», где он сменил мистера Реаля! Могу сказать, что тем хуже для него, и если только коммодор Уррикан не явится, чтобы его освободить... Случись такое, я не хотела бы оказаться на дорожке у этой «морской бомбы»!

Теперь девушкам ничего не оставалось, как терпеливо ждать двадцатого числа. Газеты громко оповестили публику о пребывании пятой партнерши в стенах Ричмонда. К боль-

шому неудовольствию Лисси, многие из них напечатали ее портрет и портрет ее «двойника», как все называли Джовиту Фолей (последнюю это нимало не сердило). Да! Двум богатым наследницам выказывали всяческое уважение с тех пор, как впереди остался только таинственный Х. К. Z. (в существование которого многие еще отказывались верить). Спрос на пятую участницу был особенно велик в агентствах и на биржах Соединенных Штатов.

- Ставлю на Лисси Вэг!
- Ставлю на Кембэла против Лисси Вэг!
- Кто желает Титбюри?
- Вот Титбюри.
- Вот несколько пачек Крабба.
- У кого есть Реаль?
- А Лисси Вэг?

В самом деле, при удаче желтый флажок в два хода может кончить партию. И даже поделившись с подружкой, она станет одной из богатейших наследниц в этой «стране долларов» (их имена записаны в Золотой книге Америки). Наконец, двадцатого — еще до восьми часов — девушки постучались в почтовую контору. Полчаса спустя телеграф принес им весть о выброшенных двенадцати очках, из шести и шести, самое большое число, какое могли выбросить две кости, и это продвигало их на двенадцать клеток вперед, в пятьдесят шестую, штат Индиана. Когда подруги вернулись в отель, Джовита Фолей вскричала:

— О, моя дорогая! Штат Индиана и Индианаполис, его столица!.. Прямо непозволительно быть такой любимицей счастья!.. Мы уже приближаемся к нашему Иллинойсу, и ты впереди всех, на целых пять клеток обогнав этого пролазу Х. К. Z. Желтый флаг побивает красный! Еще семь очков, и победишь! Почему не могут игральные кости выбросить число семь?.. Ведь это очень важное число — семь разветвлений на библейском подсвечнике¹, семь дней недели, семь Плеяд² (она не посмела сказать — семь главных грехов), семь партнеров в споре за наследство!.. Бог мой, сделай же так, чтобы игральные кости выбросили семь очков и дали нам выиграть партию!.. Если бы ты знал, и ты должен знать, как хорошо используем мы Гиппербоновы миллионы! Сколько добра сделаем всем, всем! Создадим приюты для бедных, рукодельные мас-

¹ В святилище древнееврейского храма стоял золотой седмисвещный светильник.

² Плеяды — в греч. мифологии семь дочерей титана Атланта и океаниды Плейоны. Зевс вознес их в виде семи звезд на небо (звездное скопление в созвездии Тельца).

терские!.. Да! Больницу «Вэг — Фолей» для больных города Чикаго. Лично я построю дом для девушек без состояния и потому без женихов. Стану там начальницей, и ты увидишь, как я это все устрою!.. О! Ты-то никогда туда не попадешь, мисс миллиардерша, потому что... Ну, я знаю, что хочу сказать, да к тому же твоей руки будут добиваться маркизы, принцы и все им подобные!..

Безусловно, Джовита Фолей бредила. Она целовала Лисси Вэг и беспрестанно вертелась. Вертелась по комнате, как волчок, которого погоняет кнутом маленький мальчик.

Теперь встал вопрос, должна ли пятая партнерша уехать из Ричмонда немедленно. В Индианаполисе надо появиться до четвертого июля, но Джовита Фолей считала, что следует отправиться туда завтра же. Лисси Вэг сдалась на уговоры. Во-первых, не деликатность публики и настойчивость репортеров становились все более назойливыми и неприятными, и потом, раз Макса Реаля не было в Ричмонде, для чего им здесь задерживаться?

Утром двадцать первого подруги отправились на вокзал. Там, на перроне, к ним подошел безукоризненно вежливый господин и, поклонившись, спросил:

— Имею честь говорить с мисс Лисси Вэг и мисс Джовитой Фолей?

— Вы не ошиблись,— ответила Джовита.

— Я мажордом миссис Мигглэзи Беллэн, которая будет счастлива, если мисс Лисси Вэг и мисс Джовита Фолей примут приглашение и воспользуются ее поездом.

— Идем! — сказала Джовита Фолей, не дав Лисси Вэг открыть рот.

Мажордом привел их на запасный путь, где стоял состав. Паровоз сверкал, как полированный, к нему были прицеплены одинаково роскошные и снаружи и внутри салон, вагон-столовая, вагон-спальня и еще один вагон, позади всех. В общем, настоящий королевский, императорский или президентский поезд. Таким способом путешествовала миссис Мигглэзи Беллэн, одна из самых богатых американок, соперница Уитменов, Стивенсов, Бредлей, Бельмонтов и других, которые плавают по морю не иначе, как в собственных яхтах, путешествуют не иначе, как в своих поездах и по своим собственным железным дорогам. Пятидесятилетняя вдова миссис Мигглэзи Беллэн обладала неистощимыми нефтяными источниками, другими словами, «источниками долларов».

Лисси Вэг и Джовита Фолей прошли мимо большого персонала слуг, расставленных на перроне, и были приняты дву-

мя компаньонками, которые провели их в вагон-салон, где восседала миллиардерша.

— Милейшие барышни,— любезно приветствовала их миссис Мигглэзи Беллэн,— очень благодарна вам за согласие совершить вместе со мной путешествие. Бесконечно рада возможности выразить тем самым внимание, с которым отношусь к пятой партнерше, хотя у меня нет личной заинтересованности в партии.

— Мы бесконечно польщены честью, оказанной нам,— ответила Джовита Фолей.

— И выражаем нашу горячую благодарность,— прибавила Лисси Вэг.

— Совершенно лишнее,— улыбаясь, ответила милейшая особа,— надеюсь, мисс Вэг, мое общество принесет вам счастье.

Несмотря на свои миллионы, миссис Мигглэзи Беллэн была женщиной очень приятной, и молодые девушки провели немало часов в ее гостиной и столовой, любуясь исключительной красотой и богатством окружавшей их обстановки.

— Подумать только,— сказала Джовита Фолей, когда они на минуту остались одни,— скоро мы сами будем так путешествовать в нашем собственном вагоне...

— Будь же благоразумна, Джовита!

— Но ты увидишь!

Миссис Мигглэзи Беллэн придерживалась того же мнения.

Вечером поезд остановился в Индианаполисе. Еще раз выразив благодарность хозяйке поезда, девушки простились с ней. Соблюдая насколько возможно инкогнито, они отправились в «Шерман-отель». Но на следующее же утро газеты объявили о приезде пятой участницы.

Индианаполис, как и большинство американских столиц, расположен в центре штата. В прежние времена эта страна оправдывала свое название Индейской земли. Теперь она стала типичным американским штатом, несмотря на то, что его первыми колонистами были французские эмигранты. Макс Реаль нашел бы здесь мало живописного. На плоском пространстве только кое-где поднимаются холмы. Область, очень удобная для прокладки железных дорог, недаром такое блестящее развитие здесь получила торговля. Сельское хозяйство в этих краях тоже процветает. На черноземе Индианы возделываются самые различные культуры, в том числе и злаки. Так что небольшая площадь штата (по размерам он занимает тридцать седьмое место) не мешает его благополучию и достатку (что можно заметить по чистым и оживленным городам).

Без сомнения, за две недели подруги успели бы осмотреть все окрестности Индианаполиса, побывать в гротах Уайандот, между Эвансвиллом и Нью-Олбани, которые соперничают с Мамонтовыми пещерами, и, конечно, во втором по величине городе штата Эвансвилле, расположенном при входе в восхитительную долину Грин-Ривер и, может быть, даже в бывшей столице Венсене... Но Джовита Фолей предпочитала сохранить во всей полноте незабываемые впечатления от чудес штата Кентукки. Не там ли получила она чин подполковника милиции? Вспоминая об этом, Джовита представляла, как, вернувшись в Чикаго, они явятся в военной форме к губернатору. Этого было достаточно для нового взрыва смеха. Но Лисси Вэг оставалась грустной и задумчивой.

— Лисси,— говорила ей подруга,— я не понимаю, или, вернее, я тебя очень хорошо понимаю!.. Он славный молодой человек... все достоинства... Нет, признайся, что ты его любишь!

Девушка ничего не отвечала — что было, быть может, своего рода ответом.

Двадцать второго июня газеты сообщили о результате метания игральных костей для commodora Уррикана. Читатель, вероятно, не забыл, что оранжевый флаг по возвращении из Долины Смерти начал партию сначала и что удачный тираж отослал его в двадцать шестую клетку, штат Висконсин (подобно дням в году, дары игральных костей следуют один за другим, но один на другой не похож). На этот раз рука нотариуса Торнброка не была такой счастливой, так как выброшенные пять очков приводили Годжа Уррикана в тридцать первую клетку (штат Невада). Именно там Уильям Гиппербон поместил «колодец», в глубине которого несчастному commodору предстояло сидеть до тех пор, пока кто-нибудь из игроков его оттуда не вытащит. Когда Тюрк заявил, что при первой возможности свернет Торнброку шею, Годж Уррикан не пытался его успокоить. К тому же речь шла еще о тройном штрафе.

Лисси Вэг и на этот раз пожалела несчастного морского волка.

— Не вижу никого, кто мог бы его освободить, кроме Титбюри, если тот получит двенадцать очков,— сказала Джовита Фолей.— Но, в конце концов, теперь самое важное, чтобы мистер Реаль вышел из своей «тюрьмы». Мне кажется, мы увидим его раньше, чем думаем.

Эта проникательная особа и не предполагала, что ее пророчество сбудется так скоро. Подходя к «Шерман-отелю» после утренней прогулки, Лисси Вэг чуть не вскрикнула от удивления. Перед входом в гостиницу стоял молодой художник, слегка взволнованный, даже смущенный, а за ним Томми.

Макс Реаль пытался найти извинение своему неожиданному появлению.

— Я ехал к назначенному пункту, в Филадельфию, и так как Индиана случайно оказалась на моем пути...

— Географическая случайность,— воскликнула со смехом Джовита Фолей,— но, во всяком случае, счастливая!

— И так как у меня свободного времени до двадцать восьмого...

— А когда имеешь в своем распоряжении целых шесть дней, то самое лучшее провести их с людьми, к которым относишься с участием...

— Джовита!..— проговорила вполголоса Лисси Вэг.

— И случай захотел, чтобы вы выбрали именно «Шерман-отель»...

— ...потому что газеты сообщили, что пятая партнерша со своей верной подругой остановились именно там...

— И,— продолжала верная подруга,— вполне естественно, что первый партнер остановился тоже там... Если бы дело шло о втором или третьем, но нет!.. Именно пятая... И здесь случай...

— ...не играет решительно никакой роли, и вы это знаете, мисс Вэг,— сознался Макс Реаль, пожимая протянутую ему руку.

Вторая часть этого дня прошла в прогулках по красивейшим кварталам города, главным образом по берегу реки Уайт-Ривер. Избегать назойливых людей, которые осаждали «Шерман-отель» и — если верить Джовите Фолей — желали жениться на будущей наследнице Уильяма Гиппербона, сделалось теперь необходимостью. Улица перед отелем была все еще полным-полна народу. Поэтому они вернулись в гостиницу только с наступлением темноты. В десять часов Лисси Вэг и Джовита Фолей пошли в свою комнату, а Макс Реаль — в свою. И пока одна предавалась грезам, «сотканным из серебра и расшитым золотом», другие двое находились во власти одних и тех же мыслей. Да, оба они только и думали о возвращении в Чикаго. Мысленно они говорили друг другу, что эта партия никогда не кончится, что через несколько дней придется снова укладывать чемоданы, и снова их будут разделять многие сотни миль, что хорошо бы все бросить и вернуться домой. К счастью, ни Джовита Фолей, ни миссис Реаль не могли их услышать.

Вновь разглядывая карту матча, Макс Реаль вдруг разволновался, увидев, что между пятьдесят шестой и шестьдесят третьей клеткой Гиппербон поместил целых четыре западных штата: Аризона, Орегон, Индейская территория, не

говоря уж о Калифорнии с ее Долиной Смерти, получившей теперь громкую известность благодаря посещению ее коммодором Урриканом. Макс похолодел при мысли, что Лисси достаточно получить два очка, чтобы отправиться в длинное и утомительное путешествие по Калифорнии, а потом еще начать партию с самого начала! Если она при следующем метании костей не окажется у цели, получив семь очков, то рискует быть отосланной очень далеко от штата Индиана. Каким опасностям подвергнется бедная девушка!

Но сама Лисси Вэг и не думала о грозивших ей осложнениях. Она думала только о настоящем, а не о будущем. Она довольствовалась сознанием того, что Макс Реаль был около нее. Правда, всего только несколько дней, а потом судьба опять их разлучит... Наконец ночь миновала и унесла с собой все страхи и мрачные мысли. За утренним чаем было решено отправиться железной дорогой, которая идет по берегу Уайт-Ривер до станции Спринг-Валли, в двадцати милях от Индианаполиса. Оставив Томми в гостинице, веселое трио отправилось в путь.

Если Макс Реаль и Лисси Вэг были так заняты друг другом, что ничего не замечали, то Джовите Фолей непростительно было не заметить пятерых типов, следовавших за ними по пятам от самой гостиницы. На вокзале они сели в тот же поезд, а когда художник и обе подруги вышли на станции Спринг-Валли, там же оказались и те неизвестные личности.

Макс Реаль, Лисси Вэг и Джовита Фолей пошли по тропинке к берегу реки Уайт-Ривер. Здесь расстилались хорошо обработанные поля, вдаль виднелись тенистые рощи, остатки прежних дремучих лесов, которые вырубил топор дровосека, орудие цивилизации. Джовита, оживленная и веселая, то отставала, то шла впереди, не упуская из виду молодую парочку, которая о ней совершенно забыла. В три часа пополудни паром перевез их на другой берег Уайт-Ривера. Впереди под сводом зеленых рощ показалась дорога, которая вела на станцию одной из многочисленных железнодорожных веток, протянутых к Индианаполису. Окаймленная красивыми деревьями, она была пустынной в час, когда работа кипит на полях.

Друзья прошли полмили по этой тенистой аллее, как вдруг пятеро неизвестных, выскочив из кустов, окружили их... Читатель не угадал, подумав, что местная шайка бандитов намеревалась ограбить постояльцев «Шерман-отеля». То были не воры и не разбойники, а держатели пари. Они проигрывали, поставив против Лисси Вэг, и сговорились похитить ее, чтобы помешать ей вовремя прийти за телеграммой. И очень ловко выследили девушку за городом, в безлюдном месте.

Не дав жертвам опомниться, трое злоумышленников набросились на Макса Реаля, четвертый схватил Джовиту Фолей, а пятый потащил Лисси Вэг в глубину леса.

Макс Реаль удачным приемом сшиб с ног одного нападавшего, выхватил наган (американец никогда не расстается с оружием) и выстрелил. Злодей взвыл от боли и упал.

Джовита Фолей и Лисси Вэг громко звали на помощь. Но кто мог их услышать в этой глуши? Макс Реаль выстрелил второй раз и попал в негодея, схватившего Лисси Вэг. В ту же секунду его товарищ ударил художника ножом в грудь. Тот вскрикнул и без чувств упал на траву.

Неожиданно из-за деревьев показались охотники. На счастье, несколько фермеров охотились в лесу и услышали крики. Разбойники бросились врассыпную. Преследовать их не имело смысла. Важнее было перенести Макса Реаля на ближайшую станцию, послать за доктором и, если состояние раненого позволит, перевезти его в Индианаполис.

Лисси Вэг в отчаянии опустила на колени около молодого человека. Веки его поднялись, и он смог произнести несколько слов:

— Лисси, это пройдет... пустыки... Но вы... вы?

Глаза Макса Реаля снова закрылись. Но он был жив.

Через полчаса охотники принесли его на станцию, куда почти одновременно с ними явился и доктор. Внимательно осмотрев рану, он сделал перевязку и заявил, что раненый сможет перенести переезд в Индианаполис.

Макса Реаля поместили в вагон поезда, отходившего со станции в половине шестого. Он больше не терял сознания, а в шесть часов вечера уже лежал в комнате гостиницы. Увы! Сколько же времени он теперь здесь пробудет? Во всяком случае, ясно, что двадцать восьмого он не сможет быть в почтовом бюро Филадельфии!

Почти тотчас явился второй врач и подтвердил заключение своего коллеги. Легкое было чуть затронуто острием ножа, но еще немного — и рана оказалась бы смертельной. Раненый должен оставаться в постели не меньше пятнадцати дней. Ну что ж, Лисси Вэг не оставит его! Она будет рядом, сколько потребуется. Богатство Уильяма Гиппербона их теперь так мало интересовало! Оба мечтали о будущем, в котором обойдутся и без миллионов этого богача.

К чести Джовиты Фолей, она одобрила поведение подруги, хоть оно и означало крушение всех ее надежд. Но после некоторого размышления эта настойчивая девушка сказала себе: «В конце концов ничего не мешает Лисси четвертого июля прийти на почту. А если ей посчастливится, и кости выбросят

семь очков... Боже, сделай, чтобы они их выбросили...— то она выиграет партию! И никуда не надо уезжать!»

Когда распространилось известие о нападении на Лисси Вэг, какое началось волнение! Желтый флаг был на устах у всех американцев... На следующий день наступила развязка. Кости выбросили двенадцать очков седьмому партнеру. А он занимал пятьдесят первую клетку. Партия была окончена. По улицам Индианаполиса носились продавцы газет и выкрикивали результат последнего тиража. А красный флаг развевался над штатом Иллинойс, повторенном четырнадцать раз на карте благородной игры Соединенных Штатов Америки!

ГЛАВА XIV

Оксвудский колокол

Удар грома, услышанный во всех частях земного шара, не произвел бы большего впечатления, чем удар игральных костей, выброшенных нотариусом Торнброком двадцать четвертого июня ровно в восемь часов утра в зале Аудиториума. Тысячи граждан, присутствовавших на том тираже, оповестили о нем все кварталы Чикаго, и тысячи телеграмм разнесли эту весть по четырем концам Старого и Нового Света. Когда немного улеглось первое волнение, болельщики приступили к анализу партии. Оказалось: ни одного из первых шестерых игроков не миновали те или другие неудачи. Один был заключен в «гостиницу», другой заплатил большой штраф на Ниагарском мосту, третий блуждал в «лабиринте», четвертый задыхался в «колодце», троих приговорили к «тюрьме» и всех шестерых к штрафам. В это самое время Х. К. Z. двигался вперед уверенными шагами, переходя из штата Иллинойс в штат Висконсин, оттуда — в округ Колумбия, потом в штат Миннесота, а из штата Миннесота — к цели всего путешествия. При этом не заплатив нигде ни единого штрафа и не переезжая на далекие расстояния. Получилась большая экономия сил и средств.

Все говорило за то, что этот человек пользовался исключительным счастьем редких избранников судьбы, которым всегда везет в жизни!

Пока общественность обсуждала ход игры, ее участники вернулись в Чикаго. Одни — в полном отчаянии, другие — в неистовом гневе (нет нужды говорить — кто именно) и только двое остались совершенно равнодушны к результату матча (называть этих последних также излишне). Выздоровев после ранения, Макс Реаль вернулся в родной город в обществе

Лисси Вэг и Джовиты Фолей. И только тогда миссис Реаль узнала имя человека, которому молодая девушка обязана своим спасением.

— О дитя мое... дитя мое!..— вскричала она, сжимая Макса в объятиях.— Так это был ты!

— Но раз я совсем уже поправился, мамочка, не плачь, пожалуйста! Ту милую девушку ты скоро узнаешь и полюбишь так же, как она тебя уже любит и как я ее люблю!

В тот самый день Лисси Вэг вместе с Джовитой Фолей пришли к миссис Реаль. Так совершилось знакомство трех женщин, а чтобы узнать о результатах, необходимо подождать несколько дней.

Излишне говорить, в каком раздражении находился Джон Мильнер: зря потраченные деньги и подмоченная репутация чемпиона Нового Света — вот все, что выиграл в проклятом матче его воспитанник (который чувствовал себя вполне удовлетворенным, как всегда получая шестиразовое питание). Мистер и миссис Титбюри, раненные в самое сердце, другими словами, в самый кошелёк, вернулись на Робей-стрит. Из заоблачной сферы они попали в мрачную пропасть окружавшей их действительности!

— Чудовище Гиппербон, отвратительное чудовище!..— восклицала по временам миссис Титбюри.

— Нужно было или выиграть миллионы, или в это дело не вмешиваться,— прибавляла служанка.

— Да, не вмешиваться! — кричала матрона.— Что я и твердила постоянно мистеру Титбюри! Но попробуйте убедить в чем-нибудь такого...

Никто никогда не узнает, какими эпитетами был награжден в те дни супруг миссис Титбюри.

А Гарри Кембэл?.. Издав страшный вопль, он выпрыгнул из вагона и, ударившись о насыпь, отскочил, точно был сделан из каучука. Потеряв сознание, репортер остался лежать под кустом, что спасло его при взрыве двух паровозов.

Только через три часа железнодорожные рабочие пришли очистить путь и нашли человека, неподвижно лежавшего на земле. Когда его привели в чувство и узнали, кто такой, как проник в поезд, заранее обреченный на крушение, местные власти сделали репортеру вполне заслуженный выговор и заставили уплатить стоимость проездного билета (на американских железных дорогах можно оплачивать билеты во время пути или по прибытии в тот или другой пункт). Потом телеграфировали редактору газеты «Трибюн» и отправили его сотрудника с первым прямым поездом в Чикаго. Прибыв на Милуоки-авеню, Гарри Кембэл заявил — это вполне соответ-

ствовало его бесстрашному характеру, — что готов снова отправиться куда угодно. И даже по воле игральные кости перенести с одной окраины Соединенных Штатов на другую. Узнав, что партия окончена, репортер тут же принялся строчить заметки о своих приключениях. Конечно, он вспомнил Нью-Мексико, Южную Каролину, штаты Небраска, Вашингтон, Южная Дакота и тот оригинальный способ открытия железнодорожной ветки между Медари и Сиу-Фолс-Сити!

Правда, он почувствовал себя уязвленным, когда обнаружилось (и это дало пищу насмешкам мелкой прессы), что черный гризли, осенивший себя крестом, его «Урсус Христианус», был просто-напросто одним из местных жителей, который нес от меховщика шкуру великолепного зверя. В это время начался ливень, и житель той шкуры укрылся. Испугавшись страшной грозы, он как добрый христианин при каждом блеске молнии осенял себя крестом. В общем, Гарри Кембэл потом и сам стал смеяться над этим приключением, но в смехе еще долго слышалась досада.

Пятая партнерша, как известно, вернулась в Чикаго вместе со своей подругой, Максом Реалом и Томми, не менее удрученным неудачей, чем Джовита Фолей.

— Но примиришься же с этим наконец, бедная моя Джовита! — повторяла Лисси Вэг. — Ты ведь прекрасно знаешь, что я никогда не рассчитывала...

— Но я рассчитывала!

— И совершенно напрасно.

— Но, во всяком случае, ты теперь уже не бедная бесприданница.

— Как?

— Лисси! Ведь после Х. К. З. ты ближе всех других была у цели и потому вся сумма, составленная из штрафов, принадлежит тебе.

— Даю слово, Джовита, я об этом не подумала.

— Зато я думала за тебя, моя беззаботная Лисси, и знаю, что из этих штрафов составила порядочную сумму и ты являешься ее законной владелицей.

Осталось сказать о последнем участнике матча. Годж Уррикан находился в штате Висконсин, когда пять очков отправили его в Неваду. Ему предстояло новое путешествие в тысячу двести миль. Штат Невада, один из наименее населенных во всей конфедерации, по размерам площади занимает шестое место в республике (после штатов Орегон, Айдахо, Юта, Аризона и Калифорния). В довершение ко всему как раз в Неваде Уильям Гиппербон поместил клетку с «колодцем», куда злополучный игрок должен был ринуться вниз головой. Не-

годование коммодора нельзя выразить словами. Он только сказал, что нотариус Торнброк ответит за все, а Тюрк обещал схватить нотариуса за горло, разрезать живот и съесть его печенку! Со свойственной ему поспешностью Годж Уррикан в этот же день покинул Милуоки, послав Торнброку три тысячи долларов, сумму, в которую ему обошелся этот последний удар игральных костей, и на всех парах помчался в штат Невада.

Можно предположить, что покойный избрал именно этот штат для «колодца» потому, что он вообще изобилует колодцами — шахтными, конечно. По добыче серебра и золота штат занимает четвертое место в Америке. Горная цепь Сьерра-Невада, кстати, находится не на его территории, а чуть западнее, на территории Калифорнии. Три главных города штата — Виргиния-Сити, Голд-Хилл (Золотой город) и Сильвер-Сити (Серебряный город) — построены над сереброносными жилами, и в них есть шахты глубиной более чем в две тысячи семьсот футов. Колодцы серебра, но все-таки колодцы, которые оправдывают выбор завещателя.

Но коммодор туда не доехал! В Грейт-Солт-Лейк-Сити до него дошла новость о том, что партия закончена в пользу Х. К. Z., и Годж Уррикан вернулся в Чикаго, в каком состоянии — легче каждому представить, чем автору описать.

Но для всех, кто интересовался национальной партией (хотя бы только из любви к искусству) известная доля любопытства оставалась еще неудовлетворенной. Кто же, наконец, этот Х. К. Z. и откроет ли он свое инкогнито?

Никаких сомнений по этому поводу быть не могло. Когда дело идет о том, чтобы положить в свой портфель шестьдесят миллионов долларов, сохранять инкогнито никто не станет. Выигравший должен себя назвать. Но когда и при каких условиях? Никакого срока в завещании не было указано. Ответственность знала, что неизвестный Х. К. Z. находился в Миннеаполисе, когда получил телеграмму, извещавшую о результате последнего тиража. Одного дня достаточно, чтобы приехать оттуда в Чикаго. Но прошла неделя, потом другая, и никаких вестей!

Терпение Джовиты Фолей лопалось. Эта нервная особа хотела, чтобы Макс Реаль по десять раз в день отправлялся за сведениями, чтобы он вовсе не выходил из зала Аудиториума, куда самый счастливый из «семи», без сомнения, явится прежде всего. Но ум Макса Реаля был занят вопросами совершенно иного рода.

— О, если бы только он мне попался, этот победитель! — восклицала Джовита Фолей. — Я спросила бы его, по какому

праву он позволил себе выиграть партию! Субъект, которого не знают даже по имени...

В общем, нетерпение, которое она испытывала, вполне точно выражало общественное настроение как в Соединенных Штатах, так и в других странах. Время шло, воображение разыгрывалось, пресса, в особенности спортивная, бушевала, а нотариус Торнброк никогда еще не получал столько упреков. Все партнеры, за исключением Лисси Вэг и Макса Реаля, сочли нужным вмешаться, и не без основания. Действительно, если победитель не появлялся, разве они не могут утверждать, что партия не окончена и можно продолжать игру?

Коммодор Уррикан, Герман Титбюри и Джон Мильнер объявили, что подают в суд на исполнителя завещания. Газеты держали их сторону. В «Трибюн» Гарри Кембэл поместил резкую статью против Х. К. З., в самом существовании которого начинали уже сомневаться. К тому же невозможно урегулировать пари, пока судом не установлена личность выигравшего. Вся Америка пришла в волнение, и был поднят вопрос об организации митинга в зале Аудиториума (с грандиозной манифестацией). Если Х. К. З. не откроет своего инкогнито в течение такого-то срока, общественность потребует от нотариуса Торнброка возобновить партию. Том Крабб, Герман Титбюри, Гарри Кембэл, коммодор Уррикан, даже Джовита Фолей, если бы ей разрешили заменить Лисси Вэг, выразили готовность отправиться безразлично в какие штаты.

В конце концов возбуждение публики достигло апогея и власти Америки начали беспокоиться, особенно в Чикаго, где приходилось защищать членов «Клуба чудаков» и нотариуса. Как вдруг пятнадцатого июля в десять часов семнадцать минут утра распространился слух, что на Оксвудском кладбище в мавзолее Уильяма Гиппербона беспрерывно звонит колокол!

ГЛАВА XV

Последнее чудачество

Если бы все дома в Чикаго были снабжены телефонными аппаратами и находились в постоянной связи с номером оксвудского сторожа, жители крупнейшего города не могли бы узнать эту новость быстрее. За несколько минут кладбище переполнилось обитателями соседних кварталов. Скоро стала прибывать публика из всех других частей города, и через пол-

часа экипажное движение было абсолютно прервано, начиная с Вашингтонского парка. Спешно извещенный об этом, губернатор штата сэр Гамильтон послал сильные отряды милиции, которые не без труда проникли на кладбище и выпроводили оттуда множество любопытных, чтобы оставить вход свободным.

А колокол все звонил и звонил на колокольне великолепного мавзолея, где покоился чикагский миллионер.

Джордж Хиггинботам, председатель «Клуба чудаков», его коллеги и нотариус Торнброк первыми проникли за ограду кладбища. Через полчаса туда явились и шестеро участников матча Гиппербона. Появление Макса Реаля и Лисси Вэг можно объяснить только настойчивыми уговорами Джовиты Фолей (она, конечно, тоже была здесь). Итак, все партнеры собрались перед мавзолеем, охраняемым тройной цепью солдат. Наконец колокол замолк, и двери мавзолея широко раскрылись.

Холл сверкал ослепительным светом электрических ламп и люстр. Окруженная зажженными канделябрами, стояла великолепная гробница, точь-в-точь такая, какой она была три с половиной месяца назад, когда эти двери закрылись по окончании погребального обряда с участием всего города.

Члены «Клуба чудаков» с председателем во главе вошли в мавзолей. За ними — нотариус Торнброк, в черном фраке, белом галстуке и неизменных очках в алюминиевой оправе. Потом прошли шесть партнеров и все, кто только мог поместиться в холле мавзолея. Глубокое молчание воцарилось внутри и снаружи. Всех охватило волнение.

Тридцать три минуты двенадцатого в глубине холла слышался какой-то шум. Он исходил из гроба. Вдруг погребальный покров соскользнул на пол, точно сдернутый чьей-то невидимой рукой. И тогда (в то время как Лисси Вэг прижималась к плечу Макса Реаля) крышка гроба медленно приподнялась, и лежавшее в нем тело привстало... А в следующую минуту все присутствующие увидели перед собой не мертвеца — нет, но человека вполне живого, и это был не кто иной, как покойный Уильям Гиппербон!

— Великий Боже! — воскликнула Джовита Фолей сдавленным голосом. Среди гула изумления, стоявшего в холле, ее слова были услышаны только Максом Реалем и Лисси Вэг. — Да ведь это почтенный мистер Гемфри Уэлдон!

Да, почтенный Гемфри Уэлдон, но не такой пожилой, каким был, когда навещал Лисси Вэг. Позднее в газетах всего мира напечатали рассказ о происшествии в главном городе Иллинойса:

«Первого апреля в особняке на Мохаук-стрит во время партии в благородную игру «гусек» Уильям Гиппербон внезапно потерял сознание от кровоизлияния в мозг. Принесенный в свой дом на Ла-Салль-стрит, он умер спустя несколько минут, точнее, о его смерти объявили явившиеся в дом доктора. Несмотря на приговор медиков, несмотря на знаменитые лучи профессора Фридриха Эльбинга, которые подтвердили сделанное эскулапами заключение, Уильям Гиппербон не умер. Он находился в состоянии каталепсии¹, но со всеми внешними признаками умершего человека. К счастью, в своем завещании он не выразил желания быть набальзамированным. Без сомнения, после такой операции чикагский коммерсант не остался бы в живых. Но ведь ему всегда везло! Третьего апреля двери его мавзолея закрылись, и самый почтенный из членов «Клуба чудаков» остался лежать в своей гробнице.

Вечером того же дня кладбищенский сторож, гасивший в холле мавзолея последние лампы и свечи, услышал какой-то шорох внутри гроба. Оттуда вырывались слабые стоны, глухой, еле слышный голос кого-то звал... Но сторож не потерял головы. Он побежал за своими инструментами, приподнял крышку гроба, и первыми словами Уильяма Гиппербона, проснувшегося от летаргического сна, были:

— Никому ни слова, и ты богат!

С присутствием духа, необыкновенным у человека, возвратившегося из такой дали, он прибавил:

— Ты один будешь знать, что я жив... И еще мой нотариус Торнброк, к которому отправляйся сейчас же и позови сюда...

Сторож выскочил из холла и побежал во всю прыть. И каково же было изумление (и самое приятное, разумеется!) нотариуса Торнброка, когда через какие-нибудь полчаса он очутился в обществе своего клиента, такого же здоровяка, каким он привык всегда его видеть! После своего воскресения Уильям Гиппербон пришел к следующим соображениям.

Во-первых, он готов был числиться покойником ради захватывающей партии. Во-вторых... Но нотариус Торнброк его перебил:

— Вы разоритесь! Но дело не в том... Раз вы не умерли, с чем я вас искренне поздравляю, ваше завещание теряет силу

¹ Каталепсия — состояние полной неподвижности с характерным застыванием человека в принятой им или искусственно приданной ему позе. Может возникнуть при внезапном волнении, истерии, во время сеанса гипноза и т. д.

и все его параграфы сводятся к нулю. А потому для чего хотеть, чтобы эта партия состоялась?

— Потому что сам приму в ней участие.

— Но каким образом?

— В приписке к завещанию введу в партию седьмого партнера, который будет Уильямом Гиппербоном, под инициалами Х. К. З.

— Но вам придется подчиняться установленным правилам.

— Я и буду подчиняться.

— А если проиграете?

— Тогда все мое состояние получит выигравший.

— Это ваше окончательное решение?

— Окончательное... Потому что до сих пор не сделал ни одного эксцентричного поступка, так совершу его, воспользовавшись своей мнимой смертью.

Уильям Гиппербон покинул кладбище, не дожидаясь «страшного суда», и отправился к нотариусу Торнброку, чтобы дописать завещание. Когда процедура была закончена, он удалился во временное жилище, преисполненный уверенности в своей счастливой звезде, которая никогда не покидала его в течение всей жизни. Она не изменила ему, если так можно выразиться, и после смерти».

Так писали газеты. Теперь легко понять дальнейшие действия неумершего богача. Из всех его возможных наследников в нем вызвали симпатию только Макс Реаль и Лисси Вэг. Как джентльмен и человек действия, он даже проявил участие к последней — под вымышленным именем Гемфри Уэлдона. Начав игру, он уверенно двигался к цели под покровительством той же счастливой звезды и первым пришел к финишу, победив всех соперников на этом национальном ипподроме! А в назначенный день кладбищенский сторож ударил в колокол.

Когда смолкли все возгласы восторга и изумления, когда все, кто желал, смогли пожать руку воскресшему и победившему члену «Клуба чудаков», к нему приблизился Годж Уррикан.

— Так не делается, милостивый государь! Когда человек умирает, то умирает, а не заставляет людей бегать за его наследством, когда он все еще на этом свете! И так как вы меня надули, а я никому этого не позволяю, то дадите мне удовлетворение.

— Где и когда вам будет угодно.

Тюрк клялся святым Ионафаном, что сожрет печень Уильяма Гиппербона... Несмотря на это, Уррикан послал его

к бывшему покойнику, чтобы условиться о дне и часе поединка. Явившись к нему, Тюрк сказал:

— Видите ли, сударь, коммодор Уррикан не такой злой, каким он хочет казаться. В сущности, его всегда можно урезонить.

— И вы пришли, чтобы сказать...

— ...чтобы сказать, что он раскаивается в своей вчерашней горячности и просит принять его извинения.

К счастью для Тюрка, строптивец никогда не узнал, как тот выполнил свою миссию, но побоявшись — о, не поединка, конечно! — побоявшись стать посмешищем в глазах всего света, не стал раздувать дела.

Накануне свадьбы Макса Реаля и Лисси Вэг жениха и невесту посетил почтенный мистер Гемфри Уэлдон, но не прежний, слегка сгорбленный под тяжестью лет, а гораздо более элегантный, более моложавый мистер Уильям Гиппербон (что не преминула заметить Джовита Фолей). Извинившись, что не дал выиграть партию Лисси Вэг, ибо, не будь его, девушка первая оказалась бы у цели, заявил: хочет она того или не хочет, понравится ли ее мужу или не понравится, все равно он написал новое завещание, по которому половина его состояния переходит к Лисси Вэг.

И представьте, Джовита Фолей не почувствовала ни малейшей зависти к удаче подруги («и какое счастье для Лисси, что, выходя за любимого, она еще стала и наследницей настоящего «американского дядюшки»...»). Самой Джовите пришла пора возвращаться к своей должности первой продащицы в торговом доме «Маршалл Филд». Свадьбу отпраздновали на следующий день в присутствии чуть ли не всего города. Губернатор Джон Гамильтон и Уильям Гиппербон захотели непременно принять участие в этой блестящей церемонии.

Позже, когда молодые и их друзья вернулись к миссис Реаль, Уильям Гиппербон, подходя к ближайшей подруге новообрачной, сказал:

— Мисс Фолей, мне пятьдесят лет...

— Не хвалитесь, мистер Гиппербон! — ответила молодая девушка, смеясь так, как она одна умела смеяться.

— ...мне пятьдесят, — не путайте моих вычислений, — а вам двадцать пять...

— Это правда.

— И если я не забыл первые правила арифметики, двадцать пять — половина пятидесяти...

Что хотел этим сказать загадочный математик?

— Я хочу сказать, мисс Джовита Фолей, что ваш возраст —

половина моего, если только математика не пустая наука, так почему бы в таком случае и вам самой не сделаться моей половиной?

Вы скажете, новый эксцентричный поступок записного оригинала? Но разве Уильям Гиппербон на этот раз не обнаружил обыкновенной рассудительности и хорошего вкуса, попросив руки такой славной девушки, как Джовита Фолей?

Если изложенные факты могут показаться до некоторой степени неправдоподобными, пусть читатель учтет одно смягчающее обстоятельство: все это произошло в Америке.

1889 г.

ДРАМА В ЛИФЛЯНДИИ

Роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На границе

Путник шел один среди ночи. Он пробирался, как волк, между глыбами льда, нагроможденными холодом долгой зимы. Штаны на теплой подкладке, тулуп из телячьей шкуры, шапка с опущенными наушниками плохо защищали странника от свирепого ветра. Руки и губы у него потрескались и болели. Кончики окоченелых пальцев были как бы зажаты в тиски. Он брел в кромешной тьме, под низко нависшими тучами, грозившими разразиться снегом. Хотя уже начинался апрель, но на пятьдесят восьмой параллели стояла еще зима. Человек упорно все шел и шел. Остановись он ненадолго, и, возможно, у него не хватило бы сил продолжать путь.

Часов около одиннадцати вечера человек все же остановился. Не потому, что ноги отказались ему служить, и не потому, что он задышался и падал от усталости. Его физическая сила не уступала твердости духа. Громким голосом, с непередаваемым патриотическим чувством он воскликнул:

— Вот она, наконец... Граница... Лифляндская граница... Граница родного края!

Каким широким взмахом руки охватил он простиравшуюся перед ним на запад даль! С какой уверенностью и силой топнул ногой, как бы желая запечатлеть свой след на рубеже последнего этапа пути.

Да, шел он издалека — он прошел тысячи верст среди стольких опасностей, стольких испытаний, преодоленных благодаря его уму и мужеству, побежденных его силой, упорством и выносливостью. Со времени своего побега уже больше двух месяцев шел он на запад, отважно пересекая центральные области Российской империи, где полиция ведет столь строгий надзор! Он брел по бескрайним степям, делая подчас длинный крюк, чтобы обойти казачьи заставы, пробираясь извилистыми ущельями между высоких гор. И вот, наконец,

чудом избежав встреч, которые стоили бы ему жизни, он мог воскликнуть:

— Лифляндская граница... Граница!

Но начинался ли здесь тот гостеприимный край, куда человек, ничего не опасаясь, возвращается после долгих лет отсутствия? Был ли это тот родимый край, где ему обеспечена безопасность, где его ждут друзья, где семья примет его в свои объятия, где жена и дети ожидают его прихода, если только он не задумал внезапно обрадовать их своим неожиданным возвращением.

Нет! Этот край он пройдет лишь тайком, как беглец. Он попытается достичь ближайшего морского порта и там, не вызывая подозрений, сесть на корабль. Лишь тогда он почувствует себя в безопасности, когда лифляндский берег исчезнет за горизонтом.

«Граница!» — воскликнул странник. Но что это за граница, не отмеченная ни рекой, ни горной цепью, ни лесным массивом? Или это лишь условная линия, не обозначенная никаким географическим рубежом?

Здесь была граница, отделяющая Российскую империю от трех ее губерний — Эстляндии, Лифляндии, Курляндии, известных под названием Прибалтийских областей. В этом месте пограничная линия пересекает с юга на север зимой ледяную гладь, а летом зыбкую поверхность Чудского озера.

Кто этот беглец? На вид ему было около тридцати четырех лет; он был высокого роста, крепкого телосложения, широкоплечий, с могучей грудью, сильными руками и ногами. В движениях его чувствовалась решительность. Из-под башлыка, скрывающего лицо, выбивалась густая белокурая борода, и когда ветер приподымал края башлыка, можно было увидеть живые блестящие глаза, яркий огонь которых не погасила и стужа. Пояс широкими складками облегал стан, скрывая тощий кожаный кошелек, в котором находилось несколько рублевых бумажек — все его достояние, — сумма, явно недостаточная для сколько-нибудь продолжительного путешествия. Его дорожное снаряжение дополнял шестизарядный револьвер, нож в кожаном чехле, сумка с остатками провизии, наполовину пустая фляга с водкой и крепкая палка. Сумка, фляга и даже кошелек представлялись ему не столь ценными предметами, как оружие, приготовленное на случай нападения хищных зверей или полицейских. Он шел только по ночам, чтобы незамеченным добраться до какого-нибудь порта на берегу Балтийского моря или Финского залива.

До сих пор он благополучно миновал все препятствия на своем опасном пути, несмотря на то, что у него не было «подо-

рожной», выдаваемой военными властями, предъявления которой обязаны требовать стационарные зрители русской империи. Но избежит ли он опасности с приближением к побережью, где надзор гораздо строже? Ведь о побеге его уже все оповещены — это несомненно. Будь то уголовный или политический преступник, его станут разыскивать с одинаковым старанием, преследовать с равным ожесточением. Право же, если судьба, благоприятствовавшая ему до сих пор, отвернется от него на лифляндской границе, это будет равносильно кораблекрушению в самой гавани.

Чудское озеро имеет около ста двадцати верст в длину и шестьдесят в ширину. В теплую погоду к его богатым рыбной берегам стекаются рыбаки. По озеру снуют тяжелые лодки,— грубо сколоченные из почти не отесанных стволов и плохо струганных досок, так называемые «струги»,— на которых по вытекающим из озера речкам доставляют в соседние села и города, вплоть до самого Рижского залива, зерно, лен, коноплю. Однако в эту пору на широтах, где весна наступает поздно, плавание по Чудскому озеру невозможно, и даже артиллерийский обоз мог бы перейти его скованную морозами суровой зимы поверхность. Озеро еще представляло собой широкую белую равнину, с вздымающимися в центре сугробами и с ледяными заторами у истоков рек.

Такова была страшная пустыня, по которой, без труда найдя направление, уверенно продвигался беглец. Впрочем, он хорошо знал местность и шел быстрым шагом, намереваясь достичь западного берега до рассвета.

«Еще только два часа ночи,— подумал он.— Осталось не более двадцати верст. А там я легко найду какую-нибудь рыбацью хижину, заброшенную лачугу, где и отдохну до вечера... Здесь, в этом краю, мне уже не приходится брести наугад».

Казалось, он забыл свою усталость, и уверенность вернулась к нему. Если на беду полицейские вновь нападут на его утерянный след, он сумеет ускользнуть от них.

Опасаясь, чтобы первые проблески зари не застали его еще на ледяной поверхности Чудского озера, беглец сделал последнее усилие: на ходу он подкрепился добрым глотком водки из своей фляги и ускорил шаг. И вот к четырем часам утра несколько чахлах деревьев, убеленные инеем сосны, кусты берез и кленов смутно обрисовались на горизонте.

Там была суша. Но там ждали его новые опасности. Хотя лифляндская граница и разрезает Чудское озеро пополам, все же, разумеется, не на этой черте расположились тамо-

женные посты. Их перенесли на западный берег, к которому летом пристаю струги.

Беглец знал это, и его не могло удивить мерцание желтоватого огонька, прорезающего завесу тумана.

«Двигается этот огонек или нет?» — подумал он, остановившись возле одной из ледяных глыб, вздымавшихся вокруг него.

Если огонь перемещается, значит, это свет фонаря, который несет таможенный дозор при ночном обходе Чудского озера. Лишь бы не попасться ему на пути!

Если же огонь не движется, значит, он горит в будке одного из береговых постов. Ведь в это время года рыбаки еще не вернулись в свои хижины — они ожидают ледохода, который начинается не ранее второй половины апреля. Осторожность требовала, чтобы путник свернул вправо или влево, дабы не попасться на глаза дозорным.

Беглец свернул влево. Насколько можно было различить сквозь туман, подымавшийся под дуновением утреннего ветерка, деревья с этой стороны росли более густо. Если за ним будет погоня, то, вероятно, именно здесь ему легче всего найти убежище, а затем и бежать.

Человек не сделал и полсотни шагов, как вдруг справа от него раздался громкий окрик: «Кто идет?»

Это «кто идет», произнесенное с сильным германским акцентом и напоминавшее немецкое «Weg да?»¹, ошеломило путника. Надо сказать, что в Прибалтийском крае немецкий язык наиболее в ходу, если не среди крестьян, то во всяком случае среди горожан.

Беглец и не подумал ответить на этот окрик. Он распластался на льду и хорошо сделал. Почти тотчас же раздался выстрел, и, не прими он этой предосторожности, пуля поразила бы его в самую грудь. Удастся ли ему избежать встречи с дозором таможенников? Что они заметили его — не было сомнений... Окрик и выстрел доказывали это... Но они могли подумать, что во мраке и тумане им просто померещилась какая-то тень...

И в самом деле, беглец убедился в этом, услышав слова, которыми обменялись дозорные, подходя к нему ближе. Это были стражники одного из постов Чудского озера, бедняги в выцветших, пожелтелых мундирах. Жалованье, которое они получают в русской таможне, так ничтожно, что они охотно протягивают руку за чаевыми. Двое из них возвращались в

¹ «Кто идет?» (окрик часового) (нем.).

свою будку, когда им показалось, что между сугробами мелькнула какая-то тень.

— Ты уверен, что видел его? — спросил один из них.

— Да, — ответил другой. — Должно быть, какой-нибудь контрабандист пытался пробраться в Лифляндию.

— За зиму это не первый и, наверно, не последний. Должно быть, он улизнул, раз его и след простыл.

— Эх! — ответил стрелявший. — В таком тумане метко не прицелишься. Жаль, что я не уложил его... У контрабандиста фляга всегда полна... Мы бы поделились с тобой по-товарищески...

— Нет ничего здоровее для желудка! — подхватил другой дозорный.

Таможенники продолжали свои поиски, побуждаемые, должно быть, не столько желанием захватить контрабандиста, сколько надеждой согреться глотком шнапса или водки. Но их старания были напрасны.

Едва лишь они удалились, беглец снова пустился в путь по направлению к берегу и еще до рассвета нашел убежище в пустующей, крытой соломой хижине, в трех верстах к югу от будки таможенников.

Конечно, следовало бы не спать весь этот день и быть настороже, чтобы в случае опасности, если стражники, продолжая поиски, направятся в сторону хижины, успеть ускользнуть. Но при всей своей выносливости этот человек, сломленный усталостью, не смог противиться сну. Завернувшись в тулуп, он улегся в углу хижины и заснул глубоким сном. Когда он проснулся, уже наступил день.

Было три часа пополудни. К счастью, таможенники не покидали своей будки; они удовлетворились единственным выстрелом в темноту, решив, что они попросту ошиблись. Путнику оставалось лишь радоваться, что он избегнул этой первой опасности при переходе границы родного края.

Теперь, когда он удовлетворил свою потребность во сне, следовало подумать и о еде. Оставшегося в сумке небольшого запаса беглецу могло хватить разве что на один-два раза. Необходимо было на следующем же привале достать еды, а также наполнить водкой осушенную до последней капли флягу.

«Крестьяне никогда не отказывали мне в помощи, — подумал он. — Тем более лифляндские крестьяне не откажут такому же, как они, славянину!»

Он рассуждал правильно. Лишь бы злой рок не привел его к кабатчику немецкого происхождения, каких много в этом крае. Такой кабатчик оказал бы русскому далеко не такой прием, как крестьяне Российской империи.

Впрочем, беглецу не нужно было просить подаяния в пути. У него оставалось еще несколько рублей, этого хватит до конца путешествия, по крайней мере, в пределах Лифляндии. Правда, как быть в дальнейшем, когда придется сесть на корабль? Но об этом он еще успеет подумать. Самое главное — не попасться в руки полицейских и достичь какого-нибудь порта на побережье Финского залива или Балтийского моря. Вот к чему должны быть направлены все его усилия.

Как только ему показалось, что уже достаточно стемнело — часов в семь вечера, — беглец зарядил свой револьвер и покинул хижину. Днем ветер потянул с юга. Температура повысилась до нуля, и усеянный черными точками снежный покров предвещал приближение оттепели.

Характер местности не менялся. Довольно низменная в своей центральной части, она становилась холмистой лишь на северо-западе, и то холмы эти не превышали ста, ста пятидесяти метров. Такие обширные равнины не представляют никакой трудности для пешехода, разве только во время оттепели, когда почва становится непроходимой, а этого как раз можно было опасаться. Надо было дойти до какого-нибудь порта, и если он освободится ото льда, то тем лучше — навигация станет возможной.

Около пятнадцати верст отделяют Чудское озеро от села Эк, к которому беглец приблизился в шесть часов утра, но он остерегся туда входить. Полиция могла потребовать документы, что поставило бы его в весьма затруднительное положение. Не здесь следовало искать пристанища. День он провел за версту от села в заброшенной лачуге. В шесть часов вечера он вышел снова, направляясь на юго-запад, к реке Эмба¹, которой достиг после перехода в одиннадцать верст. Воды этой реки сливаются с водами озера Вуртсьярв в его северной оконечности.

Там, вместо того чтобы углубиться в лес из ольхи и кленов, раскинувшийся на берегу, беглец счел для себя безопаснее идти прямо по реке, прочность ледяного покрова еще не вызывала опасений.

Из высоко плывущих туч шел теперь довольно крупный дождь, который ускорял таяние снегов. Все предвещало наступление оттепели. Недалек был день, когда реки вскроются ото льда.

Беглец шагал быстро, стремясь достичь берегов озера еще до рассвета. Расстояние в двадцать пять верст — тяжелый переход для усталого человека, самый большой из переходов,

¹ Ныне река Эмайыги.

преодоленных им на пути, — ведь в общей сложности за ночь это составит уже пятьдесят верст. Десять часов отдыха на следующий день будут честно заработаны.

В общем, досадно, что погода изменилась и пошел дождь. Сухой мороз облегчил и ускорил бы переход. Правда, гладкая ледяная поверхность реки Эмбах все же представляла более прочную опору, чем покрытая оттаявшей грязью прибрежная дорога. Но глухой шум и частые извилистые трещины указывали на то, что река скоро вскрыется и наступит ледоход. Отсюда новая трудность для беглеца, если он вынужден будет перейти реку. Разве что перебраться вплавь. Все эти причины вызывали необходимость делать двойные переходы.

Путнику все это было хорошо известно. Поэтому-то он и делал нечеловеческие усилия. Плотно запахнутый тулуп оберегал его от пронизывающего ветра. Сапоги, недавно починенные, подбитые крупными гвоздями, были в хорошем состоянии; он шел уверенным шагом по скользкому льду. Да в этой кромешной тьме и невозможно было искать дорогу, тем более что река Эмбах вела его прямо к цели.

К трем часам утра путник прошел около двадцати верст. За два часа, остающихся до зари, он дойдет до места привала. Незачем и на этот раз заходить в какую-нибудь деревню или искать пристанища в корчме. Припасов на день хватит. А кров подойдет любой, лишь бы отдохнуть в безопасности до вечера. В лесах, окаймлявших северную часть озера Виртсъярв, легко найти пустующую зимой хижину дровосека. Немного древесного угля, который там найдется, да сухого хвороста хватит, чтобы развести хороший огонь, согревающий и душу и тело, и нечего опасаться, что в этих безлюдных лесных чащах дым очага выдаст присутствие человека.

Да, зима стояла суровая, но зато, несмотря на жестокие морозы, как помогла она беглецу с самого начала побега в его странствиях по землям Российской империи. Да и вообще, разве зима, как говорит славянская поговорка, не друг русскому человеку? Разве не уверен он в ее суровой дружбе?

В эту минуту с левого берега Эмбаха донесся вой. Не могло быть сомнения — это был вой зверя, находящегося в каких-нибудь ста шагах. Но приближался ли он или удалялся? В темноте это было трудно определить.

Человек на мгновение остановился, прислушиваясь. Надо быть настороже, не дать застигнуть себя врасплох.

Вой повторился еще несколько раз, все усиливаясь. Ему отвечали другие завывания. Никаких сомнений: стая зверей бежала по берегу Эмбаха и, вероятно, учуяла присутствие человека.

Но вот зловещий вой послышался с огромной силой, и беглец решил, что хищники сейчас на него набросятся.

«Волки! — подумал он. — Стая уже близко!»

Опасность была велика. Изголодавшиеся за долгую суровую зиму звери эти действительно опасны. Одинокого волка бояться нечего, если только путник силен и хладнокровен — была бы палка в руках. Но от полдюжины этих зверей даже с револьвером трудно отбиться, разве что стрелять без промаха.

В этих местах негде было укрыться от нападения. Берега Эмбаха низкие и совершенно голые — ни одного дерева, на ветви которого можно было бы взобраться, а стая, — мчалась ли она по льду или через степь, — вероятно, находилась теперь не более чем в пятидесяти шагах.

Выход был один — бежать со всех ног, впрочем, без большой надежды опередить хищников. Пусть даже пришлось бы потом остановиться, чтобы отразить нападение. Человек пустился бежать, но вскоре услышал, что звери преследуют его по пятам. Завывания раздавались теперь ближе, чем в двадцати шагах. Путник остановился, и ему показалось, что во тьме заблестели светящиеся точки, точно горящие уголья.

То были волчьи глаза — глаза разъяренных волков, отошавших, лютых от долгой голодовки, алчущих добычи. Они уже почти ощущали ее на зубах.

Беглец обернулся, держа револьвер в одной руке, палку — в другой. Лучше не стрелять, а постараться обойтись с помощью палки, чтобы не привлечь внимания полицейских, если те рыщут где-нибудь поблизости.

Человек выпростал руки из складок тулупа и твердо уперся ногами в землю. Яростно размахивая палкой, он отогнал волков, которые уже наседали на него. Один зверь попробовал вцепиться ему в горло, но он тут же уложил его ударом палки.

Однако волков было полдюжины — слишком много, чтобы их напугать, слишком много, чтобы уничтожить одного за другим, не прибегая к револьверу. К тому же при втором ударе, нанесенном со страшной силой по голове другому волку, палка сломалась в руке.

Человек снова бросился бежать, и, так как волки преследовали его по пятам, он остановился и выстрелил четыре раза. Два смертельно раненных зверя упали на лед, обагрив его своей кровью, но последние пули не попали в цель — два других волка отскочили на двадцать шагов.

Беглец не успел зарядить револьвер. Стая уже снова подступала, готовая наброситься на него. Он пробежал еще две-

сти шагов, но звери уже нагоняли его и вгрызались зубами в полы тулупа, разрывая его в клочья. Человек чувствовал их горячее дыхание. Один неверный шаг — и ему конец. Не встать ему больше: свирепые животные растерзают его.

Неужели пробил его последний час?.. Неужели он преодолел столько испытаний, столько трудностей, столько опасностей, чтобы ступить на родную землю и не оставить там даже своих костей!..

Наконец с первыми проблесками зари впереди показалось озеро Выртсьярв. Дождь перестал лить, но вся окрестность была подернута туманом. Волки набросились на свою жертву, несчастный отбивался от них рукояткой револьвера. Звери отвечали укусами и ударами когтей.

Вдруг человек наткнулся на какую-то лестницу... К чему прислонена эта лестница? Не все ли равно! Лишь бы удалось взобраться вверх по ступенькам — звери не смогут достать его там. Хотя бы временно он будет в безопасности.

Лестница эта спускалась немного наклонно и, удивительное дело, не опиралась на землю, словно была подвешена. В тумане нельзя было разглядеть, где находилась ее верхняя точка опоры.

Беглец ухватился за перекладины и поднялся на нижние ступеньки в ту самую минуту, когда волки с новой яростью бросились на него. Волчьи клыки впились в его сапоги, разрывая кожу.

Между тем лестница трещала под тяжестью человека. Она качалась при каждом его шаге. Неужели она упадет? На этот раз звери растерзают его, пожрут его живьем...

Лестница выдержала, и с ловкостью марсового, взбирающегося на ванты, он поднялся на верхние ступеньки.

Здесь выдавался конец какой-то балки — подобие большой ступицы колеса, на которую можно было сесть верхом.

Человек был теперь недосыгаем для волков, которые продолжали прыгать вниз, издавая ужасающий вой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Славянин за славянина

Беглец временно находился в безопасности. Волки не могут карабкаться по лестнице, как медведи — не менее опасные хищники, которых тоже немало в лифляндских лесах. Лишь бы не пришлось спуститься вниз до того, как наступит рассвет и волки убегут.

Но откуда здесь эта лестница, и во что упирается ее верхний конец?

Как уже сказано, она упиралась в ступицу колеса, к которой были прикреплены еще три такие же лестницы. На самом деле это были четыре крыла ветряной мельницы, возвышавшейся на холмике неподалеку от места, где река Эмбах сливается с водами озера. К счастью, в ту минуту, когда беглецу удалось уцепиться за одно из ее крыльев, мельница не работала.

Возможно, с рассветом, если ветер усилится, крылья придут в движение. В таком случае трудно будет удержаться на вращающейся ступице. Да и кроме того, если мельник придет, чтобы натянуть парусину на крыльях и повернуть наружный рычаг, он непременно заметит человека, сидящего верхом на стыке крыльев. Но разве мог беглец спуститься на землю? Волки продолжали осаждать подножие холмика, и их завывание грозило разбудить обитателей соседних домов...

Оставалось одно: проникнуть на мельницу, скрываться весь день — если только сам мельник не живет там, что тоже вероятно, а дождавшись вечера, снова пуститься в путь.

Итак, человек дополз до крыши, пробрался к слуховому окну с проходящим через него рычагом, стержень которого свисал до земли. Кровля мельницы, как обычно в этих местах, представляла собой как бы опрокинутую ладью, вернее, своего рода фуражку без козырька. Эта крыша поворачивалась на внутренних катках, которые позволяли устанавливать крылья по направлению ветра. Таким образом, основной деревянный корпус мельницы неподвижно стоял на земле, вместо того чтобы вращаться вокруг центрального столба, как это обычно делается в Голландии. На мельницу с противоположных сторон вели две двери.

Добравшись до слухового окна, беглец бесшумно, без особого труда пролез через узкое отверстие. Внутри находился чердак, посреди которого проходил горизонтальный вал, соединенный зубчатыми колесами с вертикальной осью жернова, расположенного в нижнем этаже мельницы.

Тут стояла глубокая тишина, полный мрак. Видно, в этот час внизу никого не было. Крутая лестница, огибая бревенчатую стенку, вела в нижний этаж с земляным полом, построенный прямо на холме. Из предосторожности следовало остаться на чердаке. Сперва поесть, затем поспать — вот две настоятельные потребности, которые беглец должен был удовлетворить не откладывая. Он уничтожил свои последние съестные припасы; при следующем переходе их необходимо возобновить. Где и как?.. Там видно будет.

К половине восьмого туман рассеялся, можно была оглядеть местность, которая окружала мельницу. Какой вид открывался из слухового окна? Справа тянулась равнина, покрытая лужами растаявшего снега. Через эту равнину далеко на запад убегала дорога, усталая плотно пригнанными бревнами, так как она пересекала болото, над которым вились стайки водяных птиц. Слева простиралось озеро, покрытое льдом, за исключением того места, где вытекала река Эмба. Там и сям, выделяясь среди скелетообразных кленов и ольх, возвышались покрытые темной хвоей сосны и ели. Но прежде всего беглец заметил, что волки, завывания которых он уже с час не слышал, исчезли.

«Отлично,— подумал он.— Однако таможенники и полицейские гораздо опаснее диких зверей! Чем ближе к побережью, тем труднее будет заметить следы. А я и без того падаю от усталости... Но прежде чем заснуть, надо все же осмотреться, куда бежать в случае тревоги!»

Дождь перестал. Температура поднялась на несколько градусов, так как ветер потянул с запада. Однако не вздумает ли мельник, воспользовавшись свежим ветром, пустить мельницу в ход?

Из слухового окна, в какой-нибудь полуверсте, виднелось несколько разбросанных домиков с покрытыми снегом соломенными крышами, над которыми вздымались тонкие струйки утреннего дыма. Там, должно быть, жил и хозяин мельницы. Надо будет понаблюдать за этими хуторами.

Беглец отважился все же ступить на внутреннюю лестницу и спуститься до стоек, поддерживавших жернов. Внизу стояли мешки с зерном. Стало быть, мельница не заброшена и работает, когда ветер достаточно силен, чтобы приводить в движение ее крылья. Значит, мельник может явиться с минуты на минуту, чтобы поставить их по ветру?

Остаться при таких условиях в нижнем этаже было бы неосторожно. Лучше вернуться на чердак и поспать хоть несколько часов. В самом деле, внизу беглецу грозила опасность быть застигнутым врасплох. Обе двери, ведущие на мельницу, запирались лишь на щеколду, и, если дождь снова пойдет, любой прохожий может зайти на мельницу, чтобы укрыться там. Да и ветер свежел. Мельник не замедлит явиться.

Бросив последний взгляд через узкое оконце в стене, путник поднялся по деревянной лестнице, добрался до чердака и, побежденный усталостью, уснул глубоким сном.

Неизвестно, который был час, когда он проснулся... Веро-

ятно, около четырех. День был уже в полном разгаре, однако мельница по-прежнему не работала.

К счастью, подымаясь и расправляя окоченевшие от холода члены, беглец двигался бесшумно. Это избавило его от большой опасности.

В нижнем этаже раздавались голоса. Несколько человек оживленно беседовали внизу. Эти люди вошли сюда за полчаса до того, как он проснулся, и, если бы поднялись на чердак, неминуемо нашли бы его.

Беглец боялся шевельнуться. Прильнув ухом к полу, он прислушивался к тому, что говорили внизу.

С первых же слов ему стало ясно, что за люди находились там. Он сразу же понял, какой опасности избегнет, если только ему удастся незаметно покинуть мельницу до или после ухода людей, разговаривающих с мельником.

Это были трое полицейских: унтер-офицер и два его подчиненных.

Руссификация должностных лиц Прибалтийских областей в то время только лишь начиналась. Лица германского происхождения устранились и заменялись славянами. Но среди полицейских было еще много немцев. В их среде выделялся унтер-офицер Эк, склонный проявлять меньше строгости к своим немецким соотечественникам, чем к русским лифляндцам. Ревностный служака и вдобавок весьма проницательный полицейский, на хорошем счету у начальства, он проявлял настоящее упорство в преследовании преступников, гордясь успехами, с трудом примиряясь с неудачей. В настоящее время он был занят важными розысками и проявлял тем большую энергию и усердие, что дело шло о поимке бежавшего из Сибири лифляндца русского происхождения...

Пока беглец спал, мельник пришел на мельницу, намереваясь поработать весь день. Около девяти часов ветер показался мельнику благоприятным, и если бы он пустил крылья в ход, шум разбудил бы беглеца. Но заморосил дождик и не дал ветру окрепнуть. Мельник стоял на пороге, когда Эк со своими подчиненными заметил его и завернул на мельницу, чтобы добыть кое-какие сведения. Сейчас говорил Эк:

— Не слыхал ли ты, не появлялся вчера у берегов озера человек лет тридцати, тридцати пяти?

— Нет,— ответил мельник.— И двух человек за день не заходит в эту пору на наши хутора... Что это — иностранец?

— Иностранец? Нет, здешний, русский из Прибалтийских областей.

— Ах, вот как, русский! — повторил мельник,

— Да... Поймать этого негодяя было бы большой честью для меня!

В самом деле, для полицейского беглый арестант всегда негодяй, осужден ли он за политическое или уголовное преступление.

— И вы давно его ловите? — спросил мельник.

— Да вот уже сутки — с тех пор как его заметили на границе края.

— А вы знаете, куда он держит путь? — продолжал любопытный от природы мельник.

— Сам догадайся, — ответил Эк. — Туда, где он сможет сесть на какое-нибудь судно, как только море освободится ото льда. Скорее в Ревель, чем в Ригу.

Унтер-офицер рассуждал правильно, указывая этот город, древнюю Колывань¹ русских — средоточие морских путей северной части империи. Этот город сообщался с Петербургом железной дорогой, проложенной по побережью Курляндии. Беглецу было выгоднее всего добраться до Ревеля, являющегося морским курортом, а если не до Ревеля, то до ближайшего к нему Балтийска, расположенного у выхода из залива; этот порт в силу своего местоположения ранее других освобождается ото льдов. Правда, Ревель (один из старейших ганзейских городов, населенный на одну треть немцами и на две трети эстонцами — коренными жителями Эстляндии) находился в ста сорока верстах от мельницы и, для того чтобы пройти это расстояние, понадобилось бы совершить четыре долгих перехода.

— Зачем ему идти в Ревель? Негодяю гораздо ближе добраться до Пернова!² — заметил мельник.

Действительно, до Пернова пришлось бы пройти лишь около ста верст. Что касается более отдаленной Риги — вдвое дальше Пернова, — то на этой дороге не стоило вести поиски.

Нечего и говорить, что неподвижно лежавший на чердаке беглец, затаив дыхание, напрягая слух, ловил каждое слово. Уж он-то сумеет извлечь из этого пользу.

— Да, — ответил унтер-офицер. — Он может свернуть и в Пернов. Фалленским отрядам уже дано знать, чтобы они вели наблюдение за местностью, а все же сдается мне, что наш беглый направляется в Ревель, где раньше можно сесть на судно.

Таково было мнение майора Вердера, управлявшего в то

¹ Древнерусское название Ревеля (ныне г. Таллин).

² Прежнее название города Пярну.

время лифляндской полицией под начальством полковника Рагенова. Потому-то Эк и получил такие указания.

Если славянин Рагенов не разделял антипатий и симпатий немца майора Вердера, зато последний вполне сходилась во взглядах со своим подчиненным унтер-офицером Эком. Правда, чтобы согласовать точки зрения полковника и Вердера, умерять и сдерживать их пыл, над ними стоял еще генерал Горко, губернатор Прибалтийских областей. Это высокопоставленное лицо руководствовалось указаниями правительства, которые, как уже отмечалось, были направлены к постепенной руссификации края.

Беседа продолжалась еще несколько минут. Эк описал приметы беглеца, разосланные различным полицейским отрядам области: роста выше среднего, крепкого телосложения, тридцати пяти лет от роду, с густой белокурой бородой, в толстом коричневом тулупе; так выглядел он по крайней мере при переходе границы.

— Значит, человек этот... русский, говорите вы? — снова спросил мельник.

— Да... Русский!

— Так вот, говорю вам, он не показывался на наших хуторах, и ни в одной избе вы ничего о нем не узнаете...

— Тебе известно,— сказал Эк,— что тому, кто предоставит ему убежище, грозит арест и с ним поступят, как с его сообщником?..

— Упаси боже! Я знаю об этом, да и не посмел бы никогда!

— То-то же! Так-то будет лучше,— добавил Эк.— А то тебе пришлось бы иметь дело с майором Вердером.

— Еще бы, уж будьте покойны, господин унтер!

При этих словах Эк собрался было уйти, повторив, что он и его люди будут продолжать розыски между Перновым и Ревелем и что полицейские патрули получили приказ держать связь между собой.

— Вот и ветер подул с северо-востока, и начинает свежеть. Не помогут ли мне ваши люди установить крылья по ветру? Мне не пришлось бы возвращаться на хутор, и я остался бы здесь на всю ночь.

Эк охотно согласился. Его подчиненные вышли в противоположную дверь и, ухватившись за большой рычаг, повернули кровлю на катках так, что двигатель стал по ветру. Парусина на крыльях натянулась, зубчатые колеса заработали, и мельница стала издавать обычное мерное постукивание: «Тик-так, тик-так...»

Затем унтер-офицер и его подчиненные ушли на северо-запад.

Беглец не пропустил ни слова из их разговора. Он хорошо запомнил, что самые большие опасности подстерегают его в конце этого тяжелого пути. О его появлении в крае все уже оповещены... Полиция обыскивает местность... Отряды действуют сообща, чтобы изловить его... Стоит ли добираться до Ревеля? Нет, подумал он. Лучше идти в Пернов, это ближе... С потеплением и Балтийское море и Финский залив не замедлят вскрыться.

Приняв такое решение, надо было покинуть мельницу, как только стемнеет.

Однако как же это сделать, не привлекая внимания мельника? При установившемся сильном ветре мельница пришла в движение. Мельник пробудет здесь всю ночь. Нечего и думать о том, чтобы спуститься в нижний этаж и проскользнуть незамеченным в одну из дверей... А нельзя ли вылезть в слуховое окно, добраться до рычага, поворачивающего крышу, и спуститься на землю?..

Такому ловкому и сильному человеку, как он, стоило сделать такую попытку, хотя вал, несущий крылья, уже пришел в движение, и можно было попасть между зубчатых колес. Ему угрожала опасность быть раздавленным, но все же следовало попытаться.

Лишь бы удалось выждать один только час — и уже будет темно. А что, если мельник вздумает подняться на чердак, если ему там что-нибудь понадобится. Есть ли надежда остаться незамеченным? Такой надежды нет, если это произойдет засветло, да и если даже стемнеет. Ведь мельник тогда придет с фонарем.

Ну что ж. Если мельник поднимется на чердак и заметит спрятавшегося там человека, тот бросится на него, повалит его на пол, заткнет ему рот. Если мельник будет сопротивляться, если вступит в борьбу, если будет опасность, что крики его могут услышать на хуторах,— тем хуже для него... Нож бегльца заткнет ему глотку. Не для того этот человек проделал такой долгий путь, превозмог столько опасностей, чтобы отступить, чтобы не решиться завоевать себе свободу любой ценой.

И все же он не терял надежды, что ему не придется, расчищая себе путь, прибегнуть к такой крайности, как убийство. Да и зачем мельнику подниматься на чердак? Разве не должен он присматривать за быстро вращающимися жерновами, приведенными в действие большими крыльями ветряка?

Прошел час; слышалось мерное постукивание вала, скрежет зубчатых колес, завывание ветра, скрип размалываемого

зерна. Сумерки, обычно долгие под этими высокими широтами, начали утопать во тьме. На чердаке стало совсем темно. Приближались решительные минуты. Путнику предстоял утомительный ночной переход — не менее сорока верст, — и надо было выйти, не мешкая, как только это станет возможно.

Беглец проверил, легко ли скользит в ножнах нож, который он носил на поясе, и заменил в шестизарядном барабане револьвера расстрелянные в схватке с волками патроны.

Оставалась еще одна трудность, к тому же немалая, — пролезть через слуховое окно, не зацепившись за вращающийся вал, конец которого, всаженный в механизм, подходит вплотную к слуховому окну. После этого, держась за выступы крыши, можно будет без особого труда добраться до большого рычага.

Беглец уже пробирался к слуховому окну, как вдруг среди грохота жерновов и зубчатых колес послышался какой-то новый, явственный звук. Это был звук тяжелых шагов, под которыми скрипели ступеньки лестницы. Мельник с фонарем в руке поднимался на чердак.

Он появился в ту самую минуту, когда беглец, напрягши все силы, хотел броситься на него с револьвером в руке.

Но мельник, высунувшись по пояс над полом чердака, быстро сказал:

— Пора уходить, батюшка... не задерживайся... спускайся... дверь открыта.

Пораженный беглец не знал, что ответить. Значит, добрый человек знал, что он здесь? Значит, видел, как он спрятался на мельнице?.. Да, пока он спал, мельник поднялся на чердак, увидел его, но не стал будить. Разве не был беглец таким же русским, как и он сам... Славянин узнает славянина по чертам лица. Мельник догадался, что лифляндская полиция преследует этого человека... За что... Он не хотел об этом спрашивать и не хотел выдавать его полицейским.

— Спускайся, — повторил он ласково.

Взволнованный, с бьющимся сердцем беглец спустился в нижний этаж, где одна из дверей была открыта.

— Вот немного еды, — сказал мельник, наполняя сумку бегльца хлебом и мясом. — Я видел, что она пуста, как и фляга. Наполни ее и ступай...

— Но... если полиция узнает...

— Постарайся сбить ее со следа, а обо мне не беспокойся... Я не спрашиваю тебя, кто ты такой... Знаю лишь, что ты славянин. А славянин никогда не выдаст славянина немцам-полицейским.

— Спасибо тебе... спасибо! — воскликнул беглец.

— Ступай, батюшка! Да укажет тебе путь господь, и да простит он тебя, коли есть за что прощать.

Ночь была темная; дорога у подножия холма — совершенно пустынная. Помахав мельнику на прощание рукой, беглец скрылся из виду.

По новому выработанному им маршруту надо было за ночь дойти до местечка Фаллена, спрятаться в его окрестностях и отдыхать весь следующий день. Беглец пройдет эти сорок верст, и ему останется только шестьдесят верст до Пернова. Тогда, в два перехода, если его не задержит никакая нежелательная встреча, он прибудет в Пернов одиннадцатого апреля до полуночи. Там он спрячется, пока не добудет достаточно средств, чтобы оплатить проезд на борту какого-нибудь судна. Как только Балтийское море освободится ото льда, много кораблей выйдет в плавание.

Беглец шел быстро, то по равнине, то по опушке окутанных мраком сосновых и березовых лесов. Иногда приходилось огибать подножие какого-нибудь холма, обходить узкие овраги, пересекать быстрые, наполовину замерзшие речушки, пробираясь через заросли камыша и карабкаясь на прибрежные гранитные скалы. Земля была здесь менее голой, чем возле Чудского озера, где желтая песчаная почва покрыта лишь скудной растительностью. От времени до времени попадались заснувшие деревни, лежащие среди ровных и однообразных полей, которые плуг подготовит скоро к посеву гречихи, ржи, льна и конопли.

Становилось заметно теплее. Полурастаявший снег превращался в грязь. Оттепель начиналась рано в этом году.

Около пяти часов утра, не доходя до местечка Фаллена, беглец нашел заброшенную лачугу, в которой, никем не замеченный, он мог приютиться. Провизия, подаренная мельником, подкрепила его силы. Сон довершит остальное. Ничто не потревожило его сна, и в шесть часов вечера он пустился в дальнейший путь. Если в эту ночь с девятого на десятое апреля он покроет половину расстояния в шестьдесят верст, остающихся до Пернова, то это будет предпоследний переход.

Так и произошло. На рассвете беглец вынужден был сделать привал, но на этот раз за неимением лучшего пристанища — в чаще соснового леса в полуверсте от дороги. Это было благоразумнее, чем просить приюта и пищи на какой-нибудь ферме или в корчме. Не всегда встречаются столь гостеприимные хозяева, как мельник с озера.

В тот же день после полудня, укрывшись в зарослях, путник заметил на дороге в Пернов полицейский патруль. Отряд

остановился, словно собираясь обыскать сосновый лес. Однако, передохнув немного, полицейские удалились.

В шесть часов вечера беглец снова пустился в путь. Небо было безоблачно. Ярко сияла почти полная луна. В три часа утра путник вышел к левому берегу реки Перновы¹ в пяти верстах от Пернова. Продолжая идти вниз по течению, он скоро должен был достигнуть города, где собирался прожить в какой-нибудь скромной корчме до дня отъезда.

Радости его не было границ, когда он заметил, что ледоход на Пернове уже начался и льдины уносятся к залив. Еще несколько дней, и он покончит с бродячей жизнью, тяжелыми переходами, усталостью и опасностями. Так по крайней мере он надеялся...

Внезапно раздался окрик. Таким же окриком встретили его на лифляндской границе на Чудском озере. Этот окрик звучал в его ушах, как немецкое «*Wer da?*».

Только на этот раз кричал не таможенник.

Показался полицейский патруль из четырех человек под начальством унтер-офицера Эка, наблюдавший за дорогами в окрестностях Пернова.

Беглец остановился было на мгновение, затем бросился вниз по круче к реке.

— Это он! — заревел один из полицейских.

К несчастью, при ярком свете луны нельзя было скрыться незамеченным. Эк и его люди преследовали беглеца по пятам. Утомленный большим переходом, он не мог бежать с обычной скоростью. Нелегко будет ему обогнать полицейских, которые не натрудили себе, как он, ноги десятичасовой ходьбой.

«Лучше умереть, чем снова попасться им в руки!» — подумал он.

И, улучив момент, когда в пяти-шести футах от берега проплывала льдина, он сильным рывком вскочил на нее.

— Стреляйте... стреляйте же! — крикнул Эк полицейским. Раздалось четыре выстрела, но револьверные пули затерялись где-то во льдах.

Льдина, уносившая беглеца, плыла со значительной скоростью, так как в начале ледохода течение Перновы довольно быстрое.

Эк и его подчиненные продолжали бежать по берегу. Но на ходу трудно было метко прицелиться по движущимся льдинам. Надо было по примеру преследуемого тоже вскочить на льдину, перепрыгнуть на другую, словом, продолжать погоню по реке.

¹ Ныне река Пярну.

Полицейские с Эком во главе уже готовы были сделать такую попытку, как вдруг раздался страшный грохот. Река, суживаясь в излучине, круто поворачивала вправо, и льдина беглеца, врезавшись в другие льдины, перевернулась, вздыбилась, снова опрокинулась и исчезла под льдинами, которые, взгромоздясь одна на другую, образовали затор.

Лед стал. Полицейские бросились на ледяное поле и исходили его по всем направлениям; поиски продолжались целый час.

Ни следа беглеца — наверное, он погиб при столкновении льдов.

— Жалко, мы не поймали его... — сказал один из полицейских.

— Еще бы! — ответил унтер-офицер Эк. — Но раз мы не сумели захватить его живым, постараемся добыть его хоть мертвым.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Семья Николевых

На следующий день после описанного происшествия — 12 апреля — в восьмом часу вечера в столовой одного из домов в предместье Риги, населенном по преимуществу русскими, беседовали три человека, поджидая четвертого. Скромного вида дом был построен из кирпича, что являлось редкостью на окраине предместья, где дома обычно деревянные. Печь, установленная в глубине столовой, топилась с самого утра, поддерживая температуру в пятнадцать — шестнадцать градусов — вполне достаточную, так как наружный термометр показывал пять или шесть градусов по Цельсию.

Маленькая, прикрытая абажуром керосиновая лампа освещала стол посреди комнаты тусклым светом. На мраморном столике кипел самовар, а чайный прибор был накрыт на четверых. Но четвертый еще не появлялся, хотя и опаздывал уже на сорок минут.

— Дмитрий где-то задержался, — заметил один из гостей, подходя к окну с двойной рамой, выходящему на улицу.

Это был мужчина лет пятидесяти — русский врач Гамин, один из самых верных друзей дома. За двадцать пять лет практики в Риге он составил себе репутацию отличного врача. Пациенты очень его любили за приветливый нрав, а коллеги сильно завидовали ему: всем известно, до какой степени может дойти иногда профессиональная зависть — в России, как и повсюду.

— Да... скоро восемь, — ответил другой гость, бросая

взгляд на часы с гирями, висевшие между окнами. — Но господин Николев имеет право на «льготную отсрочку» в четверть часа, как говорят у нас во Франции, а ведь известно, что эти четверть часа обычно больше пятнадцати минут!

Человек, произнесший эти слова, господин Делапорт, мужчина лет сорока, был французский консул в Риге, живший уже в течение десяти лет в этом городе. Его изысканные манеры, любезность и услужливость снискали ему всеобщее уважение.

— Отец пошел давать урок на другой конец города, — сказала третья из присутствующих. — Путь долог, да и тяжел в эту непогоду — не то дождь, не то мокрый снег! Он придет весь продрогший. Бедный отец!

— Ничего! — воскликнул доктор. — Печь храпит, как судья во время заседания! В столовой тепло... самовар не отстает от печки... Чашку-другую чаю — и Дмитрий согрется и снаружи и внутри! Не беспокойся, дорогая Илья! А если твоему отцу понадобится врач, то он недалеко — и это один из его лучших друзей...

— Нам это известно, дорогой доктор! — улыбаясь, ответила девушка.

В двадцать четыре года Илья Николева представляла собой чистейшего типа славянскую девушку. Как непохожа она была на других рижанок немецкого происхождения, с их чересчур розовой кожей, чересчур голубыми глазами, чересчур невыразительным взглядом, с их чересчур немецкой апатичностью! Брюнетка, с лицом, играющим красками, и все же не румяным, стройная, Илья отличалась благородными чертами лица, немного сурового, строгость которого, впрочем, смягчал взгляд, на редкость нежный, когда он не был подернут грустью. Серьезная, задумчивая, равнодушная к кокетливым нарядам, она одевалась просто, со вкусом и являла законченный образец лифляндской девушки русского происхождения.

Илья не была единственным ребенком Дмитрия Николева, овдовевшего десять лет тому назад. Ее брат Иван, которому лишь недавно исполнилось семнадцать лет, заканчивал образование в Дерптском университете. В детские годы Илья заменила ему мать, а со времени ее смерти в какой другой женщине нашел бы он столько преданности, столько доброты, столько самопожертвования? Лишь благодаря проявленным его сестрой чудесам бережливости юный студент был в состоянии продолжать учение вне родительского дома, стоившее довольно дорого.

И действительно, единственным источником доходов

Дмитрия Николева были уроки, которые он давал у себя на дому или в городе. Его очень ценили как учителя физики и математики, и он был весьма образованным человеком. Все знали, что он не обладал никаким состоянием. Профессия учителя не приносит богатства, а в России еще меньше, чем где-либо. Если бы всеобщее уважение приносило богатство, то Дмитрий Николев был бы миллионером, одним из богатейших людей Риги, так как почтение, которым его окружали, ставило его на видное место среди сограждан — конечно, славян. Чтобы убедиться в этом, достаточно будет в ожидании возвращения учителя принять участие в разговоре доктора Гамина с консулом. Разговор велся на русском языке, на котором господин Делапорт изъяснялся так же свободно, как образованные русские говорят по-французски.

— Итак, доктор,— говорил последний,— мы с вами накануне события, которое приведет к изменению политической обстановки в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии... Эстонские газеты со всем свойственным арийскому языку¹ очарованием предсказывают это!..

— Изменения произойдут постепенно,— ответил доктор,— давно пора отнять у немецких корпораций административную власть и влияние в городской думе! Не правда ли, какая возмутительная нелепость, что немцы управляют политикой наших областей?

— Но, к несчастью, даже когда их отстранят от управления,— заметила Ильяка,— они все же останутся всесильными благодаря власти денег,— ведь почти все земли и все должности принадлежат лишь им?

— Ну, должности-то можно у них отобрать,— отвечал Делапорт.— Что касается земель, то это будет трудно, вернее сказать, невозможно! В одной только Лифляндии немцы владеют большей частью поместий — в их руках по меньшей мере четыреста тысяч гектаров.

И действительно это было так. В Прибалтийских областях почти все дворяне, почетные граждане, мещане и купцы — немецкого происхождения. Правда, местное население, обращенное немцами сперва в католическую, затем в протестантскую веру, так и не удалось онемечить. Эстонцы, родственные финнам, и латыши, почти все земледельцы, отнюдь не скрывают национальной вражды к своим хозяевам, и многие газеты в Ревеле, Дерпте, Петербурге выступают в защиту их прав!

¹ Арийские языки — лженаучное название индоевропейской группы языков, к которой относится и эстонский язык.

Консул добавил:

— Трудно сказать, кто победит в этой борьбе между лифляндцами немецкого происхождения и лифляндцами славянского происхождения!

— Предоставим действовать императору,— ответил доктор Гамин.— Он-то чистокровный славянин и сумеет обуздать инородные элементы в наших областях.

— Еще удастся ли ему это! Уже семьсот лет, со времени захвата областей, наши крестьяне, наши рабочие сопротивляются напору захватчиков. И что же? Их высылают из страны!

— Отец твой, дорогая Илька,— сказал доктор,— доблестно борется за наше дело! Потому-то, по всей справедливости, он и возглавляет славянскую партию...

— При этом он нажил себе грозных врагов,— заметил господин Делапорт.

— И среди них братьев Иохаузенов,— ответил доктор.— Эти богатые банкиры лопнут с досады в тот день, когда Дмитрий Николев отберет у них бразды правления в рижской городской думе!.. В конечном счете в нашем городе всего лишь каких-нибудь сорок четыре тысячи немцев на двадцать шесть тысяч русских и двадцать четыре тысячи латышей... Славяне в большинстве — и это большинство будет стоять за Николева...

— Мой отец не честолюбив,— ответила Илька.— Лишь бы славяне победили и стали хозяевами в своей стране.

— Они станут ими, Илька, на будущих выборах,— уверенно заявил господин Делапорт,— и если Дмитрий Николев согласится выставить свою кандидатуру...

— Это было бы тяжелым бременем для отца при его скромном достатке,— ответила девушка.— Вы же сами знаете, дорогой доктор, вопреки статистике Рига в большей степени немецкий город, чем русский!

— Пускай текут воды Двины!..— воскликнул доктор.— Былые нравы унесутся вниз, новые идеи примчатся с верховьев... И в этот день мой милый Дмитрий будет вознесен!

— Благодарю вас, доктор, и вас также, господин Делапорт, за добрые чувства к моему отцу, но надо остерегаться... Или вы не заметили, что он становится все печальнее с каждым днем! Это меня так беспокоит!

Действительно, друзья Николева тоже подметили это. Казалось, с некоторых пор тяжелые заботы одолевали Дмитрия Николева. Но как человек весьма замкнутый, малообщительный, он не открывался никому, ни своим детям, ни старому верному другу Гамину. В труде, в упорном труде, должно быть, надеясь забыться, находил он спасение. Между тем

славянское население Риги видело в нем своего представителя, который возглавит новую городскую думу.

Шел 1876 год. Мысль руссифицировать Прибалтийские области имела уже столетнюю давность. Еще Екатерина II помышляла об этой чисто национальной реформе. Правительство принимало меры, чтобы отстранить немецкие корпорации от управления городами и селами. К выборам в думы привлекались все граждане с известным имущественным и образовательным цензом. В Прибалтийских областях с населением в один миллион девятьсот восемьдесят шесть тысяч жителей (из них, в круглых цифрах, в Эстляндии — триста двадцать шесть тысяч, в Лифляндии — один миллион, в Курляндии — шестьсот шестьдесят тысяч) немцы представлены были лишь четырнадцатью тысячами дворян, семью тысячами купцов или почетных граждан и девяноста пятью тысячами мещан. Остальные были евреи. Итого, в общем, немцев было сто пятьдесят пять тысяч. Следовательно, под покровительством губернатора и высших чиновников должно было без труда образоваться славянское большинство. Борьба завязывалась с нынешним большинством в муниципалитете, наиболее влиятельными членами которого были банкиры Июхаузен, призванные играть столь значительную роль в этой драматической истории.

Следует заметить, что в квартале, или, вернее, предместье Риги, где стоял скромный домик Николева, принадлежавший еще его отцу, учитель пользовался всеобщим уважением. Верно и то, что в предместье проживало не менее восьми тысяч русских.

Нам уже известно незавидное имущественное положение Дмитрия Николева. Но на самом деле оно было значительно хуже, чем думали. Не потому ли Илька не вышла еще замуж, хотя ей исполнилось уже двадцать четыре года? Является ли в Лифляндии бедность препятствием к браку, как в других странах, когда все богатство невесты в красоте, как говорят на Западе, когда приданое девушки заключается лишь в ее добродетели, даже если она равна ее красоте? Нет, в этом провинциальном славянском кругу деньги, возможно, далеко не главное побуждение к заключению брака.

Поэтому неудивительно, что руки Ильки Николевой добились многие. Удивительно то, что Дмитрий и его дочь отказывались от весьма лестных предложений.

Но для этого была причина. Несколько лет назад Илька стала невестой единственного сына Михаила Янова, славянина, друга Дмитрия Николева. Оба жили в Риге в том же предместье. Сын его Владимир, которому теперь тридцать

два года, был талантливым адвокатом. Несмотря на разницу лет, можно сказать, что дети росли вместе. В 1872 году, за четыре года до начала этой повести, брак между Владимиром Яновым и Илькой был уже делом решенным. Молодому адвокату исполнилось двадцать восемь лет, девушке — двадцать. Свадьба должна была состояться в течение того же года.

Однако секрет хранился в обеих семьях так строго, что даже друзья не подозревали о предстоящем браке. И вот им уже готовились объявить об этом, как вдруг все планы внезапно рухнули.

Владимир Янов состоял членом одного из тайных обществ, которые в России вели борьбу против царского самодержавия. Он вовсе не принадлежал к нигилистам, которые в те годы заменили пропаганду идей пропагандой действием. Но недоверчивые и подозрительные русские власти не желают делать никакого различия между теми или иными течениями. Они действуют в административном порядке, без законного судопроизводства; «из необходимости предупредить преступление» — явно классическая формула. Аресты были произведены во многих городах империи, в том числе и в Риге. И Владимира Янова, грубо оторванного от семьи, сослали в Восточную Сибирь в Минусинские копи. Вернется ли он когда-либо? Можно ли на это надеяться?

Это было тяжелым ударом для обеих семей, и все славяне Риги переживали его вместе с ними. Ильку бы это убило, если бы она не почерпнула твердости в своей любви. Полная решимости последовать за женихом, как только ей будет дозволено, она готовилась разделить тяжелую участь сосланного в столь отдаленный край. Но что случилось с Владимиром, куда именно он был сослан, — этого ей до сих пор узнать не удалось, и вот уже четыре года она не имела от него вестей.

Спустя полгода после ареста сына Михаил Янов почувствовал приближение смерти. Он решил превратить все свое имущество в деньги: небольшие деньги — двадцать тысяч рублей кредитными билетами, которые и вручил Дмитрию Николеву, прося сохранить их для его сына.

Николев принял поручение и хранил это в таком секрете, что даже Илька ничего не знала. Деньги лежали у него в целости и неприкосновенности.

Общеизвестно, что если бы верности суждено было быть изгнанной из этого бренного мира, то последним ее убежищем стала бы Лифляндия. Здесь еще встречаются такие удивительные женихи и невесты, которые сочетаются браком лишь после двадцати или двадцати пяти лет усердного ухаживания. И в большинстве случаев они ждут так долго потому, что

еще не добились соответствующего положения, необходимого для брака.

Что касается Ильки и Владимира, то дело обстояло совершенно иначе. Никакие имущественные соображения не являлись препятствием к их браку. У девушки не было никакого приданого, но она знала, что молодой адвокат и не требовал ничего, не интересуясь даже тем, оставит ли ей что-нибудь в наследство отец. У Владимира не было недостатка в уме и в таланте, и будущее не пугало его: он был спокоен и за жену, и за себя, и за детей, которые родятся у них.

Владимир отправился в ссылку, но Илька была убеждена, что он не забудет ее, как не забудет его и она. Разве не был их край страной «родственных душ»? Как часто такие души не могут соединиться на земле, если только Бог не сжадется над их любовью, но, не отказываясь друг от друга, если им не довелось соединиться в этом мире, они сливаются воедино в вечности.

Илька ждала, всей душой она была там, вместе с сосланным. Она ждала в надежде, что помилование — увы, маловероятное! — вернет ей любимого. Она ждала, что ей разрешат поехать к нему. Она была уже не только невестой — она считала себя его женой. Но если она уедет, что станет с ее отцом, с их домом, где хозяйственные заботы всецело лежали на ней и где благодаря ее привычке к порядку и бережливости все еще сохранился известный недостаток?

Между тем она не знала самого страшного. Никогда Дмитрий Николев не обмолвился ни словом о своих затруднениях, хотя это делало ему только честь. Да и зачем бы ему говорить детям? Зачем прибавлять к заботам о настоящем заботы о будущем? И без того они успеют узнать, так как срок платежа приближался.

Отец Дмитрия Николева, рижский купец, по смерти оставил свои дела в весьма запутанном состоянии. Банкротство его торгового предприятия дало убыток в двадцать пять тысяч рублей. Не желая допустить, чтобы имя отца было обесчещено, Дмитрий решил покрыть его долги. Превратив все свое имущество в деньги, он сумел выплатить несколько тысяч рублей. Получив отсрочку на остающуюся часть долга и экономя на своей зарплатке, он ежегодно делал небольшие взносы кредитору. Кредитором же его была фирма братьев Иохазенов. В настоящее время обязательства, взятые им на себя за отца, составляли еще огромную для него сумму в восемнадцать тысяч рублей. И без того отчаянное положение усугублялось тем обстоятельством, что срок платежа наступал через неполных пять недель — 15 мая.

Мог ли Дмитрий Николев рассчитывать, что братья Иохаузен дадут ему отсрочку, что они согласятся переписать долговое обязательство? Нет! Его кредитором был не только банкир, не только деловой человек — это был политический враг. В подготовлявшемся антинемецком движении общественное мнение сделало их соперниками. Благодаря этому долговому обязательству, этому взносу — последнему, но самому значительному, — глава банкирского дома, Франк Иохаузен, держал его в руках.

Он будет безжалостен.

Беседа доктора, консула и Ильки продолжалась еще с полчаса. Девушка все больше беспокоилась по поводу опоздания отца, как вдруг тот появился на пороге столовой.

Несмотря на то, что Дмитрию Николеву было не более срока семи лет, он казался на десять лет старше. Роста он был выше среднего, крепкого телосложения, с седеющей бородой и довольно суровым лицом, со лбом, изборожденным морщинами, омраченным горькими раздумьями и тяжелыми заботами; во всяком случае, таково было впечатление, которое он производил. Однако с молодых лет у него сохранился покоряющий взгляд, глубокий и проникновенный голос — голос, который, по выражению Жан-Жака, находит отзвук в сердце.

Дмитрий Николев снял промокшее под дождем пальто, бросил шляпу на кресло, затем, подойдя к дочери, поцеловал ее в лоб и пожал руки друзьям.

— Ты запоздал, отец, — сказала Илька.

— Меня задержали, — ответил Дмитрий. — Урок затянулся...

— Давайте же пить чай, — предложила молодая девушка.

— Если только ты не слишком устал, Дмитрий, — заметил доктор Гамин. — Не стесняйся... Твой вид мне не нравится... Тебе необходимо отдохнуть...

— Да, — ответил Николев, — но ничего... Сон восстановит мои силы... Давайте пить чай, друзья... И так уж я вас задержал. А потом, если позволите, я пораньше лягу спать...

— Что с тобой, отец? — спросила Илька, пристально глядя ему в глаза.

— Ничего, детка, уверяю тебя, — ничего. Если будешь так беспокоиться, то Гамин в конце концов откроет у меня какую-нибудь мнимую болезнь, лишь бы полечить меня ради своего удовольствия!

— Это такого рода болезни, от которых не излечиваются! — ответил, качая головой, доктор.

— Вы не узнали ничего нового, господин Николев? — спросил консул.

— Ничего, если не считать, что генерал-губернатор Горко, который ездил в Петербург, вернулся в Ригу.

— Вот это хорошо! — воскликнул доктор. — Вряд ли его возвращение доставит удовольствие Иохазенам, на них там смотрят не очень-то благожелательно.

Дмитрий Николев еще сильнее нахмурился. Ведь это имя напоминало ему о неизбежном платеже, отдававшем его на милость немецкого банкира!

Самовар вскипел, и Ильяка наполнила чашки! Чай был хорошего качества, хотя и не стоил сто пятьдесят франков за фунт, как в богатых домах. В этой стране имеется чай всех сортов, к счастью, так как это наиболее распространенный напиток, подлинный русский напиток, который потребляют даже бедняки.

К столу были поданы булочки с маслом, которые девушка пекла сама.

Трое друзей беседовали еще с полчаса; разговор шел о настроениях рижан. Впрочем, такие же настроения были распространены и в других больших городах Прибалтийских областей. Борьба между немецким и славянским населением захватила даже самых равнодушных людей. Можно было предвидеть, что по мере усиления политической активности завяжется жаркая борьба, в особенности в Риге, где народности эти сталкивались более непосредственно.

Явно чем-то озабоченный, Дмитрий почти не принимал участия в беседе, хотя речь часто шла и о нем. Мысли его, как говорится, витали где-то далеко... Где?.. Никто, кроме него, не мог бы этого сказать. Но когда к нему обращались с вопросом, он давал лишь уклончивые ответы, не удовлетворявшие доктора.

— Послушай, Дмитрий, — повторял он, — у тебя такой вид, словно ты где-то далеко в Курляндии, а ведь мы в Риге! Или, может быть, ты решил устраниваться от борьбы? Общественное мнение за тебя, власти за тебя... Неужели ты хочешь снова обеспечить успех Иохазенам?

Опять это имя, звучавшее как тяжелый удар молота для несчастного должника богатого банкирского дома!

— Они значительно могущественнее, чем ты полагаешь, Гамин, — отвечал Дмитрий.

— Но значительно менее могущественны, чем они утверждают, и скоро это станет ясно всем, — возразил доктор.

Часы пробили половину девятого. Пора было уходить. Доктор и господин Делапорт поднялись, чтобы попрощаться с хозяевами. На дворе разыгралась непогода. Дождь хлестал

в окна. Ветер завывал на перекрестках улиц и, врываясь в трубу, гнал дым обратно в печку.

— Ну и бушует,— сказал консул.

— В такую погоду и врача не выгонишь на улицу! — объявил доктор. — Ну что ж, пойдемте, Делапорт, предлагаю вам место в моей коляске. В двуногой коляске без колес!

По давнему обыкновению доктор поцеловал Ильку. Гости дружески пожали руку Дмитрию Николеву, который проводил их до порога, после чего оба скрылись во мраке бушующей непогоды.

Илька подошла к отцу, чтобы поцеловать его перед сном, и Дмитрий Николев обнял ее как будто нежнее, чем обычно.

— Кстати, отец,— сказала она,— я что-то не вижу твоей газеты. Почтальон не принес ее, что ли?

— Принес, детка. Я встретил его вечером, когда возвращался, у самого дома.

— Письма не было? — спросила Илька.

— Нет, дочка, не было.

Ежедневно уже в течение четырех лет всегда так: писем не приходило, во всяком случае письма из Сибири, письма с подписью Владимира Янова, которое Илька могла бы орошить слезами.

— Спокойной ночи, отец,— сказала она.

— Спокойной ночи, детка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В почтовой карете

В то время, к которому относится наш рассказ, совершить поездку по обширным равнинам Прибалтийских областей можно было только двумя способами, если только путник не расположен был передвигаться пешком или верхом. Из железных дорог существовала лишь одна, которая тянулась вдоль Финского залива и обслуживала эстляндское побережье. За исключением Ревеля, связанного с Петербургом, другие две столицы края (Рига — столица Лифляндии и Митава — столица Курляндии) не были соединены железной дорогой со столицей Российской империи.

Итак, к услугам путешественников не было никаких способов передвижения, кроме почтовой кареты или телеги.

Известно, что собой представляет телега — низкая повозка из досок, связанных веревками, без единого гвоздя, без железных креплений; сиденьем служит мешок, набитый корой, или попросту поклажа,— да еще следует из предосторожности

привязаться ремнем, дабы избежать падений, весьма частых на ухабистых дорогах.

Почтовая карета менее примитивна. Это уже не повозка, а коляска, правда, не слишком удобная, но хотя бы укрывающая от дождя и ветра. В карете только четыре места; та, что поддерживала сообщение между Ригой и Ревелем, ходила лишь два раза в неделю.

Само собой понятно, что ни почтовая карета, ни телега, ни какая-либо другая колесная повозка не могла разъезжать зимой по этим обледенелым дорогам. Карету с успехом заменяли розвальни — тяжелые сани на полозьях, быстро увлекаемые упряжкой лошадей по белым степям Прибалтийского края.

Утром 13 апреля почтовая карета, отправлявшаяся в Ревель, поджидала единственного пассажира, взявшего билет еще с вечера. Он явился в назначенное время. Это был добродушный, улыбающийся весельчак лет пятидесяти. Поверх куртки грубого сукна на нем был толстый непромокаемый плащ, под мышкой он бережно нес сумку.

— Так это ты, Пох, взял место в карете? — обратился к нему кондуктор, когда он вошел в помещение почтовой станции.

— Я самый, Брокс.

— Вот как, телега тебе не подходит! Подавай тебе хорошую карету да тройку лошадей...

— И хорошего кондуктора, как ты, дружище...

— Ишь ты, батюшка, вижу, что ты денег не жалеешь!

— Нет, не жалею, особенно когда не я плачу!

— А кто же?

— Хозяин... Господин Франк Иохаузен.

— Еще бы! — воскликнул кондуктор. — Этот, кабы захотел, мог бы нанять и целую карету.

— Верно, Брокс, но я взял лишь одно место, — пускай у меня будут попутчики! Не так скучно в дороге.

— Эх, бедняга Пох, придется тебе на этот раз обойтись без них. Не часто это бывает, но сегодня так случилось... Ни одно место не продано, кроме твоего...

— Как... никто с нами не едет?

— Никто, и если какой-нибудь пешеход не сядет в дороге, тебе придется болтать только со мной... Ну, да не стесняйся! Ты ведь знаешь, я не прочь перекинуться словечком, другим...

— Я тоже, Брокс.

— А куда ты едешь?

— До конечной станции, в Ревель, к клиенту господ Иохаузену.

И, подмигнув, Пох указал глазами на зажатую под мышкой сумку, привязанную медной цепочкой к его поясу.

— Эй, эй, батюшка,— сказал Брокс,— незачем болтать об этом! Ведь мы уже не одни.

И в самом деле, в комнату вошел пассажир, который мог бы заметить выразительный взгляд артельщика.

Пассажир этот, видимо, старался не быть узнанным. Он кутался в дорожный плащ, прикрывая часть лица капюшоном.

Подойдя к кондуктору, он спросил:

— Есть еще свободные места в карете?

— Целых три,— ответил Брокс.

— Одного хватит.

— Вам до Ревеля?

— Да... до Ревеля,— немного замявшись, ответил неизвестный.

С этими словами он заплатил бумажными рублями за билет до конечной станции на расстоянии двухсот сорока верст и затем коротко спросил:

— Когда тронемся?

— Через десять минут.

— Где будем к вечеру?

— В Пернове, если ветер не помешает. В такую непогоду никогда нельзя ручаться...

— А разве можно опасаться опоздания? — спросил банковский артельщик.

— Да вот небо мне не нравится! — ответил Брокс.— Тучи мчатся так стремительно... Добро бы еще только дождь! Но если повалит снег...

— Послушай, Брокс, не скупись на водку ямщику, и завтра вечером мы будем в Ревеле.

— Надо надеяться! Обычно я езжу не дольше тридцати шести часов.

— Ну, так в путь,— сказал Пох,— незачем мешкать!

— Вот и лошадей запрягли,— ответил Брокс,— ждать больше некого... Стаканчик на дорогу, Пох? Шнапс или водка?

— Шнапс,— ответил банковский артельщик.

Они пошли в ближайший кабачок, сделав знак ямщику следовать за ними. Несколько минут спустя они вернулись к карете, в которой неизвестный пассажир уже занял свое место. Пох уселся рядом с ним, и карета тронулась.

Лошади упряжки были не намного выше ослов, косматые, рыжей масти и такие тощие, что виден был каждый мускул. Но неслись они лихо. Достаточно было посвиста ямщика, чтобы они не сбавляли шага.

Пох уже много лет служил в банкирском доме братьев Иохаузенов. Поступив в банк еще мальчиком, он покинул бы его только по старости. Он пользовался полным доверием своих хозяев, и ему часто поручали отвозить клиентам банка в Ревеле, Пернове, Митаве или Дерпте значительные суммы, которые не решались доверять почте. На этот раз он вез с собой пятнадцать тысяч рублей государственными кредитными билетами стоимостью в сто французских франков, то есть пачку в четыреста билетов, бережно спрятанную в сумку. Он должен был вручить эти деньги клиенту банкирского дома в Ревеле и затем вернуться в Ригу.

Не без причины торопился он так с возвращением. Что это была за причина?.. Об этом мы узнаем из его разговора с Броксом.

Ямщик, широко, по русскому обыкновению, расставив руки, державшие вожжи, быстро гнал лошадей. Выбравшись из северного предместья города, он выехал на большую дорогу, пролежавшую среди полей. В окрестностях Риги много возделанных полей. Пахота должна была скоро начаться. Но в десяти — двенадцати верстах от города расстилались необозримые бескрайние просторы степей, однообразие которых — за отсутствием каких-либо возвышенностей, редких в Прибалтийском крае, — нарушалось лишь кое-где зеленеющими хвойными лесами.

В самом деле, как уже заметил Брокс, вид неба не предвещал ничего хорошего. По мере того как солнце поднималось над горизонтом, ветер все усиливался и свирепел. К счастью, он дул с юго-запада.

Почти через каждые двадцать верст встречались станции, где перепрягали лошадей и одновременно меняли ямщиков. Такое сравнительно удобное устройство обеспечивало путешественникам довольно равномерную и быструю езду.

С самого начала поездки Пох с досадой заметил, что нечего и надеяться завязать беседу с попутчиком.

Надвинув на голову капюшон, совершенно закутав лицо, незнакомец спал, уткнувшись в угол, или делал вид, что спит. Все попытки артельщика вступить с ним в разговор не привели ни к чему.

Тогда от природы говорливому артельщику пришлось завести беседу с Броксом, сидевшим под кожаным верхом на козлах рядом с ямщиком. А так как кондуктор любил поболтать не меньше артельщика, то языки развязались. Опустив окошечко, закрывавшее передок кареты, легко было вести беседу.

— Так ты уверен, Брокс, — уже в четвертый раз со време-

ни отъезда спросил Пох,— так ты уверен, что мы будем завтра вечером в Ревеле?

— Да, Пох, если только непогода не задержит нас и можно будет ехать ночью.

— А через сутки карета тронется из Ревеля в обратный путь?

— Да, через сутки,— ответил Брокс.— Так положено по расписанию.

— Ты, что ли, отвезешь меня в Ригу?

— Я, Пох.

— Клянусь святым Михаилом, хотелось бы мне уже быть дома... вместе с тобой, конечно!

— Вместе со мной, Пох? Ты очень любезен! Но почему такая спешка?

— Потому что я хочу пригласить тебя, Брокс.

— Меня?

— Тебя. И если ты любишь хорошо выпить и закусить в приятной компании — это должно прийтись тебе по душе.

— Вот как! — удивился Брокс, облизываясь.— Кто же сам себе враг, кто же этого не любит? Речь идет об обеде?

— Лучше, чем об обеде! Это будет настоящий свадебный пир.

— Свадебный? — воскликнул кондуктор.— А с чего бы это вдруг меня пригласили на свадебный пир?

— Потому что ты лично знаком с женихом.

— С женихом?

— И с невестой тоже!

— Ну, коли так,— ответил Брокс,— я принимаю приглашение, даже не зная, кто эти будущие супруги.

— Сейчас узнаешь.

— Погоди, Пох, хочу сказать тебе заранее, что это прекрасные люди.

— Еще бы... прекрасные люди. Ведь это я — жених.

— Ты, Пох?!

— Да, я. А невеста — моя милая Зинаида Паренцова.

— О, прекрасная женщина!.. Правду говоря, не ожидал я этого...

— Тебя это удивляет?

— Нет, что ты! Вы составите славную пару, хотя тебе и стукнуло пятьдесят, Пох...

— Да, а Зинаиде сорок пять, Брокс. Ничего не поделаешь, наше счастье будет короче, вот и все! Эх, дружище, любишь-то — по своей воле, а женишься — когда возможно. Мне было двадцать пять лет, когда я полюбил Зинаиду, а ей двадцать. Но у нас обоих вместе не было и ста рублей! При-

шлось подождать, пока я сколотил небольшой капиталец, да и она, со своей стороны, накопила подходящее приданое. Мы порешили объединить наши сбережения... И вот теперь деньги у нас в кармане. Ведь в Лифляндии бедные люди чаще всего так поступают!.. Оттого, что ждешь много лет, только крепче любишь, да и за будущее нечего опасаться.

— Твоя правда, Пох.

— У меня теперь хорошее место в банке Иохаузенов — пятьсот рублей в год. После свадьбы братья обещают мне прибавку. Да и Зинаида зарабатывает столько же. Вот мы и богаты... по-своему, конечно!.. Правда, у нас нет и четверти того, что у меня сейчас в сумке...

Пох запнулся, бросив подозрительный взгляд на неподвижно сидящего спутника, который, казалось, спал в своем углу. Никак, он сболтнул лишнее!

— Так-то, Брокс. По-своему богаты! — повторил он. — Поэтому, думается мне, Зинаиде лучше всего на наши сбережения купить мелочную лавочку! Кстати, в гавани продается как раз такая...

— Ну, а я обещаю посылать тебе много покупателей, дружище Пох! — воскликнул кондуктор.

— Спасибо, Брокс, заранее спасибо! Я от тебя другого и не ожидал. Зато какое место я тебе приготовил на пиру!

— Какое?

— Недалеко от новобрачной. Увидишь, как Зинаида еще будет красива в подвенечном платье, с миртовым венком на голове, с ожерельем на шее — подарком госпожи Иохаузен.

— Верю тебе, Пох, верю! Такая хорошая женщина не может не быть красивой. Когда же торжество?

— Через четыре дня, Брокс, шестнадцатого числа... Вот почему я и говорю: поторопи ямщиков. За стаканчиком-другим — не постою! Пусть хорошенько погоняют лошадей! Ведь твоя карета везет жениха, нельзя же, чтобы он чересчур состарился в дороге.

— Еще бы! Зинаида отказалась бы тогда от тебя! — смеясь, ответил веселый кондуктор.

— Эх, какая это замечательная женщина! Будь я на двадцать лет старше, она и тогда пошла бы за меня!

Задушевный разговор банковского артельщика с приятелем Броксом, смена лошадей, подкрепляемая каждый раз стаканчиком шнапса, делали свое дело, и путешественники быстро и незаметно оставляли за собой перегон за перегонem. Никогда рижская почтовая карета не катила с такой скоростью.

Пейзаж не менялся. Все те же необъятные равнины, отку-

да летом доносится крепкий запах конопли. Дороги, проложенные большей частью телегами и повозками, содержались неважно. Иногда приходилось ехать опушкой леса. Попадались все те же древесные породы: клен, ольха, береза и стонущие под порывами ветра ели. На дороге и в полях встречалось мало людей. Суровая на этих широтах зима только-только кончалась. Благодаря понуканиям Брокера карета неслась, нигде не задерживаясь, от села к селу, от деревни к деревне, от станции к станции. Опоздания не предвиделось. От ветра тоже большой беды не было, так как он дул в спину.

Когда меняли лошадей, банковский артельщик и кондуктор выходили поразмяться, но незнакомец ни разу не покидал своего места. Он только пользовался случаем, чтобы выглянуть наружу из дверцы кареты.

— Не больно он поворотлив, наш спутник! — твердил Пок.

— Да, и не больно-то разговорчив! — ответил Брокс.

— Не знаешь ли ты, кто это?

— Нет... Я даже не разглядел, какого цвета его борода!

— Придется ему все же открыть лицо, когда в полдень будем обедать на станции...

— Быть может, он такой же едок, как и говорун! — возразил Брокс.

Сколько жалких деревушек повстречали они по дороге, прежде чем достигли села, где карета должна была остановиться в обеденный час. Сколько захудалых хижин, ветхих бедных лачуг с покосившимися ставнями, с зияющими щелями, куда врывался суровый зимний ветер, промелькнуло по пути! А между тем лифляндские крестьяне — крепкий народ: мужчины с жесткими всклокоченными волосами, женщины в лохмотьях, босые дети с перепачканными руками и ногами, как у беспризорного скота. Несчастные мужики! Летом они страдают в своих лачугах от жары, зимой — от холода и в любое время от дождя и от снега. Что же сказать о их пище? Черный хлеб с мякиной, слегка смоченный конопляным маслом, ячменная и овсяная похлебка и лишь изредка кусочек сала или солонины! Что за жизнь! Но они привыкли к ней и не знают, что такое роптать. Да и что толку роптать?

В час пополудни во время остановки путешественники нашли довольно приличную харчевню, где им подали сытный обед: суп из молочного поросенка, огурцы, плавающие в миске с рассолом, большие краюхи так называемого «кислого» черного хлеба (о белом хлебе нечего было и мечтать), кусок семги, выловленной в водах Двины, свежее сало с овощами, икру, имбирь, хрен и столь необычное на вкус брусничное варенье. Все это запивалось чаем, который течет здесь в таком

изобилии, что его хватило бы на целую прибалтийскую реку. Словом, прекрасный обед, который привел Брокса и Поха на весь день в благодушное настроение.

Что касается другого пассажира, то обед, казалось, не изменил его угрюмого нрава. Он велел подать себе отдельно в темном углу харчевни и лишь чуть-чуть приподнял капюшон, так что можно было заметить клочок седеющей бороды. Напрасно банковский артельщик и кондуктор пытались его разглядеть. Поел он поспешно, ничем не запивая, и задолго до остальных вернулся на свое место в карете.

Поведение незнакомца возбуждало любопытство его спутников, в особенности Поха, весьма раздосадованного тем, что ему не удалось выжать из этого молчальника ни одного слова.

— Мы так и не узнаем, кто этот человек? — спросил Пох.

— Я тебе скажу, кто он, — ответил Брокс.

— Ты его знаешь?

— Да! Это пассажир, заплативший за проезд, с меня и этого достаточно.

Еще не было двух, когда тронулись снова в путь, и карета быстро покатила по дороге.

— Эй, вы, голубчики! Вперед, ласточки! — ласково прикрикнул ямщик, и под шелканье его кнута лошади помчались во всю прыть.

Должно быть, запас новостей Поха истощился, так как беседа его с кондуктором становилась все более вялой. Да и отяжелел он, видно, после плотного обеда. Голова его была затуманена парами водки, и он вскоре начал клевать носом, как говорят о человеке, одолеваемом сном, когда голова его болтается из стороны в сторону. Не прошло и четверти часа, как Пох погрузился в глубокий сон. Должно быть, в грезах ему являлся милый образ Зинаиды Паренцовой.

Между тем погода ухудшалась. Тучи опускались все ниже к земле. Карета к этому времени въехала на болотистую равнину, весьма мало пригодную для прокладки проезжей дороги. По зыбкой земле струились многочисленные ручейки, которыми изборождена северная часть Лифляндии. В топких местах пришлось устлать дорогу кое-как обтесанными бревнами. Проезд в карете по едва пригодной даже для пешехода дороге был очень труден. Многие из этих плохо уложенных бревен, лишь одним концом упиравшихся в землю, шатались и раскачивались под колесами кареты, скрипевшей, как старое железо.

В таких условиях ямщик и не думал подгонять тройку. Из предосторожности он ехал медленно, то и дело подбадривая лошадей, которые спотыкались на каждом шагу. Так сделали

несколько перегонов, удачно избежав каких-либо поломок. Но лошади приходили на станции измученными, и требовать от них быстрой езды было невозможно.

В пять часов вечера небо заволокло тучами, и стало темнеть. Чтобы не сбиться с дороги, еле видной среди болот, ямщик должен был напрячь все свое внимание. Лошади, не чувствуя твердой почвы под копытами, фыркали и шарахались во все стороны.

— Шагом, шагом, ничего не поделаешь!..— повторял Брокс.— Лучше прибыть в Пернов на час позже, чем застрять в пути...

— На час позже! — воскликнул разбуженный постоянными толчками Пох.

— Так-то лучше будет! — ответил ямщик, принужденный то и дело слезать с облучка, чтобы вести лошадей под уздцы.

Незнакомый пассажир зашевелился, поднял голову и начал вглядываться в темноту через стекло в дверцах кареты. Но мрак так сгустился, что ничего не было видно. Фонари кареты отбрасывали снопы лучей, но они едва-едва пробивались сквозь эту тьму.

— Где мы? — спросил Пох.

— В двадцати верстах от Пернова,— отвечал Брокс.— Как доедем до станции, думаю, придется остаться там до утра...

— Черт побери непогоду, из-за нее мы запоздаем на двенадцать часов! — воскликнул банковский артельщик.

Они продолжали продвигаться вперед. Иногда яростный порыв ветра толкал карету и, бросая ее на упряжку, грозил опрокинуть. Лошади поднимались на дыбы, припадали. Положение становилось все трудней и трудней. Пох и Брокс поговаривали уже, не отправиться ли им в Пернов пешком. Вероятно, это было бы разумнее всего и предотвратило бы несчастный случай.

Спутник же их, видимо, вовсе не собирался покидать карету. Даже флегматичный англичанин не проявил бы большего безразличия к происходящему. Не для того же, чтобы идти пешком, заплатил он за место в почтовой карете, и почтовая карета обязана была довезти его до места назначения.

В половине седьмого вечера, в самый разгар урагана, карету внезапно тряхнуло от страшного толчка. Переднее колесо застряло в колее, лошади рванулись под ударом кнута, и колесо треснуло.

Карета резко накренилась и, потеряв опору, опрокинулась на левый бок.

Раздались крики. Пох повредил ногу, но помнил лишь о

своей драгоценной сумке, прикрепленной цепочкой к поясу. Сумка была при нем, и, с трудом вылезая из кареты, он еще крепче зажал ее под мышкой.

Брокс и незнакомый пассажир отделались незначительными ушибами, ямщик, едва выбравшись из-под кареты, бросился к лошадям.

Местность была пустынной — кругом широкая равнина и слева лес.

— Что нам делать? — воскликнул Пох.

— Карета не может ехать дальше, — ответил Брокс.

Незнакомец не произнес ни слова.

— Можешь ты дойти пешком до Пернова? — спросил Брокс банковского артельщика.

— Пройти пятнадцать верст... с вывихнутой ногой! — воскликнул Пох.

— Ну, а... верхом?

— Верхом? Не проеду и двух шагов, свалюсь с лошади!

Оставалось лишь найти приют в какой-нибудь ближайшей корчме и провести там ночь. Пока Пох и незнакомый пассажир будут отдыхать, Брокс с ямщиком выпрягут лошадей и верхом поспешат добраться до Пернова, а на следующий день привезут мастера для починки кареты.

Если бы банковский артельщик не имел при себе такой крупной суммы, то, вероятно, он нашел бы этот совет превосходным... Но с пятнадцатью тысячами рублей в сумке...

Да и есть ли в этой пустынной местности поблизости ферма, корчма или трактир, где путешественники могли бы найти пристанище до утра? Вот вопрос, который прежде всего задал Пох.

— Да... вон там... по всей вероятности! — ответил незнакомый пассажир.

Он указал рукой на слабый огонек, мерцавший в двухстах шагах влево на опушке смутно видневшегося во мраке леса. Но был ли это свет от фонаря корчмы или от костра дровосека?

На этот вопрос ямщик ответил:

— Это трактир Крофа.

— Трактир Крофа? — переспросил Пох.

— Да... трактир «Сломанный крест».

— Ну что ж, — сказал Брокс, обращаясь к своим спутникам, — если вы согласны переночевать в этой корчме, то завтра, ранним утром, мы приедем за вами.

Предложение, видимо, пришлось незнакомцу по вкусу. В сущности это был лучший выход в их положении. Погода все ухудшалась, дождь вот-вот польет как из ведра. Ямщику и

кондуктору придется туго, прежде чем они доберутся верхом до Пернова.

— Ладно,— сказал Пох, которому поврежденная нога причиняла боль.— Хорошенько выплюсь ночью, а к утру буду готов продолжать путь. Рассчитываю на тебя, Брокс...

— Я вернусь вовремя! — ответил кондуктор.

Ямщик выпряг лошадей. Опрокинутую набок карету пришлось бросить без присмотра, но вряд ли в такую ночь какая-нибудь карета или повозка проедет по этой дороге.

Простившись с приятелем, Пох, волоча ногу, заковылял к лесу, где светился огонек, указывающий на близость корчмы.

Видя, что банковский артельщик передвигается с трудом, незнакомец предложил ему опереться на его руку. Пох с благодарностью принял предложение. Спутник оказывался общительнее, чем это можно было предположить по его поведению в карете, по пути из Риги.

Они благополучно прошли двести шагов, отделявших их от дома у большой дороги.

Над дверью корчмы висел фонарь с керосиновой лампочкой. На углу дома возвышался длинный шест, служивший днем для привлечения путников. Изнутри через ставни пробивался свет, слышались голоса и звон стаканов. Над главным входом красовалась грубо намалеванная вывеска, и при свете фонаря можно было прочесть слова: «Трактир «Сломанный крест».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Трактир «Сломанный крест»

Название трактира «Сломанный крест» пояснял рисунок цвета бычачьей крови, намалеванный на шипце крыши. Этот рисунок изображал поломанный у основания и опрокинутый наземь шестиконечный русский крест — вероятнее всего, воспоминание о каком-то кощунстве иконоборцев — предание седой старины.

Содержал харчевню некий Кроф, славянин по происхождению¹, вдовец лет сорока, сорока пяти. Еще отец его владел этой корчмой, расположенной в пустынной местности у большой дороги из Риги в Пернов. На две или три версты в окружности не было поблизости ни одного дома, ни одного поселка. Корчма стояла совершенно уединенно.

¹ В дальнейшем Жюль Верн говорит, что Кроф немец, но православной веры.

Посетителями, постояльцами или завсегдатаями были лишь редкие путники, вынужденные задержаться в дороге, дюжина крестьян, возделывавших близлежащие поля, да несколько дровосеков и угольщиков, работавших в окрестных лесах.

Как шли у трактирщика дела? Неизвестно. Так или иначе, он никогда не жаловался, да и вообще не очень-то склонен был говорить о своих барышах. Трактир существовал лет тридцать. Прежний хозяин, отец, — контрабандист и браконьер, — нажил, наверное, немало. Теперь хозяином был сын. Умники в округе уверяли, что в корчме «Сломанный крест» накоплено много денег. Но кому какое до этого дело!

Малообщительный от природы, Кроф вел весьма замкнутый образ жизни и почти не отлучался из трактира, лишь изредка появляясь в Пернове. Когда не было посетителей, — которых он за неимением прислуги обслуживал сам, — Кроф копался в своем огороде. Это был крепкий, краснолицый, бородатый человек, с густыми волосами и дерзким взглядом. Он никогда ни о чем не расспрашивал и на вопросы отвечал неохотно.

Дом, позади которого находился огород, был одноэтажный, дверь главного входа — одностворчатая. Войдя, посетитель сразу попадал в большую комнату, освещенную окном в глубине. Справа и слева помещались две комнаты окнами на дорогу. Спальня самого Крофа находилась в пристройке позади дома и выходила на огород.

Прочные двери и ставни трактира запирались изнутри крепкими крюками и засовами. Трактирщик закрывал их с наступлением сумерек, так как вокруг было не безопасно. Тем не менее корчма оставалась открытой до десяти часов вечера. К приходу наших путешественников там находился десяток захмелевших от водки и шнапса посетителей.

Огород площадью в полгектара, окруженный живой изгородью, прилегал к еловому лесу, подступавшему к самой дороге. В огороде Кроф не без выгоды выращивал овощи, которыми снабжал корчму. Что касается фруктовых деревьев, то там росли без всякого ухода тощие вишни да яблони, на которых поспевали хорошие яблоки, и несколько кустов распространенной в Лифляндии малины, приносившей ароматные, яркого цвета ягоды.

За столом в этот вечер собралось трое или четверо крестьян да столько же дровосеков из соседних деревень. По пути домой, на свои хутора, расположенные в трех-четыре верстах от места работы, шнапс — по две копейки за шкалик — соблазнял их завернуть в трактир. Ночевать в «Сломанном

кресте» ни один из них не оставался. Впрочем, и путешественники редко останавливались здесь на ночь. Но ямщики и возницы телег или почтовых карет охотно заворачивали в трактир перед последним перегонном на пути в Пернов.

Кроме обычных посетителей, в этот вечер в харчевне находилось еще два человека. Эти двое сидели в стороне и пылливо вглядывались в лица присутствующих. То был унтер-офицер Эк и один из его подчиненных. После безуспешной погони за беглецом по берегу Перновы они не теряли связи с отрядами, ведшими надзор за деревнями и хуторами северной части области, а сами продолжали розыски в прилегающей к трактуру местности, где согласно полученным сообщениям скрывалось несколько преступников.

Эк был весьма недоволен оборотом последнего порученного ему дела. Во время ледохода на реке Пернове они не нашли даже трупа беглеца, которого собирались захватить живым и доставить майору Вердеру. Это было большим ударом по самолюбию Эка.

Сейчас унтер-офицер говорил своему спутнику:

— Должно быть, этот негодяй утонул...

— Наверняка утонул, — отвечал полицейский.

— Вот и врешь, не наверняка, ведь вещественных доказательств-то нет!.. Впрочем, если бы мы и выудили мертвеца, — не посылать же его обратно в Сибирь в таком виде!.. Нет! Надо было взять его живьем, наша неудача особой чести полиции не делает!

— Нам больше повезет в другой раз, господин Эк, — отвечал полицейский, воспринимавший по-философски всегда возможные в его профессии случайности.

Унтер-офицер с нескрываемой досадой отрицательно покачал головой.

Ветер к этому времени разбушевался со страшной силой. Входная дверь сотрясалась под его напором, грозя сорваться с петель. Большая печь, то, как бы заглохнув, переставала пылать, то снова полыхала, подобно горну. Слышно было, как трещат деревья в еловом лесу. Ветер швырял обломанные ветки на крышу трактира, угрожая проломить ее.

— Вот буря и поработала за дровосеков! — сказал один из крестьян. — Им останется лишь собирать вязанки...

— Да и для контрабандистов и разбойников погодка как нельзя лучше! — заметил полицейский.

— Да, нельзя лучше... — подтвердил Эк. — Но это не причина, чтобы дать им волю! Какая-то шайка, видимо, орудует в этой местности... Из Тарварты сообщают о грабеже, в Каркусе совершено покушение на убийство! Право же, дорога

между Ригой и Перновым больше не безопасна... Преступления все чаще, а преступники почти всегда скрываются... Да и чем они рискуют, если их схватят? Работать на соляных коях в Сибири? Не очень-то это их пугает... Вот в прежние времена, когда им предстояло поплясать на виселичной веревке, это заставляло задуматься! Но виселицы сломаны, как крест на трактире почтеннейшего Крофа...

— Скоро опять будут вешать! — уверенно заявил полицейский.

— Давно пора, — ответил Эк.

Как мог полицейский чин примириться с мыслью, что смертная казнь, остававшаяся в силе для политических, была отменена для уголовных преступников? Это было выше его понимания, да и понимания многих лучших умов, ничего общего с полицией не имеющих.

— Пойдем, — сказал Эк, готовясь к уходу. — Меня ждет начальник пятого отряда в Пернове, тут уж не отговоришься непогодой!

Но прежде чем встать, он постучал по столу.

Кроф тотчас же подошел к ним.

— Сколько с меня, Кроф? — спросил Эк, вынимая из кармана несколько мелких монет.

— Сами знаете, господин унтер-офицер, — отвечал трактирщик. — Одна цена для всех...

— Даже для тех завсегдатаев, которые заведомо знают, что ты не спросишь у них ни паспорта, ни имени?

— Я в полиции не служу! — отрезал Кроф.

— То-то и есть! Если бы все трактирщики состояли в полиции — было бы намного спокойнее! — возразил унтер-офицер. — Смотри, Кроф, как бы в один прекрасный день не прикрыли твою корчму... если ты не перестанешь пускать контрабандистов, а может быть, и еще кого почище!..

— Я подаю водку всем, кто платит, — возразил трактирщик, — а куда потом гость идет и откуда он явился, знать не знаю.

— Ладно, Кроф, не прикидывайся глухим, не то береги уши! А пока доброй ночи. И до свидания!

Унтер-офицер Эк встал, заплатил трактирщику и вместе с полицейским направился к двери. Остальные посетители последовали их примеру, — в такую непогоду никому не хотелось засиживаться в трактире «Сломанный крест».

В эту минуту дверь распахнулась, и ветер быстро захлопнул ее снова.

В корчму вошли два путника; один из них поддерживал другого, который прихрамывал.

Это были Пох и его попутчик, задержавшиеся на большой дороге из-за поломки кареты.

Незнакомец по-прежнему кутался в плащ, низко надвинув на лоб капюшон, так что лица не было видно.

Он первый обратился к трактирщику:

— Наша карета сломалась в двухстах шагах отсюда... Ямщик и кондуктор отправились верхом в Пернов; они заедут за нами завтра утром... Найдутся у вас две комнаты на эту ночь?

— Найдутся,— ответил Кроф.

— Одна из них для меня,— добавил Пох.— С хорошей кроватью, по возможности...

— Ладно,— ответил Кроф.— Вы, кажется, ранены?

— Повредил ногу,— пояснил Пох.— Пустяки, пройдет.

— Я возьму другую комнату,— сказал незнакомец.

В то время, как он говорил, Эку показалось, что он узнает этот голос.

«Вот так-так,— подумал он,— побожился бы, что это...»

Он не был вполне уверен, но чутье полицейского подсказало ему, что нужно убедиться, не ошибся ли он.

Между тем Пох уселся за стол, положив рядом сумку, по-прежнему прикрепленную цепочкой к поясу.

— Комната... это хорошо...— сказал он, обращаясь к Крофу,— но больная нога не мешает закусить, а я голоден.

— Я подам вам ужин,— ответил корчмарь.

— И как можно скорее,— воскликнул Пох.

Унтер-офицер подошел к нему.

— Право, я очень рад, господин Пох, что вы отделались так легко...— сказал он.

— Ба! Да это господин Эк!.. Добрый день, или, вернее, добрый вечер! — воскликнул банковский артельщик.

— Добрый вечер, господин Пох!

— Вы здесь по служебным делам?

— Как видите. Вы говорите, пустяковая рана?

— К завтраму и след пройдет!

Кроф подал на стол хлеб, холодное сало и чайную чашку. Затем, обращаясь к незнакомцу, спросил:

— А вам что прикажете?

— Я не голоден,— ответил незнакомец.— Проводите меня в мою комнату... Хочу поскорее лечь. Возможно, я не дождусь возвращения кондуктора и выйду из трактира завтра в четыре часа утра...

— Как угодно,— ответил трактирщик.

Он проводил путешественника в спальню, расположен-

ную в конце дома, слева от общей комнаты; артельщику он отвел комнату справа.

Пока незнакомец разговаривал с трактирщиком, капюшон его слегка съехал набок, и наблюдавший за ним унтер-офицер увидел часть лица. Полицейскому этого было достаточно.

— Ну да, это он,— пробормотал Эк.— Интересно, почему он хочет уйти в такую рань, не дожидаясь кареты?

Право же, самые естественные вещи кажутся всегда подозрительными полицейским чинам!

«Куда это он так торопится?» — подумал Эк,— вопрос, на который путешественник, наверное, бы не ответил. Впрочем, незнакомец, казалось, и не заметил, что унтер-офицер упорно разглядывал его и, очевидно, узнал. Он удалился в отведенную ему Крофом комнату.

Эк снова подошел к Поху, который ужинал с большим аппетитом.

— Этот пассажир ехал с вами в карете? — спросил он.

— Да... господин Эк, но я не мог выжать из него ни слова.

— Не знаете ли, куда он едет?

— Не знаю. Он сел в карету в Риге и, думаю, направляется в Ревель. Будь здесь Брокс, он сумел бы вам сказать.

— О! Да это не важно,— ответил унтер-офицер.

Кроф слушал этот разговор с безразличным видом трактирщика, которому и дела нет до того, кто его гости. Он переходил с места на место, прощаясь с уходившими крестьянами и дровосеками. Между тем унтер-офицер не спешил уходить. Он старался побольше выудить от болтливового Поха, который, впрочем, всегда рад был поговорить.

— Так вы едете в Пернов? — спросил Эк.

— Нет, в Ревель, господин Эк.

— По поручению господина Иоханузена?

— Да, по его поручению,— ответил Пох, невольным движением придвинув к себе сумку, лежавшую на столе.

— Эта поломка кареты задержит вас по крайней мере на полсуток.

— Не больше полсуток. И если Брокс вернется, как обещал, завтра утром, то через четыре дня я буду снова в Риге... и обвенчаюсь...

— С этой милой Зинаидой Паренцовой? О! Знаю...

— Еще бы... Вам ведь все известно!

— Нет, не все. Вот и не знаю, куда направляется ваш попутчик... Надо думать, что в Пернов, раз он, не дожидаясь вас, уходит завтра в такую рань...

— Возможно,— отвечал Пох,— и если мы не увидимся,

скатертью дорога! Но скажите, господин Эк, вы остаетесь на ночь в этой корчме?

— Нет, Пох, меня ждут в Пернове. Я сейчас же уйду... А вам желаю после сытного ужина уснуть крепким сном... И не забывайте о вашей сумке!

— Она срослась со мной, как уши с головой! — добродушно засмеялся банковский артельщик.

— Пошли! — сказал унтер-офицер своему подчиненному. — И застегнись на все пуговицы, а то ветер пронизывает до мозга костей. Доброй ночи, Пох!

— Доброй ночи, господин Эк!

Полицейские вышли, и Кроф запер за ними дверь сначала на внутренний засов, а потом двойным поворотом ключа, который он затем вынул из замка.

Едва ли в такой поздний час какой-нибудь путник попросит пристанища в «Сломанном кресте». И так уже редкость, что два постояльца одновременно занимают на ночь обе комнаты. Не произойди несчастного случая с почтовой каретой, Кроф, как обычно, остался бы один в своем уединенном трактире.

Между тем Пох поужинал с большим аппетитом, поел и выпил в меру, ровно столько, чтобы подкрепиться. После обильной трапезы хорошая постель окончательно восстановит его силы.

Кроф не шел спать, дожидаясь, пока гость уйдет к себе в комнату. Он стоял у печки. Ветер временами выдувал из трубы дым, и он наполнял комнату, смешиваясь с теплыми испарениями.

В таких случаях Кроф ухитрялся гнать его обратно, размахивая салфеткой, складки которой, расправляясь, издавали звук, подобный шелканью кнута.

Сальная свеча, укрепленная на столе, качалась и мигала, и тени окружающих предметов плясали в ее мерцающем свете.

Снаружи бушевал ветер. Можно было подумать, что кто-то стучится в ставни.

— Разве вы не слышите? Стучат! — удивился Пох, когда дверь затряслась так, будто действительно кто-то стучался.

— Это только кажется, — ответил корчмарь, — никого нет... Я привык к этому... И не такие еще бури разыгрываются зимой...

— И то верно, — заметил Пох, — кроме разбойников да полицейских, кому охота бродить на дворе в такую ночь...

— Вот именно, кому охота!

Было около девяти часов. Банковский артельщик встал,

сунув сумку под мышку, взял зажженную свечу, которую ему подал Кроф, и направился в свою комнату.

Трактирщик нес в руке фонарь, чтобы не остаться впотьмах, когда дверь закроется за Похом.

— Вы еще не ложитесь спать? — спросил гость перед тем, как войти в комнату.

— Как же! — ответил Кроф. — Но сначала я сделаю, как обычно, небольшой обход...

— По дому и саду?

— Да, по хозяйству. Посмотрю, все ли куры сидят на насесте. А то, бывает, утром одной, другой и не досчитаешься...

— Так-так! Наверно, лисицы? — заметил Пох.

— Лисицы, да и волки. Этому проклятому зверью ничего не стоит перескочить через изгородь!.. Окно моей комнаты выходит на огород, вот я и пользуюсь каждым случаем угостить их зарядом свинца!.. Так что, услышите выстрел — не пугайтесь...

— Э! Если я усну так же крепко, как мне хочется спать, то меня и пушкой не разбудишь, — воскликнул Пох. — Кстати, я никуда не спешу... Если мой спутник торопится расстаться с постелью, это его дело! Не будите меня, пока совсем не рассветет... успею еще встать, пока Брокс, вернувшись из Пернова, починит карету...

— Ладно, — ответил корчмарь. — Никто вас не разбудит. А когда тот постоялец будет уходить, я позабочусь, чтобы шум не помешал вам спать.

подавляя зевоту, усталый Пох вошел в свою комнату и запер за собой дверь на ключ.

Кроф остался один в едва освещенной фонарем большой комнате. Подойдя к столу, он убрал прибор банковского артельщика и поставил на место тарелки, чашку и чайник. Трактирщик был человек порядка и не любил откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Покончив с уборкой, Кроф подошел к двери, выходившей на огород, и отворил ее.

С северо-западной стороны дома ветер не так буйствовал. Выходившая сюда пристройка находилась как бы под защитой, но за углом буря продолжала яростно бушевать. Трактирщик не считал нужным подставлять себя под его удары. Достаточно будет бросить взгляд в сторону курятника.

На огороде как будто все в порядке. Не видно никаких мелькающих теней — ни волков, ни лисиц.

Кроф посветил фонарем во все стороны и, не заметив ничего подозрительного, снова вернулся в корчму.

Следовало позаботиться и о печке. Чтобы она не затухла,

корчмарь подбросил в нее несколько кусков торфа. Покончив с этим и оглядев в последний раз комнату, Кроф отправился к себе.

Дверь, находившаяся почти рядом с дверью на огород, велла в пристройку, где была расположена спальня трактирщика. Комната эта таким образом примыкала к той, в которой Пох спал уже глубоким сном.

Держа фонарь в руке, Кроф вошел к себе, и большая комната корчмы погрузилась в полный мрак.

Еще две-три минуты, пока он раздевался, можно было слышать шаги трактирщика. Раздавшийся затем скрип кровати указывал на то, что он улегся.

И несмотря на бушевавшую на дворе непогоду, несмотря на дождь, на завывание бури в лесу, где ветер срывал верхушки елей, спустя несколько минут все в корчме погрузилось в сон.

.

Незадолго до четырех Кроф встал, зажег фонарь и вошел в большую комнату трактира.

Почти одновременно вышел из своей спальни и незнакомец.

Он был уже одет и, как накануне, надвинув капюшон на голову, кутался в дорожный плащ.

— Уже собрались? — спросил Кроф.

— Уже, — ответил незнакомец, держа наготове две-три рублевые бумажки. — Сколько с меня за ночлег?

— Один рубль, — ответил корчмарь.

— Вот вам рубль, и отоприте, пожалуйста...

— Сейчас, — произнес Кроф, при свете фонаря проверяя врученную ему бумажку.

Трактирщик направился было к двери, вытащив из кармана большой ключ, как вдруг остановился и спросил:

— Вы не хотите перекусить на дорогу?

— Нет, ничего не хочу.

— Может, рюмку водки или шнапса?

— Говорю вам, не хочу! Отоприте скорее, я тороплюсь.

— Что ж, как угодно...

Кроф вытащил деревянные засовы, которыми дверь запиралась изнутри, и вставил ключ в замочную скважину. Скрипнул замок.

На дворе было еще совсем темно. Дождь перестал, но ветер не унимался. Земля была устлана сорванными ветками.

Незнакомец надвинул поглубже капюшон, запахнул дорожный плащ и, не произнеся ни слова, стремительно вышел.

Сделав несколько шагов, он скрылся во мраке ночи. Путник зашагал по большой дороге по направлению к Пернову, а Кроф запер дверь и снова задвинул засовы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Славяне и немцы

Первый чай с бутербродами в столовой братьев Иохазуэнов подавали ровно в девять часов утра. Точность — «вплоть до десятых долей», как они сами любили говорить, — была одним из основных качеств этих богатых банкиров. Они отличались пунктуальностью как в обыденной жизни, так и в делах, — причиталось ли им получить с кого-нибудь или платить самим. Старший из братьев, Франк Иохазуэн, настойчиво требовал, чтобы завтракали, обедали, ужинали, вставали и ложились спать вовремя — по-военному. Да, кажется, и часы, отведенные на проявление чувств и на развлечения, были строго распределены, наподобие счетов в гроссбухе их банкирского дома — одного из крупнейших в Риге.

И вот в это утро в положенное время самовар не был подан. Почему? Виной была лень лакея Транкеля, специально приставленного к этому делу, — в чем он сам и признался.

Так получилось, что, когда Франк Иохазуэн и его брат, госпожа Иохазуэн и ее дочь Маргарита вошли в столовую, чай не был заварен, и его нельзя было разлить по расставленным на столе чашкам.

Как известно, богатые немцы Прибалтийского края безо всякого основания кичатся отеческим обращением с прислугой. Семья, как они говорят, осталась патриархальной, к слугам относятся, как к чадам. Поэтому-то, надо полагать, их и наставляют по-отечески поркой.

— Транкель, почему чай еще не подан? — спросил Франк Иохазуэн.

— Простите, барин, — жалобно ответил Транкель, — но я забыл...

— Это уже не в первый раз, Транкель, и боюсь, что и не в последний, — возразил банкир.

Госпожа Иохазуэн и ее деверь, одобрительно закивав головами, подошли к большой кафельной печке, которую, к своему счастью, лакей не забыл разжечь, как самовар.

Транкель потупился и ничего не отвечал. Да! С его стороны это уже не первое нарушение аккуратности, столь любезной братьям Иохазуэнам.

Банкир вынул из кармана книжку с отрывными листка-

ми, написал несколько строк карандашом и вручил листок Транкелю со словами:

— Отнеси это по адресу и подожди ответа.

Транкель, видимо, уже знал, куда надо доставить записку и каков будет ответ получателя. Не произнеся ни слова, он поклонился, поцеловал барину руку и пошел к двери, чтобы отправиться в полицейский участок.

Записка содержала всего несколько слов:

«Дать двадцать пять розог моему слуге Транкелю.

Франк Иохаузен».

В тот момент, когда слуга выходил, банкир бросил ему вдогонку:

— Не забудь принести квитанцию.

Транкель ни в коем случае не забыл бы об этом. В самом деле, квитанция позволяла банкиру уплатить кому следовало за «отпущенные» розги в соответствии с тарифом, установленным полицейским полковником.

Вот какие порядки существовали и, может быть, существуют до сих пор в Курляндии, Эстляндии, Лифляндии и, вероятно, во многих других областях московской империи.

Скажем несколько слов о семье Иохаузенов.

Известно, какую значительную роль играет в России чиновничество. Над всеми тяготеет «чин», или табель о рангах — лестница в четырнадцать ступеней, которую должны преодолеть от самого малого чина до чина тайного советника все государственные служащие.

Но в России есть и высшие слои, ничего общего не имеющие с чиновничеством. К этим слоям принадлежит в Прибалтийских областях в первую очередь дворянство, пользующееся большим весом и подлинной властью. Дворянство немецкого происхождения, более древнее, чем русская знать, сохранило ряд привилегий, в том числе право жаловать грамотами, которыми не пренебрегают даже члены царствующего дома.

Кроме дворянства, существует буржуазия, играющая не меньшую, а иногда и более значительную роль в областном и городском управлении. Буржуазия, как и дворянство, почти вся немецкого происхождения. К ней принадлежат купцы, почетные граждане и, ступенькой ниже, простые мещане. Сюда относятся банкиры, судовладельцы, ремесленники, купцы, которые, в зависимости от гильдии, платят тот или иной налог, что позволяет им вести торговлю с заграницей. Высший слой буржуазии отличается образованностью, трудолюбием, гостеприимством, строгой нравственностью и честностью. К пер-

вым представителям этого класса молва с полным основанием причисляла семью Иохоузенов. Фирма же их пользовалась в России и за границей большим кредитом.

Коренное население Прибалтийских областей находится в зависимости от этих привилегированных слоев. Оно состоит из крестьян, пахарей, оседлых земледельцев. Прозябающих в бедности латышских крестьян по меньшей мере миллион. Они говорят на своем древнем славянском диалекте, тогда как немецкий остается языком горожан. Хотя эти крестьяне уже не крепостные, но с ними поступают не лучше. Иногда их насильно женят, чтобы увеличить количество семей, которых помещики вправе облагать податями.

Вполне понятно поэтому, что русский император решил изменить это плачевное положение вещей. Правительство стремилось приобщить славянское население к областному и городскому управлению. Это вызвало упорную борьбу, страшные последствия которой мы увидим в этой повести.

Главным директором банкирского дома являлся старший из братьев — Франк Иохоузен. Младший — был холост. Старший, в возрасте сорока пяти лет, женился на немке из Франкфурта и был отцом двух детей: сына Карла, которому шел девятнадцатый год, и двенадцатилетней дочери. Карл в то время заканчивал образование в Дерптском университете, где учился и сын Дмитрия Николева.

Следует напомнить, что Рига, основанная еще в тринадцатом веке, в большей степени немецкий, чем русский город. Самая архитектура домов с высокими крышами и ступенчатыми фронтонами, выходящими на улицу, говорит об этом. Правда, некоторые здания своими причудливыми формами и позолоченными куполами напоминают строения византийско-го стиля.

Рига теперь больше не крепость. Центром ее является площадь Ратуши, по одну сторону которой расположено восхитительное здание ратуши, увенчанное высокой колокольней с круглыми куполами, где заседает городская дума, по другую сторону — старинный дом Черноголовых. Это здание, ошетилившееся остроконечными колоколенками, на которых вращаются жалобно скрипящие флюгера, не столько радует глаз, сколько производит странное впечатление.

На этой-то площади и стоит дом банкиров Иохоузенов. Это довольно красивое здание современной архитектуры. Банкирская контора помещается в первом этаже; приемные апартаменты братьев Иохоузенов — во втором. Таким образом, банк находится в центре торгового квартала и благодаря

размаху своей деятельности и широким связям пользуется большим и даже решающим влиянием на городские дела.

В семье Июхаузен царят согласие и полное взаимопонимание. Старший брат руководит всей деятельностью фирмы. На младшем лежит забота о внутреннем распорядке и счетоводство.

Госпожа Июхаузен весьма заурядная женщина, типичная немка. Со славянами она держится чрезвычайно надменно. Рижское дворянство хорошо относится к ней, и это только поощряет ее врожденную чванливость.

Итак, семья Июхаузен занимала одно из первых мест в среде высшей городской буржуазии, а также и в финансовом мире края. Но и вне Прибалтийских областей — в Волжско-Камском, в Учетном и в Международном банках в Петербурге — фирма пользовалась исключительным кредитом. Если бы братья Июхаузен ликвидировали свои дела, то явились бы обладателями одного из крупнейших состояний Прибалтийского края.

Франк Июхаузен заседал в городской думе и был одним из самых влиятельных ее гласных. С непреклонным упорством защищал он всегда привилегии своей касты. Его превозносили и им восхищались как глашатаем идей, укоренившихся в высших классах еще со времен завоевания Лифляндии. А следовательно, стремление правительства сломить упорство выходцев германской крови и руссифицировать край было направлено и против него, затрагивало и его лично.

Губернатором Прибалтийского края в то время был генерал Горко. Человек большого ума, понимающий всю трудность порученного ему дела, он вел себя с немцами весьма осторожно. В то же время он подготовлял победу славянского населения и вносил необходимые изменения в общественный уклад, стараясь не прибегать к крайним средствам. Он был тверд, но справедлив. Ему претили жестокие меры, могущие вызвать открытый конфликт.

Во главе полиции стоял полковник Рагенов — чистокровный русский. Этот высокий чиновник не обладал гибкостью своего начальника и был склонен видеть врага во всяком лифляндце, эстляндце или курляндце не славянской крови. Человек лет пятидесяти, смелый, решительный, непреклонный полицейский служака, он ни перед чем не останавливался, и губернатору с трудом удавалось умерять его пыл. Рагенов был готов сокрушить любое препятствие, имея он свободу действий, тогда как следовало, скорее, не сокрушать, а ослаблять влияние немцев.

Пусть не вызовет удивления, что нам понадобилось под-

робно охарактеризовать этих лиц. Хотя это и не персонажи первого плана, все же они играют немаловажную роль в этой судебной драме, которая благодаря политическим страстям и национальной розни наделала столько шума в Прибалтийском крае.

Следующим после полковника лицом по департаменту полиции, достойным нашего внимания, являлся майор Вердер — непосредственный подчиненный и прямая противоположность Рагенова. Майор был чисто немецкого происхождения и в исполнение своих обязанностей вносил свойственное немцам чрезмерное усердие. Майор стоял за немцев, как полковник за славян. Он яростно преследовал русских и покровительствовал германцам. И если бы не вмешательство генерала Горко с его разумной умеренностью, то, несмотря на разницу в чинах, между полковником и майором нередко вспыхивали бы ссоры.

Следует также заметить, что майору Вердеру весьма ревностно помогал унтер-офицер Эк, который уже появлялся в начале нашей повести во время преследования беглого из сибирских копей. Рвение Эка отнюдь не нуждалось в подстегивании. Он всегда был готов выполнить свои служебные обязанности и старался даже больше, чем ему полагалось, в особенности когда преследовал славянина. Братья Июхаузены, которым он оказал ряд личных услуг — услуг, щедро вознагражденных у окошечка кассира банка, — тоже весьма ценили его.

Теперь все обстоятельства выяснены и можно представить себе, в какой обстановке должны были столкнуться противники на выборах в городскую думу. Против Франка Июхаузена, полного решимости не уступать своего места, правительство, а также простой народ, — чьи избирательные права были теперь сильно расширены новым законом об избирательном цензе, — выставляли кандидатуру Дмитрия Николаева.

Участие в борьбе на выборах простого домашнего учителя без состояния и общественного положения, противопоставление его могущественному банкиру, представителю высшей буржуазии и высокомерного дворянства, служило весьма важным признаком для людей проницательных. Разве не предвещало это в ближайшем будущем изменения политических условий в крае в ущерб тем слоям, в чьих руках сосредоточивалась административная власть и управление городскими делами?

Тем не менее братья Июхаузены не теряли надежды одержать победу, во всяком случае над своим непосредственным противником. Они рассчитывали погубить в зародыше расту-

шую популярность Дмитрия Николева. Не пройдет и шести недель, как станет явным, что несостоятельный должник, осужденный судом, — который после распродажи имущества с торгов будет выброшен на улицу, разорен, оставлен без крова, — не может быть гласным думы.

Как мы уже знаем, через полтора месяца, 15 июля, истек срок векселя, выданного Дмитрием Николевым банковскому дому Иохаузену в обеспечение долга своего отца. Речь шла о восемнадцати тысячах рублей — сумме огромной для бедного учителя математики. Сможет ли он ее уплатить? Иохаузену были убеждены, что ему не удастся произвести платеж, который освободил бы его от всех долгов. Лишь с большим трудом Николев сделал предыдущие взносы, а с этого времени его материальное положение вряд ли улучшилось. Нет! Он окажется не в состоянии погасить свой долг банку. Если он придет просить отсрочку, Иохаузену не пощадят его. Они расправятся не только с должником — они погубят политического противника.

Братья Иохаузену и не подозревали, что неожиданное, невероятное стечение обстоятельств будет способствовать выполнению их планов. Будь в их распоряжении небесные громы и молнии, и тогда они не смогли бы столь своевременно и смертельно поразить своего популярного соперника, как это само собой случилось.

Между тем, подчиняясь приказанию барина, Транкель спешил — возможно, слово это здесь не подходит, — итак, он спешил выполнить его поручение. Понутив голову, неуверенным шагом он отправился знакомой дорогой в полицейский участок. Покинув дом банкиров и оставив слева рижский замок с желтыми стенами — резиденцию генерал-губернатора края, он прошелся между палатками рынка, где торгуют всякой всячиной: разным хламом, безделушками, ветошью, образками и кухонной посудой; затем, для бодрости, он раскошелился на чашку горячего чая с водкой, которым бойко торгуют разносчики, со вздохом покосился на молоденьких прачек, пересек ряд улиц, где повстречал везущих тележки каторжников, за которыми наблюдал надзиратель. С почтением посмотрел он на этих несчастных, которых несколько не порочит суровый приговор к каторжным работам за какие-нибудь незначительные провинности, и, наконец, припелся в полицейский участок.

Здесь слугу Иохузену приняли как старого знакомого. Навстречу ему протянулись руки полицейских, и он ответил каждому дружеским пожатием.

— Эге, вот и Транкель! — воскликнул один из полицей-

ских.— Что-то давненько тебя не было видно, никак с полгода?

— Нет, не так уж давно! — отвечал Транкель.

— А кто тебя прислал?

— Барин, господин Иохаузен послал.

— Так, так... И ты, конечно, хочешь говорить с майором Вердером?

— Если возможно.

— Он как раз прибыл, Транкель. Если тебя не затруднит пройти к нему, он будет рад принять тебя.

Весьма гордый оказанным ему приемом, Транкель направился к майору. Он тихонько постучал в дверь кабинета и, получив короткий ответ, вошел.

Майор сидел за столом и листал пачку бумаг. Подняв на вошедшего глаза, он сказал:

— А, это ты, Транкель?

— Я самый, господин майор.

— И ты пришел, чтобы...

— Меня послал господин Иохаузен.

— Серьезный случай?

— Самовар не мог раздуть нынче утром...

— Должно быть, ты забыл его разжечь? — усмехнулся майор.

— Все может быть.

— И сколько тебе причитается?

— Вот бумага.

И Транкель вручил майору записку, которую ему дал хозяин.

— О! Какая-то мелочишка, — сказал майор, пробежав записку.

— Гм, гм! — кашлянул Транкель.

— Всего лишь двадцать пять плетей!

Само собой разумеется, Транкель предпочел бы отделаться дюжиной.

— Ну что же, — сказал майор, — сейчас выдадим тебе сполна, не заставим ждать. — И он позвал одного из своих подчиненных.

Полицейский вошел и вытянулся по-военному.

— Двадцать пять плетей, — приказал майор, — и полегче... как другу. Вот если бы это был славянин! Ступай раздевайся, Транкель. Когда покончишь с этим, приходи за квитанцией...

— Спасибо, господин майор!

Транкель вышел из кабинета майора и проследовал за полицейским в комнату, где должна была состояться экзекуция.

С ним обойдутся как с другом, как с завсегдатаем участка, жаловаться не приходится.

Транкель обнажил верхнюю часть туловища, согнулся и подставил спину. Полицейский взмахнул плетью.

Но в ту самую минуту, когда он собирался нанести первый из двадцати пяти ударов, у входа в участок внезапно поднялась суматоха.

Какой-то запыхавшийся от быстрого бега человек неистово кричал:

— Майор Вердер! Майор Вердер!

Плеть, занесенная над спиной Транкеля, повисла в воздухе — полицейский выглянул в дверь, чтобы узнать причину шума.

Столь же любопытному Транкелю не оставалось ничего другого, как тоже выглянуть.

На шум вышел из своего кабинета и майор Вердер.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Человек приблизился к нему, поднес руку к козырьку фуражки и вручил ему телеграмму, сказав: «Совершено преступление...»

— Когда? — спросил майор.

— Нынче ночью.

— Какое преступление?

— Убийство...

— Где?

— На дороге в Пернов, в трактире «Сломанный крест»...

— Кого убили?

— Артельщика банка Иохаузенов!

— Как!.. беднягу Поха? — воскликнул Транкель. — Мой друг Пох убит?..

— Цель преступления? — спросил майор.

— Ограбление. В комнате, где был убит Пох, найдена его пустая сумка.

— Что было в ней?

— Не знаю, господин майор. Но это можно узнать в банке.

Телеграмма из Пернова содержала те же сведения.

Обратившись к полицейским, майор Вердер приказал:

— Ты... ступай предупреди следователя Керсдорфа...

— Слушаюсь, господин майор!

— Ты... беги к доктору Гамину...

— Слушаюсь, господин майор!

— Да скажите обоим, чтобы немедленно шли в банк Иохаузенов. Я их там буду ждать.

Полицейские поспешно выбежали из участка, а несколько

минут спустя майор Вердер шагал уже по направлению к банку Июхаузену.

Вот как случилось, что в суматохе, вызванной известием об убийстве, Транкель так и не получил причитавшихся ему за упущение по службе двадцати пяти плетей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Расследование

Спустя два часа после описанного происшествия по дороге в Пернов мчался экипаж — не телега, не почтовая карета, а дорожный экипаж Франка Июхаузена, запряженный тройкой почтовых, которых сменяли на каждой станции. Несмотря на быструю езду, было мало надежды прибыть раньше ночи в трактир «Сломанный крест». Поэтому путешественники решили остановиться в пути, за один перегон от места назначения, и рано утром добраться до корчмы.

В карете ехали банкир, майор Вердер, доктор Гамин, призванный установить причину смерти Поха, следователь Керсдорф, которому было поручено расследовать это дело, и судебный писарь. Задние места в карете заняли двое полицейских.

Скажем несколько слов о следователе Керсдорфе, поскольку другие персонажи уже известны читателю и появлялись в ходе нашего повествования.

Следователю было лет около пятидесяти. Коллеги весьма ценили его, и он справедливо пользовался всеобщим уважением: можно было только восхищаться проницательностью и тонкостью, которые он проявлял при расследовании преступлений. Человек испытанной честности, он не поддавался ничьему влиянию, никакому давлению, откуда бы оно ни исходило. Политика никогда не диктовала ему решений. Этот человек был олицетворением закона. Малообщительный, замкнутый, он мало говорил и много думал.

В предстоящем следствии сталкивались противоположные флюиды, как говорят физики, которые вряд ли удалось бы согласовать, если в дело вмешалась бы политика. Ведь с одной стороны выступали банкир Июхаузен и майор Вердер — оба немецкого происхождения, а с другой — славянин доктор Гамин. Следователя Керсдорфа, единственного из всех, не обуревали бушевавшие тогда в Прибалтийском крае страсти, порожденные национальной рознью.

В пути беседу поддерживали — да и то лишь временами — только банкир и майор.

Франк Иохансен не скрывал глубокого сожаления по поводу смерти бедняги Поха. Он чрезвычайно ценил своего артельщика — человека исключительной честности и беззаветной преданности, служившего в банке уже многие годы.

— Бедняжка Зинаида! — вздохнул он. — Как велико будет ее горе, когда она узнает об убийстве жениха!

Да, на днях должна была состояться в Риге их свадьба, но банковского артельщика вместо церкви отвезут на кладбище!

Что касается майора, то, хотя участь несчастной жертвы и не оставляла его равнодушным, все же мысль о поимке убийцы заботила его гораздо больше. До расследования на месте преступления, до ознакомления с обстоятельствами, при которых произошло убийство, ничего нельзя еще сказать. Возможно, найдутся какие-нибудь улики, какой-нибудь след, по которому можно будет направить поиски. В сущности майор Вердер склонен был приписывать убийство одному из разбойников, которыми кишела в то время часть Лифляндии. Поэтому он надеялся, что отряды полиции, ведущие розыск в окрестностях, изловят убийцу.

Задача доктора Гамина ограничивалась освидетельствованием трупа Поха, установлением причин его смерти. Только после этого он выскажет свое мнение. Сейчас он был озабочен, вернее обеспокоен, совсем другим. В самом деле, накануне вечером, как обычно зайдя к учителю, он не застал его дома. От Ильки он узнал, что отец ее уехал. В этот день Николай, даже не повидавшись с дочерью перед отъездом, сообщил ей в записке, что на два-три дня уезжает из Риги. Куда он едет? Никаких объяснений на этот счет он не дал. Была ли эта поездка задумана им уже с вечера? Наверное, так как никаких писем после вчерашнего возвращения домой он не получал. А между тем накануне он ничего не сообщил о своем замысле ни дочери, ни доктору, ни консулу. Не показался ли он им особенно озабоченным в тот вечер? Пожалуй. Но разве спросишь у столь замкнутого человека, чем он встревожен? Верно лишь то, что ранним утром следующего дня, уведомив Ильку запиской, он безо всяких объяснений пустился в путь. Илька была сильно встревожена, да и доктор, покидая ее, разделял ее тревогу.

Экипаж быстро мчался по дороге. Верховой, высланный вперед, отдавал распоряжения, чтобы свежие лошади ждали на каждой следующей станции. Таким образом путешественники не теряли времени, и если бы они выехали из Риги на три часа раньше, расследование могло бы начаться в тот же день.

Воздух был сухой и слегка морозный. Буря, свирепство-

вавшая накануне, утихла, дул легкий северо-восточный ветер. Но на большой дороге все же гуляла вьюга, и лошадям приходилось трудно.

На полпути путешественники сделали получасовой привал. Пообедав в скромной корчме, они тотчас же снова пустились в путь.

Погруженные в свои мысли, они теперь ехали молча. Если не считать нескольких слов, которыми изредка перебрасывались Франк Иохаузен и майор, в экипаже царила полная тишина. Как ни быстро мчалась карета, пассажирам все казалось, что ямщик недостаточно гонит лошадей. Самый нетерпеливый из всех, майор то и дело понукал ямщиков, ругал их, даже грозил им, когда лошади в гору замедляли шаг.

Одним словом, когда экипаж въехал на последнюю станцию перед Перновым, пробило пять. Низко стоящее над горизонтом солнце должно было скоро скрыться, а до трактира «Сломанный крест» оставалось еще около десяти верст.

— Господа,— сказал следователь Керсдорф,— наступит уже темнота, когда мы прибудем на место. Начинать в таких условиях расследование не очень-то удобно... Предлагаю отложить до завтрашнего утра... Да и не найдем мы приличных комнат в трактире «Сломанный крест». Переночуем лучше около станции в корчме...

— Весьма разумное предложение,— отвечал доктор Гамин.— Если вдобавок выехать на заре...

— Остановимся здесь, если только майор Вердер не имеет ничего против,— сказал тогда Франк Иохаузен.

— Я не возражаю, но это задержит следствие,— ответил майор, которому не терпелось поскорей прибыть на место преступления.

— Наверное, к трактиру с утра приставлена стража? — спросил следователь.

— Конечно,— ответил майор.— В депеше из Пернова сказано, что туда немедленно отправлен отряд полицейских с приказом не пускать никого и воспретить Крофу общаться с кем бы то ни было...

— В таком случае,— заметил г-н Керсдорф,— задержка на одну ночь не повредит ведению следствия...

— Так-то оно так,— возразил майор,— но за это время убийца успеет далеко уйти от трактира «Сломанный крест».

Майор рассуждал как весьма опытный полицейский. Однако надвигалась ночь, и тени сумерек сгущались. Разумнее было подождать до утра.

Итак, банкир и его спутники остановились в пристанцион-

ной корчме. Они здесь поужинали и кое-как устроились на ночь в отведенных им комнатах.

На следующий день, 15 апреля, как только рассвело, экипаж выехал со станции и к семи часам подкатил к трактиру.

Охранявшие его перновские полицейские встретили прибывших на крыльце. Кроф расхаживал по большой комнате корчмы. Прибегать к силе, чтобы удержать его в корчме, не пришлось. Зачем ему покидать свой дом?.. Наоборот. Разве не должен он обслуживать полицейских, подавать им все, в чем они будут нуждаться? Разве не обязан находиться в распоряжении следователя, который будет производить допрос? Чьи показания, как не его, могут быть так ценны при начале следствия?

Полицейские строго наблюдали за тем, чтобы все внутри и вне дома, в комнатах и на большой дороге около трактира, оставалось в неприкосновенности. Крестьянам окрестных деревень было запрещено приближаться к дому, и даже сейчас с полсотни любопытных держались на почтительном расстоянии.

Согласно данному обещанию, накануне в семь часов утра Брокс с каретником и ямщиком верхами вернулись в трактир. Кондуктор рассчитывал застать там Поха и незнакомца и, починив карету, повезти их дальше.

Легко представить себе ужас, который обуял Брокса, когда он и трактирщик очутились перед трупом Поха, бедняги Поха, с таким нетерпением стремившегося обратно в Ригу, чтобы сыграть свадьбу! Оставив ямщика и каретника в корчме, кондуктор тотчас же вскочил на лошадь и поскакал в Пернов заявить в полицию. На место происшествия немедленно выехали полицейские, а майору Вердеру в Ригу отправили депешу.

Что касается Брокса, то он решил вернуться в трактир, чтобы предоставить себя в распоряжение следователя, которому, вероятно, понадобятся его показания.

Прибыв в корчму, следователь Керсдорф и майор Вердер сразу же приступили к делу. Они расставили снаружи полицейских — на дороге перед домом, позади дома, вдоль огорода и, немного правее, на опушке елового леса, — приказав не подпускать близко зевак.

При входе в дом майора, доктора и г-на Иохазуэна встретил трактирщик Кроф; он провел их в комнату, где лежал убитый банковский артельщик.

При виде несчастного Поха г-н Иохазуэн не мог совладать с волнением. Труп его старого служителя лежал здесь, перед ним, на кровати в том самом положении, в каком смерть за-

стигла беднягу во время сна. В лице банковского артельщика не было ни кровинки, за сутки, прошедшие с момента убийства, тело его окоченело. Накануне в семь часов утра, заметив, что из комнаты Поха не доносится ни звука, Кроф, помня просьбу артельщика, не стал его будить, но когда через час приехал кондуктор, оба начали стучаться в дверь, запертую изнутри. Им никто не ответил. Тогда, весьма встревоженные, они взломали дверь и нашли еще теплый труп артельщика.

На столике возле кровати лежала сумка с вензелем братьев Иохаузенов. Цепочка валялась на полу, и сумка была пуста. Пятнадцать тысяч рублей кредитными билетами, которые Пох вез в Ревель, исчезли.

Первым делом доктор Гамин исследовал труп. Убитый потерял много крови. Красная лужа тянулась от кровати до двери. Рубашка Поха покоробилась от запекшейся крови. Примерно на уровне пятого ребра на ней виднелось отверстие, а на груди в этом месте довольно странной формы рана. Не могло быть сомнения, что она была нанесена шведским ножом. Эти ножи имеют пяти-шестидюймовое лезвие на деревянной ручке, стянутой на конце металлическим кольцом с защелкой. Это кольцо оставило по краям раны заметный след. Удар был нанесен с большой силой. Нож проткнул сердце и вызвал моментальную смерть.

Причина убийства была ясна — ограбление: деньги, находившиеся в сумке Поха, исчезли.

Но каким образом преступник проник в комнату? Видимо, через окно, выходящее на большую дорогу, раз дверь была заперта изнутри. Ведь трактирщику с помощью Брокса пришлось ее взломать. Можно будет убедиться в этом, осмотрев окно снаружи. Ясно только одно: Пох, как это показывают кровавые следы на подушке, положил под нее сумку, убийца пошарил там, вытащил ее окровавленной рукой и, вынув содержимое, бросил сумку на стол.

Все это было установлено в присутствии трактирщика, который весьма толково отвечал на вопросы следователя.

Прежде чем приступить к допросу, г-н Керсдорф и майор решили осмотреть дом с внешней стороны. Нужно было обойти корчму кругом и выяснить, не оставил ли там убийца каких-нибудь следов.

В сопровождении доктора Гамина и г-на Иохаузена они вышли из дому.

Кроф и прибывшие из Риги полицейские последовали за ними. Крестьян продолжали удерживать поодаль, на расстоянии тридцати шагов.

В первую очередь подвергли тщательному осмотру окно

комнаты в которой произошло убийство. С первого взгляда заметили, что правый, и так уже ветхий, ставень был сорван при помощи какого-то рычага и державший его железный крючок вырван из подоконника. Земля была усеяна битым стеклом. Через разбитое окно убийца, вероятно, просунул руку и отодвинул шпингалет, который достаточно было повернуть для этого вокруг оси. Итак, не оставалось сомнения: убийца проник в комнату через это окно и, совершив преступление, бежал тем же способом.

Что касается следов ног вокруг трактира, то их оказалось множество. Земля, размокшая от дождя, лившего в ночь с 13-го на 14-е, сохранила их отпечатки. Но следы эти скрещивались, находили один на другой и были столь различной формы, что не могли служить уликой. Это объяснялось тем, что накануне, еще до прибытия на место перновских полицейских, толпа любопытных кружила вокруг дома, и Кроф не сумел им помешать.

Следователь Керсдорф и майор приступили тогда к осмотру окна комнаты, где ночевал незнакомец. На первый взгляд на нем не замечалось ничего подозрительного. Наглухо запертые ставни не открывались с ночи, то есть с тех пор, как незнакомец поспешно покинул трактир. Между тем на подоконнике, а также и на стене, виднелись царапины как будто от сапог человека, лезшего через окно.

Установив это, следователь, майор, доктор и банкир вернулись в дом. Оставалось осмотреть комнату незнакомца, примыкавшую, как известно, к общей комнате трактира. У двери со вчерашнего дня поочередно дежурили полицейские.

Комнату открыли, в ней стояла кромешная тьма. Майор Вердер сам подошел к окну, повернул деревянную задвижку, отворил окно и, отцепив укрепленный на подоконнике крючок, распахнул ставни.

В комнате стало светло. Она была в том самом состоянии, в котором ее оставил незнакомец. Постель была не убрана, сальная свеча, собственноручно погашенная Крофом после ухода путешественника, почти выгорела, два деревянных стула стояли на своих обычных местах; все свидетельствовало о том, что порядок не был ничем нарушен; в печке, находившейся в глубине комнаты у продольной стены дома, оставалось немного золы и две давно потухшие головешки. Обыскали старый шкаф, но в нем ничего не нашли. Таким образом, осмотр комнаты не дал никаких улик, если не считать царапин, замеченных снаружи на стене и на подоконнике. Это открытие могло иметь важное значение.

Обыск закончили осмотром комнаты Крофа в пристройке

со стороны огорода. Полицейские добросовестно обшарили задний двор, сарай и курятник, обследовали и огород до самой живой изгороди, убедившись, что в ней нет никакого пролома. Не оставалось сомнений, что убийца проник снаружи и влез в комнату своей жертвы через выходившее на большую дорогу окно, ставень которого был сорван.

Покончив с обыском, следователь Керсдорф приступил к допросу трактирщика. Он устроился за столом в большой комнате, рядом с ним уселся судебный писарь. Майор Вердер, доктор Гамин и г-н Иохаузен, пожелавшие выслушать показания Крофа, разместились вокруг стола. Корчмарю предложили рассказать все, что он знает.

— Господин следователь,— ясным, отчетливым голосом начал он,— позавчера вечером часов около восьми в трактир вошли два путника и попросили комнаты для ночлега. Один из них слегка хромал из-за несчастного случая с почтовой каретой, которая опрокинулась в двухстах шагах отсюда на большой дороге в Пернов.

— Это был Пох, артельщик банка Иохаузенов?

— Да... я узнал об этом от него самого... Он рассказал мне, как порывом ветра сбило с ног лошадь и как карета опрокинулась... Не будь у него повреждена нога, он отправился бы с кондуктором в Пернов... И дал бы Бог, чтобы он это сделал!.. Кондуктора я в тот вечер не видел, он должен был вернуться на следующее утро, чтобы, подчинив карету, забрать Поха и его спутника. Так оно и случилось.

— Пох не говорил вам, для чего он едет в Ревель?..— спросил следователь.

— Нет... Он просил подать ему ужин и поел с большим аппетитом... Было около девяти часов, когда он ушел в свою комнату и заперся изнутри на ключ и задвижку.

— А другой путешественник?

— Другой,— отвечал Кроф,— просил только дать ему комнату. Он не захотел поужинать с Похом и, уходя к себе, предупредил, что не будет дожидаться возвращения кондуктора, а в четыре часа утра уйдет пешком...

— Вы не знали, кто он был?

— Нет, господин следователь, и бедняга Пох тоже его не знал... За ужином он рассказал мне, что его спутник не произнес и двух слов за всю дорогу, отмалчивался, упрятав голову в капюшон, как будто боялся, что его узнают... Да я и сам не видел его лица и совершенно не мог бы описать его.

— Были ли еще другие посетители в «Сломанном кресте», когда вошли эти два путешественника?

— Да, человек шесть крестьян и дровосеков из окрестных

деревень, а также полицейский унтер-офицер Эк со своим подчиненным...

— Вот как! — заметил г-н Иохаузен. — Унтер-офицер Эк? Да ведь он, кажется, знал Поха?

— Так и есть, они даже разговаривали во время ужина...

— И все посетители потом ушли? — спросил следователь.

— Да, так около половины девятого, — ответил Кроф. — Я запер за ними дверь на засовы и повернул ключ в замке.

— Значит, снаружи никак нельзя было ее отпереть?

— Никак, господин следователь.

— Ни изнутри, без ключа?

— Ни изнутри.

— А утром дверь была по-прежнему заперта?

— Да, по-прежнему. В четыре часа утра незнакомец вышел из своей комнаты... Я посветил ему фонарем... Он заплатил мне, сколько полагалось, один рубль... Как и накануне, он закутал голову капюшоном, и я не мог разглядеть его лица... Я отворил ему дверь и тотчас же запер за ним...

— И он не сказал, куда идет?

— Нет, не сказал.

— А ночью вы не слышали никакого подозрительного шума?

— Никакого.

— По-вашему, Кроф, — спросил следователь, — убийство было уже совершено, когда этот путешественник уходил из трактира?

— Думаю, что так.

— А что вы делали после его ухода?

— Я вернулся к себе и улегся на кровать, чтобы вздремнуть до утра, но так и не заснул...

— Значит, если бы между четырьмя и шестью в комнате Поха раздался шум, вы бы, вероятно, услышали?

— Безусловно, ведь наши комнаты смежные, хотя моя выходит на огород, и если бы между Похом и убийцей произошла борьба...

— Да, это так, — сказал майор Вердер, — но борьбы не произошло, несчастный был сражен насмерть в своей постели ударом в самое сердце!

Все было ясно. Несомненно, убийство совершено еще до ухода незнакомца. И все же полной уверенности быть не могло, так как между четырьмя и пятью утра еще темным-темно; в ту ночь ветер яростно бушевал, дорога была безлюдна, и какой-нибудь злоумышленник мог, никем не замеченный, вложиться в корчму.

Кроф весьма уверенно продолжал отвечать на вопросы следователя. Очевидно, ему и в голову не приходило, что подозрения могут пасть на него. Впрочем, являлось вполне доказанным, что убийца забрался снаружи, выломал ставень и, разбив окно, открыл его; не менее очевидно и то, что, совершив убийство, он бежал с украденными им пятнадцатью тысячами рублей через то же окно.

Затем Кроф рассказал, как он обнаружил убийство. Он встал в семь часов и расхаживал по большой комнате, когда кондуктор Брокс, оставив каретника и ямщика чинить карету, явился в корчму. Оба они вместе попытались разбудить Поха... Но на их зов он не откликнулся... Они постучались в дверь — тоже никакого ответа... Тогда они выломали дверь и увидели перед собой труп.

— Вы уверены, — спросил следователь Керсдорф, — что в этот час в нем не было уже и признака жизни?

— Уверен, господин следователь, — ответил Кроф, явно взволнованный, несмотря на врожденную грубость. — Нет! Он был мертв. Брокс и я сам, мы все сделали, что только возможно, но безуспешно! Подумайте, такой удар ножом прямо в сердце!

— А вы не нашли оружие, которым пользовался убийца?

— Нет, господин следователь, он догадался захватить его с собой!

— Вы утверждаете, — настойчиво повторил следователь, — что комната Поха была заперта изнутри?

— Да, на ключ и на задвижку... — ответил Кроф. — Не только я, но и кондуктор Брокс сможет засвидетельствовать это... Потому-то нам и пришлось выломать дверь...

— А Брокс после этого уехал?

— Да, господин следователь, поспешно уехал. Он торопился в Пернов, чтобы заявить в полицию, откуда тотчас же прислали сюда двух полицейских.

— Брокс не возвращался?

— Нет, но должен вернуться нынче утром, так как думает, что следователю могут понадобиться его показания.

— Хорошо, — сказал г-н Керсдорф, — вы свободны, но не покидайте корчмы и оставайтесь в нашем распоряжении...

— К вашим услугам.

В начале допроса Кроф назвал имя, фамилию, звание и возраст, и секретарь записал все это. Надо полагать, трактирщика еще вызовут на следствие.

Между тем следователю сообщили, что Брокс прибыл в «Сломанный крест». Это был второй свидетель. Его показа-

ния имели такое же значение, как и показания Крофа, и, вероятно, не разойдутся с ними.

Брокса попросили войти в большую комнату. По приглашению следователя он назвал фамилию, имя, отчество, возраст и род занятий. В ответ на требование следователя сообщить все, что ему известно о пассажире, которого он вез из Риги, о несчастном случае с каретой, о решении Поха и его спутника провести ночь в трактире «Сломанный крест», он подробно рассказал обо всем. Он подтвердил показания корчмаря о том, как было обнаружено убийство, и о том, что им пришлось выломать дверь, так как Пох не откликнулся на их зов. Причем он особенно подчеркивал одну достойную внимания подробность, — что в дороге банковский артельщик, может быть, немного неосторожно, болтал о цели своей поездки в Ревель, то есть о поручении внести крупную сумму за счет банка Йохазенов.

— Нет сомнения, — добавил кондуктор, — что второй путешественник, а также ямщики, сменявшиеся на каждой станции, могли видеть сумку, и я даже предупреждал об этом Поха.

На вопрос о втором пассажире, выехавшем с ним из Риги, Брокс ответил:

— Не знаю, кто он такой, я не мог разглядеть его лица.

— Он явился перед самым отправлением почтовой кареты?

— Всего за несколько минут.

— А заранее билета он не брал?

— Нет, господин следователь.

— Он ехал в Ревель?

— Билет он купил до Ревеля, вот все, что я могу сказать.

— Вы ведь условились, что утром вернетесь и почините карету?

— Да, господин следователь, было решено, что Пох и его спутник выедут с нами.

— А между тем на следующий день в четыре часа утра незнакомец ушел из «Сломанного креста».

— Ну да, я был удивлен, когда Кроф объявил, что пассажира этого нет больше в карме...

— Что же вы подумали? — спросил г-н Керсдорф.

— Я подумал, что он хотел остановиться в Пернове, а так как до города оставалось всего лишь двенадцать верст, то он решил отправиться пешком.

— Если таково было его намерение, — заметил следователь, — странно, что он не отправился в Пернов еще накануне вечером, после поломки кареты...

— Вот именно, господин следователь,— ответил Брокс,— это и мне пришло в голову.

С допросом кондуктора было скоро покончено, и Броксу разрешили удалиться.

Когда он вышел, майор Вердер сказал, обращаясь к доктору Гамину:

— Вы закончили обследование тела убитого?

— Да, майор,— ответил доктор.— Я совершенно точно установил место, форму и направление раны...

— Вы уверены, что удар был нанесен ножом?

— Да, ножом, и защелка кольца оставила отпечаток на теле убитого,— убежденно ответил доктор Гамин.— Возможно, в дальнейшем это послужит указанием для следствия.

— Могу я,— спросил тогда Иохаузен,— отдать распоряжение о перевозке тела несчастного Поха в Ригу, где его будут хоронить?

— Пожалуйста! — ответил следователь.

— Значит, мы можем ехать? — спросил доктор.

— Конечно,— ответил майор,— ведь здесь некого больше допрашивать.

— Прежде чем уехать из корчмы,— сказал следователь Керсдорф,— я хотел бы вторично осмотреть комнату незнакомца... Возможно, мы что-нибудь упустили...

В сопровождении трактирщика, готового отвечать на все их вопросы, следователь, майор, доктор и г-н Иохаузен вошли в комнату. Следователь хотел раскопать золу в печке, чтобы убедиться, не содержит ли она чего-нибудь подозрительного. Когда его взгляд упал на железную кочергу, стоявшую в углу возле очага, он взял ее в руки, осмотрел и обнаружил, что она сильно погнута. Не воспользовались ли ею как рычагом, чтобы выломать ставень комнаты Поха? Это казалось более чем вероятным. При сопоставлении этого факта с царапинами на подоконнике само собой напрашивалось заключение, которым следователь и поделился со своими спутниками по выходе из трактира, когда Кроф уже не мог их слышать:

— Убийство могли совершить трое: либо злоумышленник, проникший с улицы, либо трактирщик, либо неизвестный постоялец, который провел ночь в этой комнате. Однако обнаруженная нами кочерга, которая послужит вещественным доказательством, и следы на подоконнике устраняют всякие сомнения. В самом деле, постоялец знал, что в сумке Поха находится значительная сумма. Открыв ночью окно своей комнаты, он вылез из него и, пользуясь кочергой как рычагом, выломал ставень второй комнаты, убил спящего банковского

артельщика и, совершив ограбление, вернулся к себе. Оттуда он вышел в четыре часа утра, по-прежнему опустив на лицо капюшон. Вероятно, этот путешественник и есть убийца...

На это нечего было возразить. Но кто был незнакомец и удастся ли установить его личность?

— Господа,— сказал тогда майор Вердер,— очевидно, все произошло именно так, как нам только что объяснил господин следователь Керсдорф... Но при расследовании бывают всякие неожиданности, и лишние предосторожности не помешают... Я запру комнату путешественника, унесу с собой ключ, оставлю здесь двух полицейских и прикажу им не покидать корчму и следить за трактирщиком.

Эти меры были одобрены, и майор отдал соответствующие распоряжения.

Перед тем как сесть в карету, господин Иохазузен отвел в сторону следователя и сказал ему:

— Есть кое-что, о чем я никому еще не говорил, господин Керсдорф, и о чем вам следует знать...

— Что именно?

— Дело в том, что у Поха было сто пятьдесят сторублевых кредитных билетов¹, связанных в пачку...

— И вы переписали их номера? — спросил следователь, продолжая о чем-то думать.

— Да, как обычно. Эти номера я сообщу различным банкам в России и в провинциях...

— Полагаю, что этого делать не следует,— ответил Керсдорф.— Ведь если вы поступите таким образом, это может дойти до грабителя. Он примет свои меры предосторожности, выедет за границу. Там он всегда сумеет найти банк, которому номера кредитных билетов будут неизвестны. Давайте предоставим ему свободу действий, и возможно, что он сам себя выдаст.

Несколько минут спустя карета увозила следователя, писаря, банкира, майора Вердера и доктора Гамина.

Два полицейских остались на страже в трактире «Сломанный крест». Им не велено было отлучаться ни днем, ни ночью.

¹ Русские государственные кредитные билеты выпускаются купюрами в 500, 100, 50, 25, 10 и 5 рублей, а также в 3 и 1 рубль. Эти бумажные купюры — почти единственные деньги, имеющие обращение в России. Курс государственных кредитных билетов поддерживается искусственно. Их выпуск регулируется отделом министерства финансов и поставлен под контроль кредитных учреждений империи, с участием двух советников из дворян и петербургского купечества. Бумажный рубль имел в это время стоимость около 2,75 франка, а серебряный рубль стоил 4 франка. Произведенная недавно в России денежная реформа достаточно известна. (Примеч. авт.)

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В Дерптском университете

Шестнадцатого апреля, на следующий день после следствия в трактире «Сломанный крест», в Дерпте, одном из главных городов Лифляндии, группа из пяти-шести студентов прохаживалась по двору университета. Казалось, они оживленно о чем-то беседуют. Туго перетянутые кожаными поясами, в кокетливо одетых набекрень ярких шапочках они шагали взад и вперед по двору, и песок хрустел под их высокими сапогами.

Один из студентов говорил:

— Я-то уж позабочусь, чтобы нам подали самых свежих шуков... Это шуки из Аа, выловленные нынче ночью... А «стремлингов»¹ доставили рыбаки с Эзеля. Им за это дорого заплатили. Готов проломить голову всякому, кто посмеет утверждать, что они не восхитительны на вкус, особенно если запить их стаканчиком кюммеля!

— А ты что скажешь, Зигфрид? — спросил старший из студентов.

— Я позаботился о дичи, — ответил Зигфрид. — И тот, кто посмеет утверждать, что мои рябчики и глухари не объедение, будет иметь дело с вашим покорным слугой!

— Я претендую на первый приз за окорока — сырой и запеченный, а также за «пурожены»²... — заявил третий студент. — Разрази меня гром на месте, если вы когда-либо едали лучшие пироги с мясом!.. Рекомендую тебе их особо, мой милый Карл...

— Прекрасно, — ответил тот, кого называли Карлом. — С такими вкусными блюдами мы достойно отметим праздник университета... Но при одном условии — присутствие этих московско-русских славян на должно помешать торжеству...

— Ни за что не пустим ни одного из них!.. — воскликнул Зигфрид. — И так уже они начинают задирать нос...

— Ну вот они и останутся с носом! — ответил Карл. — Пусть остерегается этот Иван, которого они хотят сделать своим вожаком, я сумею поставить его на место, если он посмеет мечтать сравняться с нами! Чувствую, что на днях мне придется посчитаться с ним. Не хотелось бы покидать университет, пока не заставлю его признать превосходство германцев, которых он так презирает...

¹ Маленькие рыбки, которых в маринованном виде очень любят жители Лифляндии. (Примеч. авт.)

² Видимо, ошибка Жюля Верна.

— Надо сбить спесь с него и с его друга Господина! — добавил Зигфрид, грозя кулаком куда-то в дальний конец двора.

— Да, с Господина, как и со всех, кто лелеет мечту взять над нами верх! Они увидят, легко ли одолеть германскую нацию!.. — воскликнул Карл. — Немецкие слова «славен» — славяне и «склавен» — рабы — равнозначны, мы срифмуем их в одном из стихов нашего ливонского гимна и заставим их петь хором...

— И петь в такт на немецком языке! — добавил Зигфрид под дружные «хох»¹ своих товарищей.

Читатель видит, что молодые люди старательно готовились к предстоящему торжественному банкету. Однако их особенно привлекала мысль затеять ссору, вероятно даже драку, со студентами славянского происхождения. Эти германцы были порядочными шалопаями, в особенности Карл. Пользуясь своим именем и положением, он оказывал большое влияние на товарищей и мог толкнуть их на достойные сожаления выходки.

Кто же этот Карл, пользовавшийся таким авторитетом у некоторой части университетской молодежи, кто этот смелый, но злопамятный и задиристый молодой человек?.. Высокого роста светлый блондин, с жестким взглядом и злым выражением лица, он всегда был вожаком и зачинщиком.

Карл, сын банкира Франка Иохаузена, оканчивал в этом году университет. Еще каких-нибудь несколько месяцев — и он вернется в Ригу, где ему, естественно, приготовлено теплое местечко в банке отца и дяди.

А кто же такой Иван, по адресу которого ни Зигфрид, ни Карл не скупилась на угрозы? Читатель, наверно, узнал в нем сына рижского учителя Дмитрия Николева. Иван мог положить на своего друга Господина, тоже славянина, как Карл Иохаузен на Зигфрида.

Древний ганзейский город Дерпт основан русскими в 1150 году. Так принято считать, хотя некоторые историки относят его основание к знаменитому тысячному году, тому самому, в котором должно было произойти светопреставление. Но если и можно сомневаться относительно времени основания Дерпта, одного из живописнейших городов Прибалтийского края, то нет сомнения, что его знаменитый университет основан Густавом-Адольфом в 1632 году и реорганизован в том виде, как он существует и доныне, в 1812 году. По словам некоторых путешественников, Дерпт напоминает город современной

¹ Ура! (нем.)

Греции. Так и кажется, что его дома целиком перенесены из столицы короля Оттона.

Дерпт не столько торговый, сколько студенческий город. Центром его является университет, делящийся на корпорации, или, вернее, на «нации», отнюдь не связанные между собой прочными узами братства. Из предыдущего описания видно, что в Дерпте, как и в других городах Эстляндии, Лифляндии и Курляндии, неприязнь между славянами и германцами накалила страсти. Вследствие этого спокойствие воцаряется в Дерпте лишь во время университетских каникул, когда невыносимая летняя жара разгоняет студентов по домам, к их семьям.

При большом количестве студентов — около девяти сот — требуется штат в семьдесят два преподавателя, ведущих различные предметы: физику, математику, литературу. Все это существует за счет довольно обременительного бюджета в двести тридцать четыре тысячи рублей в год. Таково же, с разницей в четыре тысячи, и число томов университетской библиотеки, одной из самых значительных и наиболее посещаемых в Европе.

Однако Дерпт — в силу своего географического положения на скрещении главных дорог Прибалтийского края, в двухстах километрах от Риги и лишь в ста тридцати от Петербурга — все же не утратил полностью характера торгового города. Да и мог ли забыть Дерпт, что он был когда-то одним из самых цветущих ганзейских городов? Но как ни мало развита в нем теперь торговля, находится она целиком в германских руках. В общем, местное эстонское население состоит лишь из рабочих и слуг.

Дерпт живописно расположен на холме, возвышающемся на южном берегу реки Эмба. Длинные улицы соединяют три квартала города. Туристы приезжают осмотреть его обсерваторию, собор в византийском стиле, развалины готической церкви. Не без сожаления покидают они аллеи Дерптского ботанического сада, весьма ценимого знатоками.

В университете, как и среди городского населения, в те годы преобладали германцы. На девятьсот студентов насчитывалось лишь около пятидесяти славян,

Среди последних выделялся Иван Николев. Товарищи признавали его если не вожаком, то во всяком случае своим представителем во всех столкновениях, которые мудрому и осторожному ректору не всегда удавалось предотвратить.

В то время как Карл Иохансен с группой товарищей прохаживался по двору, обсуждая возможные столкновения на

будущем торжестве, другая группа студентов, русских по духу и по рождению, в сторонке совещалась о том же.

Среди этой группы выделялся студент лет восемнадцати, ростом выше среднего, крепкий для своего возраста, с живым и открытым взглядом. У него было красивое лицо, на щеках едва пробивалась бородка, а верхнюю губу уже украшали тонкие усики. При первом же знакомстве молодой человек располагал к себе, несмотря на строгое выражение лица — выражение вдумчивого, трудолюбивого, уже озабоченного мыслью о будущем студента.

Иван Николев кончал второй курс университета. Его легко было узнать уже по одному только сходству с Илькой. Оба они отличались серьезным, рассудительным характером и были полны сознания долга, — особенно Иван, — может быть, в большей степени, чем это свойственно такому юному возрасту. Понятно поэтому то влияние, каким он пользовался среди товарищей благодаря ревностной защите славянского дела.

Его друг Господин происходил из Ревеля, из богатой эстонской семьи. Хотя и на год старше Ивана Николева, он не отличался его серьезностью. Это был молодой человек, более склонный наносить, чем отражать, удары, жадный к развлечениям, увлекающийся спортом. Зато это был душа-парень, искренний друг, и Иван мог всецело положиться на него и на его преданность.

О чем же могли беседовать эти двое молодых людей, как не о празднестве, волновавшем все без различия студенческие корпорации.

По своему обыкновению, Господин давал волю врожденной горячности. Напрасно Иван старался его успокоить.

— Эти германские варвары намереваются не допустить нас на свой банкет! — кричал Господин. — Они отказались принять наши взносы, чтобы лишить нас права участвовать в торжестве!.. Вот как! Им стыдно чокнуться с нами бокалами!.. Но последнее слово за нами, и их обед может окончиться еще до десерта!

— Согласен, это бессовестно, — ответил Иван. — Однако стоит ли из-за этого затевать с ними ссору? Они заупрямились и хотят праздновать особняком — ну и пусть!.. Давайте и мы отпразднуем сами, без них. Это не помешает нам, дружище Господин, весело осушить бокалы во славу университета!

Но пылкий Господин не хотел и слышать об этом. Допустить такое положение — значило отступить, и он выходил из себя, накаляясь от своих собственных слов.

— Все это весьма разумно, Иван, — возражал он, — ты — воплощенный здравый смысл. Никто не сомневается, что ты

столь же умен, как и храбр!.. Но, что касается меня, я вовсе не рассудителен и не хочу таким быть! Я смотрю на поведение Карла Иохаузена и его шайки как на оскорбительный вызов и не потерплю дольше...

— Оставь ты его в покое, Господин, этого немца Карла! — ответил Иван Николев. — Какое тебе дело до его слов и поступков! Еще несколько месяцев — и оба вы покинете университет, а если когда-нибудь и встретитесь, то вас уже не будет волновать вопрос о национальном происхождении.

— Вполне вероятно, мудрый Нестор! — возразил Господин. — Завидное свойство — так владеть собой!.. Но уехать отсюда, не проучив Карла Иохаузена, как он того заслуживает, — этого я не мог бы себе простить!

— Послушай, — сказал Иван Николев, — пусть хотя бы сегодня зачинщиками будем не мы. Незачем задирать их без повода...

— Без повода? — воскликнул пылкий молодой человек. — У меня их десятки тысяч: лица его я не переносу, его поведение меня раздражает, звук его голоса мне противен. А разве не достаточный повод — пренебрежительный взгляд и высокомерный вид, который он на себя напускает? И товарищи еще поощряют его, признавая главой своей корпорации!

— Все это не серьезно, Господин, — заявил Иван Николев, дружески беря товарища под руку. — Покуда с их стороны не будет прямого оскорбления, я не вижу никаких оснований для вызова!.. Вот если они оскорбят нас, будь уверен, дружище, я первый отвечу им!..

— И мы поддержим тебя, Иван! — отозвались окружавшие его молодые люди.

— Все это я знаю, — заметил неугомонный Господин, — но неужели Иван не чувствует, что Карл хочет задеть лично его...

— Что ты хочешь этим сказать?..

— Я хочу сказать, что если наш общий спор с этими германцами не выходит из рамок университета, то у Ивана Николева есть и другие счета с Карлом Иохаузенем!

Для Ивана не составляло секрета то, на что намекал Господин. О соперничестве Иохаузенев и Николевых в Риге знали все студенты университета: главы обеих семей должны вскоре столкнуться на выборах как противники; один из них, выдвинутый населением и поддерживаемый властями, должен сразить другого. Напрасно Господин, подчеркивая личные обстоятельства товарища, старался распространить спор отцов на сыновей. К сожалению, в пылу гнева он не мог уже сдержаться и переходил все границы.

Тем не менее Иван сохранял спокойствие. Он побледнел,

кровь отхлынула от лица и прилила к сердцу. Но сильная воля помогла ему совладать с собой. Он лишь бросил пылающий взгляд на противоположный конец двора, где гордо расхаживала группа Карла Иохаузена.

— Не будем говорить об этом, Господин,— произнес он строго, слегка дрожащим голосом.— Я никогда не вмешивал имя господина Иохаузена в наши споры с Карлом. Дай Бог, чтобы и Карл воздержался от каких-либо выпадов против моего отца, как и я не трогаю его отца!.. Если он будет невосдержан...

— Прав Иван, а не Господин,— сказал один из студентов.— Нас не касается то, что происходит в Риге, займемся тем, что происходит в Дерпте.

— Правильно,— одобрительно отозвался Иван Николев, желавший вернуться к первому вопросу.— Несмотря ни на что, не будем преувеличивать и подождем, как обернется дело...

— Итак, Иван,— спросил один из студентов,— ты считаешь, что не стоит протестовать против выхода Карла Иохаузена и его товарищей, которые не допускают нас к участию в банкете?

— Полагаю, если не произойдет каких-нибудь новых инцидентов, мы должны проявить полное безразличие.

— Пусть будет безразличие! — воскликнул Господин не очень-то одобрительно.— Вопрос еще, как наши остальные товарищи примирятся с этим... Предупреждаю тебя, Иван, они взбешены...

— По твоей вине, Господин.

— Не по моей, Иван. Достаточно одного лишь пренебрежительного взгляда, одного резкого слова, чтобы произошел взрыв!

— Ладно! — с улыбкой воскликнул Иван.— Взрыва не произойдет, дружище, мы примем меры и смочим порох в шампанском!

Сам здравый смысл подсказывал этот ответ наиболее мудрому из юношей. Но остальные были сильно взвинчены... Внемлют ли они этим призывам к осторожности?.. Как еще кончится день? Не выльется ли празднество в столкновение? Если даже со стороны славян и не последует вызова, не бросят ли вызов немцы? Всего можно было опасаться.

Неудивительно поэтому, что ректор университета испытывал серьезное беспокойство. Как ему было известно, с некоторых пор политическая борьба, или во всяком случае борьба между славянами и германцами, весьма обострилась среди студентов. Значительное большинство из них отстаивало ста-

рые традиции университета, сохранившиеся со времен его основания. Правительство знало, что здесь имеется сильный очаг сопротивления попыткам руссификации Прибалтийских областей. Разве мог ректор предвидеть последствия волнений, которые вспыхнули бы в связи с этим? Следовало быть настороже. Ведь как ни древен, как ни почитаем Дерптский университет — и его не пощадит императорский указ, если он превратится в центр возмущения против прославянских преобразований. Поэтому ректор очень внимательно следил за настроениями студентов. Да и преподаватели, в большинстве своем приверженцы немцев, тоже опасливо поглядывали на них... Разве можно заранее предвидеть, до чего дойдет молодежь, если увлечется политической борьбой?

По правде говоря, в этот день влияние одного человека оказалось сильнее влияния ректора. Этим человеком был Иван Николев. Если ректору не удалось добиться, чтобы Карл Йохаузен и его друзья отказались от своей затеи не допускать Ивана и его товарищей на банкет, то Николев добился от Господина и остальных, чтобы они не нарушали праздника. Они не войдут в зал, где состоится банкет, и не будут отвечать русскими песнями на немецкие при одном условии: немцы не должны их ни задирать, ни оскорблять. Но разве можно было ручаться за эти возбужденные вином головы? Поэтому Иван Николев и его товарищи решили собраться вне стен университета, по-своему отпраздновать его юбилей и сохранять спокойствие, если никто не осмелится его нарушить.

Между тем время шло. Толпа студентов собралась на большом университетском дворе. Занятий в этот день не было. Ничего другого не оставалось делать, как разгуливать группами по двору, косясь друг на друга и избегая нежелательных встреч. Можно было опасаться, что еще до банкета какая-нибудь случайность послужит поводом к вызову, а затем и к открытой стычке. При таком возбуждении умов, вероятно, было бы разумнее вообще запретить празднество? Однако такой запрет мог вызвать протест корпораций и послужить поводом к волнениям, которые как раз и хотели предотвратить? Университет ведь не коллеж, где можно ограничиться выговором или добавочным заданием. Здесь придется прибегнуть к исключению, изгнать зачинщиков, а это уже серьезная мера.

До четырех часов пополудни — часа, в который должен был состояться банкет,— Карл Йохаузен, Зигфрид и их друзья оставались во дворе. Многие студенты подходили к ним как бы за распоряжениями начальства и перекидывались с

ними несколькими словами. Был пущен слух, что банкет будет запрещен,— впрочем, ложный слух: как уже сказано, такой запрет мог привести к вспышке. Но слуха этого оказалось достаточно, чтобы вызвать волнение и совещания в группах.

Иван Николев с друзьями как ни в чем не бывало прогуливался по двору. По своему обыкновению, они держались в стороне, изредка встречая на своем пути студентов из других групп.

Тогда они мерили друг друга взглядами, в которых можно было прочесть едва сдерживаемый вызов. Иван сохранял спокойствие и старался казаться безразличным. Но какого труда стоило ему удерживать Господина! Последний никогда не отворачивался, не опускал глаз, и взгляды его и Карла скрещивались, как две рапиры.

Достаточно было самой малости, чтобы вызвать столкновение, которое, конечно, не ограничилось бы схваткой между ними двумя.

Наконец пробил колокол, возвещавший о начале банкета, и Карл Иохансен, во главе нескольких сот товарищей, направился в отведенный им просторный зал.

Вскоре во дворе не осталось никого, кроме Ивана Николева, Господина и около пятидесяти славянских студентов, которые все медлили вернуться домой к своим домочадцам или в приютившие их семьи.

Поскольку ничего их здесь не удерживало, разумнее всего было бы тотчас же уйти. Таково было и мнение Ивана Николева. Однако напрасно старался он убедить в этом своих товарищей. Казалось, что Господина и других удерживали здесь какие-то цепи, их как магнитом тянуло в зал торжественного собрания.

Так продолжалось минут двадцать. Студенты молча шагали по двору, время от времени приближаясь к выходившим на двор открытым окнам зала. Чего же они ждали? Чего хотели? Услышать шумные голоса, доносившиеся до них, ответить на обидные слова, обращенные к ним?

Так или иначе, собравшиеся в зале не стали дожидаться конца банкета, чтобы петь и произносить тосты. Они разгорячились от первых же бокалов вина. Увидев через открытые окна, что Иван Николев и его друзья находятся достаточно близко, они воспользовались этим для личных выпадов.

Иван сделал еще одну последнюю попытку уговорить товарищей.

— Уйдемте отсюда...— сказал он.

— Нет! — ответил Господин.

— Нет! — в один голос поддерживали остальные.

— Значит, вы отказываетесь меня слушать и следовать за мной?

— Мы хотим услышать, какие дерзости позволяют себе эти пьяные германцы. И если нам не понравятся их слова — ты сам, Иван, последуешь за нами!

— Идем, Господин,— сказал Иван,— я настаиваю.

— Подожди,— возразил Господин,— через несколько минут ты сам не захочешь уйти!

Возбуждение в зале все усиливалось: шум голосов перемежку со звоном стаканов, возгласы, крики «хох» громыхали, как выстрелы. Собравшиеся затаили хором во весь голос протяжную песню. Это была однообразная, в ритме на три четверти, песня, широко распространенная в немецких университетах:

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!
Post jucundam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus!

Читатель согласится, что эти слова звучат довольно уныло и больше подходят для похоронного напева. Все равно что петь на десерт «*De profundis*»². В общем, эта песня совершенно в характере германцев.

Вдруг на дворе раздался голос, который запел: «О Рига, кто сделал тебя столь прекрасной? Это сделали поработенные латыши! Да грядет день, когда мы сможем откупить у немцев твой замок и заставить их плясать на раскаленных камнях!»

Это Господин затянул могучую широкую русскую песню.

Затем он и его товарищи хором запели «Боже, царя храни», величественный и торжественный русский национальный гимн.

Внезапно двери зала распахнулись, и около сотни студентов устремились во двор.

Они окружили кучку славян, в центре которых стоял Иван Николев. Последний уже не был в состоянии сдерживать товарищей: крики и выходки противников выводили их из себя. Хотя Карла Йохаузена и не было еще здесь, чтобы

¹ Будем же радоваться,
Пока мы молоды!
После радостной юности,
После тягостной старости
Нас поглотит земля! (лат.)

² Из бездны (взывал я к тебе, Господи) — начало одного из псалмов (лат.).

подстрекать германцев,— он задержался в зале,— но те орали во все горло, прямо ревели свой «Gaudeamus igitur», стараясь заглушить русский гимн, мощная мелодия которого, несмотря на все их старания, все же пробивалась через этот шум и гам.

В это время два студента, Зигфрид и Господин, готовые вот-вот броситься друг на друга, столкнулись лицом к лицу. Уж не они ли двое решат национальный спор? Не ввяжутся ли в ссору вслед за ними оба враждующих лагеря? Не превратится ли эта стычка в общую свалку, ответственность за которую будет нести весь университет?

Услышав, с каким шумом и криком выбежали из зала студенты, ректор поспешил вмешаться. Вместе с несколькими преподавателями он переходил во дворе от группы к группе, стараясь успокоить готовых ринуться в драку юношей. Безуспешно. Ему не повиновались... Да и что мог он предпринять среди этих «истых германцев», число которых, по мере того как пустел зал, все росло и росло?

Несмотря на то, что они были в меньшинстве, Иван Николаев с товарищами стойко выдерживали сыпавшиеся на них угрозы и ругательства, не отступая ни на шаг.

Вдруг Зигфрид, подойдя со стаканом в руке к Господину, плеснул ему вином в лицо.

Это был первый удар, нанесенный в схватке, за ним последовало множество других.

Однако лишь только Карл Иохаузен появился на ступеньках крыльца, как наступило затишье. Ряды расступились, и сын банкира приблизился к группе студентов, в которой находился сын учителя.

Невозможно передать словами, как держал себя в эту минуту Карл Иохаузен. Его лицо выражало не гнев, а холодное высокомерие, переходящее, по мере того как он приближался к своему противнику, в презрение. У товарищей Ивана не могло быть сомнений: Карл направлялся сюда лишь для того, чтобы бросить в лицо их другу какое-нибудь новое оскорбление.

На смену шуму и гаму наступила жуткая тишина. Все почувствовали, что спор двух враждующих корпораций университета разрешится столкновением между Иваном Николаевым и Карлом Иохаузенем.

В это время Господин, забыв о Зигфриде, выждал, чтобы Карл приблизился еще на несколько шагов, и сделал попытку преградить ему путь.

Однако Иван удержал его.

— Это касается только меня! — сказал он просто.

Да и в сущности он был прав, говоря, что это касается лично его. Поэтому, сохраняя полное хладнокровие, он отстранил рукой тех из своих друзей, которые намеревались вступить.

— Не мешай мне!..— вне себя от ярости воскликнул Господин.

— Я настаиваю! — произнес Иван Николев таким решительным тоном, что оставалось лишь подчиниться.

Тогда, обращаясь к толпе студентов и стараясь быть улышанным всеми, он сказал:

— Вас здесь сотни, а нас всего лишь пятьдесят!.. Нападайте же на нас!.. Мы будем защищаться, и вы нас раздавите!.. Но так могут поступать лишь трусы и подлецы!..

Крик ярости был ему ответом.

Карл знаком показал, что хочет говорить.

Снова водворилась тишина.

— Да,— произнес он,— мы были бы подлецами!.. Но, может быть, кто-нибудь из славян согласен решить дело поединком?

— Мы все к твоим услугам! — воскликнули товарищи Ивана.

Но последний выступил вперед и заявил:

— Этим славянином буду я. И если Карл добивается личного вызова, то я вызываю его...

— Ты? — презрительным тоном воскликнул Карл.

— Да, я! — отвечал Иван.— Выбери двух из твоих друзей... Я уже выбрал себе секундантов...

— И это ты... ты собираешься драться со мной?

— Да, я... завтра, если ты сейчас не готов... Немедленно, если ты согласен!

Такие дуэли — не редкость среди студентов. И лучшее, что могут сделать власти,— закрывать на это глаза, так как чаще всего они кончаются благополучно. Правда, в данном случае противников обуревала такая ненависть, что можно было опасаться смертельного исхода.

Карл скрестил руки, смерив Ивана с ног до головы презрительным взглядом.

— Ах, вот как! — произнес он.— Ты даже выбрал секундантов?

— Вот они,— ответил Иван, указывая на Господина и еще одного студента.

— И ты думаешь, что они согласятся?

— Еще как согласятся! — воскликнул Господин.

— Ну, так вот, что касается меня,— сказал Карл,— есть

вещь, на которую я никогда не соглашусь,— это драться с тобой, Иван Николев!

— А почему бы это, Карл?

— Потому что не дерутся на дуэли с сыном убийцы!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Обвинение

Накануне в Риге, куда следователь Керсдорф, майор Вердер, доктор Гамин и г-н Франк Иохазузен вернулись в ночь с 15 на 16 апреля, произошли следующие события.

Еще за двенадцать часов до их возвращения по городу разнесся слух, что в трактире «Сломанный крест» совершено убийство. Стало известно также и то, что жертва преступления — банковский артельщик Пох.

Несчастливого хорошо знали в городе. Его можно было ежедневно встретить на улице, когда с сумкой через плечо, держа под мышкой портфель, прикрепленный медной цепочкой к поясу, он шел по делам банка братьев Иохазузенов. Добрый и услужливый, со счастливым характером, всегда в хорошем расположении духа, всеми любимый и уважаемый, он имел лишь друзей — ни одного врага. Благодаря своему трудолюбию, примерному поведению, размеренному образу жизни и расположению, с которым к нему относились, он сделал кое-какие сбережения и после столь долгого ожидания должен был вот-вот жениться на Зинаиде Паренцовой. Его сбережения и сбережения жены могли обеспечить им счастливое будущее. Как раз через день нареченные супруги должны были предстать перед протестантским пастором, который благословил бы их брак. За этим последовало бы семейное торжество, на которое были приглашены коллеги Поха из других банков, чтобы повеселиться на их свадьбе. К тому же все были уверены, что братья Иохазузены почтут своим присутствием это торжество. Приготовления к нему были уже начаты, даже закончены... И вот Пох пал жертвой убийцы в каком-то трактире на одной из дорог Лифляндии!.. Известие это произвело потрясающее впечатление!

И, к сожалению, не удалось избежать, чтобы Зинаида узнала о случившемся внезапно, без подготовки, из газеты, которая опубликовала одно лишь сообщение без всяких подробностей!

Несчастную просто сразило это известие. Сначала соседи, потом г-жа Иохазузен выражали ей сочувствие и всячески

поддерживали ее. Вряд ли бедная женщина придет в себя после такого жестокого удара!

Между тем если жертву опознали, то убийца оставался неизвестен. За два дня, 14-е и 15-е, пока выехавшими на место судебными властями велось расследование, в публику не просочилось на этот счет никаких сведений. Оставалось лишь ждать возвращения следователя и полицейских, да и они, возможно, не открыли еще злодея.

Что касается убийцы, кто бы он ни был,— он вызывал всеобщее омерзение. Самые строгие кары казались недостаточными за такое злодейство. Многие сожалели о времени, когда смертной казни предшествовали ужаснейшие пытки. Не следует забывать, что эта уголовная драма произошла в Прибалтийском крае, где, не говоря уже об отдаленных временах, еще совсем недавно правосудие прибегало к варварским приемам в отношении убийц. Сначала их жгли раскаленным докрасна железом, затем били плетью, нанося тысячу, иногда до шести тысяч ударов, которые сыпались уже на труп. Некоторых заключенных замуровывали в стене, где они и умирали в муках голода. Если же от них хотели добиться каких-либо признаний, тогда их кормили исключительно солониной и соленой рыбой, не давая ни капли воды,— способ «допроса», который вырывал не одно признание.

В настоящее время нравы значительно смягчились, настолько, что если для политических преступников и сохранена смертная казнь, то для уголовных она заменена каторжными работами в сибирских коях и рудниках. Но такое наказание для убийцы из трактира «Сломанный крест» не могло удовлетворить население Риги.

Как сказано выше, уже были даны распоряжения о перевозке праха убитого в город. Дело не в том, что требовалось произвести новое освидетельствование трупа в Риге,— доктор Гамин тщательно отметил в составленном им протоколе освидетельствования характер и форму раны, а также отпечаток защелки ножа по ее краям,— но г-н Франк Иохазен пожелал, чтобы похороны состоялись в городе, причем все расходы из жалости и расположения к банковскому артельщику он всецело взял на себя.

Утром 16 апреля майор Вердер явился к своему начальнику полковнику Рагенову. Последний с нетерпением ожидал, чтобы майор доложил ему о ходе расследования, решив, если только обнаружен какой-нибудь след, пустить по нему своих лучших сыщиков. В дальнейшем будет видно, нужно ли ставить об этом в известность губернатора края. До получения более подробных сведений казалось, что здесь имело

место самое заурядное уголовное преступление — убийство с целью грабежа.

Майор доложил полковнику Рагенову о всех подробностях дела: об обстоятельствах, при которых совершено убийство, о различных найденных полицией уликах, о результатах освидетельствования трупа доктором Гаминым.

— Вижу,— заметил полковник,— что ваши подозрения падают главным образом на неизвестного путешественника, проводшего ночь в корчме...

— Главным образом, господин полковник.

— А трактирщик Кроф не держал себя подозрительно во время следствия?

— И нам, вполне естественно, приходило на ум, что убийцей может быть он, — ответил майор,— хотя в его прошлом и не к чему придраться. Однако после того, как мы обнаружили различные следы на подоконнике спальни незнакомца, который ушел из корчмы в такую рань, после того, как в его комнате мы нашли кочергу, послужившую для взлома ставень, у нас не осталось больше сомнений в том, чьих это рук дело.

— И все же надо последить за этим Крофом...

— Само собой разумеется, господин полковник. Поэтому двое моих людей остались на страже в доме, а Крофу приказано находиться в распоряжении судебных властей.

— Итак,— настойчиво повторил полковник Рагенов,— вы не думаете приписать это убийство какому-нибудь злоумышленнику с большой дороги, который мог проникнуть в комнату своей жертвы?

— Не могу утверждать решительно,— ответил майор,— но трудно допустить такую возможность, настолько догадки превращаются в уверенность при мысли о спутнике Поха.

— Вижу, что у вас составилось определенное мнение, майор...

— И мнение мое совпадает с мнением следователя Керсдорфа, доктора Гамина и господина Йохазуэна... Заметьте, что этот путешественник все время старался не быть узнанным как по прибытии в трактир, так и когда уходил из него...

— Он не сказал, куда он направляется по выходе из корчмы «Сломанный крест»?

— Нет, не сказал, господин полковник.

— Нельзя ли предположить, что, покидая Ригу, он намеревался поехать в Пернов?

— Догадка эта вполне вероятна, господин полковник, хотя билет-то он взял до Ревеля.

— Ни одного приезжего не замечено в Пернове четырнадцатого и пятнадцатого апреля?

— Ни одного,— уверенно заявил майор Вердер.— А между тем полиция была на чеку, ее в тот же день оповестили об убийстве... Куда направился неизвестный? Заходил ли он вообще в Пернов? Не бежал ли он скорее с награбленными деньгами из Прибалтийского края?

— Действительно, майор, надо думать, что близость портов предоставила ему случай ускользнуть...

— Вернее, предоставит случай, господин полковник,— возразил майор,— так как пока еще плавание по Балтийскому морю и Финскому заливу едва ли возможно... По полученным мною сведениям до сих пор ни одно судно еще не вышло в море... Поэтому, если незнакомец хочет сесть на борт корабля, то он должен выждать несколько дней: либо где-нибудь в посадке внутри страны, либо в каком-нибудь порту побережья — Пернове, Ревеле...

— Или Риге,— подхватил полковник Рагенов.— Почему бы ему не вернуться сюда? Пожалуй, здесь еще больше возможностей сбить полицию со следа?

— Мне это кажется маловероятным, господин полковник. Однако надо все предвидеть! Дадим указание нашим людям обыскать все корабли, готовящиеся к отплытию. Так или иначе, до конца недели море еще не освободится ото льда, а пока что я дам приказ, чтобы в городе и в порту установили строгий надзор.

Полковник одобрил мероприятия, намеченные его подчиненным, приказав распространить их на всю территорию Прибалтийского края. Майор Вердер обещал все время держать его в курсе дела. Что касается следствия, то оно поручено следователю Керсдорфу, а на него можно положиться: он не упустит ничего имеющего какое-нибудь отношение к делу.

Впрочем, после разговора с майором Вердером у полковника Рагенова не оставалось никаких сомнений, что убийца — путешественник, сопровождавший банковского артельщика в трактир Крофа. Против него имелись тяжкие улики. Но кто он, этот путешественник? Как установить его личность, когда ни кондуктор Брокс, посадивший его в карету в Риге, ни трактирщик Кроф, пустивший его переночевать в корчме, ничего о нем не знали? Ни тот, ни другой не видели его лица и даже не могли сказать, молод ли он или стар. В таком случае, по какому следу пустить полицейских? В какую сторону направить поиски? Каких еще свидетелей привлечь, чтобы получить сведения, дающие хоть некоторую надежду на успех?

Все это было покрыто мраком.

Читатель скоро узнает, как этот мрак внезапно озарился светом, как ночь стала днем.

В то же утро, составив свой судебно-медицинский отчет по делу об убийстве в «Сломанном кресте», доктор Гамин отнес его в кабинет г-на Керсдорфа.

— Никаких новых данных? — спросил он следователя.

— Никаких, доктор.

Выйдя из кабинета следователя, доктор Гамин встретил французского консула г-на Делапорта. По дороге они заговорили о загадочном деле и о трудностях, связанных с ним.

— Действительно, — согласился консул, — если ясно, что преступление совершено неизвестным путешественником, то по меньшей мере сомнительно, что его найдут... Вы, доктор, придаете как будто большое значение тому, что удар нанесен ножом и защелка оставила след вокруг раны... Допустим!.. Ну, а как найти этот нож?

— Как знать? — ответил доктор Гамин.

— Что ж, увидим, — сказал г-н Делапорт. — Кстати, у вас есть известия о господине Николеве?

— Известия о Дмитрие? — удивился доктор. — А откуда бы я мог их иметь, если он до сих пор путешествует?

— Да, действительно, — ответил консул, — вот уже три дня!.. Чем больше я об этом думаю, тем больше нахожу это странным...

— Да... — заметил доктор Гамин.

— Вчера еще мадемуазель Николева не имела от него никаких известий...

— Пойдем проведать Ильку, — предложил доктор. — Быть может, почтальон доставил ей сегодня утром письмо от отца, а может быть, и сам Николев уже вернулся домой?

Господин Делапорт и доктор Гамин направились на окраину предместья, где стоял дом учителя. Взойдя на крыльцо, они спросили, может ли барышня принять их.

Служанка доложила о них и тотчас же ввела в столовую, где находилась Илька.

— Твой отец еще не вернулся, дорогая Илька? — прежде всего спросил доктор.

— Нет, не вернулся... — ответила девушка.

По ее бледному и озабоченному лицу было видно, что она очень встревожена.

— А получили ли вы от него известия, мадемуазель? — спросил консул.

Илька отрицательно покачала головой.

— Отсутствие Дмитрия, как и причина его поездки, совершенно непонятны... — заметил доктор.

— Не случилось ли чего-нибудь с отцом!..— в волнении пробормотала девушка.— За последнее время в Лифляндии так участились преступления...

Доктор Гамин, скорее удивленный, чем встревоженный этим отсутствием, захотел ее успокоить.

— Не надо преувеличивать,— сказал он,— пока что путешествовать еще довольно безопасно!.. Правда, около Пернова совершено убийство... хотя убийца и не известен. Но жертва известна... несчастный банковский артельщик...

— Вот видите, милый доктор,— заметила Илька,— дороги вовсе не безопасны, а вот уже скоро четыре дня, как отец уехал... Увы! Я не в силах отогнать от себя предчувствие какого-то несчастья...

— Успокойтесь, дорогая детка,— сказал доктор, взяв ее руку в свои,— не надо расстраиваться!.. Вы такая мужественная, такая энергичная... не узнаю вас!.. Ведь Дмитрий предупредил, что он пробудет в отсутствии дня два, три... опоздание еще не так велико, чтобы тревожиться.

— Вы действительно так думаете, доктор? — спросила, глядя на него, Илька.

— Безусловно, Илька, безусловно. И я был бы совсем спокоен, если бы знал причину этой поездки... У вас письмо, оставленное вам отцом перед отъездом?

— Вот оно! — ответила Илька, вынимая из кармана небольшую записку и передавая ее доктору.

Господин Делапорт внимательно прочел записку. Из единственной лаконической фразы, которую дочь Дмитрия читала и перечитывала уже сотни раз, ничего нового нельзя было извлечь.

— Итак,— снова заговорил доктор,— он даже не поцеловал вас перед отъездом?

— Нет, не поцеловал, дорогой доктор,— ответила Илька.— И уже накануне, когда, как обычно, он прощался со мной перед сном, мне показалось, что мысли его заняты совсем другим...

— Может быть,— заметил консул,— господин Николев был чем-то озабочен?

— Он в тот вечер вернулся домой позже обычного... Помните, доктор? Задержался на каком-то уроке... так он сказал...

— В самом деле,— ответил доктор Гамин,— он показался мне более задумчивым, чем обычно... Но мне важно знать следующее, милая Илька: что делал Дмитрий после нашего ухода?

— Он пожелал мне спокойной ночи, я пошла к себе, а он поднялся в свою комнату...

— А не мог ли после этого зайти к нему кто-нибудь, что и вызвало поездку?

— Вряд ли,— ответила девушка.— Думаю, что он тотчас же лег спать, так как за весь вечер я не слышала больше ни звука...

— Не приносила ли ему служанка какого-нибудь письма после того, как вы расстались?

— Нет, доктор, двери дома закрылись за вами и больше не открывались.

— Очевидно, решение было принято еще с вечера...

— В этом нет никакого сомнения,— поддержал доктора г-н Делапорт.

— Никакого сомнения! — подхватил доктор.— А на следующее утро, прочитав записку отца, вы не пытались выяснить, дорогая детка, куда он направился, выйдя из дома?

— Как я могла это узнать,— ответила Илья,— и зачем бы я это сделала? У отца, видно, были причины, которые он не хотел никому сообщать, даже своей дочери... И если я встревожена, то не отъездом, а задержкой отца...

— Нет, Илья, нет! — воскликнул доктор Гамин, желая во что бы то ни стало успокоить девушку.— Еще не истек срок, намеченный Дмитрием, этой ночью или самое позднее завтра утром он будет уже дома!

В сущности доктора тревожили скорее причины, вызвавшие эту поездку, чем сама поездка.

Затем они с г-ном Делапортом попрощались с девушкой и обещали зайти вечером, чтобы узнать, нет ли известий от Дмитрия Николева.

Молодая девушка стояла на пороге дома, глядя им вслед, пока они не скрылись за поворотом улицы. Задумчивая, встревоженная мрачными предчувствиями, она вернулась затем в свою комнату.

Почти в то же время в кабинете майора Вердера стал известен факт, относящийся к преступлению, совершенному в «Сломанном кресте»; он должен был навести правосудие на след убийцы.

В этот день утром Эк возвратился со своим отрядом в Ригу.

Читатель помнит, что полицейские были посланы в северную часть области, где с некоторых пор участились нападения на отдельных лиц и грабежи в имениях. Следует также напомнить, что за неделю до того в окрестностях Чудского озера Эк преследовал одного беглого каторжника из сибир-

ских копей и что ему пришлось гнаться за ним до самого Пернова. Но беглец бросился на несущиеся по реке Пернове льдины и исчез среди ледяных глыб.

Погиб ли этот преступник? Вероятно, погиб. Но полной уверенности все же не было. Унтер-офицер Эк тем более сомневался в этом, что трупа беглеца не нашли ни в порту, ни в устье Перновы.

Короче говоря, вернувшись в Ригу и спеша с донесением к майору Вердеру, унтер-офицер шел к нему в кабинет, когда ему сообщили об убийстве в «Сломанном кресте»; никто не подозревал, что в руках Эка находится ключ к раскрытию этого таинственного дела.

Поэтому велики были удивление и радость майора Вердера, когда он узнал, что унтер-офицер может сообщить ему сведения о преступлении и о преступнике, которого безуспешно разыскивали.

— Ты видел убийцу банковского артельщика?

— Его самого, господин майор.

— Ты знал Поха?

— Как же, знал и видел его в последний раз тринадцатого числа вечером.

— Где?

— В трактире Крофа.

— Ты был там?

— Да, господин майор, перед возвращением в Пернов с одним из моих людей.

— И ты разговаривал с несчастным артельщиком?

— Как же, несколько минут. Могу добавить, что если убийца, по всей вероятности, тот самый незнакомец, который сопровождал Поха, путешественник, проводший ночь в корчме... то его я тоже знаю...

— Ты знаешь его?

— Да, если только убийца тот самый путешественник...

— По данным расследования, в этом не может быть сомнения.

— Что ж, господин майор, я вам его назову... Только вряд ли вы поверите мне!

— Поверю, раз ты утверждаешь...

— Я утверждаю следующее, — ответил Эк, — хотя я и не разговаривал в трактире с этим путешественником, но я прекрасно узнал его, несмотря на то, что лицо его было скрыто капюшоном... Это учитель Дмитрий Николев...

— Дмитрий Николев? — воскликнул пораженный майор. — Он? Не может быть...

— Говорил ведь я, что вы мне не поверите,— заметил унтер-офицер.

Майор Вердер поднялся и большими шагами стал расхаживать по кабинету, бормоча:

— Дмитрий Николев!.. Дмитрий Николев!

Как! Этот человек, которого выставили кандидатом на предстоящих выборах в городскую думу, соперник влиятельнейшей семьи Иохаузенов, этот русский — выразитель всех надежд и притязаний славянской партии, направленных против германцев, этот человек, которому покровительствовало московское правительство,— он и есть убийца несчастного Поха!

— Ты утверждаешь это? — повторил он, остановившись перед Эком.

— Утверждаю.

— Значит, Дмитрий Николев уезжал из Риги?

— Да... по крайней мере в ту ночь... Впрочем, это нетрудно проверить...

— Я пошлю к нему на дом полицейского,— сказал майор,— и велю передать господину Франку Иохаузену, чтобы он зашел ко мне в кабинет... Ты ожидай здесь...

— Слушаюсь, господин майор!

Майор отдал распоряжения двум полицейским из участка, и они тотчас же ушли.

Десять минут спустя г-н Франк Иохаузен был у майора, и Эк повторял перед ним свои показания.

Можно без труда представить себе чувства, переполнявшие душу злопамятного банкира. Наконец-то самый неожиданный случай — преступление, убийство — предавал в его руки соперника, которого он преследовал своей ненавистью!.. Дмитрий Николев... убийца Поха!

— Ты утверждаешь это? — в последний раз спросил майор, обращаясь к унтер-офицеру.

— Утверждаю! — голосом, в котором звучала непоколебимая уверенность, ответил Эк.

— Но... если он не уезжал из Риги? — в свою очередь спросил г-н Франк Иохаузен.

— Он уезжал,— заявил Эк.— Его не было дома в ночь с тринадцатого на четырнадцатое... раз я его видел... собственными глазами видел... и узнал...

— Подождем возвращения полицейского, которого я послал к нему на дом,— сказал майор Вердер,— через несколько минут он будет здесь.

Сидя у окна, г-н Франк Иохаузен предавался нахлынувшим на него чувствам. Ему хотелось верить, что унтер-офицер не

ошибся, и вместе с тем инстинкт справедливости восставал в нем против столь невероятного обвинения.

Вернулся полицейский и доложил, что г-н Дмитрий Николев 13-го рано утром выехал из Риги и еще не возвращался.

Это подтверждало сообщение Эка.

— Видите, я был прав, господин майор, — сказал он. — Дмитрий Николев покинул дом тринадцатого на заре... Он и Пох сели в почтовую карету... Несчастный случай с каретой произошел около семи часов вечера, и оба пассажира в восемь пришли в трактир «Сломанный крест», где и остались на ночь... Значит, если один из путешественников убил другого, то этот убийца — Дмитрий Николев!

Господин Франк Иохансен ушел ошеломленный и торжествующий. Ужасное известие должно было сразу же распространиться. И действительно, подобно вспышке пороха, зажженного искрой, новость облетела весь город!.. Убийство в «Сломанном кресте» — дело рук Дмитрия Николева!

К счастью, Илья Николева еще ничего об этом не знала. В их дом не проникали слухи. Об этом позаботился доктор Гамин. И вечером, когда г-н Делапорт и он встретились в столовой Николевых, не было произнесено ни слова о происшедшем. Впрочем, узнав новость, они только пожали плечами... Николев — убийца! Они отказывались этому верить.

Но телеграф действовал своим чередом. Полицейским отрядам края передали приказ арестовать Дмитрия Николева, как только его найдут.

Вот каким образом шестнадцатого после полудня известие это прибыло в Дерпт. Карла Иохансена одним из первых осведомили об этом. Читатель уже знает, какой ответ в присутствии товарищей по университету он дал Ивану Николеву, вызвавшему его на дуэль.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Допрос

Никем в дороге не узнанный, Дмитрий Николев возвратился в Ригу в ночь с 16 на 17 апреля.

Илья не спала — тревога одолевала ее. Но в каком состоянии была бы несчастная девушка, знай она о тяготевшем над отцом обвинении!..

Была у нее и еще одна причина для беспокойства: вечером, после ухода г-на Делапорта и доктора Гамина, телеграмма из Дерпта уведомила ее, что Иван Николев прибудет

на следующий день. Никаких причин своего внезапного приезда он не сообщал.

Какая тяжесть спала с души Ильки, когда около трех часов утра она услышала шаги отца, подымавшегося к себе по лестнице! Он не постучался к ней, и она решила, что лучше дать ему выспаться и отдохнуть с дороги. Наутро, как только он встанет, она пойдет поздороваться и поцеловать его. Возможно, он скажет ей, почему так внезапно, без предупреждения, вынужден был уехать.

И действительно, на следующий день, когда рано утром отец и дочь встретились, Дмитрий Николев сразу же сказал:

— Вот я и вернулся, дорогая детка... Я запоздал больше, чем думал... О, только на одни сутки.

— У тебя усталый вид, отец,— заметила Илька.

— Я немного устал, но за утро я отдохну, а после обеда пойду давать уроки.

— Быть может, подождать до завтра, отец?... Твои ученики предупреждены...

— Нет, Илька, нет... Не могу я их дольше заставлять ждать. В мое отсутствие никто не приходил?

— Никто, кроме доктора и господина Делапорта, которые были весьма удивлены твоим отъездом.

— Да...— с некоторым колебанием ответил Николев,— я никому не говорил об этом... О, такая короткая поездка... думаю, никто меня даже не узнал в дороге...

Учитель ничего не добавил, а его дочь, как всегда сдержанная, лишь спросила, не из Дерпта ли он вернулся?

— Из Дерпта? — несколько удивился Николев.— Почему такой вопрос?

— Потому что я не нахожу объяснения телеграмме, которую получила вчера вечером...

— Телеграмма? — с живостью воскликнул Николев.— От кого?

— От брата, он уведомляет меня, что приедет сегодня.

— Иван приезжает? Действительно странно. Зачем бы это? Что ж, мой сын может быть всегда уверен в том, что дома ему будут рады.

И все же, чувствуя по поведению дочери, что она как бы ожидает от него разъяснения причин его поездки, он добавил:

— Важные дела... заставили меня уехать так внезапно...

— Если ты доволен поездкой, отец...

— Доволен... да... детка,— ответил он, бросая украдкой взгляд на дочь, — и надеюсь, что это не вызовет неприятных последствий.

Затем, как будто решив больше к этому не возвращаться, он переменял тему разговора.

После первого утреннего чая Дмитрий Николев поднялся к себе в кабинет, привел в порядок разные бумаги и снова сел за работу.

В доме воцарилась обычная тишина, и Илья была далеко от мысли, что скоро над ними грянет гром.

Пробило четверть первого, когда в дом Дмитрия Николева явился полицейский. Он принес письмо и, вручив его служанке, наказал немедленно передать барину. Он даже не спросил, дома ли сейчас учитель. Хотя ничего и не было заметно, но дом уже с вечера находился под наблюдением.

Дмитрию Николеву вручили послание, и он тотчас же прочел его. Содержание письма было краткое:

«Следователь Керсдорф просит учителя Дмитрия Николева незамедлительно явиться к нему в кабинет, где он будет его ожидать. Дело срочное».

При чтении письма Дмитрий Николев не мог удержаться от жеста, который выражал больше чем удивление. Он побледнел, и на лице его отразилось живейшее беспокойство.

Затем, должно быть решив, что лучше сразу выполнить требование, выраженное следователем Керсдорфом в столь настойчивой форме, он набросил плащ и спустился в столовую к дочери.

— Илья,— сказал он,— я только что получил записку от следователя Керсдорфа, который просит меня зайти к нему в кабинет...

— Следователь Керсдорф? — воскликнула молодая девушка. — Что ему нужно от тебя?

— Не знаю... — ответил Николев, отворачиваясь.

— Не идет ли речь о каком-нибудь деле, в котором замешан Иван и которое заставило его покинуть Дерпт?

— Не знаю, Илья... Да... возможно... Так или иначе, мы вскоре узнаем, в чем дело.

Учитель вышел, но Илья все же успела заметить, что он был сильно взволнован. Он шел неуверенным шагом в сопровождении полицейского, как бы машинально, и не замечал, что является предметом всеобщего любопытства. Некоторые прохожие даже шли за ним следом или провожали его недружелюбными взглядами.

Они пришли в судейскую палату, и учителя ввели в кабинет, где его уже поджидали следователь Керсдорф, майор Вердер и секретарь суда. Поздоровавшись со всеми, Дмитрий Николев стал ждать, чтобы с ним заговорили.

— Господин Николев,— обратился к нему следователь

Керсдорф,— я пригласил вас, чтобы получить некоторые сведения об одном порученном мне деле.

— О каком деле идет речь? — спросил Дмитрий Николев.

— Садитесь, пожалуйста, и выслушайте, что я вам скажу.

Учитель сел на стул против письменного стола, за которым сидел в кресле следователь, майор остался стоять у окна. Беседа тотчас же превратилась в допрос.

— Господин Николев,— сказал следователь,— не удивляйтесь, если вопросы, которые я вам поставлю, будут касаться вас лично, затрагивать вашу личную жизнь... В интересах дела, как и в ваших личных, вы должны отвечать без обиняков.

Господин Николев не столько слушал следователя, сколько внимательно следил за выражением его лица. Он сидел скрестив руки и продолжал молчать, лишь изредка кивая головой.

Перед г-ном Керсдорфом лежали протоколы расследования. Он разложил их на столе и спокойным строгим голосом продолжал:

— Господин Николев, вы несколько дней отсутствовали?

— Да, это так, господин следователь.

— Когда уехали вы из Риги?

— Тринадцатого рано утром.

— А вернулись?

— Нынче ночью в первом часу.

— Вас никто не сопровождал?

— Никто.

— И вы вернулись один?

— Один.

— Вы выехали с ревельской почтовой каретой?

— Да...— после некоторого колебания ответил Николев.

— А возвратились?

— Я приехал на телеге.

— Где вы сели на эту телегу?

— В пятидесяти верстах отсюда на рижском тракте.

— Итак, вы уехали тринадцатого с восходом солнца?

— Да, господин следователь.

— Кроме вас, никого не было в почтовой карете?

— Нет... в карете был еще один пассажир.

— Вы были с ним знакомы?

— Совершенно не знаком.

— Но вскоре вы узнали, что это Пох, артельщик банка братьев Иохаузенов?

— Да, действительно, этот артельщик был очень болтлив и все время разговаривал с кондуктором.

— Он говорил о своих личных делах?

— Только о них.

— А что он говорил?

— Он говорил, что едет в Ревель по поручению господ Иохаузенев.

— Не заметили ли вы, что он очень торопится вернуться в Ригу... чтобы сыграть там свадьбу?

— Да, господин следователь... если память мне не изменяет,— ведь я обращал очень мало внимания на их беседу, не представлявшую для меня интереса.

— Не представлявшую для вас интереса? — вмешался майор Вердер.

— Конечно, господин майор,— ответил Николев, бросая на майора удивленный взгляд.— Почему меня могло интересоваться то, что говорил этот артельщик?

— Возможно, это-то как раз и намеревается выявить следствие,— отвечал г-н Керсдорф.

Услышав этот ответ, учитель сделал недоумевающий жест.

— Не было ли у этого Поха сумки,— продолжал следователь,— какую обычно носят банковские артельщики?

— Возможно, господин следователь, но я не заметил ее.

— Значит, вы не можете сказать, не оставил ли он ее по неосторожности в карете, не бросил ли на скамье и не мог ли ее видеть на станции кто-нибудь посторонний?

— Я уткнулся в свой угол, завернулся в дорожный плащ, иногда дремал, закрыв лицо капюшоном, и вовсе не замечал, что делали мои спутники.

— Между тем кондуктор Брокс утверждает, что сумка была...

— Что же, господин следователь, если он это утверждает, значит — так оно и есть. Что касается меня, я не могу ни оспаривать, ни подтвердить его слов.

— Вы не разговаривали с Похом?

— В дороге — нет... Я впервые заговорил с ним, когда карета сломалась и нам пришлось отправиться в корчму.

— Стало быть, вы сидели весь день, уткнувшись в угол, старательно надвинув на лицо капюшон?

— Старательно? Почему «старательно», господин следователь? — с некоторой запальчивостью подхватил это слово г-н Николев.

— Потому что вы как будто не хотели быть узнанным.

Это замечание, в котором чувствовался определенный намек, вставил майор Вердер, снова вмешиваясь в допрос.

На этот раз Дмитрий Николев не выразил того возмуще-

ния, которое вызвали у него раньше слова следователя. Помолчав с минуту, он лишь сказал:

— Предположите, что мне хотелось совершить поездку инкогнито. Я полагаю, это право всякого свободного человека в Лифляндии, как и везде!

— Ловкая предосторожность, чтобы избежать очной ставки с возможными свидетелями! — возразил майор.

Это был еще один намек, всю серьезность которого учитель не мог не понять, и это заставило его побледнеть.

— В конце концов, — сказал следователь, — не отрицаете же вы, что банковский артельщик Пох был в этот день вашим попутчиком?

— Нет... не отрицаю... если моим попутчиком в карете был действительно Пох...

— Это совершенно достоверно, — ответил майор Вердер.

Господин Керсдорф возобновил допрос следующим образом:

— Итак, путешествие протекало без приключений, от станции к станции... В полдень вы остановились на часок пообедать... Вы приказали подать себе в сторонке, в темном углу корчмы, как бы постоянно заботясь о том, чтобы вас не узнали... Затем почтовая карета отправилась дальше... Погода была очень плохая, лошади с трудом боролись с ветром... И вот в половине восьмого вечера произошел несчастный случай... Одна из лошадей упала, и карета, у которой сломалась передняя ось, опрокинулась...

— Господин следователь, — сказал Николев, прерывая его, — могу я вам задать вопрос: почему вы меня обо всем этом спрашиваете?

— В интересах правосудия, господин Николев. Когда кондуктор Брокс убедился в том, что карета не может добраться до следующей станции, города Пернова, пассажирам было предложено провести ночь в трактире, который виднелся в двухстах шагах у дороги... Вы сами указали на этот трактир...

— Кстати, я не знал этой корчмы и вошел туда в этот вечер впервые.

— Допустим! Достоверно только то, что вы предпочли провести ночь там, а не отправиться с кондуктором и ямщиком в Пернов.

— Безусловно. Погода стояла отвратительная, пришлось бы пройти пешком около двадцати верст, и я счел за лучшее переночевать вместе с банковским артельщиком в этой корчме.

— Это вы уговорили его пойти с вами в корчму?

— Я ни в чем его не уговаривал,— возразил г-н Николев.— Когда почтовая карета опрокинулась, он был ранен — повреждение ноги, кажется,— и не смог бы пройти расстояние, отделявшее нас от Пернова... Счастье для него, что в этой корчме...

— Счастье для него?! — воскликнул майор Вердер, который, не обладая хладнокровием и выдержкой следователя, даже подскочил при этих словах.

Обернувшись к нему, Дмитрий Николев не мог сдержать презрительного пожатия плеч.

Не желая отвлекаться от намеченного хода допроса, г-н Керсдорф поспешил задать новый вопрос:

— Кондуктор и возница отправились в Пернов в то самое время, когда вы подошли к трактиру «Сломанный крест»...

— «Сломанный крест»? — переспросил г-н Николев.— Понятия не имел, что эта корчма так называется.

— В корчме вас и Поха встретил трактирщик Кроф... Вы попросили дать вам комнату на ночь, так же поступил и Пох... Кроф предложил вам поужинать, но вы отказались, тогда как банковский артельщик согласился...

— Мне так было удобнее.

— Уйти на следующий день еще до зари, не дожидаясь возвращения кондуктора, вот что вам было удобнее... Поэтому-то, предупредив трактирщика Крофа о ваших намерениях, вы и удалились тотчас же в свою комнату...

— Да, все это так,— ответил учитель, давая понять, что эти бесконечные вопросы начинают его утомлять.

— Ваша комната находилась слева от большой комнаты корчмы, где несколько завсегдатаев Крофа продолжали еще распивать вино, а в дальнем конце дома...

— Понятия не имею, господин следователь... Повторяю, я не бывал в этом трактире, моя нога ступила туда впервые... Кроме того, когда я туда пришел, было уже темно, а когда уходил, еще не рассвело...

— Уходили, не дожидаясь кондуктора! Я настаиваю на этом факте,— заметил г-н Керсдорф.— Не дожидаясь кондуктора, который, починив карету, должен был заехать за вами...

— Верно, не дожидаясь кондуктора,— ответил г-н Николев,— ведь мне оставалось пройти до Пернова всего двадцать верст...

— Допустим! Достоверно лишь то, что эта мысль возникла у вас еще с вечера, и привели вы ее в исполнение в четыре часа утра.

Дмитрий Николев ничего не ответил.

— Теперь,— продолжал г-н Керсдорф,— наступил, мне кажется, момент задать вам один вопрос, на который, думается, нетрудно будет ответить...

— Я вас слушаю, господин следователь.

— Чем вызвана ваша поездка, поездка, которую столь внезапно и таинственно вы решились предпринять и о которой накануне не сообщили никому из ваших учеников, кстати, уже опрошенных нами?

Этот вопрос, видимо, чрезвычайно смутил г-на Николева.

— Личными делами...— произнес он наконец.

— А именно?

— Я не обязан ставить вас в известность о них.

— Вы отказываетесь отвечать?

— Отказываюсь.

— Можете ли вы по крайней мере сказать, куда вы направлялись, уезжая из Риги?

— Я не обязан отвечать на этот вопрос.

— Вы купили билет до Ревеля? Значит ли это, что у вас были дела именно в Ревеле?

Молчание.

— По-видимому, скорее в Пернове,— продолжал следователь,— так как вы не сочли нужным дожидаться, чтобы карета заехала за вами в трактир «Сломанный крест». Итак, я спрашиваю: значит, вы ехали в Пернов?

Дмитрий Николев упорно молчал.

— Продолжим,— сказал следователь.— В четыре часа утра, согласно показаниям трактирщика, вы встали... Он встал в одно время с вами... Вы вышли из комнаты, как и накануне, кутаясь в дорожный плащ и натянув на голову капюшон, так что лица совсем не было видно... Кроф спросил вас, не желаете ли выпить чашку чаю или стаканчик шнапса... Вы отказались и заплатили ему за ночлег... Затем Кроф отодвинул засов и, вынув ключ, отомкнул замок... И тогда, не произнеся ни слова, в полном мраке вы быстро зашагали по дороге в Пернов... Точно ли я излагаю ход событий?

— Совершенно точно, господин следователь...

— В последний раз: скажете ли вы, чем вызвана ваша поездка и куда вы направлялись, уехав из Риги?

— Господин Керсдорф,— холодно произнес Дмитрий Николев,— не знаю, к чему весь этот допрос и зачем вы меня вызвали к себе в кабинет... Тем не менее я ответил на все вопросы, на которые считал нужным отвечать... На другие — нет!.. Полагаю, это мое право... Добавлю, дал я свое показание совершенно искренне... Если бы я захотел — по соображениям, касающимся только меня,— скрыть эту поездку, если бы хо-

тел отрицать, что пассажиром почтовой кареты, спутником банковского артельщика был я, как бы вы могли опровергнуть мои слова, раз согласно вашему собственному признанию ни кондуктор, ни Пох, ни кто-либо другой не узнал меня, так хорошо я скрывал свое лицо?

Все эти доводы были приведены Дмитрием Николевым тоном человека, хорошо владеющего собой, с ноткой пренебрежения в голосе. Тем более ответ следователя удивил его:

— Если Пох и Брокс и не опознали вас, господин Николев, зато нашелся другой очевидец, который узнал вас.

— Другой очевидец?

— Да... и вы сейчас услышите его показание.

И, вызвав полицейского, следователь приказал ему:

— Введите унтер-офицера Эка.

Минуту спустя унтер-офицер Эк вошел в кабинет и, отдав честь своему начальнику, вытянулся, ожидая вопросов следователя.

— Вы унтер-офицер Эк шестого полицейского отряда? — обратился к нему следователь Керсдорф.

Унтер-офицер назвал свое имя, отчество, чин и должность. Дмитрий Николев разглядывал его, как человека, которого видит впервые.

— Были ли вы тринадцатого апреля вечером в трактире «Сломанный крест»? — спросил следователь.

— Так точно, господин следователь, я зашел туда, возвращаясь с облавы вдоль Перновы, где мы вели розыск беглого каторжника. Но он ускользнул от нас, бросившись на льдины, несущиеся по реке.

При этом ответе Дмитрий Николев невольно вздрогнул, что не ускользнуло от г-на Керсдорфа. Тем не менее следователь не сделал по этому поводу никакого замечания и, обращаясь к унтер-офицеру, сказал:

— Говорите, мы слушаем вас.

— Почти два часа сидели мы с одним из моих людей в трактире «Сломанный крест» и собирались уже уходить в Пернов, — так начал свой рассказ унтер-офицер, — как вдруг дверь отворилась... На пороге показались два человека, два путешественника. Их карета дорогой сломалась, и они пришли в корчму, чтобы переночевать, между тем как кондуктор и возница отправились с лошадьми в Пернов... Одним из пассажиров был мой старый знакомый, банковский артельщик Пох, с которым я и побеседовал минут десять... Что касается другого путника, он как будто старался скрыть лицо капюшном... Это показалось мне подозрительным, и я решил выяснить, кто этот человек...

— Ты лишь исполнил свой долг, Эк,— произнес майор Вердер.

— Пох, у которого была слегка повреждена нога,— продолжал унтер-офицер, — сел за столик и положил на него сумку с вензелем братьев Иохаузенов... В трактире находилось еще пять-шесть посетителей, и я посоветовал Поху не очень-то выставлять напоказ свою сумку, которая, впрочем, была прикреплена цепочкой к поясу... Затем я направился к выходу, стараясь разглядеть незнакомца, которого Кроф провожал в его комнату. Вдруг капюшон немного съехал, и я на минуту, на одну лишь минуту, увидел лицо, которое незнакомец так тщательно старался скрыть.

— И вам этого было достаточно?

— Да, господин следователь.

— Вы знали его?

— Да, я часто встречал его на улицах Риги.

— Это был господин Дмитрий Николев?

— Он самый.

— Здесь присутствующий?

— Так точно.

Учитель, который, не прерывая, выслушал показания Эка, сказал тогда:

— Унтер-офицер ни в чем не ошибся... Верю ему, что он был в трактире, раз он это утверждает... Но если он и обратил на меня внимание, то я лично не заметил его... Да и не понимаю, господин следователь, зачем вам понадобилась очная ставка, раз я сам заявил, что находился в ту ночь в корчме «Сломанный крест»?

— Сейчас узнаете это, господин Николев,— ответил следователь.— Но сначала скажите: вы все еще отказываетесь объяснить, какова была цель вашей поездки?

— Отказываюсь.

— Этот отказ может вызвать неприятные для вас последствия!

— Почему?

— Потому что ваше объяснение избавило бы правосудие от необходимости привлечь вас к делу в связи с тем, что произошло в ту ночь в трактире «Сломанный крест».

— В ту ночь? — переспросил учитель.

— Да... Вы ничего не слышали между восемью часами вечера и тремя часами утра?

— Нет, ничего не слышал, все это время я спал...

— И ничего подозрительного не заметили, когда уходили?

— Нет.

Не обнаруживая больше никакого волнения, Дмитрий Николев добавил:

— Я начинаю понимать, господин следователь, что, сам того не зная, я замешан в каком-то серьезном деле и вызван в качестве свидетеля...

— Нет... не свидетеля, господин Николев.

— В качестве обвиняемого! — воскликнул майор Бердер.

— Господин майор, — строгим голосом произнес следователь, — прошу вас не выражать своего мнения до тех пор, пока правосудие не высказалось и не вынесло окончательного решения!

Майор вынужден был сдержаться, а Дмитрий Николев пробормотал про себя:

— Так вот зачем меня сюда вызвали!

Затем уже твердым голосом спросил:

— В чем меня обвиняют?

— В ночь с тринадцатого на четырнадцатое апреля в трактире «Сломанный крест» совершено убийство — убит банковский артельщик Пох.

— Что! Этот несчастный убит? — воскликнул г-н Николев.

— Да, — ответил г-н Керсдорф, — и мы имеем доказательства, что убийцей является постоялец, занимавший комнату, в которой вы ночевали...

— А так как этот постоялец вы, Дмитрий Николев... то... — заявил майор Вердер.

— Значит, это я убийца!..

С этими словами г-н Николев вскочил, оттолкнул стул и направился к двери кабинета, которую охранял унтер-офицер Эк.

— Вы отрицаете это... Дмитрий Николев? — спросил следователь, тоже поднявшись с места.

— Есть вещи, которые нет необходимости отрицать, настолько они бессмысленны... — ответил Николев.

— Смотрите...

— Послушайте!.. Ведь это несерьезно!

— Очень серьезно.

— Мне не подобает спорить, господин следователь, — на этот раз уже с высокомерием ответил учитель. — Но все же позвольте спросить, почему обвинение падает на одного лишь постояльца, проводшего ночь в этой комнате трактира?

— Потому что, — ответил г-н Керсдорф, — именно на подоконнике этой комнаты обнаружены следы, указывающие, что убийца пролез через него ночью и, взломав ставни комнаты, занимаемой Похом, влез к нему в окно... потому что кочер-

га, послужившая орудием взлома, найдена именно в комнате этого путешественника...

— Действительно,— ответил Дмитрий Николев,— если обнаружены такие улики, то это по меньшей мере странно.

Затем спокойным тоном, как будто это дело отнюдь его не касалось, добавил:

— Допустим, что различные находки говорят о том, что преступление совершил злоумышленник, проникший через окно, однако они вовсе не доказывают, что убийство произошло еще до моего ухода...

— Вы обвиняете, стало быть, трактирщика... против которого следствие не обнаружило никаких улик?

— Я никого не обвиняю, господин Керсдорф,— еще более высокомерным тоном ответил Дмитрий Николев,— но я вправе заявить, что я последний, кого правосудие может заподозрить в подобном преступлении!..

— Убийство сопровождалось грабежом,— сказал тогда майор Вердер,— и деньги, которые вез Пох в Ревель, чтобы произвести платеж за счет братьев Иохануэнов, исчезли из его сумки...

— Ну и что ж! Какое это имеет ко мне отношение?

Следователь поспешил вмешаться в спор учителя и майора Вердера.

— Дмитрий Николев,— сказал он,— вы все еще отказываетесь объяснить цель вашей поездки, а также причину, почему в четыре часа утра вы покинули корчму и куда потом направились?

— Отказываюсь.

— В таком случае правосудие с полным основанием может сказать: вам было известно, что банковский артельщик имел при себе крупную сумму... Когда почтовая карета сломалась и вы вели Поха в трактир «Сломанный крест», у вас явилась мысль ограбить его... Выждав подходящий момент, вы вылезли через окно вашей комнаты и через окно же забрались к Поху... Убили его, ограбили и в четыре часа утра покинули трактир, чтобы спрятать деньги... где-ни...

— Где мы их в конце концов и найдем! — прервал следователя майор Вердер.

— В последний раз,— продолжал г-н Керсдорф,— ответите вы или нет, куда вы направились по выходе из корчмы?

— В последний раз говорю — нет! — ответил учитель.— Арестуйте меня, если такова ваша воля...

— Нет, господин Николев,— к полному недоумению майора Вердера произнес следователь.— Улики против вас очень серьезны, но человек вашего положения, с вашим безупречным

прошлым вправе рассчитывать на доверие. Я не подпишу приказа об аресте... во всяком случае не сегодня... Вы свободны... Все же прошу вас оставаться в распоряжении правосудия.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Неистовство толпы

Как думал майор Вердер, после допроса должен был последовать приказ об аресте Николева, да и многие так думали. В самом деле, ведь учитель отказался объяснить причину своей поездки. Не дал он и сколько-нибудь правдоподобных объяснений, зачем с такой поспешностью покинул трактир в четыре часа утра, и даже не захотел сказать, где провел три дня до возвращения в Ригу. Безусловно, этот странный отказ только усиливал тяготевшие над ним улики. Почему же в таком случае Дмитрия Николева не арестовали? Почему его оставили на свободе и разрешили вернуться домой, вместо того чтобы отвести в тюрьму? Правда, ему запрещено отлучаться из дома... Однако теперь, узнав, насколько он замешан в деле «Сломанного креста», не вздумает ли он бежать, воспользовавшись предоставленной ему свободой?

В России, как и в других странах, независимость суда не может ставиться под сомнение — она проявляется во всей полноте. И все же, стоит какому-нибудь делу быть хоть в самой незначительной мере связанным с политикой, как тотчас вмешиваются власти. Так произошло и в случае с Дмитрием Николевым, обвиненным в чудовишном преступлении в те самые дни, когда славянская партия выставила его своим кандидатом на выборах. Поэтому-то генерал Горко, губернатор Прибалтийского края, и не счел уместным вынести решение об аресте учителя до тех пор, пока виновность его не будет доказана...

Когда во второй половине дня полковник Рагенов принес ему протокол допроса Николева, губернатор пожелал поговорить с ним об этом неприятном деле, о котором должен был дать отчет правительству.

— К услугам вашего высокопревосходительства! — ответил полковник.

Генерал Горко занимательно прочел протокол.

— Виновен или не виновен Дмитрий Николев, — сказал он, — германцы воспользуются его делом для разжигания страстей. Ведь он славянин, и мы выставили его кандидатуру на ближайших выборах против кандидата дворянских и буржуазных немецких слоев, всемогущих в наших областях и в

особенности в Риге. И как раз в это время над Николевым нависло столь тяжкое обвинение, и он так неловко защищается...

— Ваше высокопревосходительство правы,— ответил полковник,— это произошло при самых худших обстоятельствах, когда умы и так возбуждены...

— Вы считаете Николева виновным, полковник?

— Не могу ответить вашему высокопревосходительству так уверенно, как я бы того желал,— ведь речь идет о Дмитрии Николеве, который казался мне всегда достойным всяческого уважения.

— Но отчего он отказывается дать объяснение своей поездки... С какой целью он ее предпринял? Куда ездил? У него должны быть серьезные причины, чтобы умалчивать об этом!..

— Во всяком случае, пусть ваше высокопревосходительство соизволит заметить, что только случай свел его с этим несчастным Похом, только случайно оказались они вместе в почтовой карете, выехав из Риги, только случай привел их в трактир «Сломанный крест»...

— Так-то оно так, полковник, признаю всю серьезность ваших доводов. Вот поэтому-то улики, тяготеющие над Николевым, потеряли бы силу, если бы он согласился дать объяснения по поводу своей неожиданной поездки, о которой не предупредил даже родных...

— Согласен, ваше высокопревосходительство, и все же это еще не доказывает его виновность... Нет! Хотя он и был в ту ночь в трактире Крофа, не могу, не хочу верить, что преступление совершил Николев!

Губернатор хорошо понимал, что полковник склонен защищать Дмитрия Николева, славянина, как и он сам. В свою очередь и сам губернатор с трудом допускал мысль о виновности Николева. Он поверит этому обвинению лишь в случае неопровержимых доказательств. И, как говорится, нужно будет десять раз доказать это, чтобы убедить его.

— Приходится все же признать,— заметил он, перелистывая дело,— что против Николева имеются серьезные улики. Он не отрицает, что ночь с тринадцатого на четырнадцатое провел в корчме... Не отрицает он и того, что занимал ту самую комнату, на подоконнике которой сохранились совсем свежие отпечатки, комнату, где нашли кочергу, послужившую для взлома ставень, что позволило убийце забраться к Поху...

— Все это верно,— возразил полковник Рагенов,— обстоятельства дела доказывают, что убийцей является путешественник, проводивший ночь в этой комнате, и нет сомнения, что путешественник этот Дмитрий Николев. Но вся его жизнь, его

безукоризненное и достойное прошлое ограждают его от подобного обвинения. Да и кроме того, ваше высокопревосходительство, ведь не знал же он, собираясь в поездку, что артельщик братьев Июхаузенов везет крупную сумму для ревельского клиента банка и окажется его попутчиком... А для утверждения, что преступная мысль зародилась у него при виде сумки, которую беспечный артельщик выставлял напоказ, надо еще доказать, что Дмитрий Николев находился в затруднительном положении и испытывал столь острую нужду в деньгах, что не колеблясь совершил убийство с целью грабежа!.. Но разве это было доказано и разве достойное и вместе с тем скромное существование учителя Николева позволяет думать, что нужда в деньгах могла толкнуть его на преступление, вплоть до убийства?

Эти доводы еще усилили колебания губернатора, который и сам недоверчиво относился к догадкам, выдаваемым майором Вердером и некоторыми другими за действительность. Не углубляя вопроса, он ограничился таким решением:

— Дадим следствию идти своим ходом...— сказал он полковнику Рагенову.— Возможно, новые данные, новые свидетельские показания придадут большую основательность обвинению... Следователь Керсдорф, которому поручено это дело, заслуживает полного доверия. Этот честный, независимый служитель правосудия прислушивается лишь к голосу собственной совести. Он не поддастся никаким политическим влияниям... Арестовывать учителя, не спросив моего мнения, не следовало,— он и оставил его на свободе... вероятно, это лучшее, что можно было сделать... Если какие-нибудь новые обстоятельства потребуют ареста, я первый отдам приказ о заключении Николева в крепость.

Между тем волнение в городе росло. Можно смело утверждать, что после допроса значительная часть населения ожидала ареста учителя — одни, в высших слоях общества, потому что верили в его виновность, другие — потому что при столь серьезном обвинении его следовало по меньшей мере взять под стражу.

Поэтому при виде Дмитрия Николева, свободно возвращающегося к себе домой, многие выражали чрезвычайное удивление и негодование.

Ужасная весть проникла, наконец, и в дом учителя. Илья знала теперь, что над отцом ее тяготеет обвинение в убийстве. Ее брат Иван прибыл и долго утешал ее, сжимая в своих объятиях. В нем все кипело от негодования. Он описал сестре сцену, разыгравшуюся между студентами в Дерпте.

— Наш отец невиновен! — воскликнул он. — И я сумею заставить этого негодяя Карла...

— Да... невиновен! — ответила девушка, гордо вскинув голову. — Разве найдется даже среди его врагов такой человек, который поверит в его виновность?

Излишне говорить, что таково же было и мнение ближайших друзей Дмитрия Николева, доктора Гамина и консула Делапорта, поспешивших примчаться, как только учителя вызвали к рижскому следователю.

Их приход, их сочувствие, вера в Николева смягчали горе брата и сестры. Однако друзья не без труда уговорили их не ходить к следователю.

— Нет, — сказал им доктор Гамин, — оставайтесь здесь, с нами... Лучше подождать!.. Николев вернется от следователя полностью обеленный.

— Стоит ли всю жизнь быть честным человеком, — сказала девушка, — если это не ограждает даже от таких гнусных обвинений?

— Это служит защитой! — воскликнул Иван.

— Да, дитя мое, — поддержал его доктор. — Признайся даже Дмитрий, — я отвечу: «Он с ума сошел — не верю!»

Вот в каком настроении Дмитрий Николев застал свою семью, доктора, г-на Делапорта и нескольких друзей, собравшихся у него дома. Но страсти в городе были до того распалены, что по дороге домой ему пришлось услышать не одно оскорбление по своему адресу.

Брат и сестра бросились навстречу отцу. Он прижал их к груди и долго целовал. Теперь он уже знал, как оскорбили его Ивана в Дерпте, какое гнусное обвинение бросил ему в лицо в присутствии товарищей Карл Иохаузен!.. Его Ивана обозвали сыном убийцы!..

Доктор Гамин, консул, друзья жали ему руку, дружескими словами выражали свое возмущение против несправедливого обвинения. Никогда они не сомневались в его невинности и никогда не усомнятся в ней!.. Они не скупились на изъяснение самых искренних дружеских чувств...

Затем в комнате, где они сошлись все вместе, в то время как враждебно настроенная толпа бушевала перед домом, Дмитрий Николев рассказал все, что произошло в кабинете следователя, рассказал о нескрываемом предубеждении к нему майора Вердера, отдал должное достойному и сдержанному поведению г-на Керсдорфа. Сделал он это коротко, отрывисто; видно было, что ему неприятно возвращаться к этим подробностям.

Друзья поняли, что учителю нужно отдохнуть, остаться

одному, может быть, даже забыться за работой после столь тяжких переживаний, и они попросились с ним.

Иван пошел в комнату к сестре, а учитель поднялся к себе в кабинет.

— Дорогой друг, умы возбуждены,— сказал г-н Делапорт доктору, когда они вышли из дома,— и, несмотря на то, что Николев невиновен, необходимо открыть настоящего преступника, не то ненависть врагов будет неотступно преследовать Дмитрия!

— Да, этого следует весьма опасаться,— ответил доктор.— Никогда еще я так не желал, чтобы преступник был пойман, как в этом деле!.. Иohaузены не преминут воспользоваться смертью Поха в своих целях. Подумайте только, ведь Карл не дождался даже доказательств обвинения, чтобы обозвать Ивана сыном убийцы!

— Вот я и боюсь,— заметил г-н Делапорт,— что на этом деле между ним и Карлом не кончится!.. Вы ведь знаете Ивана... Он захочет отомстить за отца и за себя!

— Нет... нет,— воскликнул доктор,— в нынешних обстоятельствах ему надо воздержаться от безрассудств... Эх, проклятая поездка! И зачем только понадобилось Дмитрию уезжать и зачем только возымел он эту мысль?

Этот вопрос задавали себе и дети и друзья Николева, потому что он так и не дал никаких объяснений на этот счет.

Следует заметить, что, рассказывая о допросе, учитель ни разу не обмолвился ни о поездке, ни о том, что следовательно интересовался причинами, вызвавшими его отъезд, ни о своем отказе отвечать на этот вопрос. Такое упорное отмалчивание на этот счет должно было показаться по меньшей мере странным. Но, быть может, оно объяснится впоследствии. Его трехдневная отлучка могла быть вызвана лишь уважительными причинами, и не менее достойными уважения должны быть причины, по которым он упорствует в своем молчании.

А между тем, принимая во внимание всю невероятность того, чтобы такой уважаемый человек совершил гнусное преступление, одного его слова было бы, вероятно, достаточно, чтобы опровергнуть обвинение; и все-таки он упорно отказывался произнести это слово.

В то же время освобождение Дмитрия Николева вызвало взрыв негодования в городе, в особенности у немцев, составлявших значительное большинство населения. Семья Иohaузенов, их друзья, дворянство и буржуазия осыпали местные власти упреками. Губернатора и полковника Рагенова обвиняли в попустительстве учителю ради его происхождения.

Любого другого человека, не славянина, над которым бы тяготело такое обвинение, уже давно заключили бы в крепость.

Почему, спрашивается, не поступают с ним, как с самым обыкновенным разбойником? Разве заслуживает он, чтобы с ним церемонились больше, чем с каким-нибудь Карлом Моором, Жаном Сбогаром или Яромиром? Ведь обвинение против него строится не просто на догадках, а на уликах, а его оставляют на свободе, и он может бежать и скрыться от суда, который не колеблясь осудил бы его!.. Правда, наказание было бы чересчур мягким, так как смертная казнь за уголовные преступления не применяется больше в Российской империи. Он отделался бы каторжными работами в сибирских рудниках, он — этот убийца, заслуживающий смерти!..

Такие разговоры велись главным образом в богатых кварталах города, где преобладало немецкое население. В семье Иohaузенoв освобождение учителя вызвало приступ неистовой ярости против Дмитрия Николева, против убийцы несчастного Поха, или, вернее, против скромного учителя — политического противника влиятельного банкира.

— Конечно,— повторял г-н Иohaузен,— отправляясь в поездку, Николев не предвидел ни того, что Пох окажется его спутником, ни того, что Пох будет иметь при себе крупную сумму. Но вскоре он узнал об этом и, когда после поломки кареты предложил провести ночь в трактире «Сломанный крест», уже замыслил ограбить нашего артельщика и не остановился перед убийством, чтобы совершить ограбление... Если он не хочет сказать, для чего уезжал из Риги, пусть объяснит, по крайней мере, отчего еще до рассвета бежал из трактира, почему не дождался возвращения кондуктора!.. Пусть, наконец, откроет, куда он направлялся, где провел эти три дня, пока отсутствовал... Но он этого не скажет!.. Это значило бы признаться в своей вине, потому что бежал он так поспешно, старательно скрывая лицо, только для того, чтобы спрятать в укромном месте украденные деньги!

Что же касается причин, вынудивших Дмитрия Николева совершить это ограбление, то банкир до поры до времени держал их в секрете.

«Денежные дела учителя,— думал он,— находятся в отчаянном положении... У него имеются обязательства, которые он не сумеет покрыть... Через три недели наступает срок платежа по долгу в сумме восемнадцать тысяч рублей, и ему негде достать таких денег, чтобы расплатиться со мной... Напрасно будет он просить об отсрочке!.. Я ему в ней откажу без всякой жалости».

Весь Франк Иохазузен проявился здесь, беспощадный, злобный, мстительный.

Однако в деле, где замешалась политика, генерал Горко решил соблюдать величайшую осторожность. И хотя общественное мнение настаивало на этом, он не считал нужным арестовать учителя, не возражая, однако, против обыска в его доме.

Восемнадцатого апреля следователь Керсдорф, майор Вердер и унтер-офицер Эк произвели у него обыск.

Не препятствуя этому, Дмитрий Николев дал полиции произвести обыск, презрительно и холодно отвечая на задаваемые ему вопросы. Полицейские рылись в его письменном столе и шкафах, просмотрели все бумаги, переписку, приходо-расходную запись. Это позволило убедиться, что г-н Франк Иохазузен отнюдь не преувеличивал, говоря, что учитель не обладает никакими средствами. Он жил лишь тем, что приносили ему уроки, но теперь, ввиду создавшихся обстоятельств, не лишится ли он и этих уроков?..

Обыск не дал никаких результатов в отношении грабежа, совершенного в ущерб братьям Иохазузенам. Да и как могло быть иначе, если, по убеждению банкира, Николев имел время спрятать украденные деньги в укромное место, то есть в то самое место, куда он направился на следующий день после убийства и которое он ни за что не укажет.

Что касается кредитных билетов, номера которых были известны банкиру, то г-н Керсдорф был с ним согласен, что вор, — кто бы он ни был, как говорил следователь, вероятно, разменяет их лишь тогда, когда будет считать, что опасность миновала. Пройдет, следовательно, некоторый срок, прежде чем они снова поступят в обращение.

В то же время друзья Дмитрия Николева ясно отдавали себе отчет, какое возбуждение вызвало это дело не только в Риге, но и во всем крае.

Они знали, что общественное мнение было в большинстве против учителя и что немецкая партия старалась оказать давление на власти, добиваясь его ареста и предания суду. В общем, простой народ, рабочие, служащие, одним словом — коренное население, даже не разбираясь в том, виновен он или нет, просто в силу национального инстинкта, готово было вступить за Николева и поддержать его в борьбе с врагами. Правда, что могли сделать эти бедные люди? Со средствами, которыми располагали братья Иохазузены и их партия, нетрудно было воздействовать на них, толкнуть их на самоуправство и таким образом вынудить губернатора отступить перед движением, которому опасно было сопротивляться.

Посреди всего этого волнения, царящего в городе, и не смотря на то, что в предместье то и дело появлялись группы мешан и всяких подонков, всегда готовых служить тому, кто платит, а у дома учителя часто создавались сборища, Дмитрий Николев сохранял достойное удивления высокомерное спокойствие. По просьбе детей доктор Гамин упросил его не выходить из дома. Ведь ему угрожала опасность подвергнуться оскорблениям и даже каким-нибудь грубым выходкам. Пожав плечами, он дал себя уговорить. Он стал молчаливее обычного и часами не выходил из своего рабочего кабинета. Уроков у него больше не было ни в городе, ни на дому. Он стал угрюм, неразговорчив и никогда не упоминал ни словом о тяготевшем над ним обвинении. В его душевном состоянии произошла настолько резкая перемена, что дети и друзья не на шутку встревожились. Поэтому доктор Гамин, чья дружба доходила до безграничной преданности, посвящал им все свои досуги. Г-н Делапорт и несколько друзей собирались каждый вечер у Николевых. Несмотря на то, что по приказу полковника Рагенова полиция продолжала охранять их дом, иногда с улицы доносились враждебные выкрики. Это были тоскливые вечера! Дмитрий Николев сторонился даже друзей. Но все же брат и сестра были не одни в вечерние часы, которые сумерки делали еще тягостней! Затем друзья покидали их. С сердцем, сжимающимся от тревоги, Иван и Илька, поцеловавшись, уходили к себе в комнаты. Они прислушивались к звукам, доносившимся с улицы, и к шагам отца, который долго расхаживал по кабинету, как будто его мучила бессонница.

Само собой понятно, Иван и не помышлял о возвращении в Дерпт. В каком трудном положении оказался бы он в университете!.. Как примут его студенты, даже те из них, которые до сих пор проявляли к нему искренние дружеские чувства? Что, если товарищи поверят молве? Вероятно, лишь один Господин не отступится от него!.. Да и сам Иван,— как сможет он совладать с собой при виде Карла Иохазуэна?

— Ах! Этот подлец Карл! — повторял он доктору Гамину. — Отец мой невиновен!.. Когда подлинного убийцу обнаружат, все признают его невиновность!.. Но будет ли так или нет, а я заставлю Карла Иохазуэна ответить мне за оскорбление!.. Да и зачем дольше ждать?

Не без труда удавалось доктору успокоить молодого человека.

— Не будь так нетерпелив, Иван,— советовал он ему,— не делай безрассудств!.. Придет время, я первый скажу тебе: «Исполни свой долг!»

Но Иван не поддавался его доводам и, если бы не настой-

чивые просьбы сестры, возможно, дошел бы до каких-нибудь крайностей, которые еще ухудшили бы положение.

В тот же вечер, когда Дмитрий Николев прибыл в Ригу и вернулся домой после допроса у следователя, как только ушли друзья, он осведомился, нет ли для него письма.

Нет... Почтальон каждый вечер приносил лишь газету — орган защиты славянских интересов.

На следующий день, выйдя из своего кабинета в час, когда доставлялась почта, учитель на крыльце стал поджидать почтальона. Улицы предместья были еще безлюдны, только несколько полицейских расхаживали взад и вперед перед домом.

Услышав шаги отца, Илья тоже вышла на крыльцо.

— Поджидаешь почтальона? — спросила она.

— Да, — ответил Николев, — он что-то сегодня утром опаздывает...

— Нет, отец, еще рано, уверяю тебя... На улице свежо... Ты бы лучше вошел в дом... Ждешь письма?

— Да... детка. Но тебе незачем оставаться здесь... пойди в свою комнату...

По его немного смущенному виду можно было предположить, будто присутствие Ильки стесняет его.

Как раз в эту минуту появился почтальон. У него не было письма для учителя, и последний не мог скрыть своей досады.

Вечером и утром следующего дня Николев выказал такое же нетерпение, когда почтальон, не останавливаясь, прошел мимо его дома. От кого же это Дмитрий Николев ожидал письма, какое значение имело оно для него? Стояло ли это в какой-либо связи с поездкой, прошедшей при столь печальных обстоятельствах? Никаких объяснений по этому поводу он не давал.

В тот же день в восемь часов утра примчались доктор Гамин и г-н Делапорт и пожелали немедленно видеть брата и сестру. Они пришли предупредить их, что днем состоятся похороны Поха. Можно было опасаться каких-нибудь враждебных выступлений против Николева, и следовало принять некоторые предосторожности...

Действительно, от враждебно настроенных братьев Иоханzenов можно было всего ожидать. Ведь они не без умысла решили устроить банковскому артельщику торжественные похороны.

Допустим, что они хотели почтить память своего верного служителя, тридцать лет проработавшего в их банкирском доме! Но было уж чересчур явным, что они ищут лишь предлога, чтобы вызвать всеобщее возмущение против Николева.

Быть может, губернатор поступил бы разумнее, запретив эту манифестацию, о которой оповестили антиславянские газеты. Однако при настоящем состоянии умов не вызвало ли бы такое вмешательство властей резкого противодействия? Пожалуй, наилучшим выходом все же было принять необходимые меры, чтобы оградить жилище учителя и находившихся там лиц от нападения.

Это казалось тем более необходимым, что похоронная процессия, направлявшаяся на рижское кладбище, должна была пройти через предместье как раз мимо дома Николева — достойное сожаления обстоятельство, которое могло послужить поводом к беспорядкам.

Предвидя таковые, доктор Гамин посоветовал ничего не говорить об этом Дмитрию Николеву. Это избавит его от лишних тревог, а может быть, и от опасностей, — ведь он обычно сидит запершись в своем кабинете и сходит вниз лишь в определенные часы, к обеду, к чаю.

Завтрак, к которому Ильяка пригласила доктора и г-на Делапорта, прошел в полном молчании. О похоронах, назначенных на вторую половину дня, никто не упомянул. Не раз, однако, яростные крики заставляли вздрогнуть собравшихся, за исключением учителя, который, казалось, их даже и не слышал. После завтрака он пожал руки своим друзьям и снова удалился к себе в рабочий кабинет.

Иван, Ильяка, доктор и консул остались в столовой. Наступило напряженное ожидание, тягостное молчание, прерываемое лишь иногда шумом большого сборища и гневными выкриками толпы.

Шум все усиливался вследствие большого скопления у дома учителя горожан всех слоев и классов, нахлынувших в предместье. Надо признать, что большинство этих людей было явно настроено против Николева, которого молва обвиняла в убийстве банковского артельщика.

Было бы, вероятно, благоразумнее арестовать учителя, дабы избавить его от опасности попасть в руки толпы. Если он невиновен, его невиновность не станет менее явной от того, что он подвергнется заключению в крепость... Кто знает, не подумывали ли в эту самую минуту губернатор и полковник Рагенов о том, чтобы в интересах самого Дмитрия Николева взять его под стражу?

Около половины второго все усиливающиеся крики оповестили о появлении похоронной процессии в конце улицы. Дом содрогнулся от бешеных возгласов толпы. К величайшему ужасу сына, дочери и друзей, учитель вышел из кабинета и спустился в столовую.

— В чем дело? — спросил он.

— Ступай к себе, Дмитрий,— с живостью ответил доктор.— Это похороны несчастного Поха.

— Которого я убил? — холодно произнес Николев.

— Уйди, прошу тебя...

— Отец! — умоляюще воскликнули Илька и Иван.

В неопишемом душевном волнении Дмитрий Николев, никого не слушая, бросился к окну и попытался отворить его.

— Ты не сделаешь этого!.. — воскликнул доктор.— Это безумие!..

— Нет, я сделаю это!

И не успели они ему помешать, как он распахнул окно и показался народу.

Крики «смерть ему», подхваченные множеством голосов, раздались из толпы.

В эту минуту шествие приблизилось к дому. Впереди за утопавшим в цветах и венках гробом, словно вдова покойного, шла Зинаида Паренцова. За ней следовали господа Иохаузенны и их служащие, а позади — друзья покойного и сторонники Иохаузенных, которые воспользовались этой церемонией лишь как поводом для манифестации.

Посреди шума, гама, выкриков, сопровождаемых яростными угрозами, несшихся отовсюду, процессия остановилась перед домом учителя.

Полковник Рагенов и майор Вердер в сопровождении многочисленного полицейского отряда подоспели вовремя. Но удастся ли Эку и его полицейским сдержать натиск разъяренной толпы?

В самом деле, как только показался Дмитрий Николев, толпа заревела под самым окном:

— Смерть убийце!.. Смерть убийце!..

Скрестив на груди руки, с гордо поднятой головой, неподвижный, как статуя, полный презрения, Николев не произносил ни слова. Его двое детей, доктор и г-н Делапорт, не сумев предотвратить этот безрассудный поступок, встали рядом с ним.

Между тем шествие снова тронулось, прокладывая себе путь в толпе. Выкрики все усиливались. Наиболее яростные участники сборища бросились к дому и пытались выломать дверь.

Полковнику, майору и полицейским удалось их оттеснить. Но они поняли, что для спасения Николева необходимо его арестовать. Впрочем, следовало опасаться, как бы с ним не расправились тут же на месте...

Несмотря на все усилия полиции, толпа готова была уже

ворваться в дом, как вдруг через толпу пробился какой-то человек. Он добрался до крыльца, поднялся по ступенькам, загородил собою дверь и громким голосом, покрывшим весь этот шум, закричал:

— Остановитесь!

Толпа отхлынула, прислушиваясь,— так властно прозвучал его голос.

Подойдя к нему, г-н Франк Иохаузен спросил:

— Кто вы такой?

— Да!.. Кто вы такой? — повторил за ним и майор Вердер.

— Я беглый каторжник, которого Дмитрий Николев хотел спасти ценой собственной чести! Я пришел его спасти ценой моей жизни...

— Ваше имя? — спросил, выступая вперед, полковник.

— Владимир Янов!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Владимир Янов

Да позволит нам читатель вернуться на две недели назад, к началу этой драмы.

К восточному берегу Чудского озера подходит путник. Он пробирается ночью между ледяными глыбами, которыми усыяна застывшая поверхность озера. Дозор таможенников, полагая, что напал на след контрабандиста, преследует его и открывает стрельбу. Он успевает скрыться среди сугробов. Человек этот остается невредим и находит приют в рыбацкой хижине, где проводит весь день. С наступлением сумерек он снова пускается в путь, спасается бегством от стаи волков и находит убежище на мельнице, откуда добрый мельник помогает ему бежать. И наконец, преследуемый отрядом унтер-офицера Эка, он лишь чудом ускользает от него, вскочив на льдины, несущиеся по течению Перновы. Только чудом спасется он посреди ледохода и укрывается в городе Пернове, и только чудом, никем не обнаруженный, проводит здесь несколько дней.

Владимир Янов был сыном Ивана Янова¹, давнего друга Дмитрия Николева. Отец Владимира перед смертью доверил все свое состояние старому другу. Эти деньги, двадцать тысяч рублей кредитными билетами, тот должен был вручить Вла-

¹ В третьей главе Жюль Верн называет отца Владимира Янова Михаилом.

димиру Янову, если ссыльному суждено когда-нибудь вернуться в родной край.

Читатель уже знает, по какому политическому делу его сослали в Восточную Сибирь на каторжные работы в минусинские соляные копи. Владимир был приговорен к вечной ссылке. Разве могла Илька Николева надеяться, что ей вернут жениха и что когда-нибудь в их любящей семье, единственной, которая еще оставалась у него на свете, он снова обретет счастье и покой? Нет, они соединятся лишь в том случае, если Ильке разрешат последовать за ним в ссылку, — разве что ему удастся бежать!..

И вот четыре года спустя побег удался! Владимир пересек сибирские и европейские степи Российской империи и достиг Пернова, где надеялся сесть на какой-нибудь корабль, отплывающий во Францию или в Англию. Там он и укрывался, сбивая со следа полицию и выжидая, что с открытием судоходства на Балтийском море какой-нибудь корабль примет его на борт.

В Пернове Владимир Янов остался без всяких средств к существованию. Тогда он написал Дмитрию Николеву. Это-то письмо и вызвало таинственную поездку учителя; он спешил вручить сыну деньги, которые ему доверил отец.

Вначале Николев потому ничего не говорил о своей поездке ни друзьям, ни дочери, что не был уверен, встретит ли действительно Владимира в Пернове; не сказал он им ничего и по возвращении, так как беглец взял с него слово ничего не говорить Ильке, пока не придет от него второго письма, извещающего, что он уже в безопасности, за границей.

Поэтому Дмитрий Николев выехал из Риги тайком. Он купил билет до Ревеля, чтобы нельзя было догадаться о цели его поездки, но рассчитывал выйти из почтовой кареты в Пернове, куда она должна была прибыть в тот же вечер. Не произойди в двадцати верстах от города несчастного случая с каретой, путешествие прошло бы самым благополучным образом.

Мы уже знаем, какое ужасное стечение обстоятельств разрушило планы Дмитрия Николева. Ему пришлось остаться на ночь в трактире «Сломанный крест» вместе с банковским артельщиком. В четыре часа утра он ушел пешком в Пернов, так как не стоило дожидаться возвращения кондуктора с каретой... И вот теперь его обвиняют в убийстве попутчика!

Стояла еще ночь, когда Дмитрий Николев вышел из корчмы. Надеясь, что его никто не заметит, он быстро шагал по пустынной дороге в Пернов. На рассвете, после двухчасовой

быстрой ходьбы, он достиг Пернова и направился в гостиницу, где под вымышленным именем проживал Владимир Янов.

Велика была радость обоих, когда они свиделись вновь после столь долгой разлуки, стольких испытаний, стольких опасностей!.. Как будто отец вновь обрел своего сына!.. Николев вручил Владимиру портфель, содержащий все состояние Ивана Янова, и, желая лично проводить его, остался еще на два дня. Но отплытие корабля, на котором Владимир Янов заказал место, было отложено. Не имея возможности задерживаться дольше, Дмитрий Николев принужден был возвратиться в Ригу. Молодой изгнанник просил его передать Ильке уверения и клятвы в вечной любви, но взял слово с Николева ничего не говорить дочери о его побеге из Сибири до тех пор, пока он не окажется вне досягаемости для грозной русской полиции. Он обещал написать ей, как только будет в безопасности, и, возможно, учитель с Илькой смогут тогда переехать к нему.

Николев обнял Владимира, выехал из Пернова в ночь с 16-го на 17-е и, ничего не подозревая о тяготевшем над ним чудовищном обвинении, вернулся в Ригу.

Читателю известно, с каким негодованием учитель отверг это обвинение и как гордо держал себя на допросе. Известно также, с какой настойчивостью следователь добивался, чтобы Николев объяснил цель своей поездки и сообщил, куда он направился по выходе из корчмы «Сломанный крест». Но Дмитрий Николев отказался дать эти объяснения. Он не имел права говорить до тех пор, пока письмо от Владимира на оповестит его, что изгнанник в безопасности. Письмо это не прибыло, и читатель помнит, с каким нетерпением последние два дня поджидал его Николев! И вот, очутившись в ложном положении из-за молчания, которое не желал нарушить, преследуемый жестокой ненавистью своих политических противников, он подвергался смертельной опасности самосуда толпы; его уже собирались арестовать, как вдруг появился Владимир Янов.

Теперь все знали, кто этот беглец и зачем он явился в Ригу. Дверь дома отворилась, и Владимир Янов бросился в объятия Дмитрия Николева. Он обнял невесту, поцеловал Ивана, пожал протянутые ему руки и в присутствии полковника и майора Вердера, последовавших за ним, заявил:

— Когда я узнал... в Пернове, в каком гнусном преступлении подозревают Николева, когда я узнал, что его обвиняют в убийстве в «Сломанном кресте», когда газеты сообщили, что он отказывается указать цель своей поездки,— хотя ему достаточно произнести одно слово, одно имя, мое имя, чтобы

оправдаться, но он молчит, чтобы не выдать меня,— я не мог колебаться. Я понял, в чем состоит мой долг, я покинул Пернов, и вот я здесь!.. За то, что ты сделал для меня, Дмитрий Николев, друг Ивана Янова, ты, мой второй отец,— я хочу отплатить тебе тем же...

— И ты напрасно это сделал, Владимир, напрасно!.. Я не виновен, мне нечего бояться, и я ничего не боялся. Моя невиновность была бы вскоре установлена.

— Разве я мог поступить иначе, Илька? — спросил Владимир, обращаясь к девушке.

— Не отвечай, детка,— сказал Николев,— ты не в состоянии сделать выбор между отцом и женихом. Я уважаю тебя, Владимир, за благородный поступок, продиктованный чувством долга, но порицаю тебя за то, что ты так поступил!.. Ты сделал бы разумнее, если бы укрылся в надежном месте... и написал мне оттуда. По получении твоего письма я нарушил бы молчание и объяснил цель моей поездки... Что мне стоило перенести еще несколько дней тяжелых испытаний, лишь бы тебе уже ничего не угрожало?

— Отец,— твердым голосом сказала тогда Илька,— выслушай все же мой ответ. Что бы ни случилось дальше, Владимир хорошо поступил, и всей моей жизни не хватит, чтобы уплатить этот долг...

— Спасибо, Илька, спасибо! — воскликнул Владимир.— Этот долг уже уплачен, если я избавлю вашего отца от того, чтобы хоть один лишний день над ним тяготело обвинение.

Благодаря вмешательству Владимира Янова невиновность Дмитрия Николева не вызвала теперь сомнений. Известие об этом быстро распространилось по городу. В том, что господа Иохазуэны со злобным упорством не хотели этому верить, в том, что майор Вердер явно сожалел, что славянин избавился от обвинений, в том, что друзья банкира приняли эту весть весьма холодно,— не было ничего удивительного, и читатель вскоре увидит, сложили ли они оружие. Но известно, с какой быстротой, часто лишенной логики, происходит поворот в общественном мнении. Это как раз и произошло в данном случае. Волнение улеглось, толпа уже не угрожала вломиться в дом Дмитрия Николева; полиции больше незачем было оберегать его от народной ярости.

Но оставалось решить вопрос о судьбе Владимира Янова. Ведь, несмотря на то, что лишь душевное благородство и чувство долга привели его в Ригу, он тем не менее оставался политическим преступником, беглым каторжником из сибирских копей.

Полковник Рагенов обратился к нему благожелательным

тоном, однако с холодной сдержанностью русского чиновника — полковника полиции.

— Владимир Янов, вы бежали из ссылки, и я должен запросить указаний на ваш счет у губернатора. Я отправлюсь сейчас к генералу Горко. В ожидании моего возвращения разрешаю вам оставаться в этом доме, если вы дадите мне слово, что не будете пытаться бежать.

— Даю слово, полковник,— отвечал Владимир.

Полковник ушел, оставив, впрочем, Эка с полицейскими сторожить дом.

Не станем описывать горячие излияния, которым предались Иван, Илька и Владимир. Доктор Гамин и г-н Делапорт поспешили оставить их одних. Семья учителя снова после долгих лет пережила несколько мгновений настоящего счастья. Снова они были вместе, говорили друг с другом, даже строили планы на будущее. Они забыли и опасное положение Янова и его осуждение на каторгу; не думали они ни о последствиях его побега из Сибири, которые могли быть ужасны, ни о полковнике, который должен был скоро вернуться и сообщить решение губернатора.

Полковник вернулся через час и, обратившись к Владимиру, сказал:

— По приказу генерала Горко вы отправитесь в рижскую крепость, где будете дожидаться распоряжений из Петербурга.

— Я готов подчиниться, полковник,— ответил Владимир и, обращаясь к своим близким, сказал: — Прощай, мой отец, мой брат Иван, прощай, моя сестра Илька!

— Нет... ваша жена! — ответила девушка.

Они расстались. Надолго ли? Владимир Янов покинул дом, в который он принес столько счастья.

С этого дня всеобщее внимание, вызываемое этим далеко не законченным делом, было приковано к беглецу, который не поколебался ради спасения Николева пожертвовать своей свободой, а может быть, и жизнью,— ведь он политический преступник. Как бы ни относиться к делу Дмитрия Николева, нельзя было не восхищаться таким поступком. Даже в противном лагере женщины наперебой славили благородство души Владимира Янова. Вызывала сочувствие и столь трогательная сторона в его истории — любовь к Ильке Николевой, их внезапная разлука накануне свадьбы!.. Однако какое же решение примет теперь император? Отправят ли несчастного обратно в Восточную Сибирь, откуда он бежал ценой стольких усилий, преодолев столько опасностей? Не суждено ли невесте, обретшей мимолетное счастье встречи с ним, оплаки-

вать его вечно? Что ожидает его по выходе из рижской крепости: заслужит ли он помилование или будет снова отправлен в изгнание?

Было бы, однако, ошибкой предполагать, что внезапное и никем нежданное вмешательство Владимира Янова совершенно оправдало в глазах всех Дмитрия Николева. В таком городе, как Рига, столь проникнутом германским духом, этого не могло случиться. В особенности высшие слои рижского общества не могли примириться с тем, что этот учитель — представитель чаяний славянского населения — так просто отделался от тяготевшего над ним обвинения. Газеты немецкой партии со свойственной им недобросовестностью продолжали всячески внушать сомнение в невинности Николева. Ведь убийца-то до сих пор не был обнаружен. Жертва взывала к отмщению, и взывала главным образом злобными, нетерпимыми голосами противников всего русского.

Выражая мнение многочисленных врагов учителя, не желавших упускать из рук добычу, Франк Йохаузен говорил:

— Допустим, что причина поездки Дмитрия Николева теперь известна... Пусть он ездил в Пернов для встречи с Владимиром Яновым!.. Пусть даже в четыре часа утра он вышел из корчмы лишь для того, чтобы скорее добраться до Пернова!.. Но ночь-то с тринадцатого на четырнадцатое он провел все же в трактире «Сломанный крест», да или нет?.. Пох-то был убит ночью в этом самом трактире, да или нет?.. Кто же может быть убийцей, как не путешественник, занимавший комнату, где обнаружено орудие взлома? А разве не Дмитрий Николев этот самый путешественник?

На такие вопросы можно было дать только утвердительный ответ. Но против «да или нет» банкира можно было поставить следующие вопросы: «Разве не мог совершить убийство какой-нибудь злоумышленник, явившийся с улицы, да или нет? А не был ли убийцей корчмарь Кроф? Ведь он имел больше возможностей убить Поха до или после ухода учителя? Не знал разве Кроф, что в сумке банковского артельщика находится крупная сумма?»

На это следствие давало ответ, что при обыске не обнаружено никаких улик против трактирщика, — ответ не вполне убедительный. С другой стороны, судебные власти не отказывались допустить, что это убийство могло быть делом рук одного из разбойников, замеченных с некоторых пор в Северной Лифляндии.

Таково было мнение полковника Рагенова, который на следующий день после описанных событий беседовал по пово-

ду этого дела с майором Вердером и, как и следовало ожидать, не находил с ним общей точки зрения.

— Видите ли, майор,— говорил он,— мне кажется маловероятным, чтобы Николев вылез ночью из окна своей комнаты и забрался через окно к Поху...

— Ну, а следы на подоконнике? — возразил майор.

— Следы? Нужно бы сначала удостовериться, что они недавнего происхождения, а это вовсе не доказано... Трактир «Сломанный крест» стоит совершенно уединенно у дороги... Весьма вероятно, что какой-нибудь бродяга в ту или другую ночь пытался выломать ставень...

— Осмелюсь заметить, господин полковник, что убийца должен был знать о наличии крупной поживы, а как раз Николеву это было известно...

— И другим тоже,— с живостью возразил полковник Рагенов.— Ведь Пох весьма легкомысленно болтал об этом, держал свою сумку у всех на виду... Разве не знали об этом и Кроф, и кондуктор Брокс, и ямщики, сменявшиеся на каждой станции, не говоря уже о крестьянах и дровосеках, выпивавших в большой комнате, когда Николев и банковский артельщик вошли в трактир?

Это, конечно, были веские доводы. Подозрения падали не на одного только Дмитрия Николева. Оставалось еще доказать, что острая нужда в деньгах могла заставить учителя прибегнуть к убийству с грабежом.

Однако, несмотря ни на что, майор продолжал настаивать на виновности Николева.

— Я прихожу к выводу,— воскликнул полковник,— что немец всегда остается немцем...

— Как и славянин — всегда славянином,— отпарировал майор.

— Предоставим следователю Керсдорфу продолжать дознание,— заключил спор полковник Рагенов,— когда следствие кончится, будет время взвесить все «за» и «против».

В стороне от этих толков, разжигаемых политическими страстями того времени, г-н Керсдорф продолжал тщательно вести расследование. Ему всегда претила мысль о виновности Николева, и теперь, когда цель поездки учителя, которую тот до сих пор отказывался объяснить, стала известна, тем более находил он оправдание своему внутреннему убеждению. Но кто же тогда совершил убийство? Многие свидетели побывали в кабинете г-на Керсдорфа. Были тут и ямщики с различных станций между Ригой и Перновым, и крестьяне, и дровосеки, находившиеся в трактире, когда туда явился Пох,— словом, все, кто знал, зачем банковский артельщик ехал в Ре-

вель, то есть знал, что он должен был внести там деньги на счет братьев Иохаузенев. Однако ничто не давало повода заподозрить кого-либо из этих людей.

Кондуктор Брокс был допрошен даже несколько раз. Ведь он лучше, чем кто-либо другой, знал, зачем едет Пох и что при нем крупная сумма. Но от этого честного малого отскакивали все подозрения. После случая с каретой он отправился с возницей и лошадьми в Пернов и переночевал в пристанционной корчме. Никаких сомнений это не вызывало. Его алиби было неопровержимо. Не могло быть и речи о том, чтобы заподозрить его.

Таким образом, предположение, что это дело рук какого-нибудь злоумышленника с улицы, приходилось отбросить. Да и как бы пришло в голову разбойнику с большой дороги ограбить банковского артельщика, если он ничего о нем не знал? Разве только допустить, что он каким-то образом проведаль в Риге о поручении, данном Поху, и тогда, старательно проследив за ним и дождавшись удобного случая, воспользовался поломкой кареты, вынудившей Поха остановиться в трактире «Сломанный крест»...

Даже допустив такое предположение, все же казалось более вероятным, что преступление совершено одним из тех, кто ночевал в корчме. Но их было всего двое: корчмарь и Дмитрий Николев.

Со времени происшествия Кроф не отлучался из трактира, где, как известно, находился под надзором полицейских. Его несколько раз возили к следователю и подвергали долгому и тщательному допросу. Ничто в его поведении, ничто в его ответах не давало ни малейшего повода для подозрений. Между тем он продолжал утверждать, что убийцей должен быть Дмитрий Николев, так как у него были все возможности совершить это преступление.

— И вы не слышали ночью никакого шума? — спрашивал его г-н Керсдорф.

— Никакого, господин следователь.

— Как же это возможно: одно окно пришлось отворить, другое взломать?

— Моя спальня со стороны двора, — ответил Кроф, — а окна обеих комнат выходят на большую дорогу... Я спал крепким сном... Впрочем, в эту ночь бушевала такая буря, что из-за ветра все равно не было ничего слышно.

Слушая показания Крофа, следователь внимательно изучал его, но, хотя в глубине души и был предубежден против трактирщика, не имел повода поставить под сомнение правдивость его показаний.

После каждого допроса Кроф без конвоя возвращался в «Сломанный крест». Если даже он виновен, не лучше ли оставить его на свободе, одновременно наблюдая за ним? А вдруг да он выдаст себя чем-нибудь?

Прошло четыре дня с тех пор, как Владимира Янова заключили в рижскую крепость.

Узнику по приказанию губернатора была предоставлена отдельная комната. С ним обходились вежливо, как того заслуживало его общественное положение и поведение. Генерал Горко не сомневался, что никто в верхах не осудит его за эти послабления, какой бы оборот ни приняло дело Владимира Янова.

Дмитрий Николев, здоровье которого было поколеблено столь сильными потрясениями, не выходил из дому и не мог при всем желании навещать его. Семье Николевых и друзьям Владимира Янова доступ в тюрьму был разрешен. Иван и Илья ежедневно бывали в крепости и навещали узника в его камере. Какие долгие дружеские беседы, полные надежд и мечтаний, велись там! Да! Сестра и брат верили, хотели верить в великодушие императора... Его величество не может остаться бесчувственным к мольбам несчастной семьи, подвергавшейся столь долгим и тяжким испытаниям... Владимира и Илью не будут больше отделять друг от друга тысячи верст, их не разлучит пожизненная ссылка Владимира, еще более ужасная, чем все расстояния... Любящие смогут, наконец, через несколько недель сочетаться браком, если император помилует Янова... Было известно, что губернатор ходатайствует об этом... Особое положение Дмитрия Николева в Риге накануне выборов, где он представлял славянскую партию, стремление правительства к руссификации городского управления в Прибалтийских областях — все это должно было способствовать полному освобождению беглеца от наказания.

Двадцать четвертого апреля, попрощавшись с Яновым, с отцом и сестрой, Иван отбыл из Риги обратно в Дерпт. С высоко поднятой головой возвращался он в университет, он, которого там обозвали сыном убийцы.

Излишне было бы описывать прием, оказанный ему товарищами по корпорации. Всех горячее приветствовал его Господин. Однако напрасно было предполагать, что остальные студенты, которыми верховодил Карл Иохансен, сложили оружие. Никому не верилось, что дело обойдется без какого-нибудь столкновения.

Стычка действительно произошла на другой же день после возвращения Ивана Николева.

Иван потребовал от Карла удовлетворения за нанесенное

оскорбление, но тот отказался драться с ним и еще сильнее оскорбил его.

Иван ударил его по лицу. Ставшая неизбежной дуэль состоялась в тот же день, и Карл Иохаузен был тяжело ранен.

Можно себе представить впечатление, которое известие об этом произвело в Риге! Г-н и г-жа Иохаузен немедленно отправились в Дерпт ухаживать за сыном, может быть смертельно раненным. С каким новым ожесточением вспыхнет борьба между непримиримыми врагами, когда они вернутся!

Между тем пять дней спустя после описываемых событий ответ относительно участи Владимира Янова прибыл из Петербурга.

Надежды на милость императора оправдались. Изгнанник, бежавший из сибирских копей, был помилован. В тот же день Владимир Янов вышел на свободу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Второй обыск

Помилование Владимира Янова произвело огромное впечатление не только в Риге, но и во всем Прибалтийском крае. В этом усматривали желание правительства подчеркнуть свое особое расположение ко всему антигерманскому. Рабочий люд бурно приветствовал освобождение Янова. Буржуазия и дворянство порицали царскую милость, которая, помимо Владимира, как бы коснулась и Дмитрия Николева, оправдывая его. Конечно, своим великодушным поступком беглец заслужил помилования, полного оправдания и восстановления в гражданских правах, которых был лишен как политический преступник. Но разве не являлась эта мера протестом против преследований, которым подвергался учитель, до сих пор всегда уважаемый и почитаемый гражданин, ставленник славянской партии на предстоящих выборах?

Так во всяком случае была воспринята милость императора. А генерал Горко и не думал скрывать, что и сам придерживается такого мнения.

Владимир Янов вышел из рижской крепости, сопровождаемый полковником Рагеновым, который пришел лично объявить ему царский указ. Он тотчас же направился в дом Дмитрия Николева. Новость хранилась в секрете, и Илья и ее отец узнали обо всем из его собственных уст.

Каким светом радости и благодарности озарился этот скромный дом, куда, казалось, наконец-то вернулось счастье!

Почти сразу же явились доктор Гамин, г-н Делапорт и не-

сколько друзей семьи. Владимира поздравляли, обнимали. Кто помнил теперь об обвинениях, недавно еще тяготевших над учителем?

— Если бы вас даже осудили,— сказал ему г-н Делапорт,— никто из нас все же не усомнился бы в вашей невиновности!

— Осудили!..— воскликнул доктор.— Разве мог бы он когда-либо быть осужден?

— Если бы это случилось, отец, то Владимир, Иван и я всю жизнь бы посвятили тому, чтобы тебя оправдать! — заявила Илька.

Со стесненным сердцем, бледный от волнения, Дмитрий Николев не мог произнести ни слова. Он горько усмехнулся. Не думал ли он, что от слепого людского правосудия можно всего ожидать? Разве нет недостатка в несправедливых и подчас непоправимых приговорах?

Вечером за чайным столом собрались ближайшие друзья Владимира и Николевых. Как забились все сердца, какую бурную радость выражали все близкие, когда со свойственной ей простотой Илька сказала:

— Если вы не передумали, Владимир, я готова стать вашей женой.

Свадьбу назначили через шесть недель, и в первом этаже дома приготовили комнату для Владимира Янова. Имущественное положение жениха и невесты известно. У Ильки не было никакого состояния. Вдобавок Николев до сих пор никому не сообщал о своем положении, о принятых им перед банком Иохаузенов обязательствах по долгу отца. Благодаря своей бережливости он уже выплатил значительную его часть и не терял надежды уплатить и остающуюся сумму. Поэтому он ничего не говорил своим детям, и они не знали, что срок последнего платежа в восемнадцать тысяч рублей наступает через пятнадцать дней. Следовало все же сказать им об этом,— Владимир не мог оставаться в неведении об угрозе, нависшей над семьей... Впрочем, вряд ли это изменило бы его чувства к девушке. С деньгами, завещанными ему отцом и переданными Дмитрием Николевым, он сумеет переждать и при его уме и энергии обеспечит свое будущее.

Если семья Николевых была теперь счастлива, счастливее, вероятно, чем она когда-либо мечтала быть, нельзя того же сказать о семье Иохаузенов! Явилась надежда, что тяжело раненный Карл, которого удалось перевезти в Ригу, при хорошем уходе со временем поправится. Однако Франк Иохаузен чувствовал, что в борьбе с учителем, который, казалось, уже был уничтожен, победа ускользает от него. Казалось, страш-

ное оружие, которым в своей ненависти он не колеблясь воспользовался, сломалось в его руке. Денежные затруднения соперника — обязательства, взятые им на себя перед банком, которые он, вероятно, не сможет покрыть в срок, — вот все, что оставалось у г-на Иохазена, чтобы погубить политического противника.

Ведь было очевидно, что общественное мнение, мнение не заинтересованных в деле людей, судящих о нем без предвзятости, мало-помалу склонялось к оправданию Николева и даже обернулось против хозяина трактира «Сломанный крест».

Действительно, если отбросить мысль о причастности какого-нибудь преступника с большой дороги, то подозрения должны были неизбежно пасть на Крофа. Что можно сказать о его прошлом, говорило ли оно за или против него? По правде говоря, не было в нем ни плохого, ни хорошего. Кроф имел репутацию грубого, жадного к деньгам человека. Молчаливый, очень скрытный, он жил одиноко, без семьи в этой уединенной корчме, посещаемой крестьянами и дровосеками. Его родители были немецкого происхождения и, как это довольно часто встречается в Прибалтийском крае, православного вероисповедания. Они жили довольно бедно доходами от корчмы. Дом да огород — вот и все, что их сын унаследовал от них; стоимость всего имущества не достигала, вероятно, и тысячи рублей.

Кроф жил бобылем, безо всякой прислуги и делал все собственными руками. Отлучался он из корчмы очень редко, лишь когда требовалось возобновить припасы в Пернове.

Следователь Керсдорф с самого начала имел подозрения против трактирщика. Основательны ли они? Не для того ли Кроф пытался очернить путешественника, прибывшего в корчму с банковским артельщиком, чтобы выгородить себя? Не им ли сделаны царапины, обнаруженные на подоконнике комнаты, не он ли поставил у печки кочергу после того, как взломал ставень, и, наконец, не он ли и совершил убийство до или после ухода Дмитрия Николева, на которого благодаря подстроенным им козням должны были пасть подозрения судебных властей?

Не здесь ли надо искать новый след, который приведет к цели, если идти по нему со всей осторожностью?

С тех пор как вмешательство Владимира Янова, казалось бы, сняло всякое подозрение с Дмитрия Николева, Кроф мог ожидать, что его собственное положение поколеблется. Раз преступника надо во что бы то ни стало найти — не обернется ли дело против него?

Как уже известно, после убийства трактирщик отлучался

из корчмы, лишь когда его вызывали в кабинет следователя. Хотя, в общем, он и был свободен, но все время чувствовал на себе бдительный взгляд полицейских, ни днем, ни ночью не покидавших трактир. Комнаты путешественника и Поха заперли на ключ, ключи находились у следователя, и проникнуть в комнату никто не мог. Таким образом, все оставалось в том же состоянии, как и при первом обыске.

Хотя Кроф и не устал повторять всем и каждому, кто только хотел его слушать, что, отказавшись от обвинения против Николева, следствие пошло по неправильному пути, хотя он упорно настаивал на виновности путешественника, всячески стараясь очернить его в глазах следователя Керсдорфа, хотя он и находил в этом поддержку у врагов учителя, хотя, с другой стороны, друзья Николева перекладывали вину на корчмаря, но в действительности положение обоих продолжало служить предметом яростных споров и не могло выясниться до тех пор, пока подлинный убийца не попадет в руки правосудия.

Владимир Янов и доктор Гамин частенько говорили между собой об этом. Они отдавали себе отчет, что даже ареста убийцы недостаточно, чтобы заставить замолчать Иоханзенов и их приспешников. Для этого нужно еще предать суду и осудить настоящего преступника. Вот почему в то время, как Дмитрий Николев, казалось, потерял всякий интерес к делу, не занимался им больше, никогда не упоминал о нем, друзья его не переставали всячески торопить следственные власти и помогать им сведениями, которые им удавалось добыть то тут, то там. Они так убежденно настаивали на виновности трактирщика, что под давлением общественного мнения г-н Керсдорф и полковник Рагенов решили произвести вторичный обыск в трактире «Сломанный крест».

Этот обыск был произведен 5 мая.

Выехав вечером, следователь Керсдорф, майор Вердер и унтер-офицер Эк прибыли в корчму утром.

Полицейские, находившиеся на своем обычном посту в доме, ничего нового сообщить не могли.

Ожидавший приезда следственных властей Кроф с готовностью предоставил себя в их распоряжение.

— Господин следователь,— сказал он,— я знаю, что меня оговаривают... Но на этот раз, надеюсь, вы уедете совершенно убежденный в моей невиновности...

— Увидим,— ответил г-н Керсдорф.— Начнем же...

— С комнаты постояльца, ключ от которой у вас? — спросил трактирщик.

— Нет,— ответил следователь.

— Вы собираетесь обыскать весь дом? — спросил майор Вердер.

— Да, господин майор.

— Полагаю, господин Керсдорф, что если от нас и укрылось что-нибудь, то скорее всего следует обыскать комнату Дмитрия Николева.

Это замечание ясно показывало, что майор по-прежнему не сомневался в виновности учителя, а стало быть, и в полной непричастности трактирщика. Ничто не способно было изменить его убеждения, основанного на фактах: убийца — путешественник, а путешественник этот — Дмитрий Николев. Сдвинуть его с этой позиции не было никакой возможности.

— Проводите нас, — приказал следователь хозяину трактира.

Кроф повиновался с готовностью, располагавшей в его пользу.

В присутствии следователя и майора полицейские под начальством унтер-офицера Эка вторично обыскали пристройку, выходившую на огород, и сарайчики на дворе. Затем тщательно осмотрели огород вдоль всей живой изгороди, обследовали подножие каждого дерева, каждую грядку с редко посаженными овощами. Может быть, Кроф, если ограбление дело его рук, зарыл где-нибудь свою добычу? Вот что важно было установить.

Поиски оказались напрасными. Что касается денег, то в шкафу трактирщика хранилась какая-нибудь сотня кредиток достоинством в двадцать пять, десять, пять рублей, а также в три рубля и рубль, то есть значительно ценная сумма, чем в сумке банковского артельщика.

Майор Вердер отвел следователя в сторону.

— Не забудьте, господин Керсдорф, — сказал он, — что со дня убийства Кроф выходил из трактира только в сопровождении полицейских, прибывших в то же утро...

— Я это знаю, — ответил г-н Керсдорф, — но после ухода господина Николева и еще до прибытия полицейских корчмарь оставался на несколько часов один в доме.

— Но в конце концов вы же сами видите, господин Керсдорф, что никаких улик против него мы не нашли...

— Действительно, до сих пор никаких. Правда, обыск еще не закончился. У вас ключи от обеих комнат, майор?

— Да, господин Керсдорф.

Ключи эти хранились в полиции, и майор Вердер вынул их теперь из кармана.

Отперли дверь комнаты, в которой был убит банковский артельщик.

Спальня находилась в том же состоянии, как и при первом обыске. В этом легко было удостовериться, как только распахнули ставни. Постель стояла неубранная, подушка была в крови, пол залит лужей засохшей крови, растекшейся до самой двери. Ничего нового обнаружить не удалось. Убийца, кто бы он ни был, не оставил никаких следов.

Захлопнув снова ставни, г-н Керсдорф, майор, унтер-офицер со своими людьми и Кроф вернулись в большую комнату.

— Осмотрим вторую спальню, — сказал г-н Керсдорф.

Прежде всего подвергли осмотру дверь. Никаких следов на внешней стороне ее не обнаружили. Да и полицейские, охранявшие трактир, утверждали, что никто не пытался ее отпереть. Уже десять дней, как ни один из них не покидал дома.

Комната была погружена в глубокий мрак. Унтер-офицер Эк, подойдя к окну, открыл его настежь, отодвинул засов, распахнул ставни и прижал их к стене. Можно было осмотреться при полном свете.

Со времени первого обыска ничего в комнате не изменилось. В глубине стояла кровать, на которой спал Дмитрий Николев. У изголовья кровати — грубый стол, а на столе — железный подсвечник с почти выгоревшей свечой. В одном углу — соломенный стул, в другом — табуретка. Направо — шкаф с закрытыми дверцами. В глубине — печка, точнее очаг, сложенный из двух плоских камней. Над очагом — широкий внизу дымоход, сужающийся по направлению к крыше.

Обследовали кровать и, как и в первый раз, ничего подозрительного не нашли. В ящиках шкафа не обнаружили ни одежды, ни каких-либо бумаг: он был пуст.

Внимательно осмотрели кочергу, стоявшую в одном из углов очага. Она была погнута на конце и, безусловно, могла послужить для взлома ставень другой комнаты. Но верно также и то, что самая обыкновенная палка годилась для этой цели — так ветхи были ставни. Что касается царапин на подоконнике, то они были по-прежнему видны; произвел ли их человек, лезший через окно, — нельзя было утверждать это с уверенностью.

Следователь снова подошел к очагу.

— А путешественник разводил огонь? — спросил он Крофа.

— Вряд ли, — отвечал корчмарь.

— Золу в первый раз исследовали?

— Кажется, нет, — заметил майор Вердер.

— А ну-ка!

Унтер-офицер склонился над очагом и в левом углу его об-

наружил полусгоревшую бумажку, что-то вроде квадрата, от которого остался лишь покрытый золой уголок.

Каково же было удивление присутствующих, когда в этом клочке бумаги они узнали уголок кредитного билета. Да! Сто-рублевого государственного кредитного билета, номер которого уничтожил огонь. А о каком другом огне, как не о пламени стоящей на столе догоревшей свечи, могла быть речь, если огонь в очаге не разводили?

Кроме того, обрывок кредитки был запачкан кровью.

Сомнений не оставалось: это рука убийцы замарала кредитку, это он ее сжег, раз она запачкана в крови! А откуда могла бы взяться эта кредитка, как не из сумки Поха? Да, кредитка почти сгорела, но оставалась уничтожающая улика!

Какие тут еще сомнения? Как можно допустить, что убийство совершено злоумышленником, проникшим извне? Разве не очевидно, что убийца — постоялец, который занимал эту комнату? После убийства он вернулся к себе через окно и ушел из корчмы в четыре часа утра.

Майор и унтер-офицер переглянулись, как люди, давно в этом убежденные. Однако г-н Керсдорф не произнес ни слова, и они промолчали.

Но Кроф не мог удержаться.

— Что я вам говорил, господин следователь! Можете вы еще сомневаться в моей невинности?

Господин Керсдорф вложил уголок кредитки в качестве вещественного доказательства в свою записную книжку и лишь промолвил:

— Обыск окончен, господа... Выйдем отсюда и немедленно в путь.

Через четверть часа карета катила по дороге в Ригу, между тем как полицейские по-прежнему остались охранять трактир «Сломанный крест».

Рано утром следующего дня г-ну Франку Иохаузену уже сообщили о результатах расследования. Угол кредитки с номером сгорел, и установить, принадлежит ли она к одной из переписанных банком, — нельзя. Но кредитка из той же серии, и нет сомнения, что она выкрадена из сумки Поха.

Известие об этом быстро разнеслось по городу и как гром поразило друзей Дмитрия Николева. Дело таким образом вступало во вторую фазу, или, вернее, возвращалось к первой. Какие ужасные испытания грозили еще злополучной семье, казалось бы, уже избавленной от них?!

Что же касается сторонников Иохаузена, то они шумно ликовали. Они были уверены, что приказ об аресте Дмитрия

Николева не заставит себя ждать. Наконец-то он предстанет перед судом, который вынесет ему суровый приговор, как того заслуживает столь чудовищное преступление.

Владимиру Янову сообщил о новых данных расследования доктор Гамин. Они решили ничего не говорить Николеву. И так он, к сожалению, не замедлит узнать о новой угрозе, нависшей над ним. Владимир старался, чтобы эти слухи не дошли до его невесты... Но из этого ничего не вышло, и в тот же день он стал свидетелем ее безысходного горя.

— Мой отец невиновен!.. Отец невиновен!..— твердила она в полном отчаянии. Больше она ничего не могла сказать.

— Да, дорогая Илька, он, безусловно, не виновен, мы найдем преступника и посраим всех, кто порочит его!.. Действительно, я начинаю думать, что подо всем этим кроются какие-то гнусные махинации, что их цель погубить лучшего и честнейшего из людей.

Да, этот благородный человек в самом деле так думал. Ведь он по горькому опыту знал, до чего может дойти политическая месть. А между тем какие данные указывали на то, что существует такой гнусный замысел и что происки врагов могут удалиться?

То, что должно было случиться, случилось.

Во второй половине дня Дмитрия Николева вызвали к следователю. Он тотчас же спустился в столовую. Владимир и Илька объяснили ему создавшееся положение.

— Опять это проклятое дело! — сказал он, пожимая плечами.— Неужели оно так никогда и не кончится?

— Они хотят получить от тебя, отец, несколько добавочных сведений...— сказала Илька.

— Может быть, мне пойти с вами? — спросил Владимир.

— Нет... спасибо, Владимир.

Учитель вышел и быстро удалился. Через четверть часа он был уже в кабинете г-на Керсдорфа.

Там он застал лишь следователя и его секретаря. На совещании у губернатора в присутствии полковника Рагенова было решено, что учитель будет подвергнут вторичному допросу. Решение вопроса об его аресте предоставлялось всецело на усмотрение следователя.

Господин Керсдорф пригласил Николева сесть и голосом, выдававшим некоторое волнение, произнес:

— Господин Николев, вчера в моем присутствии в трактире «Сломанный крест» был произведен вторичный обыск... Полицейские тщательно обследовали весь дом и не обнаружили никаких новых следов... Но в комнате, которую вы зани-

мали в ночь с тринадцатого на четырнадцатое апреля, найдено вот это.

И он протянул учителю уголок кредитного билета.

— Что это за клочок бумаги? — спросил Дмитрий Николев.

— Это обрывок от кредитного билета, который был сожжен и брошен в очаг.

— Одного из кредитных билетов, украденных у Поха?

— Во всяком случае, это весьма вероятно, — ответил следователь. — Вас не должно удивить, если я усматриваю в этом новую улику против вас...

— Против меня? — воскликнул учитель, переходя на свой иронически-пренебрежительный тон. — Как, господин следователь, значит с этим делом не покончено, и, несмотря на заявление Владимира Янова, надо мной все еще тяготеют подозрения?

Господин Керсдорф не отвечал. Он пытливо следил за Николевым, этим несчастным больным стариком, который явно еще не оправился от душевного потрясения, вызванного непрерывными испытаниями.

И, казалось, им не будет конца, так как новые данные отягощали его положение.

Проведя рукой по лбу, Дмитрий Николев сказал:

— Итак, этот уголок кредитного билета обнаружен в очаге комнаты, где я провел ночь?

— Да, господин Николев.

— И комната эта после первого обыска была заперта на ключ?

— На ключ. Дверь, безусловно, никто не открывал...

— И, значит, никто не мог проникнуть в комнату?

— Никто.

Следователь, видимо, сознательно шел на эту перемену ролей и охотно отвечал на вопросы.

— Этот кредитный билет был залит кровью, затем брошен в огонь и оказался в золе, где его и нашли? — снова задал вопрос Николев, рассматривая кредитку.

— Да, в золе...

— В таком случае, как же его не обнаружили при первом обыске?

— Я и сам не нахожу объяснения, и меня это удивляет, так как, очевидно, с тех пор никто не мог его туда подбросить...

— Я не менее удивлен, чем вы, — не без некоторой иронии заметил Дмитрий Николев, — вернее сказать, не удивлен, а

обеспокоен этим. Ведь это меня, надо думать, обвиняют в том, что я сжег кредитку и затем бросил ее в очаг?

— Вас, конечно,— ответил г-н Керсдорф.

— Итак,— со все возрастающим сарказмом продолжал учитель,— если эта кредитка из пачки банковского артельщика, если она выкрадена после убийства Поха из его сумки, то нет сомнения, что вор — это постоялец, занимавший комнату. А так как комнату занимал я, то я и есть убийца...

— Можно ли еще сомневаться? — спросил г-н Керсдорф, не спуская с Николева глаз.

— Ни в коем случае, господин следователь. Все складывается одно к одному! Вывод безукоризненный... И все же разрешите мне вашим доводам противопоставить свои?

— Прошу вас, господин Николев.

— Итак, в четыре часа утра я покинул трактир «Сломанный крест»... Было ли к этому времени совершено убийство или нет? Если это моих рук дело, то, конечно, да, если убийца не я, то нет... Впрочем, не в этом суть. Так вот! Можете ли вы утверждать, господин следователь, что убийца не принял, уже после моего ухода, все меры к тому, чтобы подозрение пало на путешественника, то есть на меня? Разве не мог он войти в комнату, поставить кочергу, подбросить в очаг запачканный кровью полусожженный кредитный билет, сделать снаружи царапины на подоконнике, чтобы создать видимость, что не кто иной, как я, влез в окно и зарезал банковского артельщика в его постели?

— Ваше заявление, господин Николев, является прямым обвинением против трактирщика Крофа...

— Против Крофа или любого другого! Впрочем, не мое дело искать преступника... Я вынужден защищаться — и я защищаюсь!

Господин Керсдорф невольно был поражен словами Дмитрия Николева. Сколько раз говорил он себе те же слова... Нет! Он отказывался верить в виновность столь достойного человека. Однако если он и подозревал Крофа, то ни обыск, ни собранные о нем сведения, ни показания свидетелей не дали против него никаких улик. Следователю пришлось сказать об этом Николеву в дальнейшем ходе допроса, который продолжался еще целый час.

— Господин следователь,— сказал, наконец, учитель,— вам решать, над кем из нас, над Крофом или надо мной, тяготеют более тяжкие подозрения. Любой справедливый человек, хладнокровно взвесив все, может и должен прийти к выводу, что теперь все данные говорят в мою пользу. По известным вам причинам я должен был раньше молчать о целях

моей поездки. С тех пор, как Владимир Янов отдался в руки властей, тайна вам стала известна. Это был наиболее сомнительный пункт в моем деле, но по этому вопросу существует теперь полная ясность. Является ли убийцей корчмарь? Или, быть может, какой-нибудь злоумышленник с большой дороги? Выяснить это — дело суда! Что касается меня, я не сомневаюсь в виновности Крофа... Ему было известно, что Пох едет в Ревель, чтобы совершить платеж за счет братьев Июхаузов... Он знал, что при нем крупная сумма... Он знал, что я уйду в четыре часа утра... Он знал все, что требовалось знать, чтобы, совершив убийство, свалить ответственность на путешественника, пришедшего в корчму вместе с банковским артельщиком... Это он, до или после моего ухода, убил несчастного... Когда я ушел, он прокрался в мою комнату, бросил обрывки кредитки в очаг и сделал все, чтобы подозрения пали на меня... Ну что ж! Если вы все еще убеждены, что это я убийца Поха, пусть я предстану перед судом... Я буду обвинять Крофа. Этот спор решится между нами двумя... И я буду знать, что думать о человеческом правосудии, если оно осудит меня!

Излагая все это, Дмитрий Николев говорил спокойнее, чем того можно было ожидать, настолько он был уверен в вескости своих доводов. Г-н Керсдорф не прерывал его.

— Так как же: подпишете вы приказ о моем аресте? — заключил учитель.

— Нет, господин Николев, — ответил следователь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Удар за ударом

Как вполне понятно, весь интерес дела сосредоточился теперь на трактиршике Крофе и учителе Дмитрие Николеве. Найденный в очаге уголок кредитного билета полностью исключал причастность к преступлению одного из разбойников, которые, по сведениям полиции, скрывались в этой части Лифляндии. Как мог бы такой грабитель, совершив убийство, никем не замеченный, снова забраться в комнату путешественника, оставить кочергу (допуская, что именно эта кочерга послужила орудием для взлома ставень) и подбросить в очаг найденный в золе уголок обгоревшего кредитного билета? Как это ни Дмитрий Николев, ни Кроф ничего не услышали, даже если спали крепким сном? И как, наконец, могла явиться у убийцы мысль свалить ответственность за преступление на путешественника? Ведь после убийства и ограбления он

бросился бы прочь и к рассвету постарался бы уйти как можно дальше от трактира «Сломанный крест»...

Сам здравый смысл подсказывал все это судебным властям. Оставалось лишь сосредоточить внимание на двух столь различных по своему положению людях, как учитель и трактирщик, и остановить свой выбор на одном из них.

А между тем, к вящему удивлению даже самых невозможных умов, после нового обыска в корчме не был арестован ни тот, ни другой.

Легко представить себе, что в результате новых данных расследования политические страсти разгорелись еще пуще. Необходимо отметить, что обострению дела способствовала национальная рознь, разделявшая не только население Риги, но и всех трех губерний Прибалтийского края на два враждующих лагеря.

Дмитрий Николев был славянином, и славяне поддерживали его как в интересах общего дела, так и потому, что они действительно не могли допустить и мысли о его виновности.

Кроф же был германского происхождения, и немцы становились на его защиту не столько из симпатии к этому содержанию захудалого деревенского трактира, сколько из желания уничтожить Дмитрия Николева.

Газеты обоих направлений вели между собой борьбу при помощи крикливых статей, отражавших мнение той или другой стороны. В дворянских и буржуазных домах, в конторах торговцев, в жилищах рабочих и служащих только и разговору было, что об этом.

Надо признать, что положение генерал-губернатора все усложнялось. Чем более приближались городские выборы, тем громче и восторженнее славяне провозглашали кандидатуру Дмитрия Николева в противовес г-ну Франку Иохазену.

Семья богатого банкира, друзья, клиенты и не думали прекращать борьбу, стараясь использовать против учителя все средства. Что и говорить, на их стороне была сила денег, и они не скупилась на поддержку своих газет. Властей и следователя печать обвиняла в слабости и даже в попустительстве, к ним предъявлялось требование об аресте Дмитрия Николева, а наиболее умеренные из газет предлагали по меньшей мере арестовать и трактирщика и учителя. Необходимо было так или иначе покончить с этим делом до выборов, а происходящие впервые на новых началах выборы приближались.

Однако что же случилось с Крофом во время всей этой предвыборной борьбы, которая несколько его не интересовала?

Кроф не отлучался из трактира, все еще находясь под строгим надзором полицейских. Он по-прежнему занимался своим делом. Каждый вечер завсегдатаи трактира, крестьяне, дровосеки собирались, как обычно, в большой комнате корчмы. Но Кроф был заметно обеспокоен создавшимся положением. Учителя оставили на свободе, и трактирщик опасался ареста. Он стал еще более угрюмым, опускал глаза под чересчур пристальными взглядами и неустанно, с таким жаром, упорством, яростью обличал Николева, что кровь прилиwała к его лицу, и можно было ожидать, что его хватит удар.

Обычно дом наполняется радостью, когда в нем идут приготовления к свадьбе. В семье царит праздничное настроение. В отворенные настежь окна врывается вольный воздух и веселье, каждый уголок озарен счастьем.

Но не так было в доме Дмитрия Николева. Может быть, он и не думал больше о деле, внесшем такое смятение в его жизнь, но зато опасался самого худшего от безжалостных кредиторов — своих наиболее ожесточенных врагов?

Прошла неделя со времени последнего допроса в кабинете г-на Керсдорфа.

Наступило 13 мая. На следующий день истекал срок платежа по обязательству, подписанному Николевым. Если утром этого дня он не явится к окошечку кассы братьев Иохаузенов, ему немедленно предъявят судебный иск. А требуемой суммы у него не было. Выплатив уже часть отцовского долга, всего семь тысяч рублей, он понадеялся покрыть и остальную часть, и вот наступление срока заставляло его неподготовленным.

Тут-то и подстерегали его братья Иохаузены. Страшные счета были у них с должником.

Либо Дмитрий Николев не сможет уплатить долг, либо уплатит его.

В первом случае, если даже дело «Сломанного креста» разрешится в его пользу, если продолжаемое г-ном Керсдорфом следствие обнаружит новые улики против корчмаря, если, наконец, Крофа признают виновным, он будет арестован, предан суду и в результате осуждения подлинного преступника невинность учителя выявится во всей своей полноте, — то и тогда судьба его как несостоятельного должника будет в руках господ Иохаузенов. Они безжалостно расправятся со своим противником, поднявшим против германцев славянское знамя, заставят его заплатить за кровь молодого Карла, за свое уязвленное самолюбие, за все, что они претерпели от него.

Во втором случае, если у Дмитрия Николева окажется необходимая для покрытия долга сумма,— значит, он добыл ее грабежом в трактире. Господа Иохаузену знали, что только с большим трудом, пожертвовав последними остатками своего достояния, смог учитель выплатить семь тысяч из двадцати пяти. Где было ему достать остальные восемнадцать тысяч рублей, если не преступным путем? И тогда, произведя платежи в срок кредитными билетами, номера которых известны в банке, о чем он и не подозревает, Николев сам себя выдаст, и на этот раз уже ни протекция властей, ни вмешательство друзей не спасут его: он погиб, погиб безвозвратно.

Утро следующего дня прошло, и Николев не явился к окошечку кассы братьев Иохаузенов.

Часов около четырех пополудни Николеву послали судебную повестку для истребования платежа — восемнадцати тысяч рублей. На беду судебный пристав вручил повестку Владимиру Янову. Да! Как читатель сейчас увидит, на беду!

Пробежав повестку, Владимир узнал из нее, что Николев принял на себя отцовские обязательства и должен еще братьям Иохаузенам крупную сумму. Владимир вспомнил, что после смерти отца учитель испытал большие денежные затруднения, и догадался обо всем; он понял, что Николев взял на себя ответственность за долги отца и не говорил об этом детям, не желая прибавлять к стольким огорчениям еще одно, а также потому, что надеялся с помощью трудолюбия и бережливости уплатить весь долг сполна,

Да! Владимир понял все это, понял он также, что повелевает ему его собственный долг.

Долг повелевал ему — и он мог это сделать — спасти Дмитрия Николева. Разве не было у него более чем достаточной суммы — той суммы в двадцать тысяч рублей, которую Иван Янов перед смертью вручил учителю, а тот полностью передал Владимиру в Пернове?

Ну что ж! Он возьмет из этой суммы деньги, необходимые для погашения обязательства, он внесет их братьям Иохаузенам и избавит Дмитрия Николева от этого последнего удара.

Было пять часов вечера, а банк закрывался в шесть.

Нельзя было медлить ни минуты. Решив никому ничего не говорить, Владимир вошел к себе в комнату, взял из письменного стола необходимое для платежа количество кредитных билетов и никем не замеченный собирался уже выйти из дома, как вдруг дверь отворилась, и на пороге появились вместе Иван и Илья.

— Уходите, Владимир? — подавая ему руку, спросила девушка.

— Да, дорогая Илька, мне надо кое-куда зайти, но я не задержусь... вернусь еще до обеда...

Возможно, в эту минуту у него и мелькнула мысль сказать брату и сестре, по какому делу он идет. Но он удержался. Если обстоятельства не вынудят к тому, не стоит говорить об этом до свадьбы. Позже, когда Илька станет его женой, он ей расскажет все, и она, конечно, одобрит его поступок, если даже спасение отца поставит под угрозу их будущее благополучие.

— Ступайте, Владимир,— сказала девушка,— и возвращайтесь скорей. Я чувствую себя гораздо спокойнее, когда вы дома. Я все боюсь, что отец...

— Он подавлен и мрачен, как никогда,— заметил Иван, и глаза его гневно засверкали.— Эти мерзавцы dokonают его! Он болен... и болен серьезнее, чем мы думаем.

— Ты преувеличиваешь, Иван,— ответил Владимир.— Отец обладает душевной стойкостью, которую не сломить его врагам.

— Дай Бог, чтобы это было так, Владимир! — воскликнула девушка.

Владимир пожал ей руку.

— Верьте мне! — сказал он.— Еще несколько дней — и все наши испытания кончатся!

Он выбежал на улицу и через двадцать минут вошел в банкирский дом братьев Иохаузен.

Касса была еще открыта, и он прямо подошел к окошечку.

Кассир, к которому он обратился, объяснил ему, что это дело касается лично директоров банка, в чьих руках находится вексель Николева, и пригласил пройти к ним в кабинет.

Братья были у себя, и когда им передали визитную карточку Владимира Янова, младший воскликнул:

— Владимир Янов! Это от Николева. Он будет просить у нас отсрочить или переписать вексель...

— Ни дня, ни часа! — тоном, в котором слышалась неумолимая ненависть, отозвался Франк Иохаузен.— Завтра же мы потребуем описать его имущество за долги.

Предупрежденный служителем, что господа Иохаузены согласны его принять, Владимир Янов вошел в кабинет и тотчас же приступил к делу.

— Господа,— сказал Владимир,— я пришел по поводу векселя Дмитрия Николева, срок которого истек сегодня и который вы подали к протесту.

— Совершенно верно, господин Янов,— ответил Франк Иохаузен.

— Этот долг Николева,— продолжал Владимир,— выра-

жается вместе с процентами в сумме восемнадцать тысяч рублей...

— Совершенно точно... восемнадцать тысяч.

— Эта сумма составляет остаток долга, принятого на себя господином Дмитрием Николевым по смерти отца.

— Все это так,— подтвердил Франк Иохазузен,— но мы не потерпим никаких отсрочек.

— Кто вас об этом просит, господа? — с высокомерием произнес Владимир.

— Ну да! — воскликнул старший из братьев.— Вексель следовало покрыть еще до полудня, и...

— Он будет покрыт до шести, вот и все! Не думаю, чтобы из-за такого опоздания ваша фирма могла объявить себя несостоятельной.

— Господин Янов! — воскликнул Франк Иохазузен, которого эти холодные насмешливые слова привели в ярость.— Вы явились уплатить нам восемнадцать тысяч рублей или...

— Вот они! — ответил Владимир и протянул ему пачку кредитных билетов.— Вексель, пожалуйста!

Удивленные и рассерженные господа Иохазузены ничего не ответили. Один из братьев подошел к несгораемому шкафу, стоявшему в углу кабинета, открыл лежащий в нем бумажник с затвором, вынул из него вексель и положил на стол.

Владимир взял его, внимательно проверил подпись Дмитрия Николева под обязательством на имя господ Иохазузенов и, передавая им пачку кредитных билетов, сказал:

— Пересчитайте, пожалуйста.

Франк Иохазузен даже побледнел под презрительным взглядом, которым его смерил Владимир. Дрожащими руками он начал пересчитывать ассигнации.

Внезапно глаза его загорелись, лицо вспыхнуло злобной радостью, и голосом, полным ненависти, он воскликнул:

— Господин Янов, эти деньги краденые!

— Краденые?

— Да... это деньги, выкраденные из сумки несчастного Поха!

— Не может быть! Эти деньги завещал мне отец, они с давних пор у Дмитрия Николева, и он передал мне их в Пернове...

— Все теперь ясно! — заявил г-н Франк Иохазузен.— Эти деньги... он не был в состоянии вам их вернуть, вот он и воспользовался случаем.

Владимир в ужасе отшатнулся.

— В банке отмечены номера кредитных билетов, вот спи-

сок,— добавил Франк Иохазузен, вытаскивая из ящика письменного стола покрытый цифрами лист бумаги.

— Господа... господа,— бормотал ошеломленный Владимир. Язык не повиновался ему.

— Да, это так,— продолжал Франк Иохазузен.— И раз Николев передал вам эти кредитные билеты, значит это он, Дмитрий Николев, убил и ограбил нашего банковского артельщика в трактире «Сломанный крест»!

Владимир Янов не знал, что и ответить... Мысли мешались у него в голове, он чувствовал, что сходит с ума. И в то же время, несмотря на смятение мыслей, он понимал, что Дмитрий Николев теперь окончательно погиб. Все скажут, что он растратил доверенные ему деньги, и если выехал из Риги, получив письмо Владимира Янова, то лишь с целью как-нибудь умиловить его, оправдаться, а не вернуть деньги, которых у него больше не было; скажут, что случай свел его в почтовой карете с Похом... с Похом, который вез в сумке деньги из банка; что он убил и ограбил его, а затем вручил сыну своего друга Янова, доверием которого он злоупотребил, кредитные билеты господ Иохазузенов!

— Дмитрий!.. Дмитрий!.. совершить такое...— вне себя повторял Владимир.

— Если не он, так вы...— произнес Франк Иохазузен.

— Подлец!

Но Владимиру было не до мести за личное оскорбление. Брошенное ему обвинение в убийстве совсем не занимало его в эту минуту. Он думал только о Николеве.

— Наконец-то этот негодяй в наших руках! — кладя в карман пачку кредиток, воскликнул г-н Франк Иохазузен.— Теперь это уже не только подозрения, а прямые улики, вещественные доказательства. Господин Керсдорф дал мне хороший совет не разглашать списка кредитных билетов! Рано или поздно убийца должен был себя выдать — и он выдал себя! Я иду к господину Керсдорфу. Не пройдет и часа, как приказ об аресте Николева будет подписан.

Между тем Владимир Янов выскочил из банка и быстрыми шагами, как безумный, помчался к дому учителя. Он старался отогнать от себя мятущиеся мысли. Ничему он не поверит до тех пор, пока не объяснится с Николевым. Для этого объяснения он и спешил к нему. Ведь как-никак кредитки-то были те самые, которые Дмитрий Николев передал ему в Пернове, ни одной из них Владимир еще не разменял!

Он подбежал к дому и открыл дверь.

Ни Ивана, ни Ильки в первом этаже, к счастью, не оказа-

лось. Иначе по одному виду Янова они поняли бы, что над их семьей стряслась новая, на этот раз непоправимая беда...

Владимир поднялся по лестнице прямо в кабинет учителя.

Дмитрий Николев сидел за своим письменным столом, обхватив руками голову. При виде остановившегося на пороге Владимира он встал.

— Что с тобой? — спросил он, устремив на него измученный взгляд.

— Дмитрий! — воскликнул Владимир. — Да скажите же что-нибудь... скажите мне все... Не знаю что, оправдайтесь... Нет! Это невозможно! Объяснитесь, я теряю рассудок...

— Что случилось? — спросил Николев. — Какая еще нас ждет беда?

Он произнес эти слова тоном отчаявшегося, готового ко всему человека, которого никакой удар судьбы уже не удивит.

— Владимир... — продолжал он, — да говори же, теперь я требую этого... Оправдываться мне? В чем? Ты, значит, тоже начинаешь думать...

Владимир не дал ему закончить и, сделав над собой нечеловеческое усилие, чтобы успокоиться, сказал:

— Дмитрий, час тому назад сюда принесли повестку для истребования платежа...

— От имени братьев Иохаузенов! — воскликнул Николев. — Ты, следовательно, теперь знаешь, в каком я положении... Я не могу уплатить долг, и это бесчестье падает на голову моих близких! Ты видишь теперь — немыслимо, чтобы ты стал моим сыном...

Владимир Янов ничего не ответил на эти слова, полные глубокой горечи.

— Дмитрий, — сказал он, — я подумал, что от меня зависит покончить с таким печальным положением...

— От тебя?

— Ведь в моем распоряжении была сумма, которую вы мне вручили в Пернове.

— Это твои деньги, Владимир! Они завещаны тебе отцом. Я только сохранил их для тебя.

— Да... знаю... знаю... они мои, и я вправе был ими распорядиться... Я взял эти кредитные билеты... те самые, что вы мне принесли... и отправился в банкирскую контору...

— Ты сделал это... Ты сделал это! — воскликнул Николев, бросаясь к молодому человеку с распростертыми объятиями... — Зачем ты это сделал? Ведь это все твое состояние! Отец оставил тебе эти деньги не для того, чтобы они пошли на погашение долгов моего отца!

— Дмитрий, — понизив голос, продолжал Владимир, —

деньги, которые я внес господам Иохаузенам... это те самые кредитки, выкраденные из сумки Поха в трактире «Сломанный крест», — банк сохранил запись всех номеров.

— Кредитки... кредитки!.. — повторил Николев и вдруг закричал душераздирающим голосом, который разнесся по всему дому.

Дверь кабинета тотчас же распахнулась.

Илька и Иван появились на пороге.

Увидев, в каком состоянии находится их несчастный отец, оба бросились к нему. В стороне от них стоял Владимир, закрыв лицо руками.

Брат и сестра и не помышляли его расспрашивать. Отец задыхался — первым делом надо было оказать ему помощь. Видя, что он едва стоит на ногах, они заставили его сесть. Старик все время повторял:

— Краденые деньги... краденые деньги!..

— Отец! — воскликнула девушка, — что с тобой?

— Что случилось, Владимир? — спросил Иван. — Не лишился ли он рассудка?

Николев поднялся, подошел к Владимиру и, схватив его за руки, насильно оторвал их от лица. Затем, глядя на него в упор, он придушенным голосом спросил:

— Кредитные билеты, которые ты получил от меня... и внес в банк Иохаузенов... это те самые кредитки, которые украдены из сумки Поха... убитого Поха?

— Да, — ответил Владимир.

— Я погиб!.. Я погиб! — вскричал Николев.

И, оттолкнув детей, прежде чем они успели ему помешать, он выбежал из кабинета и поднялся к себе в комнату. Против обыкновения он не заперся там, а через четверть часа спустился, вышел из дома, — и погруженные во мрак улицы предместья поглотили его. Ни Иван, ни Илька ничего не поняли в этой ужасной сцене. Услышав, как он твердил: «Краденые деньги!.. краденые деньги!..» — они не могли догадаться, что теперь на отца обрушилась неопровержимая улика!

Они стали расспрашивать Владимира. Опустив глаза, прерывающимся голосом рассказал он им, как, желая спасти Николева, вырвать его из рук Иохаузенов, сам же и погубил его! Кто сможет теперь оспаривать виновность учителя после того, как украденные у Поха кредитки оказались если и не в его руках, то в руках Владимира Янова? Ведь он сам заявил банкирам, что это деньги, завещанные отцом и переданные ему Николевым.

Вне себя от горя и ужаса Иван и Илька молча плакали.

В эту минуту служанка пришла сказать, что несколько

полицейских спрашивают барина. После прямого обвинения господ Иохаузенов против Дмитрия Николева следователь послал их арестовать убийцу Поха.

Известие об этом не успело распространиться по городу. Никто еще не знал, что дело приняло такой оборот, перешло в решительную фазу и близилось к развязке.

В то время как полицейские обыскивали дом, чтобы удостовериться в отсутствии Николева, Владимир, Иван и Илька, движимые единым чувством, не сговариваясь, выбежали на улицу.

Они хотели найти отца... Не оставлять его одного... Несмотря на столь уничтожающие свидетельства, на столь неопровержимые улики, они отказывались верить в его виновность. Эти несчастные единодушно возмущались при одной мысли об этом. А между тем последние слова, произнесенные Николевым: «Я погиб!.. Я погиб!..» — разве не означали они признание, сорвавшееся с его уст?

Уже спустились сумерки. Прохожие видели, как Николев выходил из предместья. Владимир, Иван и Илька поспешили в указанном направлении и достигли древней городской стены. Перед ними простиралось пустынное поле. Как бы влекомые инстинктом, направлявшим их шаги, они пошли по перновской дороге.

Пройдя двести шагов, все трое остановились как вкопанные перед распростертым на обочине дороги телом.

Это был Дмитрий Николев.

Рядом с ним валялся окровавленный нож...

Илька и Иван кинулись к телу отца, а Владимир побежал за помощью в ближайший дом.

Пришли крестьяне с носилками и перенесли Николева к нему в дом, где немедленно явившемуся доктору Гамину оставалось лишь установить причину его смерти.

Дмитрий Николев покончил с собой ударом ножа. И, как и Поху, удар был нанесен прямо в сердце. Нож оставил вокруг раны такие же следы, как и на трупе банковского артельщика.

Понимая, что он погиб, несчастный покончил с собой, чтобы избежать достойной кары за свое преступление!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

У могилы

Наступила, наконец, развязка уголовной драмы, которая так взволновала все население Прибалтийского края и обострила борьбу двух враждебных партий накануне выборов. На-

сильственная смерть представителя славянских интересов еще раз обеспечивала победу немцам. Однако национальная рознь не могла прекратиться на этом. Рано или поздно она вспыхнет с новой силой. Так или иначе под давлением правительства руссификация Прибалтийских областей неминуемо произойдет.

Мало того, что Дмитрий Николев покончил с собой, но самоубийству сопутствовали еще столь ужасные обстоятельства (оно произошло после случая с украденными кредитками), что больше нельзя было сомневаться в его виновности. Значит, когда, по получении письма Владимира Янова, он покинул Ригу, у него больше не было доверенной ему суммы... Решил ли он признаться во всем сыну своего друга? Или же, совершив растрату, которую не был в состоянии возместить, замыслил спастись бегством? Трудно ответить на эти вопросы. Надо думать, что неожиданное прибытие изгнанника, бежавшего из сибирских копей, захватило его врасплох. Он чувствовал, что его как бы затягивает между зубчатых колес, откуда ему не вырваться, не оставив на зубьях свою разорванную в клочья честь. Владимиру Янову он не мог вернуть отцовское наследство, а господам Иохаузенам не в силах был уплатить долга, срок которому истекал через несколько дней. Ему не было никакого спасения... И вот тут-то по дороге повстречался ему банковский артельщик Пох; ограбив его, он получил возможность привезти в Пернов растроченные им деньги... Первый долг был покрыт. Но какой ценой? Ценой двойного преступления — убийства и грабежа!

Когда же все раскрылось, когда на это вначале столь загадочное дело пролился свет, когда благодаря банковской записи кредитные билеты, внесенные в уплату Владимиром Яновым, были признаны за украденные из сумки Поха, разоблаченный преступник Дмитрий Николев, убийца Дмитрий Николев покончил с собой тем самым ножом, которым поразил свою жертву, — одним ударом в самое сердце.

Нечего и говорить, что развязка дела обеспечивала трактирщику Крофу полную безопасность. Как раз вовремя! Г-н Керсдорф хотел было уже подписать приказ об его аресте. Ведь в случае прекращения дела против Николева неминуемо обвинили бы Крофа. У правосудия был выбор только между ними двумя. Известно, какие подозрения падали на корчмаря, поэтому больше всех поражен был следователь, когда узнал о том, что произошло в банкирской конторе братьев Иохаузенов. Теперь ему предстояло объявить виновным не Крофа, а Николева.

Кроф зажил своей обычной жизнью в трактире «Сломан-

ный крест» и даже сумел извлечь некоторую пользу из происшедшего. Ведь он был пострадавшим, невинно осужденным, которому отменили несправедливый приговор! Об этом говорили еще некоторое время и перестали говорить.

Что касается банкиров, то хотя долг Дмитрия Николева и остался неуплаченным, все же они вернули себе врученные Владимиром Яновым восемнадцать тысяч.

После похорон отца Илька и Иван, решивший не ехать обратно в Дерпт, вернулись домой, куда многие из прежних друзей Николева не осмеливались больше заглядывать. В обрушившейся на них беде не покинули их только трое: нечего и говорить, что это были Владимир Янов, г-н Делапорт и доктор Гамин.

Брату и сестре все их прошлое и будущее представлялось в неясном свете. Мраком окутаны были и все обстоятельства дела Дмитрия Николева, виновность которого казалась им невероятной. Иван и Илька пришли к мысли, что отец, измученный непрерывными ударами судьбы, сошел с ума и покончил с собой в припадке умопомешательства. В их глазах самоубийство отца еще вовсе не доказывало, что преступление в «Сломанном кресте» совершено им.

Само собой, так же думал и Владимир Янов. Он отказывался верить даже фактам! А между тем, как могли кредитки, номера которых были записаны, оказаться у Дмитрия Николева, если не он ограбил Поха? Когда он спорил по этому поводу с доктором Гаминым, старейшим другом семьи, тот с неопровержимой логикой отвечал:

— Готов, дорогой Владимир, все допустить: допускаю, что не Николев ограбил Поха, хотя украденные деньги и оказались у него; допускаю даже, что самоубийство еще не доказательство его виновности, — он мог покончить с собой в припадке умопомрачения, вызванного рядом столь тяжких испытаний... Однако решающим все же является тот факт, что Дмитрий покончил с собой тем же оружием, которым был заколот Пох. Как ни ужасно, — скажу больше, — как ни невероятно все это, но тут приходится склониться перед очевидностью.

— Если это так, — выдвигал последнее возражение Владимир, — это значило бы, что у Дмитрия Николева был такой нож. Почему же ни сын, ни дочь никогда его не видели? Ни они, доктор, и ни кто другой! Нет, здесь что-то не так...

— Могу вам ответить на это лишь одно, Владимир, конечно, у Дмитрия Николева был этот нож. Какое может быть еще сомнение, когда он воспользовался им дважды, против Поха и против самого себя!

Владимир Янов, не зная, что ответить, опустил голову...

— Что будет теперь с несчастными детьми? — продолжал доктор.

— Разве Иван не будет мне братом, когда Илька станет моей женой?

Доктор схватил руку Владимира и крепко сжал ее в своей.

— Неужели вы могли думать, доктор, что я откажусь от Ильки, которую я люблю, которая любит меня... будь даже ее отец преступником!

Да, если и после слов доктора он продолжал упорствовать в своем неверии, то лишь потому, что в любви находил еще силу сомневаться.

— Нет, Владимир, — ответил доктор, — никогда у меня не было и мысли, что вы можете отказаться от женитьбы на Ильке. Разве несчастная в чем-либо виновата?

— Конечно, нет! — воскликнул Владимир. — В моих глазах это святейшее, благороднейшее существо, девушка, всецело достойная любви честного человека... Венчание отложено, но оно состоится... И если придется покинуть этот город, что же, мы покинем его...

— Узнаю в этом вашу благородную душу, Владимир... Вы хотите жениться на Ильке, но согласится ли Илька?

— Если она откажет мне, значит — не любит меня...

— Если она откажет вам, Владимир, то не потому ли, что любит вас настоящей любовью и не хочет, чтобы вам когда-либо пришлось краснеть за нее?!

Разговор этот отнюдь не повлиял на решимость Владимира Янова добиться скорейшего брака с Илькой, как только приличия будут соблюдены. Пересуды и разговоры в городе, общественное мнение, даже порицание товарищей — могло ли все это тревожить такого человека, как он? Нет, у него были другие заботы: следовало подумать и о собственном положении.

От суммы, врученной ему Дмитрием Николевым, мало что оставалось. Возвратив деньги братьям Иохаузенам, он сохранил всего две тысячи рублей... Правда, он решил пожертвовать своим состоянием уже тогда, когда пошел в банк уплатить по векселю Дмитрия Николева! Ну что ж! Если будущее не пугало его тогда, почему бы ему тревожиться теперь. Он будет работать за себя и за жену. Любила бы его Илька — и нет для него ничего невозможного.

Прошло две недели. Иван, Илька и Владимир, доктор Гамин были, можно сказать, неразлучны. Доктор и зачастую

г-н Делапорт были единственными друзьями, продолжавшими посещать дом учителя.

Владимир еще ни разу не заговаривал о венчании. Но само его присутствие было красноречивее всяких слов. Со своей стороны ни Иван, ни Ильяка никогда не упоминали об этом. Брат и сестра стали молчаливыми и могли часами сидеть вдвоем, не выходя из комнаты.

Оставшись однажды с Илькой наедине в столовой, Владимир решил, наконец, вызвать ее на разговор.

— Ильяка,— сказал он с волнением в голосе,— когда тому назад четыре года я покидал Ригу, когда меня разлучили с вами и сослали в Сибирь, я обещал никогда не забывать вас... Забыл я вас?

— Нет, Владимир.

— Я обещал любить вас всегда... Изменились ли мои чувства?

— Нет, Владимир, как и мои к вам. И если бы мне дали разрешение, я приехала бы к вам в Сибирь и стала бы вашей женой.

— Женой осужденного, Ильяка?

— Женой изгнанника, Владимир,— ответила девушка.

Владимир почувствовал, что скрывается за этим ответом, но не подал виду и продолжал.

— Так вот, Ильяка, вам не пришлось ехать туда, чтобы стать моей женой. Обстоятельства изменились, я сам приехал сюда, чтобы стать вашим мужем.

— Вы правы, говоря, что обстоятельства изменились, Владимир... Да! И ужасно изменились.

В голосе Ильки чувствовалось страдание, и она вся дрожала, произнося эти слова.

— Дорогая Ильяка,— сказал Владимир,— какие бы тяжелые воспоминания это ни будило, я должен поговорить с вами... Буду краток... Я пришел лишь просить вас сдержать ваше обещание.

— Мое обещание, Владимир,— ответила Ильяка, не в силах совладать с теснившими грудь рыданиями,— мое обещание? Когда я давала его, я была достойна этого. Но сейчас...

— Сейчас, Ильяка, вы, как и всегда, достойны сдержать свое обещание!

— Нет, Владимир, надо забыть наши мечты.

— Вы знаете, что никогда я их не забуду! Разве не осуществились бы они еще две недели назад, разве не принадлежали бы мы друг другу, не случись накануне свадьбы этого несчастья?

— Да,— с покорностью сказала Ильяка,— слава Богу, что

мы не успели обвенчаться!.. Вам не придется раскаиваться и краснеть, вступив в семью, на которую пали бесчестие и позор!

— Илья,— проникновенным голосом произнес Владимир,— клянусь, я не раскаивался бы и мне нечего было бы краснеть, что я муж Ильки Николевой, позор не может пасть на нее!

— Я верю... да... верю вам, Владимир! — воскликнула молодая девушка, прижимая руки к сердцу.— Я знаю благородство вашей души... Нет, вы не раскаялись бы и... не краснели бы за меня! Вы любите меня всей душой, но и я люблю вас не меньше...

— Илья, моя обожаемая Илья! — воскликнул Владимир и хотел взять ее за руку.

Но она тихонько отстранилась и сказала:

— Да... мы любим друг друга... Любовь наша была нашим счастьем... Но брак стал невозможен...

— Невозможен?! — воскликнул Владимир.— В этом только я, только я один могу быть судьей... Я уже не мальчик... Жизнь моя до сих пор не была так легка, так счастлива, чтобы я не привык обдумывать свои поступки! Мне казалось, раз я люблю вас, раз вы любите меня,— наконец-то счастье близко! Я надеялся, что вы питаете ко мне достаточно доверия, что считаете справедливым то, что я считаю справедливым; ведь обо всем этом вы не можете иметь правильного суждения.

— Я сужу об этом так, как будет судить свет, Владимир!

— Какое мне дело до того, что вы называете светом, дорогая Илья! Свет для меня — это вы, вы одни... И для вас не должно быть иного света, кроме меня! Хотите — мы уедем из этого города?! Иван последует за нами. И где бы мы ни были, клянусь, мы будем счастливы! Илья, дорогая Илья, скажите, что вы согласны быть моей женой...

Он упал перед ней на колени, просил, умолял ее, но, казалось, вид преклоненного Владимира внушал ей еще больше презрения к самой себе.

— Встаньте... встаньте! — твердила она.— Нельзя стоять на коленях перед дочерью...

Он не дал ей договорить.

— Илья... Илья! — повторял он, как безумный, со слезами на глазах.— Будьте моей женой...

— Никогда! — ответила Илья.— Никогда дочь убийцы не станет женой Владимира Янова.

Эта сцена сломила обоих. Илья поднялась к себе в комнату. Доведенный до отчаяния, Владимир вышел из дома.

Долго бродил он по улицам города и, наконец, зашел к доктору Гамину.

Доктор сразу понял, что между женихом и невестой произошло объяснение, что теперь между ними выросла непреодолимая преграда, воздвигнутая общественными предрассудками.

Владимир рассказал доктору все, рассказал, как он умолял Ильку изменить свое решение.

— Увы, дорогой Владимир,— ответил доктор Гамин,— ведь я вас предупреждал. Я хорошо знаю Ильку, ничто не заставит ее отказаться от своей клятвы.

— О! Доктор, не отнимайте у меня последнюю надежду! Она согласится.

— Никогда, Владимир... У нее непреклонный характер. Она считает себя обесчещенной. Ни за что она не станет вашей женой, ни за что, потому что она дочь убийцы...

— Но если это не так? — воскликнул Владимир.— Если отец ее невиновен?

Доктор Гамин отвел глаза в сторону, чтобы не отвечать на этот решенный уже теперь вопрос.

Поборов волнение, совершенно овладев собой, проникновенным голосом, в котором чувствовалась непреодолимая решимость, Владимир произнес тогда:

— Вот что я вам скажу, доктор, Илька жена моя перед Богом... и я буду ждать...

— Чего, Владимир?

— Перста Божьего!

Прошли месяцы. Ничего не изменилось. Волнение, вызванное делом Николева в различных слоях городского общества, улеглось. О нем перестали говорить. Германская партия победила на городских выборах и переизбранный в думу Франк Иохазен потерял, казалось, всякий интерес к семье Николевых.

Однако, согласные во всем, Иван и Илька не забывали об обязательствах перед банкиром, взятых на себя отцом. Они считали своим долгом оградить его память хотя бы от этого бесчестия.

Для этого нужно было время. Надо было превратить в деньги то малое, чем они еще располагали, продать отцовский дом, библиотеку — все, что только возможно. Быть может, пожертвовав своим последним имуществом, они смогут полностью погасить долг.

Потом видно будет... Илька, если только ей не откажут, будет давать уроки... Не здесь, так, может быть, в другом го-

роде. Иван постарается поступить служащим в какой-нибудь торговый дом.

Но пока что надо было жить. Средства истощались. Небольшие сбережения, сделанные Илькой из заработков отца, таяли с каждым днем. Надо было поторопиться с продажей имущества. Брат и сестра решат потом, оставаться ли им в Риге.

Само собой понятно, что после отказа девушки выйти за него замуж Владимир Янов, хотя бы ради приличия, должен был покинуть дом учителя. Но, поселившись в предместье, он продолжал быть столь же частым гостем, как если бы жил у Николевых. Он всячески помогал им советом при распродаже их скромного имущества для покрытия долга братьям Иохазенам. Он предлагал Ильке все, что у него осталось от денег, завещанных отцом, но она упорно отказывалась принять эту помощь.

Восхищаясь величием ее души, благородством характера, обожая ее, Владимир умолял Ильку согласиться выйти за него замуж, отбросить мысль о том, что она недостойна его, внять настойчивым уговорам друзей отца... Но от нее нельзя было ничего добиться, даже надежды на будущее,— воля ее была непреклонна.

Видя отчаяние Владимира, доктор Гамин пытался несколько раз уговорить Ильку, но напрасно.

— Дочь убийцы,— твердила она,— не может быть женой честного человека!

Все в городе знали об этом и не могли не восхищаться благородным характером девушки, в то же время искренне жалея ее.

Между тем время текло своим чередом без каких-либо новых происшествий. Но вот 17 сентября на имя Ивана и Ильки Николевых пришло письмо.

Письмо это было за подписью рижского священника, семидесятилетнего старца, почитаемого всем православным населением города. Ища утешения, которое может дать только религия, Илька иногда посещала его.

Священник просил брата и сестру явиться в тот же день в пять часов на рижское кладбище.

Доктор Гамин и Владимир получили такие же письма и пришли утром к Николевым.

Иван показал им письмо за подписью попа Аксеева.

— Что может означать это приглашение,— спросил он,— и почему он вызывает нас на кладбище?

На этом кладбище без всякого церковного обряда был похоронен самоубийца Дмитрий Николев.

— Что вы думаете, доктор? — спросил Владимир.

— Думаю, что нам следует прийти туда, куда нас приглашает священник. Это всеми уважаемый, мудрый и осторожный старик; если он счел нужным послать нам такое приглашение, значит, у него есть на то серьезные причины!

— Вы пойдете, Илька? — обратился Владимир к молчаливо стоящей девушке.

— Я уже не раз молилась на могиле отца... — ответила Илька. — Пойду... Да услышит нас Бог, когда священник помолится с нами вместе...

— В пять часов мы будем на кладбище, — сказал доктор Гамин.

Он ушел вместе с Владимиром. В назначенный час Иван и Илька явились на кладбище. Друзья уже ожидали их у входа. Все вместе они направились к месту погребения Дмитрия Николева.

Преклонив колени перед могилой, священник молился за упокой души несчастного.

Заслышав шаги, он поднял свою красивую, белую как лунь голову и выпрямился во весь рост. В глазах его горел какой-то особый огонь. Он протянул навстречу пришедшим обе руки, знаком приглашая брата и сестру, доктора и Владимира приблизиться.

Как только Владимир и Илька стали по обе стороны скромной могилы, священник сказал:

— Владимир Янов... вашу руку.

Затем обращаясь к молодой девушке:

— Илька Николева... вашу руку.

И он соединил руки молодых людей над могилой. Взгляд его излучал столько энергии, все лицо дышало такой добротой, что девушка оставила свою руку в руке Владимира.

— Владимир Янов и Илька Николева, — торжественно произнес священник, — обручаю вас перед Богом.

Девушка невольно хотела вырвать руку...

— Оставьте, Илька Николева, — ласково сказал старик, — ваша рука принадлежит отныне тому, кто любит вас...

— Меня... дочь убийцы! — воскликнула Илька.

— Дочь невинного и даже не самоубийцы... — призывая небо в свидетели, ответил священник.

— Но кто же убийца? — весь дрожа от волнения, спросил Иван.

— Хозяин трактира «Сломанный крест»... Кроф!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Исповедь

Трактирщик Кроф, заболевший воспалением легких, накануне скончался. Агония его продолжалась всего несколько часов.

Уже пять месяцев мучимый раскаянием, перед смертью корчмарь велел позвать попа Аксеева и исповедался ему.

Исповедь эту старик записал, и Кроф поставил под нею свою подпись. Священник должен был после его смерти предать документ гласности.

Эта исповедь была признанием Крофа, и ей надлежало восстановить доброе имя Дмитрия Николева. Из исповеди подлинного убийцы читатель узнает, благодаря какому стечению обстоятельств Крофу удалось переложить ответственность за преступление на плечи Николева. Вот что содержала эта исповедь:

В ночь с 13 на 14 апреля Дмитрий Николев и Пох прибыли в трактир «Сломанный крест».

При виде сумки Поха трактирщик, дела которого уже давно шли неважно, замыслил обокрасть банковского артельщика. Однако из осторожности следовало выждать, чтобы другой постоялец, собиравшийся уйти в четыре часа утра, покинул корчму. Но трактирщику не терпелось, и в два часа после полуночи, надеясь, что Пох не услышит, он вошел в его комнату.

Однако Пох не спал и, освещенный фонарем Крофа, поднялся на кровати. Видя, что он обнаружен, корчмарь, задумавший лишь ограбить артельщика, бросился на несчастного и ножом, который носил на поясе — шведским ножом с зашелкой, — нанес ему смертельный удар в сердце.

Засунув руку в сумку Поха, он вытащил оттуда пятнадцать тысяч сторублевыми кредитными билетами.

Но какими проклятиями разразился Кроф, когда в одном из отделений сумки он обнаружил записку следующего содержания:

«Список номеров кредитных билетов, копия которого находится у братьев Иохаузенев».

Это была обычная предосторожность Поха, когда он шел совершать платеж за счет банка.

Значит, преступнику не удастся, не подвергаясь большой опасности, спустить эти кредитки! Значит, это убийство не принесет ему никакой выгоды!

Тогда-то явилась у него мысль свалить ответственность за преступление на постояльца, спавшего в другой комнате. Он

вышел из корчмы, сделал царапины на стене под подоконником комнаты незнакомого путешественника, кочергой выломал ставень окна Поха и вернулся в дом.

Приведенный в бешенство мыслью, что эти деньги окажутся не только бесполезными, но и опасными в его руках, он возымел преступнейшую мысль.

Почему бы не пробраться в комнату незнакомца, подсунуть ему эти деньги в карман, предварительно вытащив у него те, которые, вероятно, при нем были?

Как уже известно, Дмитрий Николев имел при себе двадцать тысяч рублей, которые собирался вернуть Владимиру Янову. И вот, пока он спал глубоким сном, Кроф вытащил у него из кармана все деньги. Номера этих кредитных билетов не были никому известны! Трактирщик отсчитал пятнадцать тысяч рублей и подменил их кредитками банковского артельщика. Затем, никем не замеченный, он вышел из комнаты и во дворе под елью зарыл эти деньги, а также и нож, которым зарезал Поха, зарыл так хорошо, что все поиски полиции оказались тщетны.

В четыре часа утра, простившись с корчмарем, Дмитрий Николев вышел из «Сломанного креста» и направился в Пернов, где его ожидал Владимир Янов. Теперь понятно, как благодаря хитрости трактирщика подозрения, в скором времени превратившиеся в неопровержимые улики, пали на учителя.

Завладев кредитными билетами Дмитрия Николева, который не мог заметить и не заметил подмены, Кроф, ничего не опасаясь, начал тратить их. Тем не менее делал он это чрезвычайно осторожно и брал деньги лишь на неотложные нужды.

В ходе следствия, которое было поручено г-ну Керсдорфу, унтер-офицер Эк признал в Дмитрии Николеве путешественника, на которого падали все подозрения. Упорно отрицая свою виновность, учитель в то же время отказался объяснить причины своей поездки и подвергся бы, вероятно, аресту, если бы появление Владимира Янова не спасло его от этой участи.

Видя, что Николев все больше отводит от себя обвинение, Кроф начал испытывать страх, понимая, что в таком случае подозрения падут на него. Несмотря на то, что за ним в корчме все время наблюдали полицейские, он замыслил новую хитрость, которая, по его мнению, должна была снова набросить тень на путешественника, подозреваемого в совершении преступления. Он выпачкал кровью и сжег один из кредитных билетов, оставив только один уголок его, взобрался ночью на крышу корчмы и бросил его в очаг комнаты, которую зани-

мал Николев, где этот обгорелый клочок и обнаружили на следующий день.

После этой находки Дмитрия Николева снова допросили. Но г-н Керсдорф, который в душе не мог поверить в его виновность, не отдал приказа об аресте.

Все более обеспокоенный, Кроф был осведомлен о том, в чем его обвиняли защитники Николева. Крофа подозревали в убийстве банковского артельщика и в том, что он, всячески стараясь навлечь подозрения на невиновного, поставил после ухода путешественника кочергу в его комнату и подбросил уголок кредитки в золу очага, где при первом обыске его не обнаружили. Вследствие этого все, что Николев выигрывал во мнении следователя, шло во вред Крофу. Он надеялся все же, что при размене украденные кредитные билеты опознают и это нанесет Николеву последний удар, который и доконает его. Но Владимир Янов не имел еще случая воспользоваться этими кредитками.

Наконец Кроф понял, что его скоро арестуют и что этот арест приведет его к гибели. О! Если бы он знал, что украденные кредитные билеты будут 14 мая вручены господам Иохазунам и в них признают кредитки, находившиеся в сумке Поха! Ведь это было окончательным осуждением Дмитрия Николева. Разве пришла бы ему тогда дьявольская мысль отвести от себя обвинение в первом убийстве, совершив второе?!

Но он этого не знал, или, вернее, узнал об этом уже после совершения второго убийства! Он еще был на свободе, свободно мог ездить в Ригу, куда его часто вызывал следователь. И он приехал туда в тот самый вечер и с наступлением сумерек бродил вокруг дома учителя, ища случая убить его, чтобы навести на мысль, будто Николев покончил самоубийством.

Обстоятельства благоприятствовали ему. После ужасной сцены с Владимиром в присутствии сына и дочери Николев, как безумный, выбежал из дома. Кроф последовал за ним за город, и тут, на безлюдной дороге, убил его тем же ножом, которым убил Поха. Нож этот он бросил рядом с телом убитого.

Кто мог теперь сомневаться, что приведенный в отчаяние последними уликами в виде украденных кредитных билетов, Дмитрий Николев покончил с собой, а следовательно, он и есть убийца из трактира «Сломанный крест»?

Никто в этом и не усомнился. И это новое преступление привело к желанному для убийцы результату.

Следствие само собой прекратилось, и огражденный если не от угрызений совести, то от всех подозрений, Кроф мог те-

перь спокойно пользоваться тем, что ему принесло это двойное убийство.

В руках его находились кредитки, которые он обменял на кредитки Поха, номера их не были никому известны, и ничто не мешало ему, не подвергаясь никакой опасности, пустить их в ход.

Но недолго пользовался Кроф доходом от двух убийств. Схватив воспаление легких и с ужасом чувствуя приближение смерти, он покался и продиктовал свою исповедь священнику, вручив ему деньги, принадлежавшие по праву Владимиру Янову. Исповедь свою он наказал предать гласности.

Итак, доброе имя Дмитрия Николева было полностью восстановлено. Однако он лежал в могиле, и ничто не могло утешить его сына, дочь и друзей в их глубоком горе.

Так закончилась эта столь на шумевшая в свое время драма, оставившая неизгладимый след в судебной хронике Прибалтийского края.

1904 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАВЕЩАНИЕ ЧУДАКА. Роман.

Перевод с французского В. Барбашовой 5

ДРАМА В ЛИФЛЯНДИИ. Роман.

*Перевод с французского А. Н. Тетеревниковой
и Д. Г. Лившиц* 231

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Том семнадцатый

Редактор *В. Никитин*

Художественный редактор *И. Марев*

Технический редактор *Н. Кленова*

Корректоры *В. Орешкина, Г. Шалимова*

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.

Подписано в печать 23.03.98 г.

Гарнитура Литературная. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 24,06. Цена для членов клуба 13 р. 20 к.

Издательство «ТЕРРА».

113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.